

Д^{омашний}
*р*_{епетитор}

Н. Г. Ткаченко

300 ДИКТАНТОВ

11-е издание

АЙРИС
ПРЕСС 

Москва 2011

УДК 811.161.1(079)
ББК 81.2Рус-922
Т48

Серия «Домашний репетитор»[®] основана в 1996 году.

Ткаченко, Н. Г.

Т48 300 диктантов для поступающих в вузы / Н. Г. Ткаченко. — 11-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 416 с. — (Домашний репетитор.)

ISBN 978-5-8112-4311-2

В сборнике представлены диктанты по русскому языку различных типов: словарные, орфографические, пунктуационные и комплексные. Дидактический материал отражает все основные правила правописания и соответствует школьной программе. Диктанты могут быть использованы для диагностики знаний, для отработки правил, вызывающих наибольшие трудности у учеников, а также при подготовке к любым видам экзаменов (в т. ч. в форме ЕГЭ). Ко всем деформированным текстам даны ключи.

Для преподавателей русского языка, репетиторов, а также учащихся 10–11 классов средних общеобразовательных школ, лицеев, гимназий и колледжей.

ББК 81.2Рус-922
УДК 811.161.1(079)

ISBN 978-5-8112-4311-2

© ООО «Издательство
«АЙРИС-пресс», 2002

Предисловие

Книга предназначена для учащихся, готовящихся к поступлению в высшие учебные заведения. Сборник может быть использован как для самостоятельной работы, так и с преподавателем, может быть также использован слушателями подготовительных отделений, преподавателями-русистами для работы в старших классах средней школы.

Структура сборника. Сборник состоит из 4 разделов: I — Словарные диктанты, II — Орфографические диктанты, III — Пунктуационные диктанты, IV — Комплексные диктанты. Все разделы снабжены диктантами-ключами, позволяющими учащемуся проверить и оценить свои знания. Диктанты в разделах располагаются по степени возрастающей сложности. Последние диктанты в разделах наиболее трудные и могут быть использованы как контрольные. Отдельные диктанты содержат элемент занимательности, нацеливают на самостоятельную работу со словарями и справочными пособиями.

I раздел — Словарные диктанты — включает диктанты на основные правила орфографии, а также направлены на более глубокое изучение правил правописания. Материал может быть использован как для комментированных объяснительных диктантов, так и для самостоятельной работы.

II раздел — Орфографические диктанты — содержит тексты, направленные на проверку орфографических правил. Во всех диктантах раздела необходимо вставить пропущенные буквы, раскрыть скобки, что позволяет повторить правила орфографии, затем проверить свои знания в разделе «Ключи». В разделе преобладают тексты, связанные с наиболее трудными правилами русской орфографии.

III раздел — Пунктуационные диктанты — включает тексты, распределённые по наиболее важным темам пунктуации. Тексты имеют пропуски пунктуационных знаков.

IV раздел — Комплексные диктанты — состоит из наиболее трудных в орфографическом и пунктуационном отношении текстов, имеющих обобщающий характер. Тексты подбирались с учётом наличия в них орфограмм и пунктограмм на многие правила.

При составлении настоящего сборника использовались тексты произведений художественной русской литературы как классической (XIX в.), так и современной русской литературы XX в.

I. Словарные диктанты

Безударные гласные в корне слова

Проверяемые безударные гласные

№ 1

Долина, продвигаться, привлекать, припадать, мясной, лебединый, ошипать, преподавать, роптать, грошовый, возить, плескаться, ворона, цветок, кормить, трещать, убегать, толковать, увязать, присягать, удивление, пастух, припаять, улетать, тропинка, привлекательность, неопределённый, предзнаменование, облегчение, облакачиваться, пренебрежение, впечатление, обнажить, поглотить, наслаждение, позволять, скрипеть, полоть, трясина, умирять, черстветь, выпекать.

№ 2

Обвевать — обвивать; частота — чистота; валы — волы; спешите — спишите; поседеть — посидеть; слепить — слипаться; скрепить — скрипеть; разредить — разрядить; посветить — посвятить; отворить — отварить; запивать — запевать; обижать — обежать; висит — весит; примерять — примирять; старожил — сторожил; развиваться — развеяться; полоскать — поласкать; прожевал — проживал; распевать — распивать; подражать — подрожать (от холода); умолять — умалять; окатиться — окотиться; увидеть — увядать; заплотить (реку) — заплатить.

№ 3

Упл...тнить, прил...скать, обн...жить, раск...лить, усл...жнить, обл...котиться, отд...лить, погл...щать, отк...заться, угр...жать, опр...вдать, ж...лтеть, в...пиющий, зап...вала, зар...дить, р...птание, см...гчение, ув...дание, загл...дение, загр...ждение, зач...рованный, кл...ёнка, обр...мление, нагр...вание, г...лодание, уд...вление, вскл...коченный, пок...яние, т...птать, св...щенник, см...рение, озл...бление, ст...рона, угн...тение, упр...щённо.

№ 4

Б...льной, б...гуший, разм...гчить, б...сиком, загл...нуть, зак...лоть, засв...стеть, настр...чить, в...рсистый, раскр...шить, обл...мать, поб...лить, обн...влённый, од...рить, пор...дить, ор...шение, опл...тить, сл...мать, осн...щённый, пов...литься, уд...вляться, щ...дрота, м...лодёжь, насв...стать, наскр...сти, оп...лчение, нар...диться, разг...вор, разув...рение, уubl...жить, проsv...щение, раст...жение.

№ 5

Нам...лоть, нас...дить, обг...ворить, обр...тение, отр...виться, ук...ротить, обл...ниться, оч...рстветь, подб...дрить, похв...лить, окр...вавленный, поз...лотить, растр...пать, отр...дить, обл...мать, обн...влённый, оскв...рнить, разб...леться, тр...петать, осн...стить, одр...хлеть, опр...вдать, пок...яние, разг...родить, озл...бление, спл...чённый, от...ждествление, соед...нение, см...рение, настр...ение, щ...бетание, обл...гчение, ст...рожил, ут...лщение, утр...ение, ут...пический.

№ 6

Зал...зять на дерево — зал...зять рану; зап...вать куплет — зап...вать лекарство; нав...вать сны — нав...вать локоны; обв...вала лицо веером — обв...вала косы вокруг головы; волосы разв...вались на ветру — разв...вали промышленность; ударился оз...мь — созревает оз...мь; пол...скать бельё — пол...скать котёнка; посв...тить фонариком — посв...тить жизнь науке; сп...шите видеть — сп...шите данные; ч...стота посещений — ч...стота помещений; ум...лять о помощи — ум...лять значение; разв...вается стяг — разв...вается сюжет; пос...деть на лужайке — пос...деть от горя; цветы стали ув...дать — надеялся ув...дать чудо; прим...рять костюм — прим...рять спорщиков; шумят и пеняются в...лы — устало брели в...лы; детишки были очень м...лы — приходилось стоять на м...лу; прор...дили морковь на грядке — зар...дили пушки; нак...лить железо докрасна — нак...лоть сосновых дровишек; носить прист...жные воротники — понукал прист...жных лошадей; спуститься в цветущую д...лину — быть вд...леке от дома.

Непроверяемые безударные гласные

№ 7

Агроном, аплодировать, бетон, бидон, берлога, ватрушка, велосипед, вестибюль, ветчина, винегрет, воробей, восток, горизонт, готовый, громадный, жаворонок, индеветь, интеллигенция, инцидент, компания, коноплянка, лелеять, лопата, лотерея, лягушка, наваждение, облигация, одолеть, палисадник, памятник, пластилин.

№ 8

Вентилятор, конфорка, корнишон, камфара, компостировать, периферия, привилегия, свидетельство, свирепый, стипендия, шероховатый, экзаменатор, экскаватор, метрополитен, гегемония, бечёвка, иждивение, пескарь, снегирь, акробат, адаптация, акварель, агрегат, абориген, авангард, богатырь, бакалея, богатство, балласт, бандероль, бефстроганов.

№ 9

Бегемот, бифштекс, бизнесмен, бекас, берет, богема, ботфорт, батальон, баррикада, бордюр, баталист, бостон, браконьер, бронхит, вазелин, вакцина, волейбол, валидол, валюта, валун, вандализм, ванилин, ворковать, вельвет, велюр, вираж, вертолёт, виртуоз, вискоза, витамин, верзила, веснушчатый, ковырять, беседа, табурет, ураган, каблук, ватага, мачеха, вестибюль.

№ 10

Алгоритм, бакалавр, канифоль, олигархия, равелин, агломерат, гиацинт, дивертисмент, какофония, керогаз, люминисцентный, меценат, реаниматолог, сакраментальный, триумвират, ацетат, громоздить, импонировать, конкистадор, мадаполам, мозоль, отображение, обагрённый, биатлон, вернисаж, гармония, декларировать, интерпретация, карбюратор, когорта, ноктюрн.

№ 11

Верм...шель, к...в...тина, м...р...диан, отр...жение, пер...фраз, п...ктография, сп...нтанный, сув...ренный, ф...рель, фест...валь, ч...снок, эл...ксир, ол...андр, пр...т...ндент, тр...ада, р...тонда,

в...д...виль, г...бардин, акк...мпаниатор, д...летант, к...н...нада, в...олончель, к...ромысло, к...нгуру, нав...ждение, об...грить, пар...дигма, пр...рогати́ва, ф...рватер, фил...грань, д...адема, ...саул, г...стролёр, д...кламировать, м...ниатюра.

№ 12

Г...б...рит, д...ф...рамб, мар...над, м...норный, ...реол, респ...ратор, пр...оритет, тр...умфальный, нум...рация, пр...амбула, р...гата, р...зонанс, р...кошет, скомп...нованный, фантазм...гория, юв...лир, фр...каделька, ф...аско, ст...лактит, т...ршер, с...нтагма, с...ната, р...н...гат, н...стальгия, ...монимия, к...стриюля, экстр...вагантный, эпист...лярный, фл...минго, к...ростель, тр...туар, тот...лизатор, с...рпантин, руд...мент, през...нтабельный.

№ 13

Б...кал, б...лкон, ар...мат, аб...жур, б...рьер, г...раж, г...мак, герм...тизировать, загр...м...ждение, к...мар, оке...нолог, персп...ктива, пол...семия, ув...ртюра, хр...стоматия, ш...велюра, экз...стенциализм, эст...када, д...л...жанс, д...л...тантизм, иск...верканный, к...стелянша, комп...тентный, клер...кальный, ...лимпиада, пар...бола, пер...фраз, п...ртьера, рез...денция, ск...рлатина, торе...дор, фен...мен, фл...мандский, хр...зантема, р...е́стр, рот...принт.

№ 14

К...нонерка, к...либри, п...нихида, н...тюрморт, п...рамидальный, пр...з...дент, р...гламент, р...туал, д...з...нтерия, инсп...рировать, к...рамика, к...лчан, фр...нтон, фл...бустьер, труб...дур, с...нт...ментальный, с...нет, пант...он, мет...морфоза, мадр...гал, орд...натура, инж...нер, ген...рация, д...р...ктива, ид...оматический, к...ламбур, к...алиция, м...крель, обв...рожить, опт...м...стический, плаг...ат, пр...зид...ум, рад...атор, сер...нада.

№ 15

Д...агональный, им...тация, кабр...олет, м...взолей, мет...орит, оранж...рея, рев...ранс, кат...комба, стр...коза, г...белен, инд...веть, кат...васия, к...таклизм, каш...мир, к...рпорация, пар...пет, пл...яда, поб...гроветь, пр...тензия, реф...рендум, к...мбинезон, прив...редничать, прив...л...гированный, респ...ктабельный, феш...небельный, конф...денциальный, к...ричневый, об...яние.

Чередующиеся гласные в корне

№ 16

Выдирать, выдернуть, собирать, соберут, блистательный, блестящий, запирать, заниматься, начинающий, обжигание, умирать, обсчитаться, опереться, отблеск, отереть, отмереть, отчитать, пересчитанный, пробираться, поджигание, поднимать, подпирать, подстелить, разбирать, расстелить, расстилаться, сочетание, сочетать, упереться, устилать.

№ 17

Касаться, коснуться, коснувшись, неукоснительно, прикосновение, соприкосаться, соприкосновение, предлагать, предложить, безотлагательный, вложение, возложить, доложить, излагать, обложение, предполагаемый, предрасположенный, предложение, слагаемое, усложнять.

№ 18

Заря, зори, зарница, зоренька, озарение, озарённость, озарять, озариться, горение, безугарный, возгорание, горелка, догорание, загорелый, нагореть, огарок, перегорать, погорелец, самовозгораемость, угорелый, творец, благотворительность, вытворить, одухотворённость, сотворение, растворимость, сотворить, удовлетворение, утварь, творение, поклонение, наклон, наклонить, неуклонный, отклонение, откланиваться, уклончивый, преклонный, наклонять.

№ 19

Плавание, плавучий, пловец, пловчиха, поплавок, плавучесть, заплывать, вскочить, выскочить, наскакаться, обскакать, отскочить, скачок, скачи, подскочить, скачет, соскочить, подскочить, на скаку, выскочка.

№ 20

Взрастать, растение, взростеть, возрастной, врасти, вырастить, выращенный, доморощенный, дорасти, заросль, нарастание, отрасль, отросток, перерастание, переросток, взрослый, подростковый, подросток, прирастить, произрастать, прорастать, прорасти, разрастись, растение, расти, растительный, ростовщик, Ростислав, срastись, Ростов.

№ 21

Обмакнуть в воду, плащ промокает, выровненный асфальт, заровнять поверхность, подровнять края, приравнять величины, подравняться в строю, подровнять листы, поравняться с прохожим, равнение на середину, красивая равнина, равнобедренный треугольник, бороться за равноправие, разровнять грядку, лестное сравнение, ровесник века, сравнительный метод исследования, решить уравнение, уравновешенный человек.

№ 22

Прик...снуться — прик...саться, прик...сновение, к...сательная; предл...жить — предл...гать; распол...житься — распол...гать; покл...ниться — кл...няться, накл...ниться — покл...н — раскл...няться; тв...рение — тв...рчество — тв...рь; заг...релый — заг...р, уг...релый — уг...р, разг...раться — г...реть — г...рь; пл...вец — пл...вать, пл...вчиха — пл...вучесть — попл...вок; з...рька — з...ря — з...рница, з...ренька — оз...рять — оз...рённый — оз...рение; р...с-тить — р...сли, выр...стить — выр...сли — выр...сший, выр...шивать — зар...стать, пор...сль — зар...сль; ур...вень — ур...внение, ср...внять — ср...внить, ур...внять — выр...внять — пор...вняться, р...весник; пром...кать — м...кать, обм...кнуть — пром...кнуть — пром...кательный — вым...кнуть; вск...чить — ск...кать, подск...кать — выск...чить.

№ 23

Зам...реть от восторга, отп...рать замок, зам...рать от восхищения, приб...ру в квартире, пост...лить постель, любоваться расст...лавшейся равниной, уд...рать с места происшествия, уд...ру без оглядки, изл...гать мысли вслух, написать изл...жение, к...саться темы, прик...снуться к прошлому, скл...ниться над ручьём, откл...нение в сторону, раств...рить окно, домашняя утв...рь, несг...раемый шкаф, заг...рать на берегу моря, выпл...вка чугуна, хороший пл...вец, пл...вучие льды, рыбные пл...вники, пл...вучая глина, обувь пром...кает, обм...кнуть кисть в краску, пром...кашка, непром...каемый плащ, обм...кнуть перо в чернильницу, держать р...внение в рядах, подр...внять кусты сирени, зар...сти травой, пор...сло мхом, совершить ск...чок, подск...чить от неожиданности.

№ 24

Бл...стать красотой, нач...нать работу, бл...стеть на солнце, зам...реть от счастья, зам...рать от страха, соб...рательный образ, бл...стящий оратор, изб...рательная кампания, предл...гать помощь, накл...нить голову, зар...внять канаву, выр...стить цветы, первое скл...нение, земная р...внина, далёкая з...рница, раст...рание красок, соч...тание теории с практикой, проск...кать на лошади, проск...чить мимо, обм...кнуть вареник в сметану, вым...кнуть под дождём, покл...няться солнцу, отр...слевое производство, вск...кивать на ходу, заносчивый выск...чка, заск...чить на минуту, рассч...тывать на помощь, произвести расч...т.

Гласные после шипящих и Ц

№ 25

Ажурный, Алжир, беспощадный, брошюра, выжидать, жюри, жемчужина, зажимать, зажиточный, начало, очутиться, оживление, ощупью, отчаяние, ощущение, парашют, площадка, пережиток, счастье, соучастие, сочувственный, чародей, широкий, шиллинг, шифровка, шиферная (крыша), пощадить, шифоновый, щупальца.

№ 26

Коробчонка, казачок, холщовый, лапшой, собачонка, орешек, овражек, ручонка, башмачок, зайчонок, горошек, чужой, сверчок, старичок, дружок, парчовый.

Бережёт, тушёный, корчёвка, сгущёнка, сечёт, печёный, выточенный, перчёный, размежёвка, обнажённый, заморожённый, толчёный, стережёт, мочёный.

Чёрный, решётка, жёрдочка, кошёлка, бечёвка, расчёска, шёпот, щёголь, учёба, шёлковый, щёлка, пшённный, прожёванный, чопорный, обжора, шорох, чокаться, трешотка, чёрточка, сжёванный.

№ 27

Боржоми, желчный, пощёчина, вечёрка, пижон, шоколадный, шофёр, корнишон, жонглировать, крыжовенный, дирижёр, шо-

винизм, молодожёны, печёночный, стажёр, ретушёр, дешёвка, мажорный, полушёпот, прожорливый, жокей-клуб, розовощёкий, шоферский, электросчётчик, капюшон, счётно-решающий, шоковый, сжёванный, удручённый, многоженство, дешёвый, решётчатый, пшённая, щёлканье, шёрстка, шоссе, Шотландия, щёлочь, чёткость, чётный, жёлудь, герцогиня, скерцо, меццо-сопрано, пальтецо.

№ 28

Дикция, цирк, цыганский, цыплёнок, смуглолицый, цивилизация, циркуль, циклевать, циклоп, циркуляр, цистерна, циферблат, милиция, цитрусовый, цинизм, цианистый, цигейковый, Царицыно, сестрицын, волчицын, скворцы прилетели, спицы мелькают, огурцы выросли, пылают зарницы, циклон, инициалы, инициативный, панцирь, принципиальный, пацифизм, пациенты.

№ 29

Забавная девчонка, галчонок выпал из гнезда, толчёное стекло, следить за матчем, тесная лавчонка, жалкая душонка, порывы свежего ветра, удручённый вид, главный дирижёр, причёсанный ухажёр, гашёная известь, вкусная сгущёнка, перчёная тушёнка, короткая рубашонка, камышовые заросли, короткие шорты, ровная чёрточка, обнажённая натура, машина с кирпичом, лисыцын хвост, свежей струей, тяжёлая кошёлка, подавился лапшой, спорить горячо, французский герцог, ровный шов, сильный ожог руки, чётко произносить слова, жёлтый крыжовник, дешёвый товар, приехал коммивояжёр, чопорный вельможа, сел за решётку, сильно ожёг руку, рассказывала певуче, шоколадные конфеты, ночёвка в лесу, мокрое шоссе, прожорливая гусеница, совершён поджог дома, цианистый калий, шоковая терапия, неизвестный поджёг дом, чужого не надо, почём пшённка?

№ 30

Ш...пот ночи, тяж...лая сумка, ч...порный человек, покрыться румянц...м, ж...сткие условия, старый ч...лн, лесные ш...рохи, трещ...тка сторожа, ож...г лица, реш...тка сада, трудолюбивые пч...лы, укрыться плащ...м, мраморный ц...коль, городские трущ...бы, ж...лтые листья, боч...нок с водой, спорить горяч..., ш...в

разошёлся, идти вдоль ш...ссе, подж...г сарая, вош...ная бумага, грош...вая опера.

№ 31

Камыш...вая заросль, новая расч...ска, смешной галч...нок, разбитый паралич...м, красивая прич...ска, суш...ные фрукты, кипяч...ное молоко, ч...тные числа, увитый плющ...м, парч...вое платье, смущ...нный студент, толч...ные орехи, глаза-щ...лки, горячей свеч...й, с большим багаж...м, моч...ные яблоки, платяная щ...тка, раствор щ...лочи, ноч...вка в лесу, спелый крыж...вник, новые ш...рты, возмущ...нный тон, рекордный прыж...к, ненасытный обж...ра.

№ 32

Тихий ш...пот, печ...ный хлеб, деш...вый товар, ч...рствый человек, маж...рный тон, зажж...нный факел, паштет из печ...нки, переплывать реку саж...нками, ноч...вка в лесу, ож...г лица, шум трещ...тки, вкусный ш...колад, уч...ный зверь, говорить общ..., детская руч...нка, тонкая беч...вка, пш...нная каша, короткая ч...лка, устный сч...т, зубная щ...тка, ж...сткий вагон, опытный ш...рник, сломанный суч...к, ш...мпол винтовки, спелые ж...луди.

№ 33

Ч...рная черточка, получить пощ...чину, старая кош...лка, тонкая беч...вка, новые ч...боты, выпить борж...ми, измерять в дж...улях, опытный ж...нглер, пальто с капюш...ном, защ...лка замка, никч...мный человек, прож...рливый медвеж...нок, новая расч...ска, произвести расч...т, танцевать чеч...тку, старый ш...фер, ш...тландская песня, красивое понч..., исполнять каприч..., готовить харч..., играть на бандж... .

Употребление букв Э, Е

№ 34

Поэзия, дуэль, проект, диета, кафе, Мэри, гигиена, менеджер, нонсенс, силуэт, сэр, фонема, фужер, гротеск, евангелие, трёхэтажный, идентификация, квинтэссенция, маэстро, реквием,

рэкет, модерн, политэкономия, статуэтка, экземпляр, кабаре, мэрия, игрек, кашне, штемпель, Эвклид, Эллада, Эмилия, Эльба, экстерн, элегия.

№ 35

Кибернетика, лорнет, фуэте, сэкономить, дизел, отэкзаменовать, фаэтон, каре, дуэт, идентичный, кордебалет, модель, па-де-де, рандеву, шедевр, экспансия, эпилог, коктейль, пюре, спроектировать, широкоэкранный, пленэр, дециметр, патент, модерато, эвкалипт, эдельвейс, эфемерный, эмбарго, экология, эксперт, элита, эстет.

№ 36

Куп..., кр...пд...шин, б...львед...р, по...тический, силу...т, ...ффект, т...мп, с...кономить, портмон..., гену...зцы, ди...з, пи-ру...т, пап...-маш..., кли...нт, паци...нт, ш...злонг, пенсн..., ст...нд, б...з..., н...повский, котт...дж, т...рмос, проц...ссия, б...н...фис, р...н...ссанс, ду...лянт, ду...нья, ид...нтичность, фи...ста, ...мигрант, ...зоп, ...фиопия, ...лектрик, ...кспромт, бель...таж, ...скорт.

Звонкие и глухие согласные

№ 37

Редкие волосы, хрупкое здоровье, модный галстук, меткий стрелок, людская молва, поздняя женитьба, вкусная ватрушка, гладкая поверхность, толстая книжка, вкусная похлёбка, сруб колодца, дерзкий ответ, убедительная просьба, древесная стружка, шерстяные варежки, искусная резьба, шефский концерт, подвергаться насмешкам, старый дуб, весёлая свадьба, высшая школа.

№ 38

Полезный тру..., непростительный поро..., переступить поро..., пасутся стада ко..., любоваться красотой девичьих ко..., на крышах изморо...ь, сеет мелкая изморо...ь, дамы и господа сидят за столом впереме...ку, газеты и письма лежали на столе впереме...ку, частые перебе...ки, кру...ка пива, новые скворе...ни, свежие коври...ки, выру...ка леса, громоз...кий багаж, деле...ка барышей, зы...кая

надежда, модная застё...ка, кровавый мяте..., издер...ки производства, перева...ка раны, высший пилота..., маленькая пичу...ка, реви...ские списки, старая уса...ьба, свежая сма...ка, дальнейшее ро...ство, последний раун..., помо...ник директора.

Непроизносимые согласные

№ 39

Доблестный, радостный, страстный, полновластный, счастливый, гигантский, буреветник, тростник, вестник, известняк, неизвестность, присутствие, пастбище, сверстник, отсутствие, агентство, празднество, поздно, объездчик, мундштук, громоздкий, шестнадцать, сумасшедший, уздцы, ягдташ, лестница, масштаб, монпансье.

№ 40

Пристрас...ный, разнома...ный, опас...ный, ужас...ный, громоз...кий, повис...нуть, чу...ствовать, уча...ствовать, здра...ствовать, че...ствовать, безмол...ствовать, со...нце, я...ственный, сверс...ник, ярос...ный, я...ства, корыс...ный, захолус...ный, завис...ливый, искус...ный, словес...ный, ровес...ник, с...рам, воскрес...ник, блес...нуть, древес...ный, компроме...тировать, инци...дент, дерма...тин, конста...тировать, комме...тировать.

№ 41

Влас...ный, глас...ный, горес...ный, декаден...ство, интриган...ство, несчас...ливый, окрес...ный, праз...ный, бескос...ный, ислан...ский, мес...ность, наперс...ник, пакос...ник, редкос...ный, дилетан...ский, сладос...ный, конъю...ктивит, ревнос...ный, лан...шафт, подвлас...ный, юрис...консульт, целос...ный.

№ 42

Бе...покойное хозяйство, ласковое со...нце, ярос...ное сопротивление, ше...ская помощь, кос...ный взгляд, полновлас...ный хозяин, извес...ный писатель, кос...ный бульон, словес...ный портрет, счас...ливый день, чу...ствовать усталость, праз...ничное шествие, грус...ная повесть, гнус...ный поступок, уча...ствовать в

спектакле, тревожное предчу...ствие, вкус...ный обед, гиган...ское строительство, президен...ские выборы, влас...ные структуры, радос...ный возглас, блес...нуть на солнце, неумес...ный вопрос, длинные рес...ницы, угостить разнообразными я...ствами, мои ровес...ники, мерзопакос...ный человек, час...нособственнические интересы.

Двойные согласные

№ 43

Профессор, ассистент, диссертация, дискуссия, экспресс, стюардесса, колоссальный, гроссмейстер, кроссовки, матросский, рассчитать, колледж, коллега, коллоквиум, интеллигенция, аллегро, троллейбус, артиллерия, целлюлоза, целлофан, галлюцинация, аппетит, аппарат, труппа, группа, оппонент, диаграмма, комментарий, коммюнике, программа, симметрия, иммунитет, килограмм.

№ 44

Аккомпанемент, аккордеон, хоккей, оккупант, аккуратный, можжевельник, жжёный, жужжание, либретто, оперетта, коттедж, эффект, юннат, дрожжи, перрон, вожжи, территория, Голландия, Геннадий, Филиппины, Ницца, Фаддей, Апеннины, авторалли, галера, баллада, дискуссия, иллюстрация, каравелла, коммерсант, баррикада, иллюзион, каллиграфия, барокко, стеллаж.

№ 45

Аллегория, иллюстрация, импрессионизм, идиллический, масон, прогрессия, перила, директриса, оперетка, панно, хобби, галерея, профгруппорг, пессимистический, раса, трасса, искусный, хоккей, гримаса, колонна, шулер, корректор, коррупция, миссия, новелла, пассив, фурор, плиссе, плисовый, террор, мисс, биссектриса, кириллица, кристаллический, нарцисс, палас.

№ 46

Коллектив, количество, аннотация, коэффициент, массаж, монограмма, бескомпромиссный, пассаж, алогичный, кассет-

ный, иррациональный, коралл, русизм, русист, русистский, апелляция, граммофон, грампластинка, программа, программный, россиянин, кроссворд, атрибуция, спецкор, долларовой, кристальный, директриса, белорус, черкес, десант, кавалерия, пассатижи, экспрессия.

№ 47

Подавать апелляцию, слышать жужжание шмеля, голос слегка дрожал, рукопись придётся сжечь, пёс тихонько визжал, хороши просторы России, натянуть вожжи, можжевельный куст, интеллигентный человек, написать пьесу, длинный коридор, липовая аллея, галерея образов, петь дифирамбы, баллотироваться в президенты, выступить в оппозиции, предаваться иллюзиям, вступить в дискуссию, выполнить миссию, играть в теннис, получить эффект, ехать по шоссе, алюминиевые стержни, суверенная территория.

№ 48

агрес...ия	бюл...етень	кас...ета
ал...ергия	гал...ерея	кар...икатура
ал...ея	груп...ировка	кор...идор
ан...отация	гум...анизм	кол...ега
ан...улировать	дискус...ия	кол...едж
апе...ляция	дес...ант	кол...екция
ап...арат	дис...ертация	кол...изия
ал...юминий	диф...еренциация	колон...а
ап...етит	драм...а	колос...альный
артил...ерия	ил...юзия	комис...ия
ас...игнование	ил...юминация	ком...ентатор
ас...истент	им...тация	ком...ерсант
ас...ортимент	инкас...ация	компромис...
ас...оциация	ин...ициатива	кор...ектность
ат...рацион	интел...игенция	кор...еспондент
бал...ада	интел...ект	кор...идор
бал...отироваться	искус...тво	кристал...
бар...икада	искус...ный	крос...
ба...сейн	ир...игация	ман...а
бел...етристика	кас...а	мас...он

мис...ия	режис...ёр	хок...ей
ок...упация	репрес...ированный	хол...
оп...озиция	рес...урсы	цел...офан
оп...онент	рас...чёт	цел...юлоза
парал...ель	рес...ора	цивил...изация
пас...ивность	сур...огат	шас...и
пас...ажир	тен...ис	шос...е
пес...имизм	тер...аса	экспрес...ия
прес...а	тер...итория	эл...ипс
пьес...а	тон...а	эс...е
привил...егия	трас...а	эл...астик
прогрес...	тун...ель	эл...егия
процес...	тружен...ик	юн...ый

Употребление **Ь** во всех частях речи и формах слов

№ 49

Альпинизм, альтруизм, июньский, клянчить, фальшь, ельник, лентяй, альманах, отсрочка, октябрьский, сельдь, колокольчик, пальма, весьма, просьба, раньше, тоньше, серьги, Людмила, мостик, песня, каменщик, мощный.

№ 50

Будем печь пироги, он приготовится к прыжку, киньте мячик, составь уравнение, назначьте свидание, признаться в слабости, съешьте кусочек, ребёнок купается, хочу купаться в море, ты шуришишь бумагами, ты несёшься напролом, ты бросишь камень, отречься от сказанного, собака сильно кусается, шенок может кусаться, пришлось добираться пешком, лист не колышется, занимается заря, пора заниматься, придётся задуматься, ты пишешь красиво.

№ 51

Грамотная речь, острый меч, маленькая дочь, сильный смерч, надо пуститься вскачь, выйти замуж, детский врач, много красивых дач, дымится печь, пора печь пироги, будем строить шалаш,

горечь воспоминаний, любопытная вещь, густая рожь, решение сложных задач, до следующих встреч, чёрный грач, слышится плач, двухлетний малыш.

№ 52

Искусная резьба, не откажите в просьбе, возьми богатырский меч, получите деньги, заботливая нянька, красивая тесьма, пора поведать о судьбе героя, пораньше встаньте, необходимо закончить в срок, достаньте багаж, надо распахнуть дверь настежь, крыши загородных дач, придётся нанять носильщика, отсветы пожарищ, длительная болезнь, милый лжец, кисть рябины, тенистая аллея, мощный рывок, отсрочьте платёж, дощатый мостик.

№ 53

Ноч..., камен...щик, куч..., вет...ви, клян...чить, среж..., тон...чайший, бережёш...ся, залеж..., зон...тик, брич...ка, щёлоч..., биш..., стрич...ся, декабр...ский, свеч...ка, брош..., пил...щик, сроч...ный, ден...-ден...ской, вишен...ка, плющ..., мел...чайший, хрящ..., кумач..., наотмаш..., навзнич..., замуж..., горяч..., молодёж..., сторож..., невмоч..., с плеч..., хорош..., умнож...те, назнач...те.

№ 54

Горяч..., доч..., обжеч...ся, зареж..., кулич..., мелоч..., острич..., сплош..., тон...ше, уж..., фальш..., вскач..., вояж..., глуш..., пейзаж..., проч..., свар...щик, убереж...ся, тягуч..., январ...ский, платёж..., пожариш..., пожарищ..., стриж..., воз...мешь, колюч..., ёж..., испеч..., кон...чик, ералаш..., невтерпёж... .

Разделительные Ъ и Ь

№ 55

Адъютант, изъявить, конъюнктура, субъект, трёхэтажный, двухъярусный, панъевропейский, съезд, сверхъестественный, объединение, сэкономить, съязвить, объяснение, разъединение, двухязычный, межъязыковой, объезженный, предъюбилейный, сюзить, съязвить, объятия, киносьёмка.

№ 56

Варьировать, дьявол, лосьон, медальон, трельяж, ружьё, рантье, интервьюировать, пасьянс, обезьяна, устье, фамильярный, мышьяк, фельетон, павильон, серьёзно, друзья, пеньюар, полынья, рельефный, житьё, почтальон, изголовье, шампиньон.

№ 57

Инъекция, собезьянничать, изьян, трансевропейский, гнездовье, объёмно-транспортный, четырёхэтажный, осьминог, субъективизм, объявленный, завьюжить, мышьяковый, суметь, павильонный, сагитировать, статья, подоконник, бульон, детясли, компаньон, пьедестал, бурьян, сэкономленный, разъёмный, объективный.

№ 58

Межобластные связи, предугадать развитие событий, взять интервью, адъютант командующего, пьедестал почёта, трансевропейский экспресс, железнодорожный разъезд, отличная пьеса, серьёзный подход, предъюбилейные события, сэкономленные средства, сузить тему, неопознанный объект, субъективный подход, стремительная контратака, двухязычный словарь, трёхэтажный дом, сверхъестественно притворялся, найти компаньона, киносъёмки в павильоне.

№ 59

Порт...ера, п...еса, суб...ект, бул...он, пред...явить, из...ян, обез...яна, с...язвить, лис...я, раз...ярённый, эскадрил...я, трёх...этажный, сверх...естественный, б...ём, в...явь, сынов...я, с...экономить, с...ездить, мелколес...е, под...ём, об...явление, с...агитировать, ар...ергард, об...ективный, в...юга, меж...ярусный, п...едестал, пред...юбилейный, бил...ярд, от...явленный, фортеп...яно, без...ядерный, р...яный, интер...ер, пред...явитель.

№ 60

С...язвить, компан...он, из...ять, фел...етон, с...ёжиться, из...ясняться, бел...этаж, фельд...егерь, кар...ер, в...явь, бар...ер, кур...ёз, ин...екция, из...ян, кон...юнктивит, транс...арктический, в...юнок, гнездов...е, под...ячий, слов...и, пас...янс, пан...евро-

пейский, кон...юнктура, пан...-Европа, с...ябедничать, н...юанс, в...ездной, неб...юющийся, об...ём, дет...ясли, контр...атака, пред...обеденный, пред...юбилейный, в...едливый, без...упречный, комп...ютер.

Гласные Ы, И в корне после приставок

№ 61

Безыдейность, взыскать, дезинформация, сверхызысканный, предьюльский, постимпрессионистский, подыматься, отыграть, супер-игра, спортивный инвентарь, межинститутский, дезинфекция, предыстория, предынфарктный, сверхинтересный, суперинтересный, безынтересный, небезынтересный, субинспектор, взимать, безынициативный, постинфарктный, подытожить, двухигольчатый, мединститут, предыдущий.

№ 62

Разыскивать друзей, небезызвестный автор, безыскусный рассказ, подытожить расходы, небезынтересный факт, изыскать резервы, строгий фининспектор, дезинформировать население, безысходная печаль, сверхизобретательный человек, сверхъестественная сила, удачная контригра, предьянварские морозы, сверхызысканный вкус, получить спортивный инвентарь, предьявить документ, отыграть первый период, поступать в пединститут, сверхимпульсивный пациент, съесть шампиньон, межинститутский референдум, работать безынициативно, чувство безысходности, отыскать подлинник.

№ 63

Без...скусственный, небез...звестный, пред...стория, сверх...зысканный, без...сходный, меж...нститутский, вз...мать, из...мать, суб...нспектор, транс...орданский, воз...меть, об...скать, дез...нформация, б...ндевать, под...тожить, пост...мпрессионистский, сверх...ндустриализация, спорт...гра, пред...юльский, с...змала, от...менный, пан...сламизм, воз...меть, фин...нспектор, меж...гровой.

Правописание приставок

Приставки на З и приставка С-

№ 64

Беззаботный, бесстрашный, бессмысленный, бесснежный, безостановочный, безземельный, бескрайний, безобидный, бессистемный, беспошлинный, бессознательный, безработный, бесхарактерный, бесчувственный, бестолковый, бесшумный, воспользоваться, воссоединение, возненавидеть, встряхнуть, вспорхнуть, измучить, издать, испортить, истратить, иссушить, исчерпать, исцарапать, исследовать, разбросать, разгонять, раскопать, расчертить, распутать, расшевелить, разгадать, разжевать, расчертить, разжечь, ниспадать, нисходить, ниспослать, низводить.

№ 65

Беззаботная жизнь, беспорядочная стрельба, бессильная ярость, бездарный артист, бестолковый ответ, возглас удивления, расфасовать продукты, исхоженные тропы, изношенный механизм, расхожий аргумент, исследовать причины, ниспосланная милость, раскидать вещи, воспетый поэтом, воздать должное, вспылать страстью, испорченные нервы, исковерканная судьба, чрезмерные усилия, вскружить голову, вздремнуть немного, взгрустнуть о былом, предрассветная мгла, бесформенные очертания.

№ 66

Воздать по заслугам, неожиданная развязка, воззвание к народу, дружные всходы на полях, стремительный разбег, в расцвете сил, полное безденежье, весёлый рассказчик, возмущённый крик, воскресший из мёртвых, беззлобное ворчание, удачная сделка, свергнуть с трона, сделать зарядку, отдыхать в здравнице, здоровый вид, сжить со свету, здание построено, нагрубить сгоряча, крепкое здоровье, не видно ни зги, сдуть пылинку.

№ 67

Бе...результатный разговор, бе...предельная нежность, бе...оговорочная капитуляция, ра...считывать на успех, бе...тактный

вопрос, бе...пошадный судья, ...держанный человек, бе...форменная фигура, бе...сердечное отношение, во...двигнутый монумент, ра...серженный сосед, и...черпать ресурсы, ненужная в...пыльчивость, чере...чур строгий преподаватель, бе...смысленный спор, во...главить делегацию, прово...гласить лозунг, бе...счётное количество, бе...брежное пространство, во...хождение в гору, ра...меренная поступь, ра...терянное преимущество, ни...посланная милость, ни...вергнуть в пропасть, и...балованный ребёнок, и...правленная ошибка.

№ 68

Во...хождение на вершину, ра...чётный счёт, чере...чур много, во...полнить пропущенное, бе...граничное доверие, пламенное во...звание, ра...формировать полк, и...тратить деньги, чре...мерный восторг, и...коренить недостатки, и...сякший источник, бе...перспективный план, ни...провергать авторитеты, ра...жечь костёр, бе...ветренный вечер, бе...форменная масса, бе...жалостный поступок, бе...смертное произведение, бе...срочный отпуск, во...питать ученика, во...произвести текст, во...растной ценз, во...сесть на престоле, ре...кая мимика, ...двинутые шкафы, бе...конечное нытьё, во...пылать любовью.

№ 69

Бе...численные споры, ра...паковать вещи, ...дельщина, ...держатель слово, ни...падать на плечи, прои...шедший случай, ни...ринуться с обрыва, ра...сердиться на сына, бе...вкусная обстановка, ра...бавить водой, ра...планировать день, и...течь кровью, ни...провергать авторитеты, шалить и...подтишка, бе...донная бочка, ...гинуть навсегда, ра...пробовать сладости, ...гореть дотла.

Ра...шуметься всерьёз, бе...звёздное небо, взгляд и...подлобья, бе...корыстный поступок, бе...грешный человек, бе...жизненное тело, бе...церемонное поведение, ни...шая порода, бе...зубый рот, бе...сильный вздох, ...дорово живёшь, совершить удачную ...делку, ра...паковать вещи, бе...численные злопыхатели, руководство ра...шедрилось, глупые ра...суждения, ра...путать узел, ра...чистить поляну, бе...брежное море.

Приставки ПРЕ- и ПРИ-

№ 70

Приехать на ярмарку, притворить окно, приблизиться на шаг, седой привратник, привокзальная площадь, преувеличенное мнение, преодолеть преграды, искать пристанища, присоединиться к мнению, прищурить глаза, прибить к потолку, претоненькие ножки, приманить рыбёшку, прибрежные камыши, явное преувеличение, престарелый житель, приехать в Приднестровье, презабавный анекдот, пригородный поезд, побережь монетки, превосходный рассказчик, прицепить крючок, прекрасная царевна, прихлопнуть муху, приглушить звук, приближённый ко двору.

№ 71

Прекраснодушный мечтатель, приручить дикарку, привокзальная площадь, приоткрывать завесу, преобразованный край, приобщаться к культуре, пресекать попытки, препротивный разговор, приоткрывать глазок, прибить доску, приусадебный участок, пристегнуть значок, пригладить вихры.

№ 72

Прибывать в город — пребывать в неволе; преданье старины глубокой — придать форму шара — предать свою мечту — придать блеск поверхности; преемник традиций — радиоприёмник; презирать негодяя — призреть бездомных детей; претворить планы в жизнь — притворить дверь; камень преткновения — приткнуться в уголок; преходящий момент — приходящая няня; претерпеть лишения — притерпеться к боли; предел мечтаний — придел в храме; преподать урок — припадать к плечу; приклонить ветки — преклонить колени; пресветлый образ — прискорбный факт; приемлемый вариант — преемственность поколений.

№ 73

Пр...бывать на даче, пр...дать друга, пр...творить планы в жизнь, пр...ступить закон, беспр...страстный судья, непр...ходящий успех, пр...дать необходимый оттенок, пр...одолевать

трудности, пр...клоняться перед красотой, пр...землиться во время, пр...кратить спор, пр...открыть дверь, пр...верженец новых взглядов, большие пр...тензии, пр...морский край, пр...лагать усилия, пр...небрежительное отношение, пр...чудливые узоры, пр...бывать в Москву, пр...образовать жизнь, показать жизнь без пр...крас, пр...ступить к работе, достойный пр...емник, пр...восходный спектакль.

№ 74

Пр...возмочь боль, пр...небрежительное отношение, пр...вердливый человек, пр...тендовать на призовое место, пр...ступить к работе, пр...следовать благородные цели, пр...зидент страны, пр...влекательный вид, несправедливые пр...тязания, седой пр...вратник, пр...красный вечер, пр...бывать на отдыхе, пр...даваться воспоминаниям, пр...ходящее явление, пр...ручить зверя, пр...чудливый рисунок, сделать пр...вивку, пр...градить дорогу, пр...увеличить опасность, искать пр...станция, найти пр...бежище, искатели пр...ключений.

№ 75

Пр...бывать к месту работы, пр...городный поезд, пр...открывать дверь, пр...крашение споров, пр...сесть на скамью, пр...ходящий успех, пр...бывать в неведении, пр...ходящая медсестра, пр...лагать усилия, пр...клоняться перед красотой, пр...морский бульвар, пр...ступить закон, пр...ступить к занятиям, пр...близиться к заветной цели, пр...езд в город, пр...вилегированное сословие, пр...дать оттенок, пр...зирать труса, пр...творить мечты в реальность, пр...глушённые голоса, присутствовать на пр...мьере, пр...забавный случай, пр...следовать врага.

№ 76

Сидеть в пр...зидиуме, пр...коснуться к тайне, столовый пр...бор, пр...стижная профессия, пр...знаться в чувствах, пр...даное невесты, отвергнуть пр...тязания, пр...зрительный взгляд, пр...вить хорошие манеры, лишить пр...вилегий, пр...вернуться в посмешище, камень пр...ткновения, пр...тендовать на пост, забавная пр...баутка, выглядеть пр...зентабельно, пр...бывать в

тревоге, пр...восходный коммерсант, пр...тупленный звук, искусная пр...творщица, пр...даваться мечтам, пр...норавливаться к обстоятельствам, картина без пр...крас, пр...вратно понимать, пр...дать осмеянию, знаки пр...пинания.

№ 77

Непр...менное условие, пр...мерный студент, пр...мелькавшие лица, пр...мудрый пескарь, пр...митивный взгляд, пр...возмочь усталость, пр...вратный смысл, пр...амбула договора, пр...нудительный труд, пр...наряженный кавалер, пр...нципиальный поступок, не пр...минуть сказать, пр...воротное зелье, пр...вычная работа, таинственное пр...видение, пр...митивный взгляд, пр...пираться из-за пустяков, пр...терпеть изменения, правила пр...личия, пр...рогатива, пр...гожий денёк, сердечная пр...вязанность, пр...остановленное движение, пр...емственность в работе, непр...ступная твердыня, пр...терпеть унижение, пр...переть к стенке, пр...умножить богатства.

Правописание слов с *ПОЛ-*, *ПОЛУ-*

№ 78

Пол-ананаса, полбанана, пол-огурца, полбутылки, пол-литра, пол-листа, поллитровка, пол-Москвы, полночь, полстолицы, полурока, полслова, пол-России, полчаса, полумеры, полусапожки, полупальго, полуживой, полуподвальный, полупроводник, полшарие, полшубок.

№ 79

Пол...армии, пол...города, пол...книги, пол...окна, пол...острова, полу...остров, пол...сотни, пол...Сибири, пол...одиннадцатого, пол...чайной ложки, пол...получки, пол...игры, пол...города, пол...дома, пол...лица, пол...зимы, пол...лета, пол...оборота, пол...вагона, полу...забытьё, полу...грамотный, полу...шерстяной, полу...шутя, пол...яблока, полу...финал, полу...годие, пол...усадьбы, пол...года, полу...официальный, пол...солёного огурца, пол...балла, полу...легальный, пол...фирмы, пол...яблонового сада.

Правописание *Н* и *НН* в словах различных частей речи

№ 80

Пчелиный, утиный, гостиный, барабанный, стеклянный, соломенный, лекарственный, клюквенный, весенний, ледяной, ранний, конный, временный, оловянный, румяный, багряный, каменный, деревянный, ветреный, осенний, змеиный, безветренный, обветренный, свиной, серебряный.

№ 81

Багр...ный закат, бесчисле...ое множество, глиня...ая посуда, дискуссия...ый вопрос, дли...ая очередь, дровя...ой склад, журавли...ое гнездо, зеле...ая лавка, земля...ой пол, каме...ый дом, карма...ые часы, карти...ая галерея, клюкве...ое варенье, кожа...ая куртка, ко...ый плуг, ледя...ой покров, моното...ые звуки, недюжи...ые способности, оловя...ые солдатика, осе...ая погода, песча...ая отмель, племе...ой скот, подли...ое искусство, полотна...ое бельё, революцио...ый подъём, румя...ые щёки, сви...ая туша, серебря...ая ложка, соломе...ая подстилка, туман...ое утро, ураган...ый ветер, це...ое изобретение, чугу...ая ограда, ю...ые натуралисты.

№ 82

Ваго...ое депо, маши...ый зал, глиня...ый сосуд, мужестве...ый человек, румя...ый юноша, кури...ый бульон, стекла...ая бутылка, платя...ой шкаф, ветр...ый юнец, ветр...ая мельница, обветре...ые руки, серебря...ый колокольчик, сви...ой паштет, лебеди...ая песня, време...ое явление, подли...ый документ.

№ 83

Варе...ый, сваре...ый, полужаре...ый, ране...ый, изране...ый, лома...ый, полома...ый, фарширова...ый, линова...ый, кова...ый, подкова...ый, рва...ый, золочё...ый, посеребрё...ый, мощё...ый, вымоще...ый, нежда...ый, невида...ый, неслыха...ый, нечая...ый, сказа...ый, печё...ый, жела...ый, незва...ый, медле...ый.

№ 84

Серебря...ые часы, стари...ое оружие, лебеди...ая песня, недюжи...ые способности, подли...ые документы, песча...ый берег,

лимо...ый сок, конопля...ое масло, обыкнове...ый человек, лекци...ый материал, лу...ый свет, маши...ое отделение, кожа...ое кресло, лед...ой ветер, ветр...ые мельницы, письме...ый стол, стра...ая женщина, дерева...ый дом, мочё...ые яблоки, пута...ые ответы, сушё...ые грибы, выкова...ые обручи, увере...ая поступь, оживлё...ая беседа, комари...ый писк, торжестве...ое заседание, кова...ый сундук.

№ 85

Тума...ая мгла, ветре...ая подруга, несказа...ая тишина, непах...ое поле, дли...ые тени, серебря...ые часы, незаслуже...ая обида, таинстве...ые приключения, сея...ые травы, каме...ые ворота, холсти...ая рубаша, подли...ое чувство, взволнова...ое лицо, нечая...ая встреча, да...ый текст, беш...ый ритм, тушё...ое мясо, жар...ый картофель, неожида...ое известие, отчая...ое решение, нетка...ые материалы, ограниче...ый человек, писа...ый красавец, стреля...ый воробей, масля...ые краски, нехоже...ые тропы, зва...ые гости.

№ 86

Барха...ые пески, овчи...ый тулуп, була...ый конь, оловя...ый солдатик, жема...ые манеры, действие...ое решение, фаза...ий питомник, жизне...ые принципы, конституцио...ый суд, воинстве...ая поступь, орга...ый концерт, нефтя...ая скважина, чва...ый вид, гума...ый закон, орли...ый взгляд, веществе...ое доказательство, пря...ый запах, медле...ое движение, бестала...ое существо, ю...ый спортсмен, перепели...ые гнёзда, пенсио...ый возраст, ветр...ая мельница, макаро...ые изделия, бли...ая мука.

№ 87

Подл...ый шедевр, повере...ый в делах, разобщё...ые действия, бедстве...ое положение, безвреме...ая утрата, берестя...ые грамоты, беш...ый ритм, глаже...ый костюм, гости...ый двор, гранё...ый стакан, дарстве...ая надпись, дела...ое выражение лица, дёрга...ый человек, достигнутая договорё...ость, дря...ая пьеса, злоумышле...ый поступок, искре...ий порыв, искус...ый мастер, несмышлё...ый малыш, нетле...ый образ, недвусмыс-

ле...ый ответ, неразделё...ое чувство, пусты...ый пейзаж, попра...ые авторитеты, посажё...ый отец, хоже...ые тропы, надума...ый сюжет.

№ 88

Ноше...ая шляпа, понош...ое пальто, хоже...ые тропы, нехоже...ые леса, гружё...ые баржи, нагруже...ая сумка, солё...ые огурцы, посоле...ый салат, подмоче...ая репутация, недоваре...ый картофель, мочё...ые яблоки, щедро посоле...ая закуска, правле...ый редактором текст, асфальтирова...ая улица, мощё...ая булыжником площадь, мороже...ый лёщ.

№ 89

Мощё...ая улица, серебря...ый кубок, посеребрё...ая цепочка, тка...ая скатерть, вытка...ый ковёр, златотка...ый рисунок, сливочное мороже...ое, мороже...ое мясо, замороже...ое филе, свежемороже...ые фрукты, свежемороже...ые овощи, златокова...ое изделие, осен...ий день, сушё...ые ягоды, вое...ое дело, военизирован...ый отряд, увере...ый взгляд, кожа...ая куртка, церемо...ый поклон, полотн...ая блуза, песча...ый пляж, листве...ый лес, ране...ый олень, воспита...ый человек, решё...ый вопрос, купле...ое здание, броше...ый камень, нежда...ое известие, свяще...ый дом, неслыха...ые дела.

№ 90

Авиацио...ый завод, болезне...ое состояние, бритве...ый прибор, весе...ая капель, голуби...ое гнездо, воробьи...ые стаи, гуси...ое перо, дерзнове...ый порыв, дивизио...ый командир, единстве...ое желание, змеи...ая кожа, комиссио...ый магазин, лошади...ая морда, масл...ый блин, масл...ое пятно, масл...ая неделя, мгнове...ое решение, мужестве...ый поступок, обеде...ый час, обыкнове...ое чудо, око...ое стекло, оппозицио...ое решение, орли...ый полёт, осли...ое упрямство, пламе...ое сердце, родстве...ые отношения, соболи...ая шапка, соловьи...ые трели, стекла...ые двери, телефо...ый разговор, торжестве...ое событие, традицио...ая встреча, утре...ий туман, пря...ый запах, рья...ый поступок, хозяйстве...ые постройки, чувстве...ые губы, шерстя...ый платок.

№ 91

Жаре...ый гусь, поджаре...ая колбаса, жаре...ые в масле пирожки, пуга...ая ворона, перепуга...ые (испуга...ые) люди, калё...ые орехи, раскалё...ая печь, калё...ые в печке орехи, рва...ый рукав, вырва...ый (разорв...ый) рукав, писа...ый красавец, вписа...ый треугольник, писа...ый знаменитым художником портрет, лома...ый грош, полома...ый автомобиль, топлё...ое молоко, вытопле...ая печь, затопле...ая хата, бешё...ый карьер, взбешё...ый человек, грузё...ая баржа, выгруже...ая баржа, грузё...ая хлебом баржа, ране...ый боец, изране...ое тело, ране...ый под Киевом боец, паре...ый лук, распаре...ые косточки, штопа...ые носки, поштопа...ая гимнастёрка.

№ 92

Маза...ая печь; вымаза...ое платье; золочё...ое блюдо; позолоче...ые ложки; гашё...ая или негашё...ая известь; скоше...ый луг; нескоше...ые травы; луг, не скоше...ый колхозниками; варё...ый картофель; вываре...ое мясо; варё...ая в котелке картошка; дра...ый сапог; ободра...ое лицо; травле...ый волк; затравле...ый зверь; пута...ые мысли; запута...ые ответы; плетё...ая корзина; плетё...ый из хвороста шалаш; оплетё...ый плющом забор; толчё...ый графит; истолчё...ый в порошок сахар; ноше...ые вещи; долго ноше...ые вещи; поноше...ые вещи; копчё...ая рыба; закопчё...ая кастрюля; сырокопчё...ая колбаса; сушё...ые фрукты; иссуше...ые степи; высуше...ое бельё; краше...ый пол; выкраше...ый пол; краше...ый масляной краской пол; тка...ая скатерть; вытка...ая скатерть; тка...ая золотом скатерть.

№ 93

Организова...ая спонсорами ярмарка, выставка организова...а шефами, слома...ая хулиганами скамья, игрушка слома...а ребёнком, свеча потуше...а ветром, лыжи заброше...ы на чердак, лошади подкова...ы кузнецом, покуса...ые москитами животные, руки искусства...ы комарами, потуше...ый дождём костёр, огни потуше...ы давно, испечё...ая лепешка, печё...ые блины, жаре...ая хозяйкой рыба, картошка испече...а в золе, топлё...ое в печке масло, были време...ые трудности, деревья посаже...ы в саду, полотно сотка...о мастером, варё...ый утром кофе, каша сваре...а на молоке, убра...ые в парке дорожки, испуга...ый шорохом заяц, средства

вложе...ы в недвижимость, участки купле...ы предпринимателями, выявле...о много нарушений, забракова...ый товар, известие получе...о утром.

№ 94

Ресурсы изыска...ы экономистами, её манеры изыска...ы, ягоды подавле...ы в корзине, люди стояли подавле...ы и унылы, сумма собр...а по копеечке, речь стройна и собра...а, организова...ый концерт, собрание прошло организова...о, отчая...ый крик, кричал отчая...о, беше...ый ритм, беше...о мчаться, глядеть испуга...о, все трудности време...ы, вещи утеря...ы в дороге, мука рассыпа...а по столу, тучи рассея...ы ветром, студентка рассея...а, мадам очень надме...а, толкнуть локтем нечая...о, овощи сваре...ы в кастрюле, ворота отворе...ы сторожем, актёры неопытны и ю...ы, глядел рассея...о, зрители спокойны и сдержа...ы, публика избалова...а гастролёрами, поля ограниче...ы рвом, злодеи тупы и ограниче...ы, векселя отправле...ы по назначению.

№ 95

Взволнова...ый разговор, воды взволнова...ы бурей, голоса резки и взволнова...ы, рассказывал очень взволнова...о, невид...ый свет, нескоше...ый луг, невымоче...ая рыба, оловя...ый солдатик, кваше...ая капуста, утре...ая прогулка, надеть полотна...ую блузу, купить дерева...ый брус, лица вымаза...ы сажей, загримиров...ый артист, весе...ее солнце, подписа...ые листы, выкупле...ый филиал, приватизирова...ые корпуса, болезне...ый вид, жела...ая мечта, медле...о угасать, решё...ая проблема, бутерброд с варё...ым яйцом, подать на стол печё...ый картофель, попробовать печё...ый мамой торт, дети избалов...ы няней, лица перекош...ы гневом, дорогой племя...ик, читать в подли...ике, произошла пута...ица, изда...ая книга, утончё...ый слух, соотечестве...ик, вкусный варе...ик, связ...ый пле...ик.

№ 96

Масл...ый блин, посаж...ый отец, прид...ое невесты, посаже...ый мною цветок, назва...ый брат, масл...ая краска, неутомимый труже...ик, полюбил бесприда...ицу, назва...ый в честь героя проспект, соверш...олетний юноша, явное моше...ичество, гос-

ти...ый двор, беш...ый ритм, датиров...ый апрелем, дисквалифициров...ый спортсмен, уютная гости...ица, миграцио...ый процесс, повер...ый в делах, суже...ые кровеносные сосуды, явный сангви...ик, убеждё...ый трезве...ик, полотн...ый костюм, весёлая масл...ица.

Правописание имен числительных

№ 97

Одиннадцать человек, двенадцатый номер, двадцать пять спортсменов, тридцать пятое место, пятьдесят поросят, пятидесятый размер, триста рублей, речь идёт о девятистах шестидесяти рублях, событие тысяча девятьсот четырнадцатого года, получил перевод на девяносто рублей, ушёл с девяноста рублями.

№ 98

Поезд с двумястами шестьюдесятью семью экскурсантами; крепостное право в России отменено в тысяча восемьсот шестьдесят первом году; высота равна двум тысячам ста пятидесяти шести метрам; должен внести сто сорок девять миллионов; двухсотсорокавосемимиллионный долг; подошёл к триста пятьдесят пятому километру; трёхлитровый бидон; пятидесятирублёвая ассигнация; груз весом в сорок одну тонну; в тысяча девятьсот девяносто седьмом году Москва отметит своё восьмисотпятидесятилетие; из ста сорока трёх вычесть двадцать девять; шёл тысяча девятьсот тридцать седьмой год; встретил сорокалетнего человека; влился в тридцатитысячный коллектив; шли двое счастливых влюблённых; собрались трое друзей; вытянул пятисотый номер; оказался без ста семидесяти четырёх тысяч рублей.

№ 99

Тысяча девятьсот семьдесят шесть тонн, обоих студентов, обеих студенток, сорокасемитысячная машина, стометровый заплыв, девяностоградусный спирт, 125-тысячный отряд, двадцатитрёхмиллиардный бюджет, восьмидесятилетний старик, двухполовинный оборот, четыре целых и одна шестая, пятидесятитрёхтысячный коллектив, двухполовинный, семи с половиной тысячный переезд.

Правописание сложных слов

№ 100

Автомобильно-тракторный, автомобильностроительный, аграрно-промышленный, адрес-календарь, архитектурно-проектный, атомно-молекулярный, аэрофотосъёмка, бело-голубой, беловато-голубой, бензозаправочный, бета-излучение, ближнево-сточный, блок-схема, бортмеханик, бортпроводник, братья-сестры, буржуазно-капиталистический, бутылочно-зелёный, быстрорастворимый, быстрорежущий, быстротекущие (дни), быстро текущие (с гор ручьи), бюджетно-финансовый.

№ 101

Вагонно-паровозный, вагоностроительный, ва-банк, ванька-встанька, ватт-секунда, вертихвостка, весенне-полевой, взаимовыгодный, взаимоисключающий, взаимообусловленный, вице-президент, водноспортивный, воднотранспортный, водоочистный, военно-административный, военно-полевой, военнотрудовой, вопросно-ответный, восточноамериканский, восьмистишие, времяисчисление, времяпрепровождение, всемирно известный, всемирно-исторический.

№ 102

Выставка-продажа, высокоидейный, высокоинтеллектуальный, высокопоставленный, вышеназванный, вышепри-ведённый, вязально-трикотажный, газоснабжение, генерал-полковник, геологоразведка, гоголь-моголь, голубовато-белый, горе-богатырь, горихвостка, горнодобывающий, горнолыжный, горно-обогащительный, госаппарат, двадцатитрёхлетний, держиморда, детясли, джаз-банд, диван-кровать, дикорастущий, до-стопамятный, древнецерковнославянский.

№ 103

Жаропонижающий, жар-птица, желтовато-красный, жертвоприношение, жив-здоров, жизнеописание, жизнерадостный, жилищно-бытовой, жилищно-строительный, законнорождённый, зеленоглазый, зелёно-серый, землевладение, зимне-весенний, золотодобывающий, золотопромышленность, идейно-по-

литический, изба-читальня, изжелта-зелёный, имя-отчество, индоевропейский, индо-китайский, индустриально-колхозный, иссиня-чёрный, канцтовары, картофелеуборочный, киловатт-час, кино- и фоторепортаж.

№ 104

Кисло-сладкий, книжно-журнальный, коленопреклонённый, конармия, конференц-зал, коротковолосый, косноязычный, крем-сода, крепдешин, купля-продажа, левосторонний, лесонасаждение, летне-осенний, летоисчисление, лимонно-жёлтый, лиро-эпический, литературно-критический, литературоведение, ложноклассицизм, луна-парк, любишь-не-любишь, макси-юбка, матч-реванш, мать-и-мачеха, машиностроительный, медно-красный.

№ 105

Мертвенно-бледный, местожительство, меч-рыба, мини-пальто, молочно-белый, монголо-татарский, музей-квартира, мутно-зелёный, мясо-молочный, мясопоставки, народно-демократический, научно-исследовательский, национал-демократический, небесно-голубой, нефтегазопровод, нижеизложенный, низкопоклонник, обоюдovýгодный, общеобразовательный, общественно-исторический, общественно полезный, общественно-политический, общеупотребительный.

№ 106

Овощеперерабатывающий, овощехранилище, огнедышащий, огненно-красный, оранжево-жёлтый, ослепительно яркий, особо точный, остро нуждающийся, относительно верный, официально-деловой, партячейка, пепельно-серый, первобытно-общинный, первообразный, перпетуум-мобиле, персона нон грата, песнетворчество, песня-романс, планово-экономический, платье-костюм, плацдарм, плац-парад, познавательный-воспитательный, посюсторонний, правда-истина, правобережный, практически ценный.

№ 107

Предельно допустимый, пресс-бюро, пресс-конференция, прима-балерина, промышленно-транспортный, промышлен-

но развитый, прямо противоположный, пуленепробиваемый, пурпурно-алый, пустопорожний, рабски покорный, радиокино-установка, резко континентальный, розовато-жёлтый, рок-н-ролл, свежевскопанный, светло-голубой, светотень, себестоимость, себялюбие, североатлантический, северо-западный, северокавказский, сердечно-сосудистый, седобородый, серо-буро-малиновый, синеглазый, скоропостижный.

№ 108

Слабокислый, славяно-греко-латинский, сложноподчинённое, сложносочинённое, снежно-белый, сновидение, сногшибательный, сон-трава, сорвиголова, сорокаведёрный, социал-демократ, социально-опасный, среднеазиатский, старорусский, старославянский, стереотипный, стихийно-бунтарский, стокилометровый, старозаветный, строительно-монтажный, театроведение, театр-студия, телеграфно-телефонный, тёмно-бордовый, тёмноволосый, теоретически важный, техминимум, товарно-пассажирский, торгово-промышленный.

№ 109

Тяжелоатлет, тяжелобольной, тяжело дышащий, тяжелораненый, умалишённый, учебно-воспитательный, феодально-крепостнический, физкульт-ура, формально-грамматический, формально-логический, формообразование, хладнокровный, хладостойкий, хлебобулочный, художественно полноценный, царь-девица, царь-пушка, чёрно-бурый, чёрносмородинный, четвертьфинал, чистоплотный, чистосердечие, широкодоступный, экспортно-импортный, экспрессивно окрашенный, юго-восточный, юго-запад, явно неудачный, ярко-зелёный, ярко освещённый, ясно выраженный.

Правописание наречий

№ 110

Удалиться прочь, ударить наотмашь, выйти замуж, отворить окно настежь, пуститься вскачь, ожидание стало невтерпёж, прилетел чёрный грач, сплошь зараста сорняками, чай был горяч,

ел вегетарианский борщ, уж небо осенью дышало, чувствовать горечь неудач, упасть навзничь, натиск был могуч, ласков и свеж весенний ветер.

№ 111

Шагнуть влево, справа грозит опасность, уйти засветло, задолго до приказа, добраться затемно, вытереть досуха, изредка интересоваться, начать заново, засидеться допоздна, обобрать дочиста, глядеть искоса, наскоро перекусить, накалить железо докрасна, надолго запомнить.

№ 112

Строить работу по-новому, говорить по-английски и по-немецки, получилось по-нашему, делиться по-братски, выть по-волчьи, выполнить дело кое-как, встретиться где-нибудь, когда-то был счастлив, удалиться куда-либо, работать кое-как, еле-еле брести, связать крепко-накрепко, мало-мальски подумать, случилось давным-давно, делать шиворот-навыворот, перевязать крест-накрест, в конце концов договориться, продвигаться шаг за шагом, остаться с глазу на глаз, убраться подобру-поздорову, поделить поровну, купить зонт подешевле, набрать ягод побольше.

№ 113

Говорить без умолку, стрелять влёт, остаться внакладе, сыграть вничью, выполнить во что бы то ни стало, подойти вплотную к дому, идти вразвалочку, броситься врассыпную, купить акции в складчину, вскорости получить прибыль, продать втридорога, приобрести втрое дороже, не замечать в упор, наполнить сундук до отказа, наелся досыта, второй год замужем, носить камень за пазухой, глаза немного навывкате, носить рубашку навывпуск, стоять навывтяжку, быть наравне с остальными, негде было остановиться, быть всегда начеку, работать на износ, чай с сахаром вприкуску, заготовить овощи впрок, сварить яйцо всмятку, идти на попятную, взять на поруки.

№ 114

(В)дали виден лес — (в) дали голубой скрылся пароход; (в)даль ушёл караван — (в) даль туманную уходят поезда; (в)высь подни-

мается дым — (в) высь небесную взлетел голубь; (в)век не забыть мне друга — (в) век электроники; (в)накидку носить пальто — (в) накидку из парчи одета; (во)время прийти — (во) время летнего отпуска; (в)конец разобиделся на друга — (в) конец переулка убежал; (в)пору шит костюм — (в) пору тяжких испытаний; (в) растяжку говорить слова — (в) растяжку отдать сапожки; (в)тайне готовить подарок — (в) тайне необходимо разобраться и открыть этот секрет; (к)верху поднять голову — (к) верху палатки прикрепить флажок; (на)верх подняться — (на) верх горы взобраться; (на)завтра будет веселье — (на) завтра перенести совещание; (на) лицо были ошибки — (на) лицо упала прядь волос.

Слитное и раздельное написание наречий — одна из самых трудных тем в грамматике. Здесь довольно часты случаи традиционного написания, которые надо запомнить.

Предлагаемый перечень наречий в алфавитном порядке поможет вам сориентироваться в выборе раздельного или слитного написания.

Слитное написание наречий

Вблизи, вбок, вброд, ввек, вверх, вверху, ввечеру, вволю, ввысь, вглубь, вдалеке, вдали, вдаль, вдвое, вдвоём, вдвойне, вдобавок, вдоволь, вдогонку, вдоль, вдосталь, вдребезги, вдруг, вдрызг, взад, взаём, взаймы, взамен, взаперти, взаправду, взапуски, вzasос, взатяжку, взашей, вконец, вкось, вкратце, вкривь, вкрутую, вкупе, влево, влёт, вместе, вмиг, внакидку, внаклад, внакладку, вначале, вниз, внизу, вничью, внове, вновь, внутри, внутрь, вовек, вовеки, вовремя, вovсе, вovсю, воедино, воистину, вокруг, вообщe, воочию, вovсояси, вovслед, вперvые, вперевой, вперевалку, вперегиб, вперегонки, вперёд, впереди, вперемежку, вперемешку, вперехват, вplавь, вповалку, вполголоса, вполне, вполоборота, вполовину, вполоткрыта, вполпути, впоыхах, впору (по мерке), впоследствии, впотьмах, вправду, вправе, вправо, вприглядку, вприкуску, вприпрыжку, вприсядку, впроголодь, впрок, впросак, впросонок, впрочем, впрямь, впустую, враз, вразбивку, вразброд, вразброс, вразвалку, вразнойой, вразнос, вразрез, вразрядку, врасплох, врассыпную, врастяжку, вровень, врозь, врукопашную, вряд ли,

всерьёз, всецело, вскачь, вскользь, вскоре, вскорости, всласть, вслед, вслепую, всмятку, сплошную, встарь, всухомятку, всюду, втайне (сделать втайне, т. е. тайно; но: сохранить в тайне, т. е. в секрете), втёмную, втихомолку, второпях, втридорога, втрое, втроём, вчетверо, вчетвером, вчерне, вчистую, вчуже, вширь, вьяве, вьявь.

Добела, довеку, доверху, доколь, докуда, донельзя, донизу, донине, допяна, доселе, досуха, досюда, дотла, дотоле, дотуда, дочиста.

Задаром, задолго, заживо, зазря, замертво, замуж, замужем, заново, заодно, запанибрата, зараз, затем, завтра, зачастую, зачем.

Извне, издавна, издалека, издали, изжелта, изнутри, изредка, искони, искоса, искрасна, исподволь, исподлобья, исподтишка, испокон, исполу, иссиня, исстари.

Кверху, кзади, книзу, кряду, кстати.

Набекрень, набело, набок, навек, навеки, наверно, наверное, наверняка, наверх, наверху, навеселе, навечно, навзничь, навзрыд, навряд ли, навсегда, навстречу, навыворот, навывкат, навывкате, навывлет, навывнос, навывпуск, навыврез, навывтяжку, наглухо, наголо, наголову, наготове, надвое, надолго, наедине, назавтра, назад, назади, наземь, назло, назубок (выучить назубок; но: подарить на зубок), наизготове, наизнанку, наизусть, наискосок, наискось, накануне, наконец, накрепко, налево, налегке, налицо, намедни, намного, наоборот, наобум, наотмашь, наотрез, направо, наперебой, наперевес, наперегонки, наперёд, наперекор, наперекрёст, наперерез, наперерыв, наперехват, наперечёт, наповал, наподхват, напоказ, наполовину, напоследок, направо, например, напрокат, напролёт, напролом, напропалую, напротив, напрямик, наравне, нараспашку, нараспев, нарасхват, наружу, наряду, насилиу, насквозь, насколько, наскоро, намарку, насмерть, наспех, настезь, настолько, настороже, настрого, насухо, натошак, наугад, наудалую, наудачу, наутёк, наутро, нацело, начеку, начерно, начисто, начистоту, наяву, невдалеке, невдомёк, невзначай, невмоготу, невмочь, невпопад, невпроворот, невтерпёж, недаром (не без основания), незадолго, незачем, некстати, ненадолго (ушёл ненадолго), неоднократно, неохота, неспроста.

Оземь, отколе, отнюдь, отроду (отроду не видел; но: пяти лет от роду), отселе, отсюда, оттого, оттуда, отчасти, отчего.

Поближе, поблизости, побоку, поверх, поверху, повзводно, повсюду, подавно, поделом, подешевле, подобру-поздорову, подолгу, подольше, подряд, подчас, подчистую, позавчера, позади, поистине, покамест, помаленьку, помалу, помимо, помногу, понапрасну, понаслышке, поневоле, понемногу, понизу, поныне, поодаль, поодиночке, поочередно, попарно, поперёк, пополам, пополудни, пополуночи, попросту, попусту, поровну, поротно, посе́йчас, посе́му (заболел, посе́му и не пришёл; но: быть по се́му), поскольку, послезавтра, посотенно, посреди, посредине (посередине), постатейно, постольку, посуху, потихоньку, потом, потому, поу́тру, почём, почему, поэ́тому.

Сбоку, сверх, сверху (сверху вниз, сверху донизу), свысока, сгоряча, сдуру, сей́час, сзади, слева, слишком (слишком много; но: две версты с лишком), смолоду, снару́жи, сначала, снизу, снова, совсем, сослепу, сперва, спервоначала, спереди, сплеча, спозаранку, справа, спросонок, спросонья, проста, спьяну, сразу, сродни, сроду, сряду, стремглав, сыздавна, сыздетства, сызмала, сызмальства, сызно́ва.

Тотчас.

Чересчу́р.

Раздельное написание наречий и наречных выражений

Без ведома, без запроса, без обиняков, без оглядки, без отказа, без просвета, без просыпу, без разбору, без спросу, без толку, без удержу, без умолку, без устали, бок о бок.

В виде, в головах, в диковинку, в добавление, в заключение, в конце концов, в корне, в лоск, в меру, в насмешку, в ногах, в обмен, в обнимку, в одиночку, во избежание, во сто крат, в открытую, в отместку, в охапку, в прах, в противовес, в рассрочку, в розницу, в ряд, в сердцах, в складчину, в срок, в старину, в сторону, в струнку, в тиши, в три погибели, в тупик, в упор.

До востребования, до зарезу, до крайности, до неузнаваемости, до отвала, до отказа, до свидания, до сих пор, до смерти, до упаду.

За глаза (заочно), за границей, за границу, за полночь, за упокой, за что про что.

Из-за границы, из-под мышек, из-под мышки, из-под спуда.

Как раз.

Мал мала меньше.

На авось, на бегу, на боковую, на веки веков, на веки вечные, на вес, на весу, на вид, на виду, на вкус, на время, на выбор, на глаз, на глазах, на глазок, на грех, на диво, на днях, на дом, на дому, на дыбы, на зависть, на запятки, на запятках, на излёте, на измор, на износ, на износе, на исходе, на карачках, на карачки, на корточках, на корточки, на лад, на лету, на манер, на миг, на мировую, на нет, на отлёте, на отлично, на ошупь, на память, на плаву, на попятную, на попятный, на поруках, на поруки, на прицел, на редкость, на руку, на рысях, на скаку, на славу, на смех, на сносях, на совесть, на страже, на убой, на ура, на ходу, на хорошо, на цыпочках, на цыпочки, на часах (на карауле), на четвереньках, на четвереньки, на шагу, не в духе, не в зачёт, не в меру, не в пример, не даром (не бесплатно), не за что, не к добру, не к спеху, не к чему, не по вкусу, не под силу, не по зубам, не по нутру, не по плечу, не прочь, не с руки, ни за что, ни за грош, ни на йоту, нога в ногу.

Один на один, от мала до велика.

По временам, под боком, под вечер, под гору, по дешёвке, под исход, под конец, под ложечкой, под ложечку, под мышками, под мышки, под мышкой, под силой, под спуд, под спудом, под стать, по двое, под шумок, под уздцы, под уклон, по крайней мере, по нутру, по одному, по очереди, по преимуществу, по совести, по старинке, по трое, про себя.

С боку на бок, с ведома, с виду, с глазу на глаз, с кондачка, слово в слово, слово за слово, с маху, с налета, с наскака, с начала до конца, со всем тем, с панталыку сбиться, с разбегу, с разгона, с размаху, с ходу, с часу на час.

Час от часу.

Правописание НЕ и НИ

Слитное и раздельное написание НЕ со словами

№ 115

Нелепый поступок; невысоко взлететь; не высоко взлететь, а низко; надеть некрасивый плащ; путь не близок, а далёк; дорога

неровная, но короткая; очень некрасивый зонт; весьма нерешительный шаг; ничем не оправданный поступок; далеко не лёгкое дело; несмолкаемый гул; не весёлый, а грустный взгляд; поступил не по-товарищески; неблагодарный слушатель; вовсе не трудовые доходы; отвечать очень небрежно; полный невежда в музыке; вести себя непринуждённо; река была неширока; путь не короток, а длинён; неряшливый вид; бормотал что-то невнятное; почуять недоброе; незавидное положение; ненавистный человек; юноша крайне невежлив; обошлось недёшево; неласковый и надменный ухажёр; домашние неурядицы; душевные невзгоды; сказал явную неправду.

№ 116

Не читал книгу; не хотелось расстраиваться; давно не тренировался; не вмешиваясь в события; не может смотреть; не нарушайте тишину; невзлюбить с первого взгляда; не думая о последствиях; не слышу своего голоса; не видеть леса; не пользуясь льготами; не кланяясь в пояс; не говорил ничего; не найдя ничего подозрительного; не дождавшись ответа; свиданье не состоялось; якорь не достает дна; времени всегда недостаёт; не встретился с партнёром; в неурожайные годы недоедают; не вспоминая о прошлом; не допил компот и ушёл; не доиграл партии; с утра нездоровится; не горевал о неудаче; не мог заснуть; не зная причины; не договаривая главного; не было намерений.

№ 117

Некого спросить; не у кого поинтересоваться; разговаривать не о чем; не с кем поговорить; рассказать нечто интересное; летело несколько шаров; некому поведать своё горе; не с кем поделиться радостью; упало несколько монет; некого любить; не от кого утаивать; негде спрятаться; незачем расстраиваться; вечером некуда пойти.

№ 118

Негодующий взгляд; лежало нераспечатанное письмо; не написанный, а отпечатанный на машинке текст; не пожаренная хозяйкой рыба; не встреченный мною друг; ничего не понимающий зверёк; вода не пролита; полы не покрашены;

немигающий взор; недослышанная фраза; очень непродуманное решение; вовсе не просеянная мука; видно невооружённым глазом; трава ещё не скошена; по независящим обстоятельствам; не крашенная краской скамья; неподражаемый комик; неподсудное дело; неопознанный объект; неподкупная честность; неподдельные документы; незначительная сумма денег; недвижимое имущество; не распечатанный, а заклеенный конверт; не знающий усталости турист; не имеющий слабых мест; не подлежащий разделу; вижу некошенный луг; не кошенный косцами луг; незаселённые дома; неприсоединившееся государство; никогда не разлучающиеся; не соответствующий рангу; недалёковидный человек.

№ 119

Не обладающий тактом; не дающий ответа; возможны всякие неожиданности; неисправимый дефект; перейти в небытие; неофициальный источник; скрытая неприязнь; вести себя непринуждённо; непрерывный крик; знак неравенства; уплатить неустойку; вопрос не решён вовремя; непротивление злу; неприглядный поступок; неприкосновенная личность; никому не нужная встреча; перейти неглубокую, но широкую реку; не громкий, а тихий зов; профессиональная непригодность; неприступная крепость; непререкаемый авторитет; не слушая оппонентов; устал с непривычки; непорочная душа; афиши не расклеены; непобедимая армия; не выглядел смешным; не заглядывая в будущее; нести несудорожку; нерешительность характера; несбыточность помыслов; неистовство атеиста.

№ 120

Не под силу человеку; несмотря на непогоду; обед не готов; не должен унывать; не оборачиваясь назад, не смотря по сторонам; в описаниях не доставало красок; шест не достаёт до дна; читать негромко, но выразительно; не жаль ничего; не слышно шума; не рад приезду; нестерпимая боль; неказистая фигура; костёр не погашен; непогашенный костёр; не погасив костра; он небогат, почти бедняк; он не богат, хотя и не бедняк; недорогой, но красивый подарок; неоткуда ждать ответа; очень неинтересный тип; гордо и не спеша; нескладность фигуры; неувязка в работе;

недостижимость цели; несолоно хлебавши; не хватает места; незамужняя дама; недобрать нужной суммы; недовернуть кран; не доглядеть за ребёнком; не договорил фразы до конца; незрелый арбуз; недопитый стакан компота; не допить чай из-за спешки; выказать недопонимание; неотразимость доводов; непреложное правило.

Употребление НЕ и НИ

№ 121

Негде отдохнуть; никогда не забуду; не у кого просить; ни у кого просить не буду; ни во что не верю; не во что теперь верить; некуда пойти; никуда ходить не надо; никто не забыт; рассказывал нечто интересное; не читал книгу; не попугай, а орёл; ни рыбёшки не поймал; в поле ни былинки; не знал ни правил, ни формул; не мог не слышать крик; нельзя не думать о победе; куда ни кинь, всюду разруха; в доме ни кусочка; не дам ни глоточка; нет покоя ни днём ни ночью; не вырастил ни зёрнышка.

№ 122

Что ни говори, а он хорош; сколько ни звал, он не оглянулся; как ни трудно, дело выполни; пой, пока не охрипнешь; нельзя не любоваться закатом; нет такой крепости, которую он не возьмёт; сколько ни крути, придётся признаться; какие б мысли ни одолевали, я спокоен. Какие только мысли не одолевают! Где он только не побывал! Где он только ни бывал, всюду ему отказывали. Кто не проклинал автобусную давку!

№ 123

Не один ты устал; ни один не пришёл; не раз я опаздывал; немало воды утекло; явился не кто иной, как сам чёрт; звал не кого другого, как брата; ничто другое его не радовало; ничему иному он не удивлялся; в кинотеатре я был не один; ни один участник похода не явился; увидел не кого другого, как однокурсника; никому иному нельзя пожаловаться; ничем иным это не мотивировалось; никого другого не знал; здание оказалось не чем иным, как институтом; не раз спрашивали; ни разу не ответил.

№ 124

Ни больше ни меньше, ни брат ни сват, ни взад ни вперёд, ни дать ни взять, ни два ни полтора, ни жив ни мёртв, ни пуха ни пера, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни свет ни заря, ни слуху ни духу, ни с того ни с сего, ни то ни другое, ничтоже сумняшеся, ни там ни сям.

№ 125

Не думай о секундах свысока; старался не глядеть по сторонам; нельзя не гордиться такими делами; откуда ни возмись; ни дна ни покрывки; ни с того ни с сего обиделся; шёл, не оглядываясь на оставленные вещи; уходи, пока не побили; в доме ни души, в хлеве ни скотинки; не один ты такой умный; ни разу я тебя не встречал; пролетело немало лет; не умолкал ни на минуту; не мог не плакать; ни один зверь не вышел; не раз мы были на охоте; мы ни разу не рыбачили; не мечтай ни о песнях, ни о воле; в поле ни колоска; не слышно ни песенки; что ни сделает, всё хорошо.

№ 126

Никому не сделал добра; некому ухаживать за больным; ни для кого не секрет; не мог не слышать оппонента; как ни старайся, всё напрасно; о нём ни слуху ни духу; не возшло ни росточка; стоял ни жив ни мёртв; пожелал ни пуха ни пера; не шелохнется ни веточка, ни кустик; проснулся ни свет ни заря; никто не встретился в пути; ни разу не покаялся; не пролито ни слезинки; не сказано ни одного словечка; событие несколько не радостно; не уронив своего достоинства; не набрал ягод; не встретил ни одного знакомого; не получил прибыли.

Правописание предлогов, союзов, частиц

№ 127

Вследствие сильного снегопада; делать наперекор желанию; узнать насчёт подписки; перевести деньги на счёт фирмы; в следствии по делу; в силу аттестации; в заключение выступления; находиться в заключении; вместо благодарности; в место укромное спрятаться; в отличие от поклонников; в продолжение

утра; в продолжении романа известного автора; в течение пяти лет; в течении бурной реки; несмотря на неудачу; нечто вроде шара; шёл с опущенной головой, не смотря по сторонам; ввиду приближения осени; наподобие куба; иметь в виду ряд обстоятельств; вопреки распоряжению; по прибытии на место; согласно распоряжению шефа; благодаря внимательному отношению.

№ 128

(В) виду болезни, иметь (в) виду, разговоры (на) счёт земли, положить деньги (на) счёт, сосуд (в) виде шара, (в) течени... шести лет, (в) течени... реки, (в) продолжени... месяца, (в) продолжени... повести, (в) следстви... холодов, (в) следстви... по делу, (в) след (за) тем наступило потепление, (в) связи с собранием, (в) следстви... опоздания, встретиться (в) последстви..., медальон (в) виде сердечка, постройка (в) роде башни, что-то (в) роде воспоминаний, (в) виду недостатка времени, (в) заключени... собрания, (в) связи с переездом.

№ 129

Узнать (на) счёт подписки, (в) силу аттестации, узор (в) роде снежинки, (не) взирая на ливень, (в) заключени... выступления, (как) будто на периферии, (не) смотря на привилегии, я за (то) уже рассчитался, что (бы) то ни было, рассказал то (же) самое, (в) продолжени... утра, (на) подобии... скачка, (в) течени... недели, (в) продолжени... учебного года, встретиться (в) последстви..., что (бы) ни случилось, довольно (таки), (кое) про кого, так (таки), мысль (таки) верна, устал, за (то) кончил работу.

II. Орфографические диктанты

№ 1

Утро застало нас близ моря. О том, что ночью бушевал (девяти) бал...ный шторм, напоминали лиш... пл...вучие водо-р...сли, броше...ые на пр...брежные криста...ические скалы. Их так много, что кажется, (как)будто океан наро...но пос...лал здесь этот зелёный ковёр. У самой земли ещё влажно мерцает мелкая холодная изморо...ь, но (в)верху небо уже кристал...но чистое. Вдруг брыз...нули первые лучи со...нца, и мил...ионы брил...иантов забл...стали везде: на кустах мож...евельника, в зар...слях камыша, произр...стающего у ближайшей реч...нки, и на вспыхнувшей огнём брошен...ой перламутровой раковине. Кажется, здесь не ступала нога человека, но вот виден свежий след трёхтон...ки, проехавшей по песча...ому берегу, да вон чей(то) (полу)разрушен...ый до...ан...ик. Однако посмотрите: уж не след ли это медвеж...нка?

Нам надо пот...рапливаться, и поэтому мы, (на)скоро под-крепившись сви...ой туш...нкой и ш...коладом, отправляемся (в) путь. Обувь наша не высохла(таки) и, вопреки заверениям, очень пром...кает. Все сияет после (не)давнего ливня: и голубые цветы ц...кория, и какие(то) кусты с красными ягодами. Мой приятель заб...рается за ними в самую чащ...бу, (не)смотря на то, что кусты кол...тся и жал...тся. Посмотрите: вот птенцы широко раз...вают клювы. Как низко расположен...ы гнёзда! Здесь, наверное, их (не) кому разорять.

Так мы продолжаем продвигат...ся вперёд, вз...мая эту (не) ожидаемую для нас дань с природы. Но так как наш ар...ергард слишком растягивается, начальник экспедиции даёт приказ под-р...внят...ся. И мы продолжаем и...ти, забыв о всех горестях и из...янах нашей экспедиции.

Не нужно чере...чур пр...уменьшать трудность таких походов, но я не хочу и пр...уменьшить то удовольствие, которое они до-ставляют. Мы идём через лес, окр...плен...ый мир...адами капель,

которые висят даже на без...глых ветвях старых ёлок. Как н... тяжёлы наши рюкзаки, мы все (в)последстви... с удовольствием вспоминали наше путешествие.

№ 2

Как н... боялись засухи, она всё(таки) пришла. Небо было (до) нельзя раскале...о, и с него почти отвесно падали кол...щие лучи солнца, а в воздухе уже начинал ве...ть дыш...щий гарью ветерок. Овес, (не)поднявшийся ещё и на (пол)аршина от земли, уже поблек. Прося...ые поля, едва колебл...мые жарким дыханием ветра, насто...ного на увядших полевых травах, (без)устали отливали своими унылыми (бледно)зелёными кистями. Почти (не)заросшие в этом году травой паровые поля печально разнообразили картину. Песча...ая земля, которая, (по)видимому, некогда была особе...о избалова...а дождями, окончательно задыхалась от зноя.

(Кое)где попадавшиеся нам (на)встречу стада ещё более усиливали тоскливую неприглядность полей. И только один раз мы заметили возле них пастуха, (не)спеша идущего за стадом и с видимым усилием тащ...щего свою палку. Он безучас...но посмотрел на нас и пута...о об...яснил, куда нам следует ехать, (что) бы попасть на мельницу. (Не) смотря на ра...ее время, деревня, через которую мы прое...жали, поражала своей пусты...остью. Только (кое)где на завал...нке сидела (какая)нибудь старуха да к...пошились ребятишки, почти (не)интересовавшиеся нами. Даже собаки и те ла...ли как(то) (не)хотя и (как) будто по привычке. Но вот в отдалени... мы увидели небольшой домишк... с штукатуре...ыми стенами. Это и было (н...)что иное, как мельница, где мы рас...читывали остановит...ся на ноч...вку. Весело выглядят из (ярко)зелёной листвы черепи...атые и камыш...вые крыши построек, (без)устали вращается обвеш...ное маслянистыми каплями замшелое колесо, беш...о стучит в амбаре ж...рнов, с приглушё...ым ш...потом плещ...тся реч...нка, убегающая куда(то) (в) глубь степей. Уж не пр...мерещилось(ли) всё это нам?

№ 3

В тайге темнеет быстро. И (не)смотря на то, что мы это знали, всё(таки) темнота застала нас (в)расплох. Раздвигая тяжелые колючие ветви и нащупывая ногой следующую кочку, мы мало

(по)малу продвигались вперёд. Было соверше...о темно, но, как н... стра...о, от прож...рливых комаров и мошек, летавших впереме...ку вокруг нас, спасения не было так(же), как и днём.

Целый день мы шли вниз по течению реки, но река исчезла в темноте где(то) слева, и нам приходилось идти (на)угад. К счастью, до ближайшей охотничьей избушки, в которой мы ра...читывали устроить ноч...вку, оставалось, (по)видимому, совсем недалеко. И действительно, когда мы (по)одиначке перешли по узкой ж...рдочке, броше...ой через топкий лесной ручей, и поднялись в гору, мы оказались перед избушкой.

Н... теряя н... минуты и в душе радуясь, что ра...чёт наш оправдался и мы (в)пору добрались до места, мы (без)устали рубили хвою, пилили нож...вкой небольшие ветки и клали их крест(накрест). Вот и готова наша пахучая, но не очень мягкая постель! Товарищ мой уже не смотрит и...подлобья и даже начинает читать стихи, которые учил когда(то) (на)память, сначала ш...потом, а потом и (в)голос, (не)подозревая, как он смеш...н в эту минуту.

С тихим ш...рохом ветер раскачивает вершины старых кедров, как(будто) предвещая на завтра дождь, и где(то) (в)дали кричит какая (то) ночная птица.

№ 4

Дожди

(Н...)благоприятная для отдыха погода установилась надолго. (Н...)приветливое небо (н...)престанно хмурилось. (Н...)пр...кращаясь (н...)на час (н...)днём (н...)ночью, шли дожди. К сырой погоде я был (н...)подготовлен, так как не захватил с собой на дачу (н...)плаща, (н...) непром...каемой обуви, н... даже какой(нибудь) (н...)затейливой одеж...нки, которую (н...)жалко было бы трепать в (не)погоду. А почва у нас повсюду глинистая, вязкая. Даже после (не)большого дождя грязь вокруг (не)пролазная. Сколько (н...)оглядывал я низко нависшие пепельно (серые) облака, но не мог рас...мотреть даже н... малейшего проблеска. (Н...)заметно было никакого намёка на просветление. Как (н...) досадно терять драгоценное время летнего отпуска, но, как говорится, н...чего н... попишешь. И хотя я внешне примирился с тем, что придётся отсиживаться дома, однако в душе (н...)мог (н...)надеят...ся

на лучшее. Ведь человек всегда живёт светлой надеждой, и это (не)плохо. Что (н...) говори, а люди (н...)унывающие — это лучшая часть рода человеческого. Итак, н... смея ра...читывать на пр...крашение дождей, я расположился у окна с (не)дурными намерениями просмотреть (н...)прочита...ые за последние дни газеты, ответить на два-три письма.

№ 5

Мать рек русских

Матерью рек русских издавна... называли люди Волгу. Из(под) сруба стари...ой часоуенки близ деревеньки Волгино-Верховье вытекает непр...метный ручеёк, через который перекинут бревенч...тый мостик.

Проделав путь в три тысячи шест...сот восем...десят восем... километров, Волга приходит к Каспийскому морю.

Какие только суда н... встречаются на Волге!

Тяжело проплывает огромная (нефте)наливная баржа, заменяющая собой много (железно)дорожных цистерн. (В)след за ней тянутся (не)спеша широкие баркасы с (не)высокими бортами, (до)верху нагруже...ые камышинскими арбузами. Взгляните (из)дали с берега — точь(в)точь огромное блюдо с плодами плывёт по реке. А (на) встречу движется дли...ая улица, мощё...ая брёвнами. Как полагается, на улице выр...внялись, буд(то) по линейке, игрушечные домики. Перед домиком дог...рает костёр, кипит чай в закопчё...ом котелке, колыш...тся на беч...вках вывеше...ое бельё — и всё это хозяйство медле...о движется вниз по реке.

Не (по)одинокке, а караваном тянут...ся огромные плоты, насчитывающие по пятидесяти тысяч... брёвен. Провести такую громадину по своенравным поворотам в течени... реки — большое иску...тво.

На залитой июньским солнцем палубе с к...мфортом распол...жились в камыш...вых креслах па...ажеры трёх...этажного теплохода, точно серебр...ого от солнца. Неслышно рас...екает он зеленовато(серые) волны реки. По ср...внению с этим пл...вучим дворцом неказистым кажется труже...ик(буксир), толкающий впереди себя или ведущий за собою тяжело гружё...ые баржи.

Бегут скорос...ные поезда, несутся автомобили по тра...ам нашей необ...ятной страны, но Волга (по)прежнему величайшая магистраль нашей Родины.

№ 6

З...ря разг...ралась. Лучи солнца к...снулись верхушек деревьев, позолотили бл...стящую поверхность озера и проникли в спальню к ребятишкам. Высоко над домом разв...вается и горит ярким пламенем красный флаг. Скоро под...ём. По звуку горна ю...ые спортсмены быстро поднимаются и, зас...лав а...уратно постели, выбегают на зарядку. В комнате остаются ребятишки младшего возр...ста. Они не умеют ещё самостоятельно заст...-лять свои постельки и делают это под наблюдением вожатой Люси.

На спортивной площадке, построившись (по)росту (в)ряд (по)трое и подр...внявшись, ребята застывают по команде «смирно!». Через минуту в воздухе мелькают заг...релые руки, и стриже...ые (на)голо ребятишки накл...няются, к...саясь земли кончиками пальцев. После зарядки они (в)ра...ыпную бегут к озеру, огл...шая его берега звонким смехом.

Мальши, (не)умеющие плавать, плещ...тся у берега. Несколько ребят (во)главе с Юрой, знаменитым лагерным пл...вцом, направились к пл...вучему мостику, но, услышав сердитый голос вожатой Люси, поспешили обратно.

После купанья хорошо раст...реться м...хнатым пол...тенцем. Ежедневная зарядка и обт...рание холодной водой укрепляют и зак...ляют здоровье. А какой аппетит разв...вается после купанья! Всё кажется (не)обычайно вкусным. Ребята с удовлетворением упл...тают ...ладьи, м...кая их в сметану. Перед столовой красивый цветник. Дорожки выр...внены и посыпа...ы песком; большая клумба представляет собой ис...ку...ное соч...тание цветов. За цветником распол...жился опытный участок, на котором ю...аты выр...стили (до)селе (не)известные породы овощей. Садовник ...нисим Романович Бич...в собирается отослать лучшие экземпляры на (сельско) хозяйственную выставку. ...нисим Романович пользуется большим авторитетом у детей и имеет среди них своих поч...тателей. Ребята пр...клоняются перед его ис...ку...твом и собираются посв...тить себя сад...водству.

Бич...в — это не только садовник, но и взыскательный педагог. (Без)...нициативным и равнодушным ребятам нет места. Интересно и содержательно проводят они свой досуг в лагере. На высоком ур...вне проходят спортивные сост...зания, туристические походы и занятия в кружках самодеятельности.

Перед ужином мальчики и девочки с большим удовольствием танцуют и поют под ак...омп...н...мент б...яна.

№ 7

Стёртые каме...ые ступени, скользкие от мелкого осе...его дождя, вели вниз, в стиснутые высокими скалами ущелья. Одна из ближних к лес...нице скал, округлая и тяжёлая, напоминала силу...т доисторического животного. Складчатая спина чудовища покрыта, как шерстью, пучками увядшей травы. Только что пр...-бывали мы в цивилизова...ом мире высотных зданий, автобусов и тро...ейбусов, переполне...ых спешащими людьми, мощё...ых и асфальтирова...ых улиц и площадей, в мире гиган...ских сооружений и (не)скончаемых реклам. Но стоило перебрат...ся через большой неподвижный водоём, как мы (нежда...о)негада...о очутились в царстве (не)живой природы. Как (н...)стра...о, эта жизнь казалась реальной, а та, отдалё...ая тонкой сеткой дождя, сквозь которую просвечивали контуры совреме...ых к...т...комб, представлялась нав...ждением. И вот мы прик...саемся к древности, иску...но созда...ой и сохраняемой (учёными)экологами. Мы пр...остановились у безлюдного берега озера, любуясь открывшимся пейзажем: серебря...ой ниткой прорезал песча...ую гряду ручей, (чуть) чуть пожухлая зелень трав обв...вала кусты ольша...иков, создавая живописный рисунок. Облетающие берёзы, кустарники — всё это образовывало неповторимый лан...шафт. Мы стали продвигат...ся (в)глубь тер...итор...ии, как вдруг услышали детские голоса. Посторонившись, мы пропустили небольшой отряд ребятешек в непром...каемых курточках и вяза...ых из разноцветных ниток шапочках. (В)переди шагал улыбчивый весну...чатый мальчуган, державший флаг. На (бледно)голубом полотнище был нарисован дикови...ый рогатый (жук)олень. Фла...ки поменьше, тоже с изображением насекомых, несли другие дети. Но вот мимо нас прошли последние следопыты, и мы ра...просили руководителя, наблюдавшего (из)дали за ребятами, о цели их путешествия. Он

об...яснил нам, что эти дети — юн...аты и что все члены общества охраны природы приводят сюда своих подше...ных школьников, что(бы) с детства привить им любовь к природе, к прошлому своей страны. По прибыти... в город мы не захотели и...ти н... в театр, н... в кино, потому что (н...)что другое, кроме встречи с живым чудом, н... влекло нас.

№ 8

Из(за) поднявшейся метели я не мог выехать раньше, как предпол...гал. Было совсем поз...но, когда мне подали повозку, запряжё...ую парой лошадей. Кучер вск...чил на козлы, и мы покатили. Какое наслаждение мчат...ся на бойких лошадях по уката...ой снежной дороге! Удивительное спокойствие овладевает тобой, и приятные воспоминания роem т...сняются в голове. Недоверие, сомнение — всё осталось позади. Р..внина, ра...т...лающаяся перед глазами, бл...стит алмазами, на горизонте дог...рает бледная заря. Скоро поднимется луна, оз...рит таинстве...ым светом всю окрес...ность. Опираясь на спинку саней, плотно запахнувшись шубой, гляжу на бе...конечную тёмную ленту дороги. Вот в отдален... показали две точки, они то исчезают в ухабах, то, обгоняя друг друга, двигаются нам (на) встречу. Точки приближаются и пр...вращаются в два воза, на которых сидят закута...ые фигуры.

Мой кучер здороваётся, о чём(то) ра...прашивает их и, повернувшись ко мне, говорит: «Не опоздаем, поспеем к поезду».

Снова впереди пусто и тихо, только слышит...ся непр...рывный скрип саней да храп лошадей. Утомлё...ый разнообразием мес...ности, я погружаюсь в какой(то) сладкий сон. Мне кажется, что сон мой продолжался несколько мгновений, но, проснувшись, убеждаюсь, что мы уже добрались до цели нашего путешествия. В д...лине виднеется городок, освещё...ый рядами фонарей, а на западе дог...рают звёзды.

№ 9

Дни были невыносимо жаркие, но в небольшом дубовом лесочке стояла живительная свежесть. Упругие гляnc...витые листья молодых дубков свежи, как(будто) их только что обм...кнули в зелёный воск. (Из)под пёстрой тр...фаретной листвы пап...рот-

ников глядит (ярко)красная волчья ягода и опавшие ж...луди. (В) верху блещет сухая орешина, вся золочё...ая светом, на (тёмно) коричневой торфянистой почве в изобилии... произр...стают целые семьи грибов. Кругом со...ое царство, только стрекочут в траве неугомо...ые кузнеч...ки да тащ...т соло...нки смышлё...ые работающие муравьи. Из чащ...бы на опушку выск...чил пол...нялый заяц, но, сделав прыжок, (тот)час же решил пойти (на)попятную и бросился (на)утёк.

Высоко в небе плавает ворон. Вот долетает издали, как броше...ая горстка гороха, грус...ный ворон...ий крик. Что он высматривает оттуда? Может быть, он устал парить в поднебесь... и хочет этой студё...ой воды из ручья? А вот издалека слышалось словно пение жаворонка.

И вдруг слышится тяжёлый грохот. Опять удар, нива зак...лебалась, и по ней полоснуло холодом. К чёрной туче, которой заслоне...ы восток и юг, (к)низу (мало)помалу присоед...няются тучки поменьше. По верхнему краю тучи, которая кажется непр...глядной, бл...снула огн...ая нить серебр...ной молнии. Вихр...свис...нул, защ...лкал, и по бурому полю зреющей ржи забл...стали пр...чудливые светлые пятна.

И вдруг тихо. Н... молний, н... ветра. Вот и недавно ре...вший ворон, бросившись вниз, зак...пошился в посеребр...ой листве дуба. На траву упали первые тяж...лые капли, и (барaban...щик) дождь пустился (во)всю.

№ 10

Прошлым летом мне пришлось побывать в одном заволжском селе, затер...ом в дремучем смеш...ом лесу, прост...рающ...мся на много километров. Село было небольшое, но какое-то весёлое и оживлё...ое, как(будто) праздничное.

При самом в...езде в село нас встречает (не)стихающий н...днём н... ночью шум лесопильного завода. Здесь сложе...ы стопками брусья, навале...ы брёвна, желтеют кучи ещё (не)улежавшихся опилок. А вокруг села н... на минуту н... умолкает разноголосый птичий шум.

Чего только н... даёт человеку этот зелёный б...гатырь! За что н...воз...мёш...ся, всё так или иначе связано с лесом. Гнутую мебель, кова...ые сундуки, боч...нки — всё это делали мес...ные жители —

иско...ые деревообделочники. А вокруг высятся почти не освое...ые пока леса. Да это и (не)мудре...о: ведь рабочих рук не хватает, хотя недавно вернулись в село демобилизова...ые ребята.

Стоит вам углубит...ся в пусты...ый, казалось бы, бор, и вы сразу увид...те стриже...ые мальчиш...чьи головки, услыш...те певучую девичью переключку. Это грибники, ягодники. Хотя только вчера закончился давно уже (не)нужный дождь, а ветки обвеш...ы (не)высыхающими за целый день каплями, весь лес наполнен народом.

Но в самой непролазной чащ...бе вы можете столкнут...ся с хмурым, (не)нуждающимся в попутчиках стариком, который в присутстви... нежда...ого и незва...ого гостя с дела...ым бе...различием будет соб...рать ядрё...ые подосиновики с крутыми шляпками и сконфуже...о покашливать. И всё лето несут в магазин сушё...ую малину, вяле...ую на солнце ежевику, бруснику, грибы.

№ 11

Ч...порный ч...рт в ч...рной ш...лковой одеж...нке сидел на ж...стком диване и пил деш...вый ж...лудевый кофе, изредка ч...каясь со своим отражением в тяж...лом гляnc...витом самоваре, стоящем на парч...вой скатерти ш...коладного цвета. Ч...рт был большой обж...ра и, несмотря на изж...гу и большую печ...нку, объедался крыж...вником со сгущ...нным молоком. Поев и погрозив своему отражению пальц...м, ч...рт, молодц...вато встряхнув ч...лкой, пустился танцевать чеч...тку. Ц...канье его копыт было столь сильным, что в ц...кольном этаже думали, что наверху гарц...вала лошадь. Однако ч...рт был не очень искус...ным танц...ром и, совершив один не совсем удачный скач...к, врезался в самовар и обж...г свой пяточ...к, покрытый мягкой ш...рсткой. Ож...г был очень тяж...л. Огорчѐ...ый ч...рт куц...й овц...й кинулся к боч...нку с моч...ными яблоками и сунул в него обожжѐ...ый пяточок. «Правду говорят, что небережѐ...ого бог не береж...т», — ч...ртыхнулся ч...рт ч...ртовской пословицей.

№ 12

Опершись на фортеп...яно, протод...яконша в кол...е и пен...юаре, отделанном белич...им мехом, пела низким контрал...то арию из оперы «Ман...чжурская обез...яна», томно поглядывая на си-

девшего в бел...этаже флигел...-ад...ютанта, небрежно жевавшего монпанс...е. Хотя решительного об...яснения между ними ещё не произошло, но по всему было видно, что оно не за горами: уж слишком фамил...ярно — по мнению раскладывавшей пас...янс почтал...онши с из...язвлённым оспой лицом — поглядывал во время последнего котил...она этот суб...ект на бедную протод...яконшу. Впрочем, сама певун...я была без памяти от этого «славного кабал...еро из Севил...и», как она его именovala, ещё с того в...южного вечера, когда он с видом от...явленного злодея раз...езжал по набережной на необ...езженном коне по кличке Д...яволёнок, а она мирно прогуливалась, держа под руку с...ёжившегося от холода под...ячего, серьёзно раз...яснявшего ей смысл средневекового барел...ефа, изображавшего испанскую дон...ю в об...ят...ях некоего сен...ора. С каким-то неиз...яснимым блаженством вспоминала протод...яконша с тех пор эту минуту первой влюблённости и всякий раз, ложась спать, клала в изголов...е постели медал...он с портретом флигел...-ад...ютанта и, пряча свой коп...еобразный нос в кролич...ем воротнике пен...юара, предавалась сладким мечтан...ям.

№ 13

Имени...ик беш...о вопил, и...туплё...о размахивая над головой рва...ым башмаком, стаще...ым второпях с ноги насмерть перепуга...ого соседа. Изумлё...ые гости и родстве...ики в первую минуту ошеломлё...о застыли, но потом под градом масл...ых варе...иков, пуще...ых в их сторону взбешё...ым имени...иком, вынужде...о отступили к отворё...ым дверям. «Изме...ики! Подсунуть мне бе...прида...ицу, за которую никто гроша лома...ого не давал!» — отчая...о визжал он, возмущё...о скача на кова...ом сундуке, застеле...ом продра...ой клеёнкой. «Она (не)воспита...а и (не)образова...а, (не)слыха...о глупа и (не)вида...о уродлива, к тому(же) и вовсе без прида...ого», — кричал он, швыряя дра...ый башмак в (не)давно купле...ый соломе...ый абажур лимо...ого цвета. Броше...ая (в)след за ним палка копчё...ой колбасы угодила в стекла...ую вазу наполне...ую дистил...рова...ой водой, и вместе с ней рухнула на (коротко)стриже...ую, краше...ую под каштан голову обвинё...ой во всех грехах бе...прида...ицы, с уязвлё...ым видом жавшейся у двери. Та, ране...ая

в голову колбасой, карти...о взмахнув обнажё...ыми по локоть руками и сдавле...о пискнув, повалилась в квашню с замеш...ым тестом, увлекая за собой рождественскую ёлку, увеш...ую слюдяными игрушками, посеребрё...ыми сосульками и с золочё...ой звездой на самой макушке. Восхищё...ый произведё...ым эф...ектом, имени...ик упое...о пританц...ывал на выкраше...ом масл...ой краской комод, инкрустирова...ом тиснё...ой кожей, куда он перебрался с сундука непосредстве...о после падения дамы для лучшего обзора кутерьмы, вызва...ой его экзальтирова...ым поступком.

№ 14

Перед экзаменами

Приближаются весе...ие экзамены, и мы с братом Сашей усиле...о готовимся к их сдаче. Саша учится в университете, а мне ещё далеко до а...естата зрелости: в этом году мне, может быть, удаст...ся получить св...детельство об окончан... восьмого класса.

(Из)за болезни я не был в школе два месяца и (в)следстви... этого очень отстал. Во что(бы) то (н...)стало мне необходимо повторить всю програ...у, пройде...ую (в)продолжени... года. Я ра...читал, (по) сколько страниц надо читать в день, но мне (н...)как (н...)удаётся выполнить эти ра...чёты. Стоит только усест...ся за учебник, как в голову сами приходят мысли о стадионе. Хорошо бы с...грать в во...ейбол или потренироват...ся в беге — в прошлом году я был чемпионом школы в соревнованиях на короткую дистанцию.

(Не)плохо сбегать с к...мпанией сверс...ников на берег Волги, к речному вокзалу, или забрат...ся в п...лисадник и почитать что (нибудь) о к...раблях, к...раванах, необыкновене...ых приключениях.

Саша весь погл...щён занятиями: что(то) подч...ркивает карандаш...м в брош...рах, выписывает ц...таты из сочинений кла...и-ков, иногда читает (в)полголоса об агре...иях, капитуляции, конгре...ах и ещё о чём(то) соверше...о (не)понятном.

Я сажусь за стол и тоже читаю о м...р...дианах и парал...елях, о криста...ах и элементах.

Но начинается трансляция матча со стадиона «Динамо», и я зам...раю над (не)дочитанным параграфом. Саша (тот)час выключает радиопр...ёмник.

Я старательно решаю ур...внения с двумя неизвес...ными, но (всё) равно слышу и шум трамваев, и крики девч...нок, скач...щих на тр...туаре. В отчаян... я уйду на кухню, но здесь мне меша-ет сосред...точиться наш пёс Дружок, сидящий в к...нуре под окном.

№ 15

Детство Антоши Чехонте

Антоша — ученик таганро...ской гимназии — взялся за при-готовление уроков (по)латыни на завтрашний день. Но только он обм...кнул перо, как входит отец: надо, значит, и...ти сидеть в лавку. Антоша натягивает старенькое пальт...цо и рва...ые ко-жа...ые калоши и идёт (в)след за отцом. Лавка, где приходится учить и (не)доучивать уроки, отнюдь (не)весёлое место, а глав-ное, в ней холодно, так что у (не)поседливых мальчиков(при-каз...иков), которые от январ...ского мороза сутуловато поежива-ются, лица стали серо (синими). Реш...тчатое окно об...нд...вело, двустворчатую дверь то(же) покрыла измор...ь.

Антоша, (не)переставая плакать, взб...рается на увесистый ящик из(под) казан...ского мыла, пр...слоняется к груде меш-ков с крупн...ч...той мукой. Завтра — единица, а потом строгий нагоняй от отца, который всё объясняет лиш... лен...остью и рас...еян...остью. Антоша, который сидел за прилавком буд(то) прикова...ый, только из(дали) видел заманч...вую жизнь сверс...ников, живущих (по) человечески.

А вспыльчивый отец и не подозревал, как были бы счас...ливы его дети, избавле...ые от сидения в лавке, от всяческого страха быть высече...ыми, от созерцания подзатыльников, и н... пус-тя...ных, которые получали (не)счастливые мальчики наро...но в присутстви... публики. А ведь Антоша не мог без слёз видеть, как б...ют извозч...ч...ю лошадь!

Ску...ное сидение в лавке продолжалось и летом, когда пря...ые запахи пр...влекали в лавку тучи назойливых мух и они сплош...покрывали и до...атые стены, и сво...атый потолок.

Но по природе отец был вовсе (н...)злым человеком, скорее, наоборот, добрым, и (в)последстви..., когда жил у сына — уже извес...ного писателя — и в его присутствии вспомнили о розгах, он виновато ответил: «Мало ли что было в тогдашнее врем...чко».

№ 16

Среди развалин древнего Херсонеса висит над морем колокол, установле...ый на невысоких, но прочных столбах, пропита...ых смолою. Как н... густы бывают студё...ые осе...ие туманы, моряки найдут дорогу по размеру...ым, вовсе (не)торопливым ударам колокола. Когда(то) этот колокол, на котором высече...ы подли...ые греческие письма, был захвачен чужеземцами и едва(ли) не сто лет пробыл на чужбине, пока не вернулся наконец на родину.

Когда погода была безветре...а, зритель, (не)торопясь, сворачивал папиросу из (мелко)кроше...ого табака, надевал форме...ую бе...козырку и почти (не)надёванный бушлат и шёл к морю. Затем старик возвращался домой, и н... с чем (не)сравнимый запах моря сменялся запахом свежей золы и печё...ой в жару картошкой.

Весной тоже случались штормы, но ветер тогда дул (не) холодный, а тёплый и ласковый. Приходили к колоколу (не) занятые службой матросы, прислушивались к его (не)умолкающему гулу, (не)спеша думали о чём(то) своём. Тяжёлый, почти (не)двигающийся от ударов, он гудел обиже...о и приглушё...о, окаче...ый волной. А когда море (не)доставало до него, звенел весело и задорно.

А в развалинах жили ящерицы. С дела...ым равнодушием, греясь в лучах полуде...ого солнца, они чутко оберегали жутковатую тишину умершего, никому уже не нужного города. Море тогда бывало почти неподвижным и ровным, как синеватое воронён...ое блюдо. И белые лепестки цветущих слив и вишен... осыпали тогда развалины.

№ 17

Весь следующий день прош...л в напряж...ом ожидании (норд) оста. На с...гнальной мачте с ра...вета в...сел штормовой сигнал — ч...рный конус и ч...рный квадрат.

Каждый ждал шторма (по)своему. Рыбаки торопились поставить на якоря смолё...ые байды. Перево...чики угоняли шлюпки в тихие затоны. (Серо)голубые вое...ые к...рабли крепче шварт...-вались к (ярко)красным пл...вучим бочкам. Серебр...ые гидр...-планы прятались в ангары, как пч...лы заползают в улей. Маячные сторожа прот...рали суко...ыми тряпками стекла...ые линзы

ф...нарей. (Ни) чего не делали только дворники: они ожидали, что ветер выметет и продует (на)сквозь Севастополь.

Устав от бе...пло...ного ожидания бури, я поехал на (с)еверную сторону. В песча...ых пр...брежных пещерах, выбитых в ж...лтых сухих утёсах, жили рыбаки — заг...релые оборванцы с жёнами и полуголыми детьми. (Грязно)серые сети и развеш...ная на б...ч...вках рва...ая роба дополняли пейзаж.

(В)дали на заднем плане, за лесом мачт и свёрнутых парусов, похожих на полотня...ые листья бананов, за пута...ницей турецких балконов, разбитых черепичных крыш, желтела степь, поросшая пропылё...ой травой. По ней бродили псы — ст...р...жили и владельцы этих рыбац...их и крепос...ных берегов.

Дворы напоминали склады д...к...раций. Бельё на каме...ых оградах в...село, как изорва...ые театральные к...стюмы. Дети гоняли обручи. Эта игра свойстве...а всем широтам (з)емного шара. На пустырях валялись остатки р...квизита: разбитые глин...ые кувшины, жестя...ые банки, (как)будто высуше...ые букеты и полома...ые вёсла. Чайки сидели на чугу...ых шарах — пустых минах, из...ед...ных ржавчиной. Стены стари...ых круглых фортов были наискось разреза...ы тенью и солнцем. На крышах фортов были укрепле...ы сигнальные мачты. На них разв...вались флаги.

Я был уверен, что флаги пахнут, как выстира...ое бельё. (Не) даром их беспр...ста...о обдувал солё...ый ветер.

Вечером на мачтах заг...рались зелё...ые ф...нари, и казалось, что форты, как м...ниторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ноч... (на)встречу (не)видимым вражеским эскадрам.

Эти (давным)давно разоруж...ые броше...ые форты остались на (с)еверной стороне со времён (с)евастопольской обороны. Они пр...давали всему пейзажу облик стари...ого крепос...ного района, засыпа...ого вросшими в землю ядрами.

(По К. Паустовскому)

№ 18

Мы выбрали (не)большую р...внину, прогретую (не)жарким в это время солнцем. Если посмотришь (на)прав..., на листе...ый склон горы, то среди медно(красной) листвы увид...шь, как среди домов кое(где) светятся золотые кроны деревьев. Внизу трава ещё зелёная, (как)будто молодая, а меж голубоватых камней, как

полирова...ая, бл...стает вода. В стекла...ой синеве тихой заводи вода пр...обретает тёмный цвет, медленно кружит опавшую листву и затем мчит её дальше по кам...нистому ложу.

Виноград (в)прикуску с хлебом, особенно под тёплым небом, кажется необыкновенно вкусным. И тут(же) можно прямо пр...горшней напит...ся осе...ей, студё...ой, как драгоценное вино, воды. Рядом с нами лежат пока ещё (не)разобраные удочки и пол(литровая) банка с икрой.

В одном месте вода бурлит огромными клубами, чуть(ли) н...фонтанами, пытаясь растечься (в)ширь, но, стеснё...ая каменными берегами, устремляется (в)перёд, собственно, летит, обрызгивая пр...брежные камни. Едва только я опустил удочку в самое отчаянное клочкотанье, как почувствовал, как меня тянет (в)низ.

И вот из потока, извиваясь на крючке, облегчённо выскочила серебряная рыбина. Особенно волнующим, истинно красивым было сочетание летящей волны и напряжённой лески, когда слышится гневный рывок пойманной форели.

Искренне обрадованные неожиданной богатой уловом, мы (не)медленно тронулись в путь. После такой рыбалки (н...)волью замечашь каждую заводь, отмеченную обыкновенно более густым цветом.

(По В. Солоухину)

№ 19

Отбл...стали молнии, отгрохотала к...нонада грома. Ярс...ный (барабанщик)дождь сначала пр...остановил, а затем и совсем пр...кратил свою трескотню. Стихии больше не спорят, не борются. Буря отбушевала, атаки рвавшихся со всех сторон ветров отражены деревьями. Их верхушки не мечтятся больше из стороны в сторону. Они резко вырисовываются на очищающемся небе, (чуть)чуть колышются. Дыш...шь не надыш...шь чудесной свежестью.

Ра...трое...ые, разгромленные полчища туч... уносятся с места сражения. Сейчас должно появиться из-за облачка солнышко. Оно уже выглядывает верхним краешком. Выпрямляется освежённая рожь, благодарно трепещет глянцевая древесная листва. Всё живое вновь суетится и мечтается. С новым азартом стрекочут кузнечки, в медвяных чашечках цветов воз...т...

деловито пч...лы. По солом...нкам, как по ле...нице, ше...твует жуч...к и важно расправляет свои миниатюрные крыл...шки. Над камыш...м ручья кружат...ся (тёмно)синие и бирюзовые стрекозы. Шмель начинает жуж...ать и нудно проповед...вать что(то) (не) слушающим его насекомым.

Из ближних рощ..., с пашен... и пастбищ — отовсюду доносится радос...ная птичья (разно)голос...ца. Природа (не)нарадуется: чудесный прошёл дождь, тёплый, урожайный. Скоро теперь появят...ся грибы. Любители грибного спорта, подготов...тесь к грибной к...мпании! Постав...те за правило в эти дни не жалеть н... времени, н... сил. Замет...те, что ра...ему грибу нравится р...сти и наливат...ся соком у лесной опушки, а не в глубине лесных чащ.

Встан...те на ра...вете и направ...тесь в перелесок. Никто из вас не пожалеет о большом размере к...рзины. (С)утра на следующий день после грибного похода вам будет казат...ся, что ноги одер...в...нели, спина окост...нела, что все лесные растения кол...тся и все насекомые жал...тся, но через 15—18 минут вы пр...ободритесь, и всё будет (по)прежнему, как вчера. Эконом...те силы с утра!

№ 20

Снег, не перестававший сыпаться, казалось, со всех сторон, слепил глаза и словно хотел остановить Василия, но он не пр...ста...о всматривался (в)даль, где, казалось, по временам на миг мелькал бре...ж...щий свет, и гнал лошадь (не)переставая.

Он ехал, как ему казалось, всё прямо, ничего (не)видя перед собой, кроме головы лошади, пока (не)зачернелось что-то перед ним. Сер...це радос...но забилося в нём, и, уже видя (не)замете...ый снегом заборишк... и даже скворе...ник над домом, он быстрее погнал лошадь.

Но чёрное это было (не)стоящее, а шевелилось и было не деревня, а обвеш...ый комьями снега и стел...щийся под ветром об...нд...вевший куст.

(Не)обрадова...ый видом этого куста, Василий стал сильнее погонять лошадь, (не)замечая того, что взял вовсе (не)правильное направление. Лошадь заупрямилась и, хоть Василий то усовещ...вал её словами, а то порол и по...ч...вал кнутом, тянула вправ... от пути, который он выбрал.

Опять впереди что-то зачернело. Он обрадовался, увер...ый, что теперь уже, наверное, деревня. Но это был (точь)в(точь) такой же чернобыльник, мучимый немилосердно студё...ым ветром, который спутывал его ветви (крест)накрест.

Ошеломл...ый, Василий остановился, пригляделся, и даже такого пр...терпевшегося ко всяким пр...вратностям судьбы, такого стрел...ого воробья, как он, всё(таки) охватил ужас: он увидел ещё почти (не)замет...ый сан...ый след. Он, (по)видимому, кружился на небольшом пространстве.

№ 21

В глухом таёжном междуречье расположился лагерь развед...вальной буровой бригады Василия Миронова. Несколько палаток на только что раскорч...ва...ой и выр...вне...ой площадке, дли...ый свежееоструга...ый стол между ними, закопчё...ое ал...юмин...вое ведро над костром. А рядом вышка и до...атый домик конторы, где установили рацию, приспособили для обогрева железный боч...нок из(под) со...жё...ого в пути горючего. Место, выбра...ое для лагеря, (н...)чем (н...)отличалось от десятков таких(же) стоянок в таких (же) диких, (не)хоже...ых местах. С одной стороны — зар...стающая трос...ником и камыш...вой пор...слью реч...нка, с другой — масл...нисто бл...стающее на солнце трясин...ое болото.

И со всех сторон сразу — бе...числе...ые полчища комаров и в...едливого северного гнуса.

Плыли сюда мирановцы на самоходной плоскодо...ой барже. Плыли дней шесть, пр...одолевая бе...чётные мели, застревая на песча...ых перекатах. Высаживались на берег, что(бы) облегчить плоскодонку, и, обе...илев, валились в дыш...щий вековым холодом мох. Если бы выпрямить все затейливые петли реки, получилось бы километров полтора до посёлка разведчиков. Там остались семьи, там в ра...ий утре...ий час гостепр...имно раскрываются двери столовой, там поминутно стрекоч...т вертолёты, прицеливаясь к утрамбова...ой площадке перед продовольстве...ым складом.

У горстки людей, оторва...ых от всего этого, было такое чу...ство, что они давно ра...тались с домом и неизвес...но, когда снова увидят рубле...ые, давно (не)краше...ые домишки, ак...уратно рас...тавле...ые по обе стороны широкой улицы.

А через четыре года вниз по Оби пошли первые танкеры, гружё...ые нефтью. И оди...адцать мил...ионов тон... тюмен...ской нефти, которые, по ра...чётам специалистов, должны были быть выкача...ы из недр в ближайшие годы, не оказались фантастикой. Не пр...увеличивали сибиряки, ра...читывая на первенство в нефт...газовой индустрии.

№ 22

Сентябрьское солнце, ярко пронизывающее прозрачный воздух, уже низко. Осиновые кусты (в)переме...ку с одинокими деревьями, броше...ыми там и сям, кажутся словно золочё...ыми. В сторону, противоположную закату, от них тянутся густые тени. (Нежно)голубое небо покрыто лёгкими, как пух, и, словно пар, прозрачными облаками, подёрнутыми багря...ым румянцем. Едва ощутимое веяние уже (не)жаркого, но ещё мягкого и нежного ветерка слабо тревожит воздух, напоё...ый запахом полыни.

Вдруг (не)ведомо откуда доносятся мерные и торжестве...ые звуки, подобные звукам трубы. Это в страшной, почти (не)доступной глазу высоте протянулись ключом журавли. Но звуки те мало(по)малу слабеют, (по)немногу зам...рают, и скоро их уже совсем (не)слышно. Тихо, иногда только по гладкой, точь(в)точь полирова...ой, дороге проскрипит, проб...раясь, воз с рожью, и снова тиш... .

Визгливые воробьи...ые стаи то и дело переносятся с конопля...иков, которые уже давно обобра...ы и где теперь можно так вольготно порезвит...ся, на полуразруше...ый плетень, на котором возносится домотка...ая холсти...ая рубаша и сохнут на колышках горшки.

Словно пуще...ый камень, проносится мимо летучая мыш..., а там, над камыш...м, они реют тучами, производя подобный ветру шум.

Проходят счита...ые минуты — и солнце уже почти закатилось. В глубине востока, неувере...о мигая бре...ущим огоньком, вспыхнула маленькая звёздочка.

№ 23

На самой окраине села, (не)подалеку от шос...е, на песча...ом пригорке стоит сосна. Выр...сшая на приволье, она

когда(то) поражала своей мощью. И теперь ещё, (сорок...) летняя или, может быть, (девян...)столетняя, она н... потеряла остатки былой силы. Толсте...ый, вдвоём н... охватишь, ствол весь в чудовищных узлах и сплетениях — н... дать н... взять окаменевшие в сверх...естестве...ом напряжени... мускулы гиганта. Толстая бугристая кора, напоминающая ш...роховатый бок выветре...ой скалы, местами обвалилась, обнажив из...еде...ое короедами тело сосны. Ветви торчат в стороны, словно гиган...ские костлявые руки, сведё...ые (на)мертво в какой(то) загадочной страc...ной мольбе. Дереву уже (не) в радость приволье, солнце, дожди. Только на самой верхушк... клоч...к ж...лтой, старческой хвои. Но и с этого клочка сыплот...ся крошечными пергаментными мотыльками семечки. Напоминает эта сосна (н...)что иное, как свяще...ое дерево, которое, говорят, было в седой древности у каких (то) народов.

А вокруг шумит рож... . Сорвите колосок, ра...мотрите его повнимательнее. Не ради(ль) такого колоска ум...рали бунтующие мужики, целые деревни, скрипя немаза...ыми телегами, ташились на чужбину?

Шуми, шуми, рож...! Что(бы) н... напоминал твой колос, шум его всё равно успокаивает и радует!

(По В. Тендрякову)

№ 24

Гроза ширилась и наступала на нас. Не успели мы оглянут...ся, как туча, почти (не)двигающаяся, казалось, с самого горизонта, (не)ожида...о оказалась перед нами. Вот бл...снула огне...ая нить, и густой смеша...ый лес, через который мы проб...рались, мгнове...о оз...ряет...ся зловещим светом (кроваво) красного пламени. Сразу(же) обиже...о прор...котал гром, ещё (не)решительный, но как(будто) тревожный и угрожающий, и (тот)час же по листьям забарабанили капли дождя.

Вряд ли знает грозу человек, (не)встречавшийся с нею в лесу. Мы бросились искать убежище, пока ливень (не)пустился (во) всю. Но было уже поз...но: дождь хлынул на нас беш...ыми, (не)укротимыми потоками. Оглушительно грохотал гром, а молнии, все время (не)перестававшие вспыхивать серебря...ыми отблесками, только ослепляли. Лиш... на какую(то) долю секунды можно

было ра...мотреть почти (не)проходимые зар...сли, едва (не)зато-
ле...ые водой, и крупные листья, обвеша...ые маслянистыми кап-
лями.

Скоро мы поняли, что, (не)смотря на все наши старания, мы так и останемся соверше...о (не)защищё...ыми от дождя. Но вот небо медле...о очищается от туч, и мы продолжаем идти по пу-
та...ой тропинк..., которая приводит нас на (мало)езже...ую до-
рогу.

Мы проходим мимо (не)высокой, но стройной ливне...ицы, вершина которой расщепле...а, и видим (н...)что иное, как обе-
ща...ую нам избушку лесника. Приветливый старик в холсти...ой рубахе с (не)свойстве...ой ему торопливостью разж...гает печурку, ставит на стол топлё...ое молоко, печё...ую в золе картошку, сушё...ые на солнце ягоды, предлагает ненадёва...ый тулупчик. Старик по...чует нас на славу.

(В)продолжени... целого дня дождь лил как из ведра, но (в) последстви... погода прояснилась. (После)полуде...ое солнце безмятежно засияло, и наступила ни...посла...ая благодать. Начинался чудес...ный безветре...ый вечер.

№ 25

В порту

Громадный порт, один из самых больших портов мира, всегда бывал переполнен судами. В него заходили (тёмно)ржавые (гиганты) броненосцы. Весной и осенью здесь разв...вались сотни флагов со всех концов (з)емного шара и с утра до вечера раздавались команды на (все)возможных языках. От судов к бе...числе...ым складам туда и обратно по колебл...щимся сходням сновали грузчики: русские босяки, оборва...ые, почти оголё...ые, смуглые турки в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окраше...ыми хной в (огне...о) рыжий цвет. Часто в порт заходили прелес...ные (из)дали двух- или (трёх)мачтовые итальянские шхуны. Здесь месяцами раскачивались в (грязно)зелёной портовой воде маленькие судёнышки со стра...ой раскраской и пр...чудливым орнаментом. Сюда(же) изредк... заплывали и какие(то) дикови...ые узкие суда, под чёрными просмол...ыми парусами, с грязной тряпкой вместо флага. Матросы такого судна — соверше...о

голые, бронзовые, маленькие люди, — издавая горта...ые звуки, с (не)постижимой быстротой уб...рали рва...ые паруса, и мгнове...о грязное таинстве...ое судно делалось как мёртвое. И так (же) загадочно, тёмной ночью, (не)зажигая огней, оно без...вучно и...чезало из порта.

Окрес...ные и дальние рыбаки свозили в город рыбу: весной — мелкую камсу, мил...ионами наполнявшую (до)верху их баркасы, летом — уродливую камбалу, осенью — макрель, а зимой — (десяти) и (двадцати)пудовую белугу, выловле...ую часто с большой опас...ностью для жизни.

Все эти люди — матросы разных наций, рыбаки, весёлые юнги, лодочники, грузчики, контр...бандисты, — все они были молоды, здоровы, пропитаны ядрё...ым запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, а на суше пр...давались с насл...ждением беше...ому разгулу, пьянству и дракам. По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко (на)верх, манили их, как волшебные бл...стящие глаза, всегда обещая (что)то новое, радос...ное, ещё (не)испыта...ое и всегда обманываая.

(По А. Куприну)

№ 26

(В)низу, у бе...порядочно нагромождё...ых в бе...чётном количестве (пепельно)серых камней, плещ...тся, и брызж...т, и дыш...т (горько) солё...ым (пьянще)ароматным воздухом выр...вне...ые, как по линейке, волны пр...лива. Лицо (чуть)чуть обв...вает прохладой «моряч...к», пр...носящийся из (Т)урции. Лома...ой линией тянутся вдоль берега вое...ые склады. Внутре...ий рейд охраняется от декабр...ских и январ...ских штормов (железо)бето...ым молотом. (Изжелт...) красный хребет как(бы) (с)ходу обрывается в море. (Н...)откуда (н...)видимые и (не)доступные для человека рас...елины в скалах — убеж...ше птиц. Далеко (в)верх забрались м...ниатюрные, беле...ые (не)гашё...ой известью глина...ые домики. (В)дали, на (юго)западе, виднеются (бело)серые гряды гор с та...щими в воздухе, сходящими (на)нет серебря...ыми вершинами.

В (старом)пр...старом загородном парке тихо и безлюдно. Давно (не) краше...ые деревья...ые беседки увиты плющ...м и манят

прохладой. Эстрада для оркестра с плохо нас...ла...ым полом (до)верху заколоч...а ф...нерой. Теперь это (н...)что иное, как склад (не)нужных театру д...кораций.

(Н...)чем иным, как складом, н... могла быть теперь и гал...рейка, находящаяся бли... эстрады. Без...вучно падают бе...числ...ые (золотисто)ж...лтые осе...ие листья. Парк рас...кинулся (в)ширь на (два)три километра. По тропинкам далеко (не)безопасно ходить, так как в траве кишат (не)большие (змейки)медян...ки. Нижняя площадка усея...а отшлифова...ыми морем блестящими кам...шками; среди них проб...вается растение (не)тронь(меня). Войдя (в)глубь парка, вы увид...те (на)редкость красивый (двух)этажный павиль...н с в...тыми колон...ками и с искус...ной резьбой. Из-за зелени (широко)листве...ых деревьев выглядывают точ...ные из камня статуи, относящиеся, (по)видимому, к пред...стории парка. Клумбы пестрят (огне...о)красными кан...ами, гладиолусами и разными (суб)тропическими цветами. Каких соч...таний красок я (н...)увидел здесь! Кого (н...)спросишь, все говорят, что из парка уходить н... хочется. Вряд (ли)уда...ся (в)виду загроуже...ости приехать сюда ещё раз (в)течени...ближайших лет.

№ 27

Стояла чудесная весе...ая пора. Море пробуждалось от скывавшей его дремоты и как(бы) посылало свой утре...ий привет ещё (не) проснувшейся земле. (Желтовато)розовые лучи солнца едва к...снулись поверхности воды, позол...тили пристань, корпуса судов, стоявших на рейде, и кра...шки парусных лодок. На до...атых настилах и прямо на песке, (всего)навсего шагах в пяти от воды, лежали (в)повалку какие(то) люди. Некоторые из них недавно пришли сюда (в)надежде на зар...б...ток, другие были иско...ыми мес...ными бродягами, которые привыкли проводить летние ночи под открытым небом. С кра...шка настила распл...стались два местных «галаха», которые (до)упаду набродились (в)потьмах, ра...читывая (чем)нибудь поживиться, и, разделив добычу, они заснули каме...ым сном. (Едва)едва забре...ил ра...вет, как пристань стала (по)немногу пробуждаться. (Из)за к...рмы (н...)кому (н...)принадлежащей старой баржи появилась к...мпания зап...здалых гуляк, которые, видимо, (не) (в)меру

выпили после тёмных ночных походов и теперь нарушали тишину южного ум...ляющего душу утра (не)стройными выкриками. Двое из них шли (в)обнимку и пели какую(то) залихва...кую песню. Голоса их звучали (не)стройно, (в)разнобой, внося ди...онанс в гармонию просыпающегося утра. О, как раздражало это тонко чу...ствующего художника, который явился сюда с м...льбертом и пр...готовился запечатлеть на своём холсте (не)подражаемые краски моря. Песнь внезапно оборвалась, и послышалась брань. (По)видимому, приятели по...орились (в)сер...ёз, ибо один из них наскакивал на другого, гневно размахивая руками и крича что-то (в)сердцах. Им всегда было вместе тесно, а (в)розь скучно.

Через час пристань была (не)узнаваема. Народ сновал (в)зад и (в)перёд, мальчишки торговали папиросами (в)розницу, т. е. (по)штучно. Лото...ницы продавали печ...ые и только что сорва...ные анисовки и груш...вки. Все ожидали прибытия (тихо)океанского парохода. Взвод солдат (во)главе с (унтер)офицером промаршировал (в)ногу по набережной и остановился у причала. Вскоре на горизонте показался силу...т судна, а через (пол)часа железное чудовище (в)(пол) оборота подходило к причалу. Пароход пришёл (во)время, и пристанская администрация была (во)всеоружии. Первым по трапу сошёл на берег (генерал)майор (в)сопровождени... ден...щика. Вслед за ним с...менила старуш...нка в душ...грейке, держа на руках дре...ирова...ую собач...нку. Далее двигалась дама в экстр...вагантном (жёлто)зелёном (в)полоску ж...кете и молодой человек с м...ноклем (в)глазу, в блестящ...м ц...линдре и в м...кинтоше (в)накидку. Старуш...нку, (еле)еле державш...ся от усталости на ногах, встретила толпа родстве...иков. Они (до)верху нагрузили бричку к...рзинками и б...ульчиками, набившись туда (до)отказа...

№ 28

Идёт лесник по тихой тропинке, проб...рается сквозь щаш...бу, а потом переб...рается через топкий лесной ручей. Ветер трепл...т густую крону лип, разв...вает зелёные верхи берез. Только в дубовой листве, такой густой, что, кажется, даже в ливень она не пром...кает, ветер запутывается и стихает.

Вот лесник останавливается у (не)высокого дерева, накл...няется. Нет, не п...ганки, р...стущие здесь, привл...кают его вни-

мание. Лесник от...скивает в сумке инструмент, пр...ступает к работе, и вот уже из тела дерева вынут (не)большой бл...стящий кусоч...к метал...а — осколок снаряда. Ничего, скоро рана обр...стёт к...рой, и дерево будет жить (по)прежнему. А вот он по...внялся с дубком, который уже перенёс такую(же) операцию. Теперь и (не)найдёшь его раны: молодая кора ср...вняла даже шрам. Останавливается Лукьян Куз...мич возле р...стков сосны, нежно прик...сается к ним, и от его прик...сновения они ласково кивают пушистыми верхушками. «Вот бы сюда приве...ти тех скептиков, которые пол...гают, буд(то) сосна не может расти на черноземе», — думает он. В его п...томнике выр...щен...о более двух мил...ионов саженцев листвен...ых и хвойных пород.

Перед возвращением домой можно и передохнуть, и лесник пр...слоняется спиной к стволу, вслушивается в без...скус...ный перезвон птич...их голосов. Вдруг к привычным запахам пр...мешивается горьковатый запах г...релого. Что за нав...ждение? Где же г...рит?

С собой только сумка с (не)мудрён...ым инструментом да пара рук, а (в)переды, зловеще бл...стая, уже текут змейки пламени. Лесник очищает землю от сухих листьев, спешит, пр...возмогая боль в обож...ён...ых пальцах, пог...сить пламя, и вот уже один за другим, дойдя до очище...ой земли, гаснут огне...ые ручейки. Лесник выт...рает пот со лба. Туда, где только что буш...вало беш...ое пламя и деревья стояли словно окр...плё...ые кровью, возвращается мгла.

№ 29

Центральная электр...станция стоит в (не)глубоком ущель... на реч...нке Горын... (не)далеко от пристан... Высокое напряжение опасно для жизни, (по)этому на те...итории станции (по)всюду на столбах висят предупреждения: «Осторожно: Смерть!» (Н...) раз, казалось, монтёры во время ремонтных работ бывали... (на) волосок от гибели; однако в книге, носящей название «Книга (не)счастливых прои...шествий», (н...)значи...ся (н...)одной серьёзной аварии, (н...)одного (н...)счастья с людьми.

Причина — в умелой организации м...нтажа и ремонта. По всей площад... станции проходят рельсы у...коколейки, находящ...ся (в)ведении общей любимицы Лиди... Алекс...вны Лиси-

ц...ной, которую (во)время работы можно найти либо на линии, либо в сигнальной станцио...ой башен...ке, выстрое...ой на возвышен..., в садике, среди бурно разросшихся више..., череше... и груш... . Отсюда видны все под...ёмы и закругления дороги, виден кар...ер для выемки ба...астного песка. Поговорить с Лидией Алекс...вн... или с её помощницей Любовью Никола...вной можно только после ок...нчания работы в её домишк.... Живёт она бли... станции и занимает маленький флиг...лёч...к, куда к Лидии Алекс...вн... (не)редко приходят посетители. По вечерам она и внуч...к Ван...чка сидят в своей спал...ке и читают. Особенно люб...т они слушать стари...ую песен...ку: «Ты стоишь, моя берез...нька, на полос...ньке». Летом по воскресеньям бабушка с внучком выход...т на луж...к перед домом или на береж...к Горын.... Около них носится собач...нка Друж...к, которая тербит своего приятеля мальч...нку за рубаш...нку. Нагл...девшись на заречные пр...сторы, Лидия Алекс...вна усаживается на завал...нку и вяжет варе...ки. Крюч...к так и мелькает в её руках. Ван...чка в это время плетёт к...рзины из солом...нок или делает трещ...тки и погремушки для змея. (По)позже выходит из дому нян...шка Мар...я Куз...мини...на, которая когда(то) работала подно...ницей на электр...станции, и начинает рас...казывать Лиди... Алекс...вн... (обо)всём, что она за день сделала.

№ 30

Только соверше...о (не)заинтересова...ому взгляду русская природа кажется бедной и (н...)сколько (н...)разнообразной. (Не)броская, но какая-то сосредоточе...ая и сразу (не)раскрывающаяся красота её вызывает (не)повторимое, долго (не)забывающееся чувство шемящей грусти. Я (не)знаю (н...)чего более трогательного, чем первый снег, который, (не)смотря на свою хрупкость, влас...но манит далью ещё почти (не)проторё...ых дорог.

Сколько песен сложе...о про зиму, сколько поэм посв...ще...о юн...ой красавице в сарафане из серебря...ой парчи, а нам всё (не) достаёт. Когда особе...о безветре...а и румя...а зорька, (не)спеша умывается она студё...ым ра...ыпчатым снегом. А как поведёт потом синими очами (из)под опушё...ых ин...ем ресниц, так каждый поверит, что такая красота (н...)кем и (н...)где (н...) видана.

Чего только н... вспомнишь из далёкой поры юности! Я до сих пор вижу дуги с узорами, писа...ыми масл...ной краской, золочë...ую упряж... коней с лебеди...ыми шеями, которые на масл...ной неделе, едва (не)сцепившись оглоблями, (на)перегонки мчат нас по вовсе (не)узкой деревенской улице. Часто за мной приезжал брат, и мы (не)медля отправлялись в соседнее село. Заметив, что я загляделся по сторонам, он с (не)привычной мне ловкостью выталкивал меня из саней и пускал об...нд...евшего коня (в)галоп.

В тяжёлых вал...нках и овчин...ом (свеже)дублё...ом полушубке (не)быстро побежишь, но я налегал изо всех сил, а брат (не)останавливал коней, пока я (не)начинал спотыкат...ся. Но сколько н... проб...вал я вытолкнуть его из саней, это мне н...когда (не)удавалось.

Нет, русской зимы нельзя (не)любить. Люди, (не)видевшие её, (до)сыта (не)налюбовавшиеся ею, (не)поймут русской жизни и русского характера.

№ 31

Прошёл холодный ветре...ый март, и, наполняя воздух ароматом отта...вшей земли, наступил солнечный апрель, хотя (по)прежнему иногда дул студё...ый ветер. Все обрадовались, увидев, что (на)перегонки побежали шустрые ручьи, стремясь к сверкающей в отдалень... реч...нке, ставшей вдруг шумной и полноводной.

Всюду, куда н... взглян...шь, стел...тся над землёй лёгкий пар, на пе...аных буграх, которые сами собой уже давно обезлес...ли, мало(помалу) подсохли протал...нки, и только на давно (не)езжен...ой дороге синеют луж...цы последней снеговой воды. И степь, и сама деревенька, разброса...ая на пр...горках, и до...атый заборишк..., и сложе...ые у него дрова, обмытые дождями и обветре...ые, — всё казалось таким новым, праз...ничным, что каждый, кто (н...)смотрел, (н...)раз удивлялся диков...ой перемене.

А вот и прилетели первые скворцы и тут(же), (не)смотря на усталость после долгого перелёта, начали оживлё...ую работу. Без усталости носили пёр...шки и солом...нки, соб...рали зёрн...шки, броше...ые в траве. Прилетели скворцы, и тут же оказалось, что прилетели они не (в)пору и только один день могли (в)волю попеть. Весна пошла (на)попятную, и уже (в)вечеру ударил мороз,

в течени... ночи валом валил снег, а (по)полуночи завьюж...ло совсем (по)январ...скому.

Люди укрылись в домах, а скворцы забились в хворост, прятались вместе с воробьишками в об...нд...евших соломе...ных крышах конюшен... А (не)опытные или просто (не)догадливые (на)смерть замерзали либо (на)лету, либо в холодных скворе...нях. Приходилось голодать: где уже тут найти хоть какое(нибудь) сем...чко.

№ 32

Я (чере...)чур переоценил свою потрёпа...ую и расшата...ую машину. Тяжёлый (северо)уральский участок с его 1280 кил...-метрами в осе...их условиях ок...зался (не)(под)силу моему заслуже...ому мотор...ку. Он начал покашл...вать и ...давать. Ноги у меня одерев...нели, глаза остекл...нели. Лед...ные ветры гон...т ни...ко нав...шие тучи и кое(где) уже обледен...ли машину. По стари...ой привычке я попроб...вал бесед...ать с самим собою: «До аэродрома, Куз...ма Кири...ыч, не дотян...те. Спокойствие! Не дурач...ся, остав... тра...су и с...эконом... горючее, прибли...ся к северным озёрам и раз...щи (что)нибудь похожее на посадочную площа...ку. От твоего ис...кус...тва будет завис...ть, (при)земли...ся ты или отправи...ся к пра...цам». Вглядываюсь в знакомую мес...ность, и мысли вереницей проносятся в голове. Когда(то) (не) вдальеке (от)сюда находящ...мся городишке Золотой (к)лючик я команд...вал инж...нерной ротой, а потом завед...вал конструкторским бюро. В этом городишке меня че...ствовали при получени... первого ордена. Помнится, мои ю...ые друзья (в)месте (со)мною (не)(до)едали и (не)(до)сыпали — всё создавали новые м...дели. Бывало, обе...иле...ые свал...тся с ног, а потом вып...тся и опять за работу. Здесь было так привольно р...сти моим дочкам Над...ньке и Лиз...ньке!

Но вот (в)дали что(то) забл...стело.

Приближаюсь. Да это же (н...)(что)иное, как чудесное Ан...енское озеро! (Н...)(что) иное в этих местах и (не)могло(бы) оказат...ся. Снижаюсь. Волны беспокойно плещ...тся, сухие камыши к...льш...тся, шепч...тся, что(то) назойливо лепеч...т. Смотри... (в) низ, и кажется, что на тебя несут...ся пр...брежные скалы и что волны (вот)вот докатят...ся до самолёта.

Приземляюсь у линии прибойя. Кругом (ни)кого и (ни)чего. Только (тёмно)ж...лтые сухие листья верт...тся в сума...шедшей пляске. Позвать (кого)нибудь? Попробуйте, крикн...те! (Ни)кто не услыш...т. Если вы крикн...те громче, эхо загрохоч...т в ушел... . Снежинки верт...тся в воздухе, кол...тся, жал...т и (тот)час(же) та...т на щеках. Но что это? Собачий лай. Сух...нький старич...к с ружьём. Да это же Аниканыч, знаменитый пр...исковый лекарь, ис...кус...но лечивший от ц...нги и других (не)хитрых «старательских» болезней настоем мо...евельника.

(Не)ра...читывал я ещё раз ночевать в его избушке. Ра...просы. Ра...казы. На столе всё такое знакомое: старенькая тка...ая скатерть, дерева...ые блюда с криво выж...е...ыми на них какими(то) надписями, тусклые оловя...ые ложки, калё...ые кедр...шки, сушё...ая на ветру и печё...ая рыба, копчё...ая медвежатина, варё...ый картофель, глиня...ая кр...нка с мёдом, две серебря...ые чарки, заветная фля...ка, всегда наполне...ая в ожидани... жела...ого гостя.

№ 33

Много сотен вёрст нужно лететь птицам со своих зимних становищ... на родину. Иным придётся сделать чуть(ли) не тысяч...километровый перелёт. Сколько пр...ключений и опас...ностей, сколько пр...вратностей встретит...ся им на пути! Чего только (н...) испытывает (в)течени... такого полёта маленькое существо весом около двадцати...двадцати пяти грам...ов. Право, нет сердца у стрелков, (не) жалеющих птицу и тогда, когда, обе...сил...вшая после трудного перелёта, повинуюсь (ни)чем (не)победимому зову природы, она стремится в то место, где впервые увидела солнечный свет.

У животных много своей, таинстве...ой, (не)понятной людям мудрости. Птицы особе...о чутки к переменам погоды и за...долго предугадывают их, но зачастую бывает так, что перелётных стра...иков заст...гает (по)среди моря внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, а силы ослабле...ы и кругом ра...ст...лается бе...брежное море. И тогда погибает едва(ли) не вся стая, за исключением наиболее сильных.

Счастье для птиц, если (неждан...о)негадан...о встретит...ся им в эти минуты морское судно. (Не)взирая на опасность, целыми

тучами опускают...ся (не)жда...ые и (не)зва...ые гости на палубу, на борта, на снасти, и стра...ым кажется...ся к...рабль, обвеш...-ный живыми г...рляндами птиц. И суровые моряки, никогда (не)обид...вшие их, (не)оскорбившие их трепетной доверч...вности, спасают им жизнь. Ибо говорит...ся в пр...красном морском поверь..., что (не)избежно (не)счастье для того корабля, на котором была убита птица, просившая приюта.

(Не)безопасным для птиц бывает (н...)что иное, как пр...-брежный маяк. Измуч...ые перелётом, отяжелевшие от морской влаги птицы, пр...небрегая опасностью, стремятся туда, куда их обманч...во влечёт едва бре...жущий свет маяка, и (на)лету разбиваются грудью о толстое стекло и камень га...лерей. Но опытный вожак, взяв заранее другое направление, всегда предотвратит почти (не)избежное несчастье.

№ 34

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до з...ри? Вы выходите на крыльцо. На (тёмно)сером небе мигают звёзды, влажный ветерок колыш...т тёмные ветви деревьев: слыш...ся сдерж...нный (не)ясный ш...пот ночи. Вот кладут домотка...ый ковёр на телегу, ставят (в)ноги ящик с самоваром. Пр...-ст...жные ёж...тся, фыркают; пара (только)что проснувшихся гусей медле...о переб...рается через дорогу. За плетё...ым забором мирно похрапывает сторож; каждый звук (как)будто в...сит в застывшем воздухе. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко заскр...-пела (не)смаза...ая (в)попыхах телега. Вы ед...те-ед...те (в)доль деревн..., мимо церкви, с горы (на)право, через пл...тину. Впереди (н...)что иное, как пруд, который (еле)еле курится. Вам дремл...тся. А между тем з...ря разг...рается. За воротами слыш...тся заспа...ые голоса. Со...нце быстро поднимается. Вы (в)торопях взб...раетесь на гору. Какой вид! Река в...тся вёрст на восем..., тускло синея сквозь туман...ую даль; за ней стел...тся (вод...нисто) зелё...е луга, а дальше (не)высокие холмы. Как вольно дыш...т грудь, как быстро движ...тся члены, как крепн...т весь человек, охваче...ый светлым дыханием весны!

Ещё свеж..., но уже чу...ствуется пр...ближение жары. Голова томно кружит...ся от избытка благоуханий. (Кое)где (в)дали желтеет рож..., у...кими полосками краснеет гречиха. Мужик заран...ее

ставит лошадь (в)тень. Проходит час, другой... Колочим зноем пыш...т (не)подвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напит...ся? — спрашиваете вы к...саря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь колыш...щиеся кусты ольша...ика, перепута...ые цепкой травой, спускаетесь на дно оврага. Серебря...ые пузырьки поднимаются с песча...ого дна источника.

Вы выход...те из оврага... Что за свинц...вая полоса на неб...-склоне? Э, да это гроза! Кругом ярко бл...стает солнце: охоти...ся ещё можно. Но туча растёт. Скорей! вон, кажется, виднеется сен...ой сарай... скорее... Вы добежали, вошли... Каков дождик! (Кое)где сквозь соломе...ую крышу закапала вода. Но вот вскоре солнце опять заиграло; вы открываете дверь настезж... и вых...д...те. Боже мой, как весело искрится всё кругом, как воздух свеж... и пахуч...!

Но вот наступает вечер. З...ря запылала пожаром и охватила (пол) неба. Солнце садится за г...ризонт. Воздух (в)близи как(то) особе...о прозрачен, словно стекла...ый; от деревьев вскоре побежали дли...ые тени. Пора домой, в деревню, где вы устраиваете ноч...вку. Сквозь окошко вы вид...те дерева...ый стол, горящую свечу и ап...етитный ужин...

(По И. Тургеневу)

№ 35

Вот и наступил тихий, безветре...ый вечер. Едва-едва бре...ж...т заря, отражаясь в тёмных, почти (не)освещё...ых окнах домов. Каждая веточка деревьев поразительно вырисовывается на и...синя(зелёном) небе. В отдалень... слыш...тся песня, но звуки в такой вечер смягче...ы, лише...ы обыде...ой ре...кости и немного таинстве...ы. И всё это, как пря...ое вино, вливается в каждую каплю крови и (по)немногу кружит голову.

(Не)лёгко путь от корпуса до парка, есть ещё опас...ность столкнут...ся с дежурным, (не)спускающим глаз с единст...вой доро...ки, по которой н... раз убегали воспита...ики. И вот Сергей уже мчится изо всех сил (в)гору, (не)смотря на то что отчая...о кол...тся и жал...тся ветви густого кустарника, прои...р...стающего на берегу пруда, пока н... останавливается наконец на пригорке.

(За)тем, обе...силевший окончательно, он (не)спеша проходит мимо забытой, (н...)кому (не)нужной ...ранжере..., о...веша...ой плетущимися растениями, и спускается к (не)широкой, но глубокой реч...нке. (На)спех раздевшись, он без раздумья (с)разбегу бросается в студё...ую воду, достаёт ногами коряжистое илистое дно, (на)миг задыхается, обо...жён...ый жестоким холодом, и ловко переплывает реку саж...нками. И когда он, одевшись, н...спеша выб...рается (на) верх, то с наслаждением чу...ствует такую удивительную лёгкость, как(будто) всё его тело потеряло вес.

№ 36

Однажды, ран...ей весной, шли мы в Батуми из (порт)(с)аида. В (к)онстантинополе были чумные случаи, и с нами отправили из (д)ардане... двух турок, двух каранти...ых стражей, дабы они удостоверили, что остановки на (б)осфоре не делалось. Было время обеда. Перед обедом матросам пол...гается по м...нзурке спирта. Но некоторые сочли (за)грех пить в чистый четверг, а что(бы) спирт (не)пропадал даром, пр...поднесли для п...тех туркам. Спирт свалил их, (не)привыкших к вину, (с)ног, и они заснули: один, рослый, на к...рме, другой, маленький, около маши...ой части. И перед тем, как заснуть, маленький долго б...рм...тал и (по)туре...ки, и (по)гречески, и даже (по)рус...ки. Он рас...казал, что сына его отправили на войну в (а)равию. «А уж из (а)равии не вернеш...ся, нет!» — говорил он. И, вскакивая, громко вскрикивал, как(бы) стреляя из к...р...бина, падал (на) спину, изображая убитого (на)повал.

Около двух часов ночи подходили к (с)тамбулу. Я оделся и вышел в (к...ют)к...мпанию. Среди тишины выделялось медле...ое постукивание сте...ых часов и (чуть)чуть слышный звон рюмок, которыми увеш...н потолок в буфете. Я вышел на левый борт и загляделся на пр...ближающийся (с)тамбул, (таинстве...о)бледный на с...неве лу...ой ночи...

Потом поднялся на мостик. Глядя вперёд, за (фок)мачту, дежурили у телеграфа капитан и вахте...ый помо...ник. Они, (то) же заморожё...ые ночью и (с)тамбулом, р...няли слова к...манды медле...о, (в)полголоса.

Полная ясная луна стоит справ... почти сзади нас, над туман...ыми силу...тами (п)ринцевых (о)стровов. Огромная золотая

полоса лежит по г...р...зонту за лу...ым блеском. Я различал глиня...ые дома (с)тамбульских пр...дместий, высокие м...н...реты вокруг чаш...образных куполов.

Всё ближе р...ились огни. Вот опять (не)громкая к...манда и алыт рулевого. Уже прошла гора (г)алаты, сплош... залитая камее...ым городом, под...ёрнутая прозрачным п...кровом. Нос парохода медле...о поворачивается, и закрывается выход в (м)раморное (м)оре, блестящий, как (стекля...о)золотое поле. (Бело)мраморные дворцы тянутся по левому пр...брежью, купая в воде ступени своих мраморных пристаней. (Зеленовато)бледен в тени мрамор.

— Юсу-ф! — вдруг откуда(то) (из)далека пронёсся (в)тишине чей (то) слабый рыдающий зов.

— Юсуф! — снова крикнул кто(то).

Я прислушиваюсь.

— Юсуф! — страс...но, захлёбываясь слезами, крич...т голос с к...рмы.

Я быстро пошёл туда. Там был он, маленький турч...нок. Проснувшись после пьяного сна, он внезапно постиг всю глубину того, что ...делал (с)тамбул с его (ни)кому (не)нужной жизнью и с прекрасной молодостью Юсуфа.

Я взял его ледя...ую руку. (Не)удержимо к...тившиеся слёзы заст...лали его изумлё...ые, остекл...невшие от яда глаза.

— Юсуф! — зав...пил он, захлёбываясь и прост...рая руки к (с)тамбулу.

Неслась вода мимо борта.

(По И. Бунину)

№ 37

Едва забре...ил ра...вет, как Ерофеич, извес...ный мес...ный сад...вод, был уже (на)ногах. В ю...ости, защищая (с)советскую власть, он уча...ствовал в боях под Цариц...н...м и в одном из сражений потерял ногу. За доблес...ные подвиги Ерофеич получил пенсию и отправился на жительство в родной городишк... . Ра...ее городок был захолус...ным, но славился по всей окрес...ности своими чудес...ными садами. Пр...страстившись к сад...водству, Ерофеич всецело посвятил себя этому бл...г...родному делу и терпеть не мог дил...тан...ского к нему отношения.

Бывало, зайдёт к нему (горе)садовник Манкин, (что)бы блес...нуть своею учё...остью, и обязательно произойдёт инц...дент. Он Ерофеичу и о хлор...фи...ле, и о хлорофи...ных реакциях жу...ит в уши, своим интел...ектом всячески похв...ляется, а в практике всегда проявляет кос...ность. Ерофеич сердится, прыгает на деревья...ке вокруг собеседника, брыз...ет во все стороны слюной и морщит свой весну...чатый нос. Сам Ерофеич был кристал...ьной чистоты человек и, (не)смотря на свои (широко)извес...ные удачные эксп...р...менты, не имеющие прец...дентов и сделавшие его извес...ным, был очень скромн. После ярос...ного диспута и с...оры он обычно долго не мог при...ти в себя и продолжал бря...ать. Успокаивал его всегда сад. Чего только в нём н... было! Всё, начиная с затейливых растений, искус...но взлелея...ных садовником, и кончая простым мож...евельником.

Ветви яблон..., вишен... и черешен..., украше...ые криста...иками росинок, пр...гибаются от тяжести к земле. Солнце нещадно ...жет старика, а он ползает (во)круг розовых кустов и производит какие-то м...нипуляции. Больно ук...ловшись о шипы, Ерофеич только присвис...нет да наденет, вздыхая, на руки специальные варе...ки. В (пол) день садовник обыкнове...о закусывает на те...аске под черепа...чатой крышей. На столике рас...тавлены (не)мудрё...ые я...тва. Вокруг них кружатся и жу...ат пч...лы и осы. (По)середине стола красуются медовые коври...ки впереме...ку с творожными ватру...ками и румя...ый крупя...атый пу...инг с грецким орехом. Из напитков ставятся дро...евой квас, топл...ое молоко да прост...кваша. Для а...етита Ерофеич всегда начинал обед с сему...ки или с копчу...ки, а далее хозяйшка по...ч...вала его тем, что было под(рукой). Подкрепившись, Ерофеич просил по...лать ему ц...новку в г...тической беседке и шёл отдыхать. Частенько в сад заходили ю...аты, которых Ерофеич учил ис...ку...тву садовничать.

№ 38

В (не)оглядно знойных облаках пыли, задыхаясь, потонули стани...ные сады, улицы, хаты, и лишь остро выглядывают вер-хушки п...рамидальных тополей.

(Ото)всюду несётся говор, гул, лошади...ое ржание, лязг желе-за, детский плач, забубё...ые песни под пья...ую гармошку.

Как(будто) громадный невидимый ул...й, потерявший матку, (разноголосо) растеря...о гудит (не)стройным большим гулом. Эта безграничная горячая муть погл...тила и степь до самых ветр...ых мельниц на кургане. (В)дали за рекой синееющими громадами заг...раживают (пол) неба горы.

Удивлё...о плавают в сверкающ...м зное, прислушиваясь, рыжие степные разбойники(коршуны), поворачивая кривые носы, и (н...)чего н... могут разобрать — не было ещё такого.

В станице смутно, (не)ясно, запылё...о; перепута...о гамом, шумом. Выделяясь из коровьего мычания, горластого петуши...ого крика, людского говора, разносятся то стройные, то обветре...ые, хриплые, то крепкие степные звонкие голоса: «Товарищи! На митинг!»

А вокруг с возр...стающим гомоном всё шире раст...кается людское море. (Седо)бородые старики, бабы с измуче...ыми лицами, весёлые глаза девчат, ребяташки шныряют между ногами, собаки, торопливо дыша, дергают высунутыми языками, — и всё это тонет в громадной, всё заливающей мас...е солдат. (Лохмато)воинстве...ые папахи, измызга...ые фура...ки, городские шляпы с обвисшими краями. В рва...ых гимнастёрках, в выл...нявших ситцевых рубахах, в черке...ках, нестройно, как попало, глядят во все стороны над головами (тёмно)вороне...ые штыки.

У мельницы стоит низкий человек, весь тяжело ...битый, точно из свинца, со сцепле...ыми (четырёх)угольными челюстями. Из(под) низко среза...ых бровей, как два шила, бл...стят маленькие, ничего (не)упускающие серые глазки. Тень от него лежит короткая — голову ей оттаптывают кругом ногами.

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась худая, дли...ая, со...жё...ая со...нцем и работой, горем, костлявая бабья рука, и замуче...ый бабий голос заметался: «И слушать не будем! Слазь!»

И опять ис...туплё...о забуш...вало над толпой — каждый кричал своё, (н...)кого (н...)слушая.

Человек с железными челюстями оглядел буш...вавшее человеческое море: (чёрно)кричащие рты, (тёмно)красные лица, (из)под бровей искрятся (злобно)кричащие глаза.

Шум, ругань заглушили одинокий голос выступающего.

(По А. Серафимовичу)

III. Пунктуационные диктанты

№ 1

В истории русской живописи сохранились имена прекрасных художников-пейзажистов Саврасова Васильева Куинджи Левитана и др. Один из лучших художников этого жанра Шишкин. Русская природа основная тема его творчества. В своих картинах он воспевал родную землю её свежее дыхание необозримые просторы и богатства. Цветущие поля сосновые рощи лесные дали папоротник в лесу ручей в лесной чаще всё это близко и дорого сердцу художника.

Широко известны многие его картины «Сосновый бор» «Лесная глушь» «Рожь» «Среди равнины ровныя...» «На севере диком» «Корабельная роща» «Лес весной» и другие.

«Утро в сосновом лесу одна из лучших картин художника. Он писал русскую природу летом и зимой весной и осенью на восходе солнца в яркий полдень и при закате в разные времена года в различные часы дня. Всё обыкновенное дерево старый пенёк полевые цветы привлекало внимание художника. Во всём он умел находить красоту в тумане над рекой в лесной полянке в чаще леса. Смотришь на его картины и вдруг как будто снова находишься среди родной природы у знакомой речки в родном лесу в поле. Картины Шишкина широко известны как в нашей стране так и за рубежом.

№ 2

Дубечня так называлась наша первая железнодорожная станция находилась в семнадцати верстах от города. В течение нескольких часов я шёл туда пешком и на протяжении всей дороги ярко зеленели озимь и яровые охваченные утренним солнцем.

В Дубечне штукатурили внутри станцию и строился верхний деревянный этаж у водокачки. Было довольно-таки жарко и рабочие вяло бродили по кучам щепок и мусора. Ни одного дерева не виделось вокруг.

Походив часа два я заметил что от станции куда-то вправо шли телеграфные столбы которые через полверсты оканчивались

у белого каменного забора. Рабочие сказали что там контора и я подумав решил что нужно идти именно туда.

Это была старая и по-видимому заброшенная никем не заселённая усадьба. В ворота был виден просторный двор поросший бурьяном и прежний барский дом с высокой крышей рыжей от ржавчины.

Позади старинного дома был большой сад уже одичавший заглушённый выросшей травой и кустарником.

Я прошёлся по террасе ещё крепкой и красивой. Было густо и сад казался непроходимым но это только вблизи дома где ещё стояли тополи сосны и старые липы-сверстницы уцелевшие от прежних аллей. Чем дальше вглубь тем было просторнее.

Сад всё больше редая и переходя в настоящий луг спускался к реке поросшей зелёным камышом и ивняком. Около мельничной плотины был плёс глубокий и рыбный сердито шумела небольшая мельница с соломенной крышей неистово квакали лягушки. По ту сторону речки находилась деревушка Дубечня. Голубой плёс манил к себе обещая прохладу и покой. И теперь всё это и плёс и мельница и уютные берега принадлежало инженеру.

(По А. Чехову)

№ 3

Гроза

Я ехал с охоты вечером один на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь десять моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по неширокой пыльной дороге изредка похрапывая и шевеля ушами усталая собака словно привязанная ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная тёмно-лиловая туча медленно поднималась из-за лесу надо мною и мне навстречу длинные серые неслись облака ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади спустился в неглубокий овраг перебрался через ручей наполовину высохший и заросший лозняками поднялся в гору и въехал в лес.

Дорога вилась передо мною между чересчур густыми кустами орешника уже окутанными мраком я подвигался вперёд с трудом. Дрожки отчаянно прыгали по твёрдым корням столетних дубов и

лип беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины следы тележных колёс моя некованая лошадь начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине дерева забушевали крупные капли дождя резко застучали зашлепали по листьям сверкнула молния и гроза разразилась. Дождь полил ручьями.

Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться лошадь моя вязла я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо терпеливо ожидал я конца ненастья.

Наконец дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады уже отчасти рассеянных туч изредка вспыхивали длинные молнии но над головой уже виднелось кое-где тёмно-синее небо звёздочки мерцали сквозь жидкие быстро летевшие облака. Очерки деревьев обрызганных дождём и взволнованных ветром начинали выступать из мрака. Небо всё более расчищалось в лесу заметно светлело.

(По И. Тургеневу)

№ 4

Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала позванивала журчала. Звуки эти заполняли всё пространство между рекой и небосводом. Это летели журавли.

Я поднял голову большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу.

Я бросил вёсла и долго смотрел на журавлей. По береговой просёлочной дороге ехал покачиваясь грузовичок. Шофёр оставил машину вышел и тоже начал смотреть на журавлей.

Счастливого друзья крикнул он и помахал рукой вслед птицам. Потом он опять забрался в кабину открыл боковое стекло высунулся смотрел и смотрел и всё слушал плеск и переливы птичьего крика.

За несколько дней до этой встречи с журавлями один московский журнал попросил меня написать статью о том что такое «шедевр» и рассказать о каком-нибудь литературном шедевре.

Сейчас на реке я подумал что шедевры существуют не только в искусстве но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей

и их величавый перелёт по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам

Птицы прощались с Россией с её болотами и чащобами. Оттуда уже сочился осенний воздух сильно отдающий свежестью.

Да что говорить Каждый осенний лист был шедевром совершенным творением природы произведением её таинственного искусства недоступного нам людям. Этим искусством уверенно владела только она только природа равнодушная к нашим восторгам и похвалам.

...Я пишу всё это осенней ночью. Осени за окном не видно. Но стоит выйти на крыльцо как осень окружит тебя и начнёт настойчиво дышать в лицо холодноватую свежестью своих загадочных чёрных пространств горьким запахом первого тонкого льда сковавшего к ночи неподвижные воды начнёт перешёптываться с последней листвой облетающей непрерывно днём и ночью.

№ 5

Расставшись с Максимом Максимычем я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелье завтракал в Казбеке чай пил в Ларсе а к ужину поспел во Владикавказ. Избавляю вас от описания гор от возгласов которые ничего не изображают особенно для тех которые там не были и от статистических замечаний которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице где останавливаются все приезжие и где между тем некому велеть жарить фазана и сварить щей ибо три инвалида которым она поручена так глупы или так пьяны что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили что я должен прожить тут ещё три дня ибо оказия из Екатеринограда ещё не пришла и следовательно отправиться обратно не может. Что за оказия.. Но дурной каламбур не утешение для русского человека и я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле не воображая что он будет первым звеном длинной цепи повестей видите как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия.. А вы может быть не знаете что такое «оказия» Это прикрытие состоящее из полроты пехоты и пушки с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград.

Первый день я провёл очень скучно на другой рано утром въезжает на двор повозка... А Максим Максимыч.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак..

(По М. Лермонтову)

№ 6

Душный полдень где-то только что бухнула пушка мягкий странный звук точно лопнуло огромное гнилое яйцо. В воздухе потрясённом взрывом едкие запахи города стали ощутимее острой пахнет оливковым маслом чесноком вином и нагретой пылью.

Жаркий шум южного дня покрытый тяжёлым вздохом пушки на секунду прижался к нагретым камням мостовых и снова вскинувшись над улицами потёк в море широкой мутной рекой.

Город празднично ярок и пёстр как богато расшитая риза священника в его страстных криках трепете и столах богослужебно звучит пение жизни. Каждый город храм возведённый трудами людей всякая работа молитва Будущему.

Солнце в зените раскалённое синее небо ослепляет как будто из каждой его точки на землю на море падает огненно-синий луч глубоко вонзаясь в камень города и воду. Море блестит словно шёлк густо расшитый серебром и чуть касаясь набережной сонными движениями зеленоватых тёплых волн тихо поёт мудрую песню об источнике жизни и счастья солнце.

Пыльные потные люди весело и шумно перекликаясь бегут обедать многие спешат на берег и быстро сбросив серые одежды прыгают в море смуглые тела падая в воду тотчас становятся до смешного маленькими точно тёмные крупинки пыли в большой чаше вина.

Шёлковые всплески воды радостные крики освежённого тела громкий смех и визг ребятишек всё это и радужные брызги моря разбитого прыжками людей вздымается к солнцу как весёлая жертва ему.

(По М. Горькому)

№ 7

Прошло около часа как мы расстались с нашей компанией и нам оставалось немного подняться чтобы достигнуть вершины

горного хребта где как говорили есть роскошные долины и леса. Подъём становился всё круче и круче. Приходилось делать беспрестанно крутые повороты и мы решили немного посидеть на бугорке покрытом порыжевшей выжженной травой а по краям какими-то невиданными цветами. Мы жители северных равнин впервые были на такой высоте. Внизу тянулись бесконечной вереницей длинные серые облака то открывая то закрывая окрестности.

Неподалеку от нас на утёсе красавец-орёл терзал свою добычу бедный зайчишка должно быть попался на обед пернатому хищнику. С жадностью поглощая окровавленные куски один за другим он на минуту останавливался поглядывая по сторонам и крепче впиваясь когтями в добычу снова продолжал свою работу.

Мы не просидели и четверти часа как внезапно почувствовали какую-то необыкновенную свежесть точно вошли в погреб и оглянулись тёмная туча начинала заволакивать не только то место где мы сидели но и близлежащие. Мы бросились вниз. Минуты через две не было видно ни бугорка на котором мы расположились отдохнуть ни утёса на котором сидел орёл так как туча всё собой закрыла. Стал накрапывать дождик вскоре перешедший в ливень. Дорожка по которой мы карабкались незадолго перед этим превратилась в ручей кативший вниз вместе с камнями свои вспенившиеся струи. Поднялся свежий восточный ветер и мы иззябшие промокшие до последней нитки измученные воротились домой посмеиваясь друг над другом и ничуть не сожалея ни о потраченном времени ни о своём предприятии давно задуманном но к сожалению не доведённом до желанного конца. Может быть нам удастся этого добиться в другой раз.

№ 8

Заповедный лес под Воронежем последний на границе донских степей. Он слабо шумит прохладный в запахе трав но стоит выйти на опушку и в лицо ударит жаром резким светом и до самого края земли откроется степь далёкая и ветреная как море.

Откроются ветряки что машут крыльями на курганах и острова старых усадебных садов раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их немного но они почти никогда не

закрывают солнца. Тень от них изредка проплывает то тут то там по степи. Проплывает так медленно что можно долго идти в этой тени не отставая от неё и прячась от палящего солнца.

В степи недалеко от старого липового парка проблёскивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. По ней шныряют водяные пауки а на берегах сидят и тяжело дышат никак не могут отдышаться от сухой жары сонные лягушки.

Липовый парк изрытый блиндажами разрушенными и заросшими дикой малиной слышен издалека. С рассвета до темноты он свистит щёлкает и звенит от множества синиц щеглов малиновок и чижей. Птичья суতোлка никогда не затихает в кущах лип таких высоких что от взгляда на них может закружиться голова.

С птицами в парке у меня были свои счёты. Часто ранним утром я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождём росы. Они с треском вылетали из зарослей будто выныривали из воды и опрومتью неслись в глубину парка.

Должно быть это было красивое зрелище но я промокал от росы и не очень им любовался. Я старался идти тихо бесшумно но это не помогало. Чем незаметнее я подходил к какому-нибудь кусту переполненному птицами тем сильнее был переполох и тем обильнее летела на меня холодная роса.

Я приходил на речку. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека.

№ 9

Одна из бесчисленных деревень. Не лучше и не хуже других. Но выбор наш не случайный в этой деревне родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Построек связанных с жизнью великого человека тут не осталось. Время не пощадило ничего кроме маленького пруда вырытого отцом академика. В пруду семья Ломоносовых держала к столу карасей. У дороги темнеет ёлка как раз против неё и находился этот пруд поросший лозинками. За прудом справа домик-музей. Он построен как раз на том месте где когда-то стояла изба Ломоносовых. От дома видно белеет Двина вернее один из многих

её рукавов называемый тут Курополка. По реке вниз уходили когда-то на промысел зверобои. По реке мимо этой деревни не один раз проплывал Петр I. Увидев его в этом месте соседнее село Холмогоры било в колокола и палило из пушек.

Деревню называли Денисовкой. По заблуждению многие из нас родиной Ломоносова считают село Холмогоры. (Холмогоры стоят через реку в трёх километрах.) Заблуждение проистекает из того что Денисовка была никому не известной деревней. Холмогоры же старше Москвы и были известны по всей России как крупный северный город принимавший заморские корабли а из глубин российских встречали корабли с мёдом льном воском мехами и хлебом.

Для полной точности надо сказать совсем недавно установлено Ломоносов родился в деревне Мишанинской. Это известие взволновало и огорчило денисовцев. Но страсти улеглись когда уточнили деревни давным-давно слились в одну и название «Мишанинская» перестало существовать. Не существует сегодня и название «Денисовка». Деревня именуется Л о м о н о с о в о.

№ 10

Как упоителен как роскошен летний день в Малороссии Как томительно жарки те часы когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан сладострастным куполом нагнувшийся над землёю кажется заснул весь потонувши в неге обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло вверху только в небесной глубине дрожит жаворонок и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно будто гуляющие без цели стоят подоблачные дубы и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев накидывая на другие тёмную как ночь тень по которой только при сильном ветре прыщит золото. Изумруды топазы яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопа хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен слив яблонь груш небо его чистое зеркало река в

зелёных гордо поднятых рамах... Как полно сладострастия и неги малороссийское лето

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысяча восемьсот... восемьсот... Да лет тридцать будет назад тому когда дорога вёрст за десять до местечка Сорочинец кипела народом поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемую вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков закутанных в сено медленно двигались кажется скупая своим заключением и темнотою.

(По Н. Гоголю)

№ 11

Про батарею Тушина было забыто и только в самом конце дела продолжая слышать канонаду в центре князь Багратион послал туда князя Андрея чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытие стоявшее подле пушек Тушина ушло по чьему-то приказанию в середине дела но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырёх никем не защищённых пушек.

Все орудия без приказания били в направлении пожара. Как будто подгоняя подкрикивали солдаты к каждому выстрелу Ловко Вот так-так Пожар разносимый ветром быстро распространялся. Французские колонны выступившие за деревню ушли назад но как бы в наказание за эту неудачу неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Офицер товарищ Тушина был убит в начале дела и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать но артиллеристы всё так же были веселы и оживлённы. Два раза они замечали что внизу близко от них показывались французы и тогда они били по ним картечью.

В дыму оглушаемый непрерывными выстрелами заставлявшими его каждый раз вздрагивать Тушин бегал от одного орудия к другому то прицеливаясь то считая снаряды.

Вследствие этого страшного гула и шума потребности внимания и деятельности Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха и мысль что его могут убить или больно ранить не приходила ему в голову. Напротив ему становилось

всё веселее и веселее. Ему казалось что уже очень давно едва ли не вчера была та минута когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел и что клочок поля на котором он стоял был ему давно знакомым родственным местом. Несмотря на то что он всё помнил всё соображал всё делал что мог делать самый лучший офицер в его положении он находился в состоянии похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека.

(По Л. Толстому)

№ 12

Сбоку дороги могильный курган. На обветренной ветрами вершине его скорбно шуршат голые ветви прошлогодней полыни по скатам от самой вершины до подошвы стелются пучки жёлтого пушистого ковыля. Безрадостно тусклые выцветшие от солнца и непогоды они простирают над древней выветрившейся почвой свои волокнистые ветви даже весною среди ликующего цветения разнотравья выглядят старчески-уныло и только под осень блещут и переливаются гордой изморозной белизной. И лишь осенью кажется что величаво приосанившийся курган караулит степь весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу.

Летом вечерними зорями на вершину его слетает из подоблачья степной беркут. Шумя крыльями он упадёт на курган неуклюже ступнет два раза и станет чистить изогнутым клювом коричневый веер вытянутого крыла а потом застынет откинув голову и устремив в вечно синее небо янтарный окольцованный чёрным ободком глаз. Как камень-самородок недвижимый и изжелта-бурый беркут отдохнёт перед вечерней ловлей и снова оторвётся от земли.

До заката солнца ещё не раз серая тень его царственных крыльев перечеркнёт степь.

Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Персию ли?

Зимой же когда могильный курган в горностаевой мантии снега каждый день в голубино-сизых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый лис. Он стоит долго мертво словно изваянный из жёлто-пламенного мрамора стоит опустив на лиловый снег рыжий хвост вытянув навстречу ветру заострённую с дымной черниной у пасти морду. В этот момент только его агато-

вый влажный нос живёт лоя жадно развёрнутыми трепещущими ноздрями запах снега и неугасимую горечь убитой морозами пыли и весёлый душок конского помёта и несказанно волнующий еле ощутимый аромат куропатиного выводка.

Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога издавна зовут его Смертным а старинное предание поясняет что под курганом когда-то в старину умер раненый казак быть может тот самый о котором в старинной песне поётся.

(По М. Шолохову)

№ 13

Весенняя ночь

Так дошёл я до узенькой всего в сажень шириною но необычайно быстрой речонки называвшейся Пра. Её звонкий лепет доносился до меня ещё издалека. Через неё с незапамятных времён была мужиками перекинута «лава» первобытный неуклюжий мост из больших древесных сучьев перевязанных берёзовыми лыками. Странно никогда мне не удавалось благополучно перебраться через эту проказливую речонку. Так и ныне как ни старался я держать равновесие а пришлось всё-таки угодить мимо и зачерпнуть холодной воды в кожаные большие выше колена бахилы. Пришлось на другом берегу сесть разуться и вытрясти воду из тяжёлой обуви.

Но уже падает падает мгла на землю. Если теперь выйти из освещённого жилья на волю то сразу попадешь в чёрную тьму. Но мой глаз уже обвык и я ещё ясно вижу нужную мне знакомую вереву верев холм высоко возвышающийся над болотом. Почти всегда на ней свободно растут две или три мощные столетние сосны упирающиеся далёкими вершинами в небо а четырёхохватными стволами в землю. Ещё ясно различаю как на самом кряжистом дереве покрытом древнею грубою обомшелой корою протянулся и точно дрожит бог весть откуда падающий густо-золотой луч и дерево в этом месте кажется отлитым из красной меди.

Вылез тонкий ясный только что очищенный серп полумесяца на высокое небо и только теперь стало заметно как темна и черна весенняя ночь. Бежит бежит молодой нарядный блестящий месяц плывёт как быстрый корабль волоча за собою на никому не видимом буксире маленькую отважную звёздочку-лодку. Порой

они оба и бригантина и малая шлюпочка раз за разом ныряют в белые распушённые косматые облака и мгновенно озаряют их оранжевым сиянием точно зажгли там рыжие брандеры.

Как странно и как торжественно-сладостно ощущать что сейчас во всём огромном лесу происходит великое и торжественное таинство которое старые садоводы и лесники так мудро называют первым весенним движением соков.

(По А. Куприну)

№ 14

Вернувшись в Москву из армии Николай Ростов был принят домашними как лучший сын герой и ненаглядный Николушка родными как милый приятный молодой человек знакомыми как красивый гусарский поручик ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы.

Знакомых у Ростовых была вся Москва денег в нынешний год у старого графа было достаточно потому что были перезаложены все имения и потому Николушка заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы особенные каких ни у кого ещё в Москве не было и сапоги самые модные с маленькими серебряными шпорами проводил время очень весело. Ростов вернувшись домой испытал приятное чувство примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось что он очень возмужал и вырос. Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен тайные поцелуи с Соней он про всё это вспоминал как про ребячество от которого он неизмеримо был далёк теперь. Теперь он гусарский поручик готовит своего рысака на бега вместе с известными охотниками пожилыми почтенными. У него знакомая дама на бульваре к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых разговаривал о войне с фельдмаршалом бывал в Английском клубе и был на «ты» с одним сорокалетним полковником с которым познакомил его Денисов.

Страсть его к государю несколько ослабела в Москве так как он за это время не видел его. Но он всё-таки часто рассказывал о нём давая чувствовать что он ещё не всё рассказывает что что-то есть в его чувстве к государю что не может быть всем понятно.

В это короткое пребывание Ростова в Москве до отъезда в армию он не сблизился а напротив разошёлся с Соней. Она была

очень хороша мила и очевидно страстно влюблена в него он был в той поре молодости когда кажется что этим некогда заниматься и молодой человек боится связываться дорожит своей свободой которая ему нужна на многое другое. Когда он думал о Соне в это новое пребывание в Москве он говорил себе Э Ещё много много таких будет и есть там где-то мне ещё неизвестных. Кроме того ему казалось что-то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество притворяясь что делал это против воли. Бега Английский клуб кутёж с Денисовым это было другое дело это было прилично молодцу-гусару.

(По Л. Толстому)

№ 15

Путешествие как известно тем именно и отличается от обыкновенного образа жизни что даёт непрерывную смену впечатлений разнообразит её течение более или менее занимательными приключениями которые все мало ездившие склонны видеть в одном розовом свете. Мы садились на пароход именно в этом настроении заранее предвкушая все предстоящие нам наслаждения. Надо сознаться что окружающая обстановка сильно поддерживала эту иллюзию солнце так мягко и ласково обливало своими золотыми лучами зеленеющие холмы правого берега Днепр спокойно катил свои мутноватые воды синевя вдали безупречной лазурью. Но прошёл день прошла ночь и радостное настроение сменилось настроением грустным. Заморосил мелкий дождик подул холодный ветерок и весь видимый горизонт обложило тучами. По дороге из Кременчуга ночевали в Каменском. Стояли мы в Каменском до четырёх часов утра когда наш случайный мирный сон улетел безвозвратно испугавшись лязга якорных цепей топота десяти хорошо подкованных ног громыханья каких-то тяжестей перемещавшихся прямо над нашими головами. Вышли на палубу. День был серенький. В шестом часу утра показался Екатеринослав закутанный клубом дыма щедро выбрасываемого бесчисленными трубами завода. Кружевной полосой повис в воздухе железнодорожный мост и на правом берегу реки показали первые городские строения довольно невзрачного вида. Пароход «Рыцарь» вспенивая воду своей белой грудью величественно пронесется мимо плотов лодок загромоздивших весь правый берег

и не без чувства собственного достоинства причаливает к пристани. Вещи с любезного согласия местной администрации оставляем на пристани а сами выходим на берег нанимать экипаж на пороги. Оказывается что это совсем не легко. Извозчиков хотя и много но они не только не едут на пороги но даже не удостоивают ответа и только после усиленных настояний следует короткий но вразумительный ответ Не поеду Никто не хочет ехать отказываются отговариваясь незнанием дороги так как никогда на порогах не бывали и о существовании таковых на Днестре не знают.

№ 16

Впреки предсказанию моего спутника погода прояснилась и обещала нам тихое утро. Направо и налево чернели мрачные таинственные пропасти и туманы клубясь и извиваясь как змеи сползали туда по морщинам соседних скал будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было всё на небе и на земле как в сердце человека в минуту утренней молитвы только изредка пробегал прохладный ветер с востока приподнимая гриву лошадей покрытую инеем. Мы тронулись в путь с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге мы шли пешком сзади подкладывая камни под колёса когда лошади выбивались из сил. Казалось дорога вела на небо потому что сколько глаз мог разглядеть она всё поднималась и наконец пропадала в облаке которое ещё с вечера отдыхало на вершине как коршун ожидающий добычу. Мне было как-то весело что я так высоко над миром. Чувство детское не спорю но удаляясь от условий общества и приближаясь к природе мы невольно становимся детьми. Всё приобретённое отпадает от души и она делается вновь такую какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять. Тот кому случалось как мне бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать воздух разлитый в их ущельях тот конечно поймёт моё желание передать рассказать нарисовать эти картины. Вот наконец мы взобрались на гору остановились и огляделись над ней висело серое облако и его холодное дыхание грозило близкой бурей на востоке всё было так же ясно и золотисто.

И точно такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть под нами лежала Койшаурская долина пересекаемая Арагвой и

другой речкой как двумя серебряными нитями голубоватый туман скользил по ней убегая от тёплых лучей утра направо и налево гребни гор один выше другого пересекались тянулись покрытые снегами кустарником вдали те же горы но хоть бы две скалы похожие одна на другую. Все эти снега горели румяным блеском так весело так ярко что кажется тут бы и остаться жить навеки. Солнце чуть показалось из-за тёмно-синей горы над солнцем была кровавая полоса на которую мой товарищ обратил особенное внимание. Я говорил вам воскликнул он что нынче будет непогода надо торопиться а то пожалуй она застанет нас на Крестовой закричал он.

(По М. Лермонтову)

№ 17

Нехлюдов заехал к тётушкам потому что имение их было по дороге к прошедшему вперёд его полку и потому что они его очень об этом просили но главное заехал он теперь для того чтобы увидеть Катюшу. Может быть в глубине души и было у него уже дурное намерение против Катюши но он не сознавал этого намерения а просто ему хотелось побывать в тех местах где ему было так хорошо и увидеть немного смешных но милых добродушных тётушек всегда незаметно для него окружавших его атмосферой любви и восхищения и увидеть милую Катюшу о которой осталось такое приятное воспоминание.

Приехал он в конце марта в страстную пятницу по самой распутице под проливным дождём так что приехал до нитки промокший и озябший. У них ли ещё она думал он въезжая на знакомый заваленный свалившимся снегом с крыши старинный помещичий двор.

Скинув всё мокрое и только начав одеваться Нехлюдов услышал быстрые шаги и в дверь постучались. Он узнал и шаги и стук в дверь. Так ходила и стучалась только она.

Это была она Катюша. Всё та же ещё милее чем прежде. Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся наивные чуть косившие чёрные глаза. Она как и прежде была в чистом белом фартуке. Она принесла от тетушек только что вынутый из бумажки душистый кусок мыла и два полотенца большое русское и мохнатое. И нетронутое с отпечатанными буквами мыло и полотенца и сама

она всё это было одинаково чисто свежо нетронуто и приятно. Милые твёрдые красные губы её всё так же морщились как и прежде при виде его от неудержимой радости.

С приездом вас Дмитрий Иванович с трудом выговорила она и лицо её залилось румянцем.

Здравствуйте... здравствуйте не знал он как на «ты» или на «вы» говорить с ней и покраснел так же как и она. Живы здоровы

Тётушки и всегда любившие Нехлюдова ещё радостнее чем обыкновенно встретили его в этот раз. Дмитрий ехал на войну где мог быть ранен убит.

Нехлюдов распределил свою поездку так чтобы пробыть у тётушек только сутки но увидав Катюшу он согласился встретить у тётушек Пасху которая была через два дня и телеграфировал своему приятелю с которым они должны были съехаться в Одессе чтобы и он заехал к тётушкам.

(По Л. Толстому)

№ 18

Бричка въехавши на двор остановилась перед небольшим домиком который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом исходившим из окон видна была ещё лужа перед домом на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Промокший и озябший герой наш ни о чём не думал как только о постели. На крыльцо вышла какая-то женщина проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда комната была обвешана старенькими полосатыми обоями картины с какими-то птицами между окон старинные маленькие зеркала в виде свернувшихся листьев за всяким зеркалом заложены были или письмо или старая колода карт или чулок стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... Он чувствовал что глаза его липнули как будто их кто-нибудь вымазал мёдом. Минуту спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет в каком-то спальном чепце надетом наскоро одна из тех матушек небольших помещиц которые плачутся на неурожаи убытки и держат голову несколько набок а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки размещённые по ящикам комодов.

Чичиков извинился что побеспокоил неожиданным приездом.

Ничего ничего сказала хозяйка. С дороги бы следовало поесть чего-нибудь да пора-то ночная приготовить нельзя.

Чичиков поблагодарил хозяйку сказавши что ему не нужно ничего чтобы она не беспокоилась ни о чём что кроме постели он ничего не требует и полюбопытствовал только знать в какие места заехал он и далеко ли отсюда к помещику Собакевичу на что старуха сказала что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

Оставшись один он не без удовольствия взглянул на свою постель которая была почти до потолка. Когда подставивши стул взобрался он на постель она опустилась под ним почти до самого пола и перья вытесненные им из пределов разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу он накрылся ситцевым одеялом и свернувшись под ним кренделем заснул в ту же минуту.

(По Н. Гоголю)

№ 19

Мы стояли в местечке Н. Жизнь армейского офицера известна утром ученье манеж обед у полкового командира вечером пунш и карты. В местечке не было ни одного открытого дома ни одной невесты. Мы собирались друг у друга где кроме своих мундиров не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества. К тому же его обыкновенная угрюмость крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу он казался русским а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах. Никто не знал причины побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке где жил он вместе и бедно и расточительно ходил вечно пешком в изношенном чёрном сюртуке а держал открытый стол для всех офицеров. Правда обед его состоял из двух или трёх блюд приготовленных отставным солдатом. Никто не знал ни его состояния ни его доходов и никто не осмеливался о том спрашивать. У него водились книги большею частью военные да романы. Он охотно давал их читать никогда не требуя назад зато никогда

не возвращал хозяину книги им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолетов. Стены его комнаты были все источены пулями как соты пчелиные. Искусство которого он достиг было невероятно и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы.

Разговор между нами касался часто поединков. Сильвио так назову его никогда в него не вмешивался. На вопрос случалось ли ему драться отвечал он сухо что случалось но в подробности не входил и видно было что такие вопросы были ему неприятны. Мы полагали что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем нам и в голову не приходило подозревать в нём что-нибудь похожее на робость. Есть люди одна наружность которых удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

(По А. Пушкину)

№ 20

В те дни вечерами уже холодало дело шло к осени. По ночам же почва быстро выхолаживалась и к рассвету степь покрывалась белёсым как солончак налётом недолговечного инея. Скучная безотрадная пора приближалась для степного зверя. Та редкая дичь что держалась в этих краях летом исчезала кто куда кто в тёплые края кто в норы кто подался на зиму в пески. Теперь каждая лисица промышляла себе пропитание рыская в степи в полном одиночестве точно бы начисто перевелось на свете лисье отродье. Молодняк того года уже подрос и разбежался в разные стороны а любовная пора ещё была впереди когда лисы начнут сбегаться зимой отовсюду для новых встреч когда самцы будут сшибаться в драках с такой силой какой наделена жизнь от сотворения мира...

С наступлением ночи лисица вышла из овражка. Выждала вслушиваясь и потрусилась к железнодорожной насыпи бесшумно перебегая то на одну то на другую сторону путей. Здесь она выискивала объедки выброшенные пассажирами из окон вагонов. Долго ей пришлось бежать вдоль откосов обнюхивая всяческие предметы дразнящие и отвратительно пахнущие пока не наткнулась на что-то мало-мальски пригодное. Весь путь следования поездов был засорён обрывками бумаги и скомканных газет

битыми бутылками окурками искорёженными консервными банками и прочим бесполезным мусором. Особенно зловонным был дух из горлышек уцелевших бутылок разило дурманом. После того как два закружилась голова лисица уже избегала вдыхать в себя спиртной воздух. Фыркала отскакивала сразу в сторону.

А того что ей требовалось ради чего она так долго готовилась перебарывая собственный страх как назло не встречалось.

(По Ч. Айтматову)

№ 21

Я возвращался домой пустыми переулками станицы месяц полный и красный как зарево пожара начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов звёзды спокойно сияли на тёмно-голубом своде и мне стало смешно когда я вспомнил что были некогда люди премудрые думавшие что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права.. И что ж эти лампы зажжённые по их мнению только для того чтобы освещать их битвы и торжества горят с прежним блеском а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними как огонёк зажжённый на краю леса беспечным странником Но зато какую силу воли придавала им уверенность что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием хотя немым но неизменным.. А мы их жалкие потомки скитающиеся по земле без убеждений и гордости без наслаждения и страха кроме своей невольной боязни сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества ни даже для собственно нашего счастья потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению как наши предки бросались из одного заблуждения к другому не имея как они ни надежды ни даже того неопределённого хотя истинного наслаждения которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моём я их не удерживал потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлечённой мысли. И к чему это ведёт..

(По М. Лермонтову)

№ 22

Есть род людей известных под именем люди так себе ни то ни сё ни в городе Богдан ни в селе Селифан по словам пословицы. Может быть к ним следует отнести и Манилова. На взгляд он был человек видный черты лица его были не лишены приятности но в эту приятность казалось чересчур было передано сахару в приёмах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво был белокур с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать Какой приятный и добрый человек В следующую за тем минуту ничего не скажешь а в третью скажешь Чёрт знает что такое

Хозяйством нельзя сказать чтобы он занимался он даже никогда не ездил на поля хозяйство шло как-то само собою. Иногда глядя с крыльца на двор и на пруд говорил он о том как бы хорошо было если бы вдруг от дома провести подземный ход или выстроить каменный мост на котором были бы по обеим сторонам лавки и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары нужные для крестьян.

В доме его чего-нибудь вечно недоставало в гостиной стояла прекрасная мебель обтянутая щегольской шёлковой материей которая верно стоила весьма недёшево но на два кресла её недоставало и кресла стояли обтянуты просто рогожею впрочем хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами Не садитесь на эти кресла они ещё не готовы. Жена его... впрочем они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству из них всё ещё каждый приносил другому или кусочек яблочка или конфетку или орешек и говорил трогательно-нежным голоском Разинь душенька свой ротик я тебе положу этот кусочек. Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Словом они были то что говорится счастливы.

(По Н. Гоголю)

№ 23

В лесу было почти жарко ветру не слышно было. Берёза вся усеянная зелёными клейкими листьями не шевелилась и из-под прошлогодних листьев поднимая их вылезала зелёная первая трава

и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме. Лошади зафыркали въехав в лес.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берёз составлявших лес он был в десять раз толще и в два раза выше каждой берёзы. Это был огромный в два обхвата дуб с обломанными давно видно суками и с обломанною корою заросшею старыми болячками. С огромными своими неуклюжими несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами он старым сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися берёзами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны ни солнца.

Весна и любовь и счастье как будто говорил этот дуб и как не надоест вам один и тот же глупый и бессмысленный обман. Всё одно и то же и всё обман.

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб проезжая по лесу как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом но он всё так же хмурясь неподвижно уродливо и упорно стоял посреди них.

Да он прав тысячу раз прав этот дуб подумал князь Андрей. Целый ряд мыслей безнадежных но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришёл к тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключению что ему начинать ничего было не надо что он должен доживать свою жизнь не делая зла не тревожась и ничего не желая.

(По Л. Толстому)

№ 24

Челкаш проснулся первым тревожно оглянулся вокруг сразу успокоился и посмотрел на Гаврилу ещё спавшего. Тот сладко всхрапывал и во сне улыбался чему-то всем своим детским здоровым загорелым лицом. Челкаш вздохнул и полез по узкой верёвочной лестнице. В отверстие трюма смотрел свинцовый кусок неба. Было светло но по-осеннему скучно и серо.

Челкаш вернулся часа через два. Лицо у него было красно усы лихо закручены кверху. Он был одет в длинные крепкие сапоги в куртку в кожаные штаны и походил на охотника. Весь

его костюм был потёрт но крепок и очень шёл к нему делая его фигуру шире скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный вид.

Ногой он толкнул Гаврилу. Тот вскочил и не узнавая его со сна испуганно уставился на него мутными глазами. Челкаш захохотал а затем протянул Гавриле несколько бумажек. Тот взял их дрожащей рукой и стал прятать куда-то за пазуху жадно сощуриив глаза шумно втягивая в себя воздух точно пил что-то жгучее. Челкаш с насмешливой улыбкой поглядывал на него.

Гаврила вдруг вспыхивая страстным возбуждением отрывисто торопясь точно догоняя свои мысли и с лёту хватая слова заговорил о жизни в деревне с деньгами и без денег. Почёт довольство веселье...

Челкаш слушал его внимательно с серьёзным лицом и с глазами сощуренными какой-то думой. Вдруг он заметил что Гаврила очень переменялся. Его лицо то краснело то делалось серым и он мялся на месте не то желая броситься на Челкаша не то разрываемый иным желанием исполнить которое ему было трудно. И тут Гаврила сорвался со своего места бросился к ногам Челкаша обнял их своими руками и дёрнул к себе. Челкаш пошатнулся грузно сел на песок и скрипнув зубами резко взмахнул в воздухе своей длинной рукой сжатой в кулак. Но он не успел ударить остановленный стыдливым шёпотом Гаврилы Голубчик дай ты мне эти деньги Что в них тебе Пропаший ведь ты... Нет тебе пути... Дай ты их мне.

Челкаш испуганный изумлённый и оробевший сидел на песке откинувшись назад и упираясь в него руками сидел молчал и страшно тарасил глаза на парня уткнувшегося головой в его колени и шептавшего задыхаясь свои мольбы. Он оттолкнул его наконец вскочил на ноги и сунув руку в карман бросил в Гаврилу бумажки.

(По М. Горькому)

№ 25

Раз осенью пришёл транспорт с провиантом в транспорте был офицер молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький что я тотчас догадался что

он на Кавказе у нас недавно. Вы верно спросил я его переведены сюда из России Точно так господин штабс-капитан отвечал он.

Его звали Григорием Александровичем Печориним. Славный был малый смею вас уверить только немножко странен. Ведь например в дождик в холод целый день на охоте все иззябнут устанут а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате ветер пахнёт уверяет что простудился ставнем стукнет он вздрогнет и побледнеет а при мне ходил на кабана один на один. Бывало по целым часам слова не добьёшься зато уж иногда как начнёт рассказывать так животики надорвёшь со смеха... Да с большими был странностями и должно быть богатый человек сколько у него было разных дорогих вещей...

Послушайте Максим Максимыч у меня несчастный характер воспитание ли меня сделало таким бог ли так меня создал не знаю знаю только то что если я являюсь причиною несчастья других то и сам не менее несчастлив...

В первой моей молодости с той минуты когда я вышел из опеки родных я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями которые можно достать за деньги и разумеется удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет и скоро общество мне также надоело влюблялся в светских красавиц и был любим но их любовь только раздражала моё воображение и самолюбие а сердце осталось пусто... Я стал читать учиться науки также надоели я видел что ни слава ни счастье от них не зависят нисколько потому что самые счастливые люди невежды а слава удача и чтоб добиться её надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ это самое счастливое время моей жизни... Когда я увидел Бэлу в своем доме когда в первый раз держа её на коленях целовал её чёрные локоны я глупец подумал что она ангел посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни невежество и простосердечие одной так же надоедают как и кокетство другой... Глупец я или злодей не знаю но то верно что я также очень достоин сожаления может быть больше нежели она во мне душа испорчена светом. Мне всё мало к печали я так же легко привыкаю как к наслаждению и жизнь моя становится пустее день ото дня мне осталось одно средство путешествовать.

(По М. Лермонтову)

№ 26

О Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление которое производил на вас вид этого человека было чувство какой-то грубой тяжёлой но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже «сбитнем» как говорят у нас но от него так и несло несокрушимым здоровьем и странное дело его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации происходившей может быть от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого раза к какому сословию принадлежал этот Геркулес. Он не походил ни на дворового ни на мещанина ни на обедневшего подьячего ни на мелкопоместного разорившегося дворянина псаря и драчуна он был уж точно сам по себе. Никто не знал откуда он свалился к нам поговаривали что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе но ничего положительного об этом не знали да и от кого было и узнавать не от него же самого не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать чем он живёт. Он никаким ремеслом не занимался ни к кому не ездил не знался почти ни с кем а деньги у него водились правда небольшие но водились. Вёл он себя не то что скромно в нём вообще не было ничего скромного но тихо. Он жил словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин так его прозвали настоящее же его имя было Перевлесов пользовался огромным влиянием во всём округе ему повиновались тотчас и с охотой хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни стало но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей с которыми случайно сталкивался. В этом человеке было много загадочного. Казалось какие-то громадные силы угрюмо покоились в нём как бы зная что раз поднявшись что вырвавшись раз на волю они должны разрушить и себя и всё до чего ни коснутся. Я жестоко ошибаюсь если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва если он наученный опытом и едва спасшись от гибели неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нём смесь какой-то врождённой природной свирепости и такого же врождённого благородства смесь которой я не встречал ни в ком другом.

(По И. Тургеневу)

№ 27

Сани остановились около большого странного дома похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещён дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и как рты глотали людей которые сновали у подъезда. Людей было много часто к подъезду подбегали и лошади но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тётку и сунул её на грудь под шубу где находился Фёдор Тимофеич. Тут было темно и душно но тепло. На мгновение вспыхнули две зелёные искорки это открыл глаза кот обеспокоенный холодными жёсткими лапами соседки. Тётка лизнула его ухо и желая усесться возможно удобнее беспокойно задвигалась смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось что она увидела громадную плохо освещённую комнату полную чудовищ из-за перегородок и решёток которые тянулись по обе стороны комнаты выглядывали страшные рожи лошадиные рогатые длинноухие и какая-то одна толстая громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями торчащими изо рта.

Кот сипло замыкал под лапами Тётки но в это время шуба распахнулась хозяин сказал «гоп» и Фёдор Тимофеич с Тёткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами тут кроме небольшого столика с зеркалом табурета и тряпья развешанного по углам не было никакой другой мебели и вместо лампы или свечи горел яркий веерообразный огонёк приделанный к трубочке вбитой в стену. Фёдор Тимофеич облизал свою шубу помятую Тёткой пошёл под табурет и лег. Хозяин всё ещё волнуясь и потирая руки стал раздеваться...

(По А. Чехову)

№ 28

По дороге к большому городу не спеша идёт мальчик.

Город лёг на землю тяжёлыми грудами зданий прижался к ней и стонет и глухо ворчит. Издали кажется как будто он только что разрушен пожаром ибо над ним ещё не угасло кровавое пламя заката и кресты его церквей вершины башен флюгера раскалены докрасна.

Края чёрных туч тоже в огне на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений там и тут точно раны сверкают стёкла разрушенный измученный город место неутомимого боя за счастье истекает кровью и она дымит горячая желтоватым удушливым дымом.

Мальчик идёт в сумраке поля по широкой серой ленте дороги прямая точно шпага она вонзается в бок города неуклонно направленная могучей незримой рукою. Деревья по сторонам её точно незажжённые факелы их чёрные большие кисти неподвижны над молчаливою чего-то ожидающей землёй.

Небо покрыто облаками звёзд не видно теней нет поздний вечер печален и тих только медленные и лёгкие шаги мальчика едва слышны в сумеречном утомлённом молчании засыпающих полей.

А вслед мальчику бесшумно идет ночь закрывая чёрной мантией забвения даль откуда он вышел.

Стущаясь сумрак прячет в тёплом объятии своём покорно приникшие к земле белые и красные дома сиротливо разбросанные по холмам. Сады деревья трубы всё вокруг чернеет исчезает раздавленное тьмою ночи точно пугаясь маленькой фигурки с палкой в руке прячься от неё или играя с нею.

Он же идёт молча и спокойно смотрит на город не ускоряя шага одинокий маленький словно несущий что-то необходимое давно ожидаемое всеми там в городе где уже тревожно загораются навстречу ему голубые жёлтые и красные огни.

(По М. Горькому)

№ 29

С первого же дня как он увидел Катюшу Нехлюдов почувствовал прежнее чувство к ней. Так же как и прежде он не мог без волнения видеть теперь белый фартук Катюши не мог без радости слышать её походку её голос её смех не мог без умиления смотреть в её чёрные как мокрая смородина глаза особенно когда она улыбалась не мог главное без смущения видеть как она краснела при встрече с ним. Он чувствовал что влюблён но не так как прежде когда эта любовь была для него тайной и он сам не решался признаться себе в том что любить можно только раз. Теперь он был влюблён зная это и радуясь этому хотя и скрывая от себя в чём состоит любовь и что из неё может выйти.

В Нехлюдове как и во всех людях было два человека. Один духовный ищущий блага себе только такого которое было бы благо и других людей и другой животный человек ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира. В этот период его сумасшествия эгоизма вызванного в нём петербургской и военной жизнью этот животный человек властвовал в нём и совершенно задавил духовного человека. Но увидав Катюшу и вновь почувствовав то что он испытал к ней тогда духовный человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове не переставая в продолжение этих двух дней шла внутренняя не сознаваемая им борьба.

В глубине души он знал что ему надо ехать и что незачем теперь оставаться у тёток знал что ничего из этого не могло выйти хорошего но было так радостно и приятно что он не говорил этого себе и оставался.

(По Л. Толстому)

№ 30

Нужно родиться в культурном обществе для того чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей. Я родился и воспитывался вне этого общества и поэтому не могу принимать его культуру большими дозами без того чтобы спустя некоторое время у меня не появилась необходимость выйти из её рамок.

В деревне почти так же невыносимо тошно и грустно как и среди интеллигенции. Всего лучше отправиться в трущобы городов. Лет пять назад я предпринял именно такую прогулку и расхаживая по святой Руси попал в Феодосию. В то время там начинали строить мол и в надежде заработать немного денег на дорогу я отправился на место сооружения.

Желая сначала посмотреть на работу как на картину я взошёл на гору и сел там глядя вниз на бескрайнее могучее море.

Передо мной развернулась широкая картина труда весь каменистый берег был изрыт всюду ямы кучи камня тачки брёвна и ещё какие-то приспособления из брёвен и среди всего этого сновали люди. Они разорвав гору динамитом дробили её кирками расчищая площадь для линии железной дороги. Они казались

маленькими как черви на фоне тёмно-коричневой горы изуродованной их руками и как черви суетливо копошились среди груд щебня в облаках каменной пыли. Хаос вокруг них раскалившее небо над ними придавало их суете такой вид как будто бы они вкапывались в гору стремясь уйти в недра её от солнечного зноя.

По ломаной линии досок набросанных тут и там медленно двигалась вереница людей согнувшись над тачками нагруженными камнем и навстречу им шла другая с порожними тачками. Среди них расхаживали распорядители в белых кителях с металлическими пуговицами сверкающими на солнце как чьи-то жёлтые холодные глаза.

Море спокойно раскинулось до туманного горизонта и тихо плещет своими прозрачными волнами на берег. Сияя в блеске солнца оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера сознающего что если он захочет одно движение и работа лилипутов исчезнет.

Тихо взбегают волны на берег усеянный толпой людей создающих каменную преграду взбегают и поют свою звучную ласковую песню о прошлом о всем что в течение веков видели они на бескрайних берегах этой земли.

(По М. Горькому)

№ 31

Семь с половиной месяцев люди мучительно ждали придёт ли один особенный день развязки. И вот этот день наступил. Как обычно в восемь часов утра под звон судового колокола взвился андреевский флаг. Но сегодня в честь коронавания царя и царицы одновременно заплескались в сыром и порывистом воздухе ещё два таких же флага на обеих мачтах. Эти же флаги имели значение боевых.

Настроение экипажа сверх обыкновения было приподнятое. Слышался оживлённый говор. Некоторые забравшись в укромный уголок играли в шашки другие читали книги. Страшно было думать о том что этим людям сегодня предстоит участвовать в сражении в котором может быть многие найдут себе смерть. Они как будто нарочно рисовались друг перед другом своим равнодушием к опасности слишком уж надоела такая монотонная жизнь. Около восьми месяцев они проплавали в чужих морях редко съезжая на

берег выполняя непосильные работы перенося голод испытывая изнуряющую тропическую жару.

Кроме того со дня отплытия из Либавы их не переставали пугать нападениями со стороны японцев. Слухи указывали что они подстерегают их повсюду. В особенности они усилились после Мадагаскара а ещё больше после аннамских вод. Каждую ночь они проводили в ожидании минных атак. Теперь всё это кончилось и приближалась развязка одним холодная могила в этих водах другим избавление и отдых на родной земле.

В десятом часу слева впереди по курсу на расстоянии около шести кабельтовых показалось четыре неприятельских корабля. Один из них был двухтрубный а остальные однотрубные. С переднего мостика долго всматривались вдаль прежде чем определить их названия. Это были броненосцы второго класса старые с малым ходом.

На вспомогательном крейсере «Урал» был усовершенствованный аппарат беспроволочного телеграфа способный принимать и отправлять телеграммы на расстояние до семисот миль. С помощью такого аппарата можно было перебить донесения японских крейсеров но этим не воспользовались. Чтобы так пренебрегать противником нужно было иметь большую уверенность в превосходстве своих сил а этой уверенности ни у кого из нас не было.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 32

Одиночество всё сильнее охватывало Карташёва. Он бегал от него а оно его преследовало. Побывал он в театрах в Эрмитаже в Академии художеств но везде была всё та же чужая ему раздражающая своей непонятной жизнью незнакомая толпа. В жизни этой толпы были конечно и большой интерес и большое содержание она кипела но чем сильнее кипела тем больше мучился Карташёв единственный между всеми обречённый томиться пустотой и жаждой жизни. Иногда вечером выгнанный скукой из своей комнатки он шёл по пустынным улицам и тогда в стихающем шуме точно легче становилось на душе. Он вспоминал мирную налаженную жизнь своего городка семью былой кружок товарищей гимназию и интересы связывавшие их всех в одно. Он с тоской заглядывал в освещённые окна тех домов которые своими

размерами напоминали ему далёкую родину. Там за этими окнами маленьких домиков жили люди у них были свои интересы. И он их имел когда-то. Вот сидит в кресле какой-то молодой господин девушка прошла по комнате какая-то счастливая семейная обстановка. Счастливые они живут и не знают что есть на свете ужасный зверь скука который бегаёт по улицам и жадно караулит свои жертвы. Иногда Карташёву вдруг даже страшно делалось от сознания своего одиночества. В этом большом городе было тяжелее чем в пустыне. Там хоть знаешь что никого нет а здесь везде везде люди и в то же время никого в ком был бы какой-нибудь интерес к нему. Заболел он упади и умри никто даже не оглянется. И Карташёву хотелось вдруг уложить свои вещи и бежать без оглядки от этого чужого страшного в своём отчуждении города.

(По Н. Гарину-Михайловскому)

№ 33

Всего конечно за недолгий свой отпуск Сергей не мог ни увидеть ни узнать слишком много странного никак не вязавшегося с ожидаемым встретило его не только в селе но ещё на ближних подступах к нему когда он вышел из вагона на станции и по обыкновению всех завидовцев не направился прямо домой а решил заглянуть к тётеньке Анне на этот раз для того чтобы получить первую и он знал самую обширную и достоверную информацию об односельчанах. Да и время было позднее вечерние сумерки быстро сгущались попутного транспорта теперь уже не будет до Завидова семнадцать вёрст не ближний свет к тому же на руках офицера были два чемодана отнюдь не до конца опорожнённых у брата и сестры. Тётенькина же информация стодится для того чтобы придя в село не совершить какого-нибудь необдуманного поступка и не обронить какого-либо слова способного не поврачевать а напротив расшевелить растеребить чью-то сильно пораненную душу а их на селе окажется немалое число таких-то душ.

Как и в довоенные годы ни калитка впускающая во двор ни двери ведущие в сумеречь сеней и в светлую горенку с земляным всегда свежепобелённым полом не были заперты потому что хижина тётеньки более чем прежде в худшую военную и тяжкую послевоенную пору была для людей домом открытых дверей.

Сергей подошёл к нему в момент когда хозяйка ни капельки с точки зрения офицера не изменившаяся за эти шесть с половиной лет вышла на низенькое о двух ступенях подгнившее крылечко жалобно зароптавшее под её ногами. Вслед за тётенькой из сеней выкатилась рыжая лохматая собачонка взъерошила загривок но тут же вспомнив что так на подворье гостей не встречают уложила вздыбившуюся шерсть на место и приветливо замолочила хвостом.

(По М. Алексееву)

№ 34

С моря дул влажный холодный ветер разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные жёлтые листья и бросали их в костёр раздувая пламя окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и пугливо отодвигаясь открывала на миг слева безграничную степь справа бесконечное море и прямо против меня фигуру Макара Чудры старого цыгана.

Не обращая внимания на то что холодные волны ветра распахнув чекмень обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её он полулежал в красивой сильной позе лицом ко мне методически потягивал из своей громадной трубки и неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову разговаривал со мной не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

Так ты ходишь Это хорошо Ты славную долю выбрал себе сокол.

Он плюнул в костёр и замолчал снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо во тьме ржали кони из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка дочь Макара.

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать её. Я закутался плотнее в шинель и лёжа смотрел в его старое лицо чёрное от загара. Он сурово и строго качая головой что-то шептал про себя седые усы шевелились и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб обожжённый молнией но всё ещё мощный крепкий и гордый и ветер всё так же носил его шёпот по степи.

Макар замолчал и спрятав в кисет трубку запахнул на груди чекмень. Накапывал дождь ветер стал сильнее море рокотало

глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и осмотрев нас большими умными глазами неподвижно останавливались окружая нас плотным кольцом.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму ночи и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью чёрных волос к ране на груди и сквозь её смуглые тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь падая на землю огненно-красными звёздочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар его лицо завесили пряди густых чёрных кудрей и из-под них капали частые холодные и крупные слёзы...

Усиливался дождь и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган Лойко Зобару и Радде дочери старого солдата Данилы. А они оба кружили во тьме ночи плавно и безмолвно и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

(По М. Горькому)

№ 35

Печорин как безумный выскочил на крыльцо прыгнул на своего Черкеса которого водили по двору и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Он беспощадно погонял измученного коня который хрипя и весь в пене мчал его по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в чёрной туче отдохавшей на гребне западных гор в ущелье стало темно и сыро. Печорин скакал задыхаясь от нетерпения. Мысль не заставить Веру в Пятигорске молотком ударяла ему в сердце. Видеть её одну минуту ещё одну минуту проститься пожать её руку.. Он молил проклинал плакал смеялся. При возможности потерять её навеки Вера стала для него дороже всего на свете дороже чести жизни счастья... Бог знает какие странные какие бешеные замыслы роились в его голове. И между тем он всё скакал погоняя беспощадно. Вдруг Печорин стал замечать что его конь дышит всё тяжелее он раза два уже споткнулся на ровном месте. Оставалось всего пять вёрст до той станции где он мог пересесть на другую лошадь.

Всё было бы спасено если бы у коня достало сил ещё на 10 минут. Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага при выезде из гор на крутом повороте он грянул о землю. Печорин проворно

соскочил хотел поднять его напрасно. Едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы через несколько минут он издох. Печорин остался в степи один потеряв последнюю надежду. Попробовал идти пешком ноги его подкосились. Изнурённый тревогами дня и бессонницей он упал на мокрую траву и как ребёнок заплакал.

И долго он лежал неподвижно и плакал горько не стараясь удерживать слёз и рыданий. Он думал что грудь его разорвется. Вся его твёрдость всё хладнокровие исчезли как дым. Душа обессилела рассудок замолк.

Когда ночная роса и горный ветер освежили его горячую голову и мысли пришли в обычный порядок то он понял что гнаться за погибшим счастьем бесполезно.

Печорин возвратился в Кисловодск бросился на постель и заснул сном Наполеона при Ватерлоо.

(По М. Лермонтову)

№ 36

Места по которым они проезжали не могли назваться живописными. Поля всё поля тянулись вплоть до самого небосклона то слегка вздымаясь то опускаясь кое-где виднелись небольшие леса и усеянные редким и низким кустарником вились овраги напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининских времён. Попадались и речки с обрытыми берегами и крошечные пруды с худыми плотинами и деревеньки с низкими избёнками под тёмными часто до половины разметанными крышами и покривившиеся молотильные сарайчики с плетёнными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумён и церкви то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркою то деревянные с наклонившимися крестами и разорёнными кладбищами.

Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно мужички встречались все обтёрханные на плохих клячонках как нищие в лохмотьях стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями исхудалые шершавые словно обглоданные коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось они только что вырвались из чьих-то грозных смертоносных когтей и вызванный жалким видом обессиленных животных среди весеннего красного

дня вставал белый призрак безотрадной бесконечной зимы с её метелями морозами и снегами...

Нет подумал Аркадий небогатый край этот не поражает он ни довольством ни трудолюбием нельзя нельзя ему так остаться преобразования необходимы... но как их исполнить как приступить...

Так размышлял Аркадий... а пока он размышлял весна брала своё. Всё кругом золотисто зеленело всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка всё деревья кусты и травы повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки чибиcы то кричали вьясь над низменными лугами то молча перебежали по кочкам красиво чернея в нежной зелени ещё низких яровых хлебов гуляли грачи. Они пропадали во ржи уже слегка побелевшей лишь изредка выказывались их головы в дымчатых её волнах. Аркадий глядел глядел и понемногу ослабевая исчезали его размышления... Он сбросил с себя шинель и так весело таким молоденьким мальчиком посмотрел на отца что тот опять его обнял.

(По И. Тургеневу)

№ 37

Боевая биография Ушакова действительно незаурядна.

Фёдор Фёдорович Ушаков родился в 1745 году. На родине в Темниковском уезде Тамбовской губернии от родителей ему досталось наследство 19 ревизских душ. Помещик он был захудалый но Россию он любил очень и своими победами прославил её на морях. Это был самостоятельный адмирал создатель русской морской тактики. В войнах с турками на Чёрном море и с французами на Средиземном море одержал ряд блестящих побед.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море всегда считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова как великого флотоводца. В тот момент другой великий но сухопутный русский полководец Суворов действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова он сказал Жалею что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом...

Ушаков был единственным соперником по славе с знаменитым адмиралом Нельсоном... В 1799 году два великих флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твердо рассчитывал что Ушаков расшаркается перед ним и станет покорным орудием в руках Англии но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое от природы умный самостоятельный русский адмирал не уронил достоинства России и ревниво оберегал интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме отзывался об Ушакове что он держит себя очень высоко и что под его вежливой наружностью скрывается медведь.

В старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью как Нельсон в Англии. В Англии каждый школьник знает этого адмирала а у нас кроме морских офицеров мало кто знает о народном герое Ушакове. Одна или две книги вот и всё что было написано о нём.

Цари не очень ценили Ушакова им не нравилась его самостоятельность поэтому Ушаков не подошёл ко двору. Так и вынужден был он шестидесяти двух лет полный сил уйти в отставку и уехать к себе в тамбовскую деревню где и умер в 1817 году.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 38

Я быстро отдёрнул занесённую ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом стальные отблески воды изредка и смутно мерцающая обозначали её течение. Холм на котором я находился спускался вдруг почти отвесным обрывом его громадные очертания отделялись чернея от синеватой воздушной пустоты и прямо подо мною в углу образованном тем обрывом и равниной возле реки которая в этом месте стояла неподвижным тёмным зеркалом под самой кручею холма красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди колебались тени иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности особенно в ночную пору ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам

и в обществе тех людей которых принял за гуртовщиков дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку как вдруг две большие белые лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздалась вокруг огней два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне отозвали тотчас собак которых особенно поразило появление моей Дианки и я подошёл к ним.

Я ошибся приняв людей сидевших вокруг тех огней за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседней деревни которые стерегли табун.

(По И. Тургеневу)

№ 39

Я думал что я должен непременно написать свою повесть или лучше сказать свою исповедь. Мне это кажется вовсе не потому чтобы я находил свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсем нет истории подобные моей по частям встречаются во множестве современных романов и я может быть в значении интереса новизны не расскажу ничего такого нового чего бы не знал или даже не видал читатель но я буду рассказывать всё это не так как рассказывается в романах и это мне кажется может составить некоторый интерес и даже пожалуй новость и даже назидание.

Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий меня к тому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идёт как развивающаяся со скалки хартия и я её так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках. Кроме того здесь может быть представит некоторый интерес что эти записки писаны человеком который не будет жить в то время когда его записки могут быть доступны для чтения. Автор уже теперь стоит выше всех предрассудков или предвзятых задач всяких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать а это надеюсь встречается не часто. Я начну свою повесть с детства с самых первых своих воспоминаний иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательного изображения характеров и

духа человека начинают свои романы с детства героев и героинь. Ребёнок есть тот человек в миниатюре которая всё увеличивается.
(По Н. Лескову)

№ 40

Против города на северо-западной стороне Нагасакской бухты среди скалистых взгорьев заросла зеленью деревня хорошо известная русскому флоту. На одном из холмов возвышалось двухэтажное здание под названием «Гостиница Нева».

От каменной пристани ступени которой спускались прямо в воду начинался город европейскими гостиницами и ресторанами. Здесь на широких улицах наряду с японцами наряженными в национальные костюмы-кимоно встречались англичане немцы французы русские. Слышался разноязычный говор. А дальше за европейским кварталом плотно прижались друг к другу японские домики деревянные лёгкие не больше как в два этажа причём верхний этаж приспособлен для жилья нижний для торговли. Передние стены магазинов на день раздвинуты и можно не читая вывесок видеть чем в них торгуют черепаховыми изделиями узорчатыми веерами изящным японским фарфором. Создавалось впечатление как будто гуляешь не по узким улицам а в павильоне и рассматриваешь выставку японской продукции.

На звуки музыки шли иностранные моряки прибывшие сюда из-за далёких морей и океанов загорелые обвеянные ветрами всех географических широт. Особенно разгулялись на радости некоторые русские как офицеры так и нижние чины только что переставшие быть пленниками. Их можно было узнать издали они пели песни радовались словно наступила для них масляная неделя разезжали на рикшах.

Меня удивляли японцы я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин ни у женщин. Казалось что они всегда жизне-радостны словно всем им живётся отлично и все они довольны и государством и самими собою и своим социальным положением. На самом же деле японское население жило в большой бедности но искусно скрывало это. Точно так же ошибочно было бы предположить судя по их чрезмерной вежливости выработанной веками что они представляют собою самый мирный народ на свете.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 41

Я сидел в берёзовой роще осенью около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками то вдруг местами расчищалось на мгновение и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь ясная и ласковая как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом и слушал. Листья чуть шумели над моей головой по одному их шуму можно было узнать какое тогда стояло время года. То был не весёлый смеющийся трепет весны не мягкое шушуканье не долгий говор лета не робкое и холодное лепетанье поздней осени а едва слышная дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи влажной от дождя беспрестанно изменялась смотря по тому светило ли солнце или закрывалось облаком она то озарялась вся словно вдруг в ней все улыбнулось тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого шёлка лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом а красивые стебли высоких кудрявых папоротников уже окрашенных в свой осенний цвет подобный цвету переспелого винограда так и сквозили бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами то вдруг опять всё кругом слегка синело яркие краски мгновенно гасли берёзы стояли все белые без блеску белые как только что выпавший снег до которого ещё не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца и украдкой лукаво начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь.

(По И. Тургеневу)

№ 42

Удивительные постройки. Я когда их увидел испытал странное чувство казалось родившись я уже знал что они есть...

В солнечный хороший день пролетаем над Регистаном. Голубые постройки похожи на корабли приплывшие неизвестно откуда и ставшие тут среди домиков и суетливых лодок-автомобилей. Матросов давным-давно уже нет а корабли целы. Странные палубы трубы голубая обшивка бортов... Древняя голубая флотилия стоит на площади посреди Самарканда.

Каждый день с утра на этой площади собираются приезжие люди. Не удивляйтесь если услышите тут разговор по-французски если гость назовётся жителем Лондона Праги Ростова Семипалатинска Гомеля. Везде живут любопытные люди для которых минута перед этими приплывшими из веков «кораблями» одна из радостей жизни.

Регистан (так по-узбекски называется площадь) первое место куда направляется приехавший в Самарканд. Отсюда начинают знакомство с удивительным городом.

За площадью в садике чайхана. Два деревянных столба изукрашенные резчиком и червоточиной подпирают крышу древней харчевни. Прямо на улице жарятся шашлыки в огромном котле закипает шурпа. Синий пахучий дым стелется между деревьями у чайханы. А далее за коробками новых домов древний жилой Самарканд. Дома с плоскими крышами прилипли друг к другу. Кажется ступи на одну крышу и пошёл весь город по крышам перебежишь. Улицы извилисты с тупиками идёшь неизвестно куда.

Минутах в тридцати ходьбы от площади видишь вокруг над деревьями и домами огромный голубой купол. Сразу вспоминаешь когда-то прочитанное Если исчезнет небо купол Гур-и-Эмира заменит его.

Под куполом лежат кости знаменитого Тамерлана почитавшего Самарканд единственной столицей земли.

№ 43

Как мне кажется я пользуюсь уважением между моими товарищами учениками. Конечно не без того чтобы на это не оказывал влияние мой сравнительно с ними солидный возраст во всей академии один только Вольский старше меня. Этот Вольский отставной офицер господин лет сорока пяти с совершенно седой головой. Он упорно работает летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду с каким-то самоотвержением зимою когда светло постоянно пишет а вечером рисует. В два года он сделал большие успехи несмотря на то что судьба не наградила его особенно большим талантом.

Вот Рябинин другое дело чертовски талантливая натура но зато лентяй ужасный. Я не думаю чтобы из него вышло что-нибудь серьёзное хотя все молодые художники его поклонники. Особенно

мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам пишет лапти онучи и полушубки как будто мы на них не насмотрелись в натуре. А что главное он почти не работает. Иногда засядет и в месяц окончит картину о которой все кричат как о чуде находя впрочем что техника оставляет желать лучшего по-моему техника-то у него очень и очень слаба а потом бросит писать даже этюды ходит мрачный и ни с кем не разговаривает даже со мной хотя кажется от меня он удаляется меньше чем от других товарищей. Странный юноша

Удивительными кажутся эти люди не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять что ничто так не возвышает человека как творчество.

(По В. Гаршину)

№ 44

Сорока вздрогнул. Раздался гулкий протяжный удар точно тяжёлый артиллерийский залп. Где-то рассеялась ледяная громада сжатая морозом. Отражённое дальними льдами упругое эхо с рокотом далеко покатилося по водяной глади.

На мгновенье он как бы очнулся. К удивлению никак не мог разодрать глаз они точно слиплись. И как далёкая зарница в глухую полночь мелькнуло смутное сознание опасности. В воздухе опять повисла мёртвая тишина и прежнее состояние овладело им. Ему надоело поднимать свои отяжелевшие веки. Опять дрёма отуманила голову и несвязные думы точно легкие тени в лунную ночь бежали смутной вереницей. Чудилось ему что ожило мёртвое море и тихо дышало бесконечным простором и тонкий пар его дыхания поднимался к далёким звёздам. Казалось весь мир замолк и та прежняя жизнь потухла затаилась в этой загадочной пустоте наполненной биением какой-то другой незримой жизни. Чудилось неслышно веет тихий ветер и звучит смутный едва уловимый звон и лёгкий туман колеблется над морем.

И сквозь морозный туман чудится Сороке разбегаясь фосфорическим блеском катятся две светлые волны. И плывёт на него не касаясь воды полупрозрачная смутно-неясная лодка. Ледяная глыба дрогнула зашаталась взволновала спокойную поверхность расходясь побежали серебряные круги. Отражённые в

колышущейся глади задрожали звёзды запрыгали и расплылись колеблющимся золотом.

Сияя величавой красотой Севера тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь затканная тонким искристым морозным туманом. А над нею сверкая причудливыми переливами размталась звёздная ткань. Мёртвая тишина неподвижно повисла над застывшим морем и чудится в этой сверкающей переливчатой красоте безжизненный холод вечной смерти. Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь подёрнувшуюся тонким водяным слоем и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру опушенную белым инеем.

(По А. Серафимовичу)

№ 45

Сад у тётки славился своей запущенностью соловьями гор-линками и яблоками а дом крышей. Стоял он во главе двора у самого сада ветви лип обнимали его был невелик и приземист но казалось что ему и веку не будет так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз окнами с перламутровыми от дождя и солнца стёклами. А по бокам этих глаз были крыльца два старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби между тем как тысячи воробьёв дождём пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом

Войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок а потом уже другие старой мебели красного дерева сушёного липового цвета который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах в лакейской в зале в гостиной прохладно и сумрачно это оттого что дом окружён садом а верхние стёкла окон цветные синие и лиловые. Всюду тишина и чистота хотя кажется кресла столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание выходит тётка. Она небольшая но тоже как и всё кругом прочная. На плечах у неё накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно

но приветливо и сейчас же под бесконечные разговоры про старину про наследства начинают появляться угощения сперва «дули» яблоки антоновские «бель-барыня» боровинка «плодовитка» а потом удивительный обед вся насквозь розовая варёная ветчина с горошком фаршированная курица индюшка маринады и красный квас крепкий и сладкий-пресладкий...

(По И. Бунину)

№ 46

Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком Аркадий сибаритствовал Базаров работал. Все в доме привыкли к его небрежным манерам к его немногосложным и отрывочным речам. Фенечка в особенности до того с ним освоилась что однажды ночью велела разбудить его с Митей сделали судороги и он пришёл и по обыкновению полушутя полузевая просидел у ней часа два и помог ребёнку. Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел Базарова он считал его гордецом нахалом циником плебеем он подозревал что Базаров не уважает его что он едва ли не презирает его его Павла Кирсанова Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста» и сомневался в пользе его влияния на Аркадия но он охотно его слушал охотно присутствовал при его физических и химических опытах. Базаров привёз с собой микроскоп и по целым часам с ним возился. Слуги тоже привязались к нему хотя он над ними подтрунивал они чувствовали что он всё-таки свой брат не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и искоса значительно посматривала на него пробегая мимо «перепёлочкой» Пётр человек до крайности самолюбивый и глупый вечно с напряжёнными морщинами на лбу человек которого всё достоинство состояло в том что он глядел учтиво читал по складам и часто чистил щёткой свой сюртучок и тот ухмылялся и светлел как только Базаров обращал на него внимание дворовые мальчишки бегали за «дохтуром» как собачонки. Один старик Прокофьич не любил его с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья называл его «живодёром» и «прощельгой» и уверял что он с своими бакенбардами настоящая свинья в кусте. Прокофьич по-своему был аристократ не хуже Павла Петровича.

(По И. Тургеневу)

№ 47

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают странный оттенок тени человеческих фигур лежат на земле бледные неясные. Пароход идущий вниз проплывает каким-то призраком. Его очертания стали легче потеряли определённую красок. Количество света видимо убывает но так как нет гущённых теней вечера нет игры отражённого на низших слоях атмосферы света то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзаж будто расплывается в чём-то трава теряет зелень горы как бы лишаются своей тяжести.

Однако пока остаётся тонкий серповидный ободок солнца всё ещё царит впечатление сильно побледневшего дня и мне казалось что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. Неужели думалось мне эта остающаяся ещё ничтожная искорка солнца горящая как последняя забытая свечка в огромном мире так много значит. Неужели когда она потухнет вдруг должна наступить ночь

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто будто вырвавшись с усилием из-за тёмной заслонки сверкнула ещё золотым брызгом и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил мгновение когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и точно громадное покрывало быстро пролетела по горам по реке по полям обмахнув всё небесное пространство укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу на береговой отмели и оглянулся на толпу. В ней царило гробовое молчание. Даже немец смолк и только метроном отбивал металлические удары. Фигуры людей сливались в одну тёмную массу а огни пожарища на той стороне опять приобрели прежнюю яркость...

(По В. Короленко)

№ 48

За поворотом протоки показался город. В нём зажигались огни. Возле порта за причалом в скоротечных сумерках чуть виднелись привязанные к столбам самолёты будто лошади у стойл. Один маленький самолёт был оранжевого цвета и угольком светился на снегу.

По мере того как разгорались огни в городе затухал уголёк-самолётик на снегу и пёстрая «колбаса» качающаяся на мачте над зданием авиагидропорта погружалась в небо в сумерки.

Издали город прилепившийся на правом берегу протоки почти в устье её казался разбросанным дома в нём разбрелись куда попало где густо где пусто будто с самолёта горстями раскидывали дома по лесотундре. Но вот зажглись огни повсюду домов не стало видно и всё приобрело порядок. Огни городские всегда что-нибудь прячут скрывают собой. Почти сливаясь в сплошную цепь окаймляют пятна огней лесобиржу. В середине её возле штабелей уже редко и нехотя помигивают полуслепые лампочки. Ближе к Старому городу у проходных гудят непрерывным гулом лесовозы. Возле них огней больше. В Новом городе ещё один квадрат самый светлый каток. На окраине уже квадрат не квадрат а кривая дуга из лампочек вытянутая вдоль берега нефтебаза.

Город заключён в огни. Люди живут и работают высвеченные со всех сторон а за ними темнота без конца и края. Верстах в девяносто от города в сторону севера лес исчезает совсем. Там тундра. Там ночь светлее от снегов не затенённых лесами и жильём. Ночь беспредельная и беспокойная от позарей.

(По В. Астафьеву)

№ 49

Наверху грохотали тяжёлые башенные орудия и от выстрелов содрогался воздух. По-видимому бой разгорался во всю мощь решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу в самом операционном пункте было тихо. Ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты торжественно словно на смотре стояли врачи фельдшеры санитары ожидая жертв войны. Около выходной двери в сторонке от неё сидел на табуретке инженер Васильев вытянув недолеченную ногу и держа в руках костыли. Он поглядывал на стоявшего поодаль священника словно любясь его одеянием переливающимся золотом и малиновыми оттенками его огненно-рыжей бородой окаймлявшей рыхлое и бледное лицо. В беспечной позе заложив руки назад стоял Добровольский. Младший врач Авроров небольшого роста полнеющий блондин скрестив руки на груди и склонив голову о чём-то задумался. Быть может в мыслях далёких от этого помещения он где-то беседует с дорогими для него лицами. Рядом с ним пощипывая рукой каштановую бородку стоял старший врач Макаров высокий худой с удлинён-

ным матовым лицом. И хотя давно всё было приготовлено для приёма раненых он привычным взором окидывал своё владение шкафы со стеклянными полками большие и малые банки с разными лекарствами и растворами раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом набор хирургических инструментов. Всё было на месте морфий камфара эфир мазь от ожогов иглы с шёлком положенные в раствор карболовой кислоты волосяные кисточки горячая вода тазы с мылом и щёткой для мытья рук эмалированные вёдра как будто все эти предметы выставлены для продажи и вот-вот нахлынут покупатели.

Люди молчали но у всех несмотря на разницу в выражении лиц в глубине души было одно и то же напряжённое ожидание чего-то страшного. Однако ничего страшного не было. Отсвечивая электричеством блестели белизной стены и потолок помещения. Слева если взглянуть от двери стоял операционный стол накрытый чистой простынёй. Я смотрел на него и думал кто же первый будет корчиться на нём в болезненных судорогах

Освежая воздух гудели около борта вентиляторы гудели настойчиво и монотонно словно шмели.

Мы почувствовали что в броненосец попали снаряды один другой. Все переглянулись но раненые не появлялись.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 50

Ярмарка раскинувшаяся по выгону на целую версту была как всегда шумна бестолкова. Стоял нестройный гомон ржание лошадей трели детских свистулек марши и польки гремящих на каруселях оркестрионов. Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным унавоженным переулкам между телегами и палатками лошадьми и коровами балаганами и съестными откуда несло вонючим чадом сальных жаровен. Как всегда была пропасть барышников придававших страшный азарт всем спорам и сделкам бесконечными вереницами с гнусавыми напевами тянулись слепые и убогие нищие и калеки на костылях и в тележках медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправников сдерживаемая кучером в плисовой безрукавке и в шапочке с павлиньими перьями... Покупателей

у Тихона Ильича было много. Подходили сизые цыгане рыжие польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах загорелые мелкопоместные дворяне в поддёртках и картузах подходил красавец гусар князь Бахтин с женой в английском костюме дряхлый севастопольский герой Хвостов высокий и костистый с удивительно крупными чертами тёмного морщинистого лица в длинном мундире и обвислых штанах в сапогах с широкими носками и в большом картузе с жёлтым околышем из-под которого были начёсаны на виски крашенные волосы мёртвого бурого цвета... Бахтин откидывался назад глядя на лошадь сдержанно улыбался в усы с подусниками поигрывая ногой в рейтузе вишневого цвета. Хвостов дошаркав до лошади косившей на него огненным глазом останавливался так что казалось что он падает поднимал костыль и в десятый раз спрашивал глухим ничего не выражающим голосом

Сколько просишь

И всем надо было отвечать.

(По И. Бунину)

№ 51

Огромное расстояние отделяет примитивные казалось бы звуки рождённые на колокольне от тончайшего совершенства симфонической музыки. Но честное слово испытываешь глубокое волнение слушая мерные удары колокола с подголосками маленьких колоколов и чириканьем воробьёв уловленным микрофонами на колокольне в паузах между ударами. Стены жилья в эти минуты перестают существовать. Чувствуешь большие пространства с плывущим над ними набатом и воображение без труда рисует людей идущих на вечерую площадь или тревожную сумятицу городского пожара или приближение к стенам города неприятеля.

С древнейших времен колокола на Руси сопровождали весь жизненный путь человека. Колокольный звон объединял людей на праздниках и перед лицом неприятеля. Колокола звали людей на совет в непогоду указывали дорогу заблудившимся путникам часобитный колокол отсчитывал время. И видно велика была мобилизующая сила звуков коль скоро Герцен назвал свой мятежный журнал «Колоколом» если покорив город неприятель

первым делом увозил из него вечерой колокол а русские цари за провинность отправляли колокола как людей в ссылку.

Петр I переплавлял колокола в пушки. В тридцатых годах помню в нашем селе Орлове тоже снимали колокола. Огромная толпа любопытных. Бабы крестились Трактора будут лить. И действительно в том же году по селу сверкая шпорами проехал новенький трактор подтверждая для нас мальчишек реальность странного превращения.

Репродуктор вытеснил колокол. Но согласитесь интересно ведь услышать и понять звуки минувшего. Помните в фильме «Война и мир» торжественный колокольный звон В другой картине «Семь нот в тишине» есть прелестный рассказ о звоннице и звонарях. И наконец грампластинка приносящая звоны прямо в твоё жильё...

№ 52

Был невыносимо жаркий июльский день когда я медленно передвигая ноги поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе как бы свирепая парило и пекло неотступно воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны разинув носы жалобно глядели на проходящих словно прося их участия. Одни воробьи не горевали и распуша пёрышки ещё яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам дружно взлетали с пыльной дороги серыми тучами носились над конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко в Колотовке как и во многих других степных деревнях мужики за неимением ключевой и колодцев пьют какую-то грязь из пруда...

Признаться ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища но особенно грустное чувство возбуждает она когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые полуразмётанные крыши домов и этот глубокий овраг и выжженный запылённый выгон и покрытый гусиным пухом чёрный словно раскалённый пруд с каймой из полувывсохшей грязи и сбитой набок плотиной возле которой на мелко истоптанной земле овцы едва дыша и чихая от жары печально теснятся друг к дружке и с унылым терпением наклоняют головы как можно ниже как будто выжидая когда же пройдёт этот невыносимый зной.

Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Ивановича возбуждая как водится в ребятишках изумление доходившее до напряжённого бессмысленного созерцания в собаках негодование выразившееся лаем как вдруг на пороге кабачка показался мужчина низко подпоясанный голубым кушачком.

Николай Иванович некогда стройный румяный парень теперь же необычайно толстый с хитро-добродушными глазками жирным лбом перетянутым морщинами словно нитками уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Его уважают соседи штатский генерал первый владелец в уезде всякий раз снисходительно ему кланяется когда проезжает мимо его домика. Николай Иванович человек со влиянием он известного конокрада заставил возвратить лошадь которую тот свёл со двора у одного знакомого образумил мужиков не хотевших принять нового управляющего. Впрочем не должно думать что он это делал из любви к справедливости из усердия к ближнему нет Он просто старался предупредить всё то что может как-нибудь нарушить его спокойствие.

(По И. Тургеневу)

№ 53

На медведя

Тихо. Только над валежником стрекочет синекрылая сойка. Синими и зеленоватыми искрами блестит снег словно усыпанный алмазной пылью от белизны и света разлитого вокруг больно глазам.

Вдруг слышу хриплое рычание хруст сучков. В валежнике на мгновение мелькнуло что-то мохнатое раздался выстрел. Содрогнувшись далёким эхом откликнулся лес.

Я выпалил вдогонку медведю и снова страшный рёв смешанный с яростным лаем всколыхнул утреннюю тишину. Вижу убегает от нас зверь подкидывая кургузый зад словно кувыркаясь. Он глубоко проваливается в снег а Пыж длинноухий пёс преследуя мечется около него по насту точно по гладкой дороге.

Медведь не останавливается уходит. Вот он повернул в сторону. Савелий помчался наперерез. Забыв об опасности он с близкого расстояния метнул в него рогатину..

Рывкнув медведь повернулся на мгновение замер ошетинив тёмно-бурую шерсть дико озираясь словно ослеплённый ярким

солнцем. И вдруг точно поняв кто главный враг его стремительно понёсся на Савелия. Старый охотник спрыгнул с лыж и утвердившись в снегу ждал крепко держа рогатину. Медведь быстро приближался мотая головою иступлённо рычал потрясая лес. Остался ещё один прыжок но он поднялся на дыбы огромный страшный в гневе. Тяжёлые передние лапы выпустив когти судорожно тянулись к охотнику готовые схватить его. И ещё сильнее ещё оглушительнее вызывая грохочущее эхо покатился по дремучему лесу рёв полный яростной злобы и предсмертной тоски. Медведь наступал шагая на задних лапах охотник немного согнувшись твёрдо стоял на месте выжидая удобного момента для удара оба чёрные лохматые похожие друг на друга. А когда в грудь медведя вонзилась острая рогатина он сильным ударом лапы сломал ручку её и обрушившись своим грузным телом на упавшего охотника начал беспощадно рвать его зубами и когтями переворачивая человеческое тело точно игрушку. Пыж заступаясь за хозяина с яростью набрасывался на зверя. Казалось все трое барахтаясь в снегу обезумели издавая крик лай рычанье наводняя лес диким гулом.

Быстро зарядив ружьё я прицелился в голову медведя. Грянул выстрел. Когда дым рассеялся медведь был уже мёртв. Савелий лежал на снегу привалившись головой к ещё тёплой спине медведя бормотал точно пьяный блуждая глазами Вот оно что... Небо-то какое красное... в кругах. Пыж задыхаясь от усталости лизал ему лицо и руки.

По-прежнему было тихо. Сияло бледно-голубое небо ярко горело солнце разливаясь блеском по чистому снегу а лес облаканный ясным днём зачарованно молчал сверкая белым нарядом инея точно распустившимися цветами. Вокруг было радостно светло словно ничего не случилось. И только Пыж оставшись около хозяина протяжно выл оплакивая старого охотника.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 54

Был знойный летний день 1892 года.

В высокой синеве тянулись причудливые клочья рыхлого белого тумана. В зените они неизменно замедляли ход и тихо таяли как бы умирая от знойной истомы в раскалённом воздухе.

Между тем кругом над чертой горизонта толпились громоздятся друг на друга кудрявые облака а кое-где пали как будто синие полосы отдалённых дождей. Но они стояли недолго сквозили исчезали чтобы пасть где-нибудь в другом месте и также быстро исчезнуть...

Казалось у облачного неба не хватало решимости и силы чтобы пролиться на землю... Тучи набирались надувались тихо развёртывались и охватывали кольцом равнину на которой зной царил всё-таки во всей томительной силе а солнце начавшее склоняться к горизонту пронизывало косыми лучами всю эту причудливую мгlistую панораму усиливая в ней смену света и теней придавая какую-то фантастическую жизнь молчаливому движению в горячем небе... Во всём чувствовалось ожидание напряжение какие-то приготовления какая-то тяжёлая борьба. Туманная рать темнела и стучалась внизу выделяя лёгкие белые облачка которые быстро неслись к середине неба и неизменно сгорали в зените а земля всё ждала дождя и влаги ждала томительно и напрасно...

По тракту лениво прозвонил колокольчик и смолк. Потом неожиданно заболтался сильнее и с холма меж рядами старых берёз покатился в клубке белой пыли тарантас с порыжелым кожаным верхом запряжённый тройкой почтовых лошадей. Вокруг тарантаса моталась плотная пыль лошадей густо облепили слепни и овода увязавшиеся за ними от самой станции. От станции же путников сопровождал печальный и сухой шелест усыхающих нив.

(По В. Короленко)

№ 55

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния но трое ехало так же как и я с самого места отхода поезда некрасивая и немолодая дама курящая с измученным лицом в полумужском пальто и шапочке её знакомый разговорчивый человек лет сорока с аккуратными новыми вещами и ещё державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями ещё не старый но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами быстро перебегавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую

барашковую шапку. Под пальто когда он расстегивался видна была поддѣвка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла ещё в том что он изредка издавал странные звуки похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во всё время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко или читал или глядя в окно курил или достав провизию из своего старого мешка пил чай или закусывал.

Мне казалось что он тяготится своим одиночеством и я несколько раз хотел заговорить с ним но всякий раз когда глаза наши встречались что случалось часто так как мы сидели наискосок друг против друга он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

Во время остановки перед вечером второго дня на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай.

(По А. Толстому)

№ 56

Я с жадностью всматривался в жизнь города а мои мысли всецело были заняты одной японкой.

Находясь в лагерях для пленных я сдружился с японским переводчиком. Он великолепно говорил по-русски и очень любил нашу литературу. Мы иногда часами разговаривали о произведениях русских классиков и современных писателей. Это и сблизило нас. Он стал приглашать меня в город к себе на квартиру. У него была сестра девушка двадцати лет маленькая статная с матово-нежным лицом и загадочным взглядом чёрных лучистых глаз. Любовь не считается ни с расовым различием ни с войной она развивается по своим собственным законам. Девушка встречаясь со мной сначала настораживалась как птица при виде приближающегося охотника но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу. Я разговаривал с нею при помощи её брата. А когда выяснилось что она немного говорит по-английски я взялся за изучение этого языка. Первые слова и фразы усвоенные мною были конечно приветственные и конечно о любви. Но иногда разгораясь и желая выразить свои чувства полнее я говорил ей по-русски О милая

Я подбирал для неё самые поэтические слова какие только знал. Она конечно не понимала их смысла. Она только улыбалась маленьким ртом откинув назад черноволосую голову.

Брат не препятствовал нашей любви. И когда я ему сообщил что хочу жениться на его сестре он согласился и на это. Может быть тут сыграло роль то обстоятельство что она была сиротой. В Россию мне как политическому преступнику нельзя было возвращаться. При помощи эмигранта-народовольца приехавшего в Японию специально для того чтобы снабжать пленных революционной литературой я хотел вместе с ней уехать в Америку. Там я поступлю матросом на коммерческий корабль и буду наезжать в Россию как американский гражданин и снова мне будет доступна родина для политической работы. Так рисовалось будущее а молодость опьянённая иллюзией счастья не рассуждает о преградах пока не ударится лбом о каменную стену.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 57

На реке Лефе

После недолгого но длительного отдыха мы сели в лодку длинный плоскодонный челнок настолько лёгкий что один человек может без труда вытащить его на берег и поплыли дальше. Кое-где розовел туман и теневые склоны гор покрылись мягкими светло-фиолетовыми тонами. Около железнодорожного моста куда мы прибыли вовремя горы кончились.

Я вышел из лодки и поднялся на сопку расположенную вблизи нас чтобы в последний раз отсюда сверху осмотреться в стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами сзади на востоке толпились горы на юге были пологие холмы поросшие лиственным редколесьем на севере насколько хватал глаз растилась низменное пространство бесконечное однообразное покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение сколько ни всматривался вдаль я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила куда-то и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер и трава колыбалась и волновалась как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые берёзки жалкие и унылые и другие какие-то деревья скорее похожие на кустарник.

С горы на которой я стоял реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам растущим по её берегам в

изобилии. Вначале она сохраняет своё северо-восточное направление но не доходя до сопок чуть-чуть видневшихся на западе километрах в восьми поворачивает на север и немного склоняясь к востоку течёт дальше теряясь у горизонта.

Бессчётное количество протоков слепые рукава заводи и озерки самой причудливой формы всё это окаймляет её с обеих сторон украшая чересчур однообразный вызывающий тоскливое чувство ландшафт. Низина эта казалась всем кому приходилось побывать здесь безжизненной и пустынной а между тем не было ни одного озера ни одной заводи ни одного протока где не ночевали бы стаи лебедей гусей уток и другой водяной птицы.

Долина реки Лёфы в дождливый период года легко затопляется водой о чём свидетельствовали лужи ярко блестящие на солнце в разных местах.

Я смотрел на воду и видел как в ней отражалось солнце и казалось будто светят два солнца одно сверху а другое откуда-то снизу.

(По В. Арсеньеву)

№ 58

У Андрейки нет ни отца ни матери. Сколько он помнит себя он живёт в белой хатке под большой вербой с дедом Агафоном. Возле хаты с одной стороны белеет береговой песок и синее море а с другой насколько глаз хватает тянется безлесная голая сожжённая покрытая высохшим бурьяном степь размытая оврагами и балками.

Еще в два часа ночи когда только стали бледнеть звёзды Андрейка отчалил с дедом от берега. Когда рассвело и по воде и по морю побежали мокрые полосы а спокойное гладкое море открылось до самых краёв ветер упал. Пришлось взяться за вёсла. Сначала работа у него шла легко и свободно но прошёл час другой и он стал уставать. Каждый раз как он откидывался назад и вёсла с плеском проходили в прозрачной игравшей розовым отблеском воде ему казалось что он уже больше не в состоянии разогнуться до того ныла поясница и ломило руки но он снова и снова закидывал вёсла и лодка ползла как черепаха. Наконец дед всё время молча сидевший на корме проговорил Хватит Андрейка.

Обрадованный Андрейка торопливо пробрался по качавшейся лодке на корму а дед сел за вёсла и стал грести молча и упорно.

Андрейка правя рулём глядел на разбегавшиеся из-под вёсел длинные водяные жгуты на мерно откидывавшуюся фигуру деда и отирал своё мокрое вспотевшее лицо с наслаждением предаваясь отдыху.

Солнце подымалось всё выше и выше и зной неподвижный слепящий стоял над морем в истоме раскинувшийся под горячим небом. Андрейка разморённый жаром от скуки и однообразия разговаривал с рыбами которых он вытаскивал из сети. Андрейка вытащил и с трудом поднял вверх обеими руками большую рыбу. Не успел дед раскрыть рта как сазан очутившийся на воздухе и замерший от изумления вдруг рванулся изо всех сил выскользнул плюхнулся в воду блеснул хвостом и был таков.

Тогда-то и раздались над морем отчаянные крики Андрейки потому что дед молча не говоря ни слова поднялся взял просмолённую верёвку сложил её вчетверо и жестоко наказал мальчика.

(По А. Серафимовичу)

№ 59

В лесу зимой

В начале марта после нескольких дней оттепели снова ударил мороз образовав наст крепкий и гладкий как стекло. В обед мы отправились на охоту а к вечеру уже далеко забрались в глушь дремучего леса легко прокатившись на лыжах вёрст пятнадцать. Нас было трое Савелий старый охотник толстый и круглый как улей с походкой точно он к кому-то крадётся Пыж длинноухий его пёс понимающий по части охоты не хуже своего хозяина и я в то время ещё подросток. Всё наше оружие состояло из двух простых одностволок двух топоров и отточенной рогатины. Выбрали место для ночёвки под большими лохматыми елями точно под шатром и стали снимать с себя всё лишнее.

Не замерзнем спросил я.

Воткнув топор в дерево Савелий повернул ко мне своё обветренное лицо с вывороченными ноздрями заросшее чёрной лохматой бородой хмуρο посмотрел на меня из-под шершавых бровей и прохрипел точно про себя

Будем спать как на печке.

Кругом ни одного живого звука. Только дует ветер шумит лес загадочно качая высокими вершинами и скрипит словно стонет

от боли подгнившая сосна. В сгущающихся сумерках кружась точно гоняясь друг за другом реют снежинки.

Пыж набегавшись исследовав всё вокруг обнюхав все деревья уселся на задние лапы и помахивая хвостом смотрит как я развожу огонь.

Вспыхнув быстро разгорается береста свёртываясь в трубку давая копоть пахнущую дёгтем. Затрещали сухие сучки огонь перебегая от одного к другому ласково лижет их острыми длинными языками. Над костром вьется кудрявясь сизый дым он становится всё гуще ширится вырастая в волнующиеся клубы. Через минуту пробившись сквозь толщу наложенных дров высоко поднялось пламя и весело пылает раздвигая навалившуюся тьму щедро разбрасывая вверх золото искр. Словно испуганные заметались вокруг тени населяя лес привидениями.

Ветер налетает всё реже и реже а снеговые тучи сплошь закрывшие было небо разрываются на части и между ними из глубоких тёмно-синих озёр кротко мерцают хороводы звёзд. Лес замолк и в зареве пылающего костра он кажется волшебнопризрачным будящим уснувшие мечты о чём-то далёком. Из котелка установленного на раскалённых углях словно на червонцах бьёт пар разнося приятный запах супа. Тепло около огня приятно.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 60

На тяге

За четверть часа до захождения солнца весной вы входите в рощу с ружьём без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки оглядываетесь осматриваете пистон перемигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село но в лесу ещё светло воздух чист и прозрачен птицы болтливо лепечут молодая трава блестит весёлым блеском изумруда... вы ждёте. Внутренность леса постепенно темнеет алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и по стволам деревьев поднимается всё выше и выше переходит от нижних почти ещё голых веток к неподвижным засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели румяное небо синее. Птицы засыпают не все вдруг по породам вот затихли яблочки через несколько мгновений малиновки за ними овсянки. В лесу всё темней и темней.

Деревья сливаются в большие чернеющие массы на синем небе робко выступают первые звёздочки. Все птицы спят. Горихвостки маленькие дятлы одни ещё сонливо посвистывают. Вот и они умолкли. Ещё раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки где-то печально прокричала иволга соловей щёлкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием и вдруг но одни охотники поймут меня вдруг в глубокой тишине раздаётся особого рода карканье и шипенье слышится мерный взмах проворных крыл и вальдшнеп красиво наклонив свой длинный нос плавно вылетает из-за тёмной берёзы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит стоять на тяге.

Итак мы с Ермолаем отправились на тягу.

...Вообразите себе человека лет сорока пяти высокого худого с длинным и тонким носом узким лбом серыми глазами взерошенными волосами и широкими насмешливыми губами... Этот человек к кушаку привязывал два мешка один спереди искусно перекрученный на две половины для пороху и для дробы другой сзади для дичи. Была у него легавая собака по прозвищу Валетка... Этого-то человека я взял себе в охотники и с ним-то я отправился на тягу.

(По И. Тургеневу)

№ 61

На корабле отбили две склянки. Гул судового колокола не успел ещё замереть как раздалась знакомая тысячу раз мною слышанная мелодия утренней побудки. Это на верхней палубе играл горнист. Его щёки неестественно вздувались когда он выводил длинные мажорные звуки сигнала. Сейчас же на палубах залились дудки капралов и старшин послышались окрики Вставай Койки вязать

Те что спали на этот раз торопливо вскакивали со своих мест быстро бежали к умывальникам чтобы наскоро освежиться холодной забортной водой. Утро проходило как обычно завтракали убирали палубы и другие помещения.

Дул зюйд-вест на четыре балла. Над волнующим морем растянулась серая мгла. Медленно поднималось багровое солнце словно распухшее от напряжения.

Эскадра разделённая на две колонны шла девятиузловым ходом направляясь в Цусимский пролив. Строй её был тот же что

и накануне. Первую колонну возглавлял броненосец «Суворов» под флагом вице-адмирала Рождественского левую броненосец «Николай I».

В начале шестого сигнальщики заметили справа пароход быстро сближавшийся с нашим. Подойдя ближе он лёг на параллельный курс но так шёл он лишь несколько минут и повернув направо скрылся в утренней мгле. Флага его не могли опознать но своим поведением он сразу наводил на подозрение несомненно это был японский разведчик. Надо было бы немедленно послать ему вдогонку два крейсера. Потопили бы они его или нет но по крайней мере выяснили бы чрезвычайно важный вопрос открыты мы противником или всё ещё находимся в неизвестности А в соответствии с этим должна была определиться и линия поведения эскадры.

Около семи часов с правой стороны дымя двумя трубами показался ещё один корабль шедший сближающим курсом. Когда расстояние до него уменьшилось то в нём опознали лёгкий неприятельский крейсер. Целый час он шёл с нами одним курсом как бы дразня нас. Конечно не напрасно он оставался у нас на виду. Это сказывалось на нашей радиостанции нервно воспринимавшей непонятный для нас текст. То были донесения генералу Тогу извещавшие его из каких судов состоит наша эскадра и каким курсом идём. Адмирал Рождественский приказал судам правой колонны навести орудия правого борта и кормовых башен на неприятельский корабль. Но тем только и ограничились что взяли его на прицел а наши быстроходные крейсера и на этот раз ничего не предприняли.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 62

У костра вытарашив испуганные глазёнки держась одной рукой за кнут а другую в болтающемся рукаве приподняв точно защищаясь стоял худенький черноголовый мальчишка в лаптях в изорванных штанишках в длинном не по росту пиджаке обёрнутом вокруг тела и подпоясанном пенькой. Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки едва не задавив его и хотел уже крикнуть ему что-то повелительное и грубое как вдруг увидел перед собой эти испуганные глаза над болтающимся рукавом штанишки с просвечивающимися голыми коленками и этот убогий с хозяйского плеча пиджак из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея...

Чего ты стоишь Испугался смутившись заговорил Метелица невольно с той ласковой грубостью с которой никогда не говорил с людьми а только с лошадьми.

А если бы задавил тебя Ах вот дурак-то тоже повторил он размягчаясь вовсе чувствуя как при виде этого мальчишки и всей этой убогости пробуждается в нём что-то такое же жалкое смешное детское...

Парнишка смущённо недоверчиво шмыгнул носом но поняв что страшного ничего нет а всё наоборот выходит ужасно весело сморщился так что нос его вздернулся кверху и тоже совсем по-детски залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица приснул ещё громче и оба невольно подзадоривая друг друга хохотали так несколько минут один раскачиваясь на седле взад и вперёд поблескивая огненными от костра зубами а другой упершись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

Парнишка перестав смеяться смотрел на него с серьёзным и радостным изумлением как будто ждал от него ещё самых неожиданных чудачеств.

И весёлый же ты дьявол выговорил он наконец отдельно и чётко словно подвёл окончательный итог своим убеждениям.

Парнишка разломил картофелину подул на неё сунул в рот половину вместе с кожурой повернул на языке и с аппетитом стал жевать пошевеливая острыми ушками. Прожевав он посмотрел на Метелицу и так же отдельно и чётко как раньше определил его весёлым человеком сказал

Сирота я полгода уж как сирота.

(По А. Фадееву)

№ 63

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них к счастью для вас потеряна а чемодан с остальными вещами к счастью для меня остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей чтоб успеть до ночи взобраться на гору и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина Со всех сторон горы неприступные красноватые скалы обвешанные зелёным плющом

и увенчанные купами чинар жёлтые обрывы исчерченные промоинами а там высоко-высоко золотая бахрама снегов а внизу Арагва обнявшись с другой безымянной речкой шумно вырывающейся из чёрного полного мглоу ущелья тянется серебряной нитью и сверкает как змея своею чешуёю.

Подъехав к подножью Койшаурской горы мы остановились. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору потому что была уже осень и гололедица.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чём не бывало несмотря на то что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шёл её хозяин покуривая из маленькой кабардинской трубочки отделанной серебром. На нём был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти смуглый цвет лица его показывал что оно давно знакомо с закавказским солнцем и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твёрдой походке и бодрому виду. Я подошёл к нему и поклонился он молча отвечал мне на поклон.

До станции оставалось ещё с версту. Кругом было тихо так тихо что по жужжанию комара можно было следить за его полётом. Налево чернело глубокое ущелье за ним и впереди нас тёмно-синие вершины гор изрытые морщинами покрытые слоями снега рисовались на бледном небосклоне ещё сохранявшем последний отблеск зари. На тёмном небе начинали мелькать звёзды и странно мне показалось что они гораздо выше чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые чёрные камни кое-где из-под снега выглядывали кустарники но ни один сухой листок не шевелился.

Завтра будет славная погода сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору поднимавшуюся прямо против нас.

(По М. Лермонтову)

№ 64

Я ушёл далеко за город. По краям дороги за развесистыми вётлами волновалась рожь и тихо трещали перепела звёзды теплились в голубом небе.

В такие ночи как эта мой разум замолкает и мне начинает казаться что у природы есть своя единая жизнь тайная и неуловимая что за изменяющимися звуками и красками стоит какая-то вечная неизменная и до отчаяния непонятная красота. Я чувствую эта красота недоступна мне я не способен воспринять её во всей целости. И то небольшое что она мне даёт заставляет только мучиться по остальному.

Справа над светлым морем ржи темнел вековой сад барской усадьбы. Над рожью слышалось как будто чьё-то широкое сдержанное дыхание в тёмной дали чудилась то песня то всплеск воды то слабый стон. Тёплый воздух тихо струился звёзды мигали как живые. Все дышало глубоким спокойствием каждый колебавшийся колосок каждый звук как будто чувствовал себя на месте и только я стоял перед этой ночью одинокий и чуждый всему.

Меня потянуло в тёмную чашу лип. Из людей я там никого не встречу это усадьба старухи помещицы Ярцевой и с нею живёт только её сын-студент. Он застенчив и молчалив но ему редко приходится сидеть дома. Говорят он замечательно играет на скрипке и его московский учитель-профессор сулит ему великую будущность.

Я прошёл по меже к саду перебрался через заросшую крапивою канаву и покосившийся плетень. В траве за стволами лип слышался смутный шорох и движения. И тут везде была какая-то тайная и своя особая жизнь.

Усталый с накипавшим в душе глухим раздражением я присел на скамейку. Вдруг где-то недалеко за мной раздались звуки настраиваемой скрипки. Я с удивлением оглянулся за кустами акаций белел небольшой флигель и звуки неслись из его раскрытых настежь неосвещённых окон. Значит молодой Ярцев дома... Музыкант стал играть. Я поднялся чтобы уйти грубым оскорблением окружающему казались мне эти искусственные человеческие звуки.

Странная это была музыка и сразу чувствовалась импровизация. Но что это была за импровизация Звуки лились робко неуверенно. Они словно искали чего-то словно силились выразить что-то. Не самую мелодией приковывали они к себе её в строгом смысле даже и не было а именно этим томлением по чему-то

другому что невольно ждалось впереди. Вот-вот казалось будет схвачена тема. Но проходила минута и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями намёк остался непонятым.

С новым и странным чувством я огляделся вокруг. Та же ночь стояла передо мною в своей прежней загадочной красоте. Но я смотрел на неё уже другими глазами всё окружавшее было для меня теперь лишь прекрасным беззвучным аккомпанементом к тем боровшимся страдающим звукам.

(По В. Вересаеву)

№ 65

Легко вообразить какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Но всех более занята была им дочь Муромского ближайшего соседа Лиза или Бетси как звал её обыкновенно отец. Ей было семнадцать лет. Она была единственное и следственно балованное дитя. Её резвость и проказы восхищали отца и приводили в отчаяние её мадам сорокалетнюю чопорную девицу.

За Лизою ходила Настя она была постарше но столь же ветрена как и её барышня. Лиза очень любила её открывала ей все свои тайны словом Настя была лицом более значительным нежели любая наперсница во французской трагедии.

На другой день Лиза приступила к исполнению своего плана послала купить толстого полотна с помощью Насти скроила рубашку и сарафан и призналась перед зеркалом что никогда ещё так не была мила говорила на крестьянском наречии смеялась закрываясь рукавом. Одно затрудняло её она попробовала было пройти по двору босая но дёрн колол её нежные ноги. Настя и тут помогла ей она сняла мерку с Лизиной ноги сбегала к Трофимупастуху и заказала ему пару лаптей.

На другой день ни свет ни заря Лиза уже проснулась. Заря сияла на востоке и золотые ряды облаков казалось ожидали солнца как царедворцы ожидают государя. Ясное небо утренняя свежесть роса ветерок и пение птиц всё наполняло сердце Лизы младенческой весёлостью. Боясь какой-нибудь знакомой встречи она казалось не шла а летела. Приближаясь к роше стоящей на рубеже отцовского имения Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце её сильно билось само не зная

почему но боязнь сопровождающая наши проказы составляет их главную прелесть. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Итак она шла задумавшись по дороге как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на неё. В то же время раздался голос Не бойсь милая собака моя не кусается. Лиза успела уже оправиться от испугу. Да нет барин сказала она притворяясь полуиспуганной полузастенчивой боюсь. Алексей читатель уже узнал его между тем пристально глядел на молодую крестьянку. Как тебя зовут душа моя Акулиной отвечала Лиза стараясь освободить свои пальцы из рук Алексея.

(По А. Пушкину)

№ 66

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения. Разбирая его бумаги нашёл он только первое письмо заседателя и черновой ответ на него. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Положенный срок прошёл и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив желание мести завлекло его слишком далеко совесть его роптала. Он знал в каком состоянии находился его противник старый товарищ его молодости и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина ища к чему привязаться чтоб его выбрать но не нашёл достаточно к тому предлога и сказал ему сердито Пошёл вон не до тебя.

Шабашкин видя что он не в духе поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович оставшись наедине стал расхаживать взад и вперёд насвистывая Гром победы раздавайся что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки оделся потеплее это было уже в конце сентября и сам правя выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича и противоположные чувства наполнили его душу. Он решил помириться со старым своим соседом уничтожить следы ссоры возвратив ему его достояние. Облегчив душу благим намерением Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирилу Петровича и ужасное смятение изобразилось на его лице багровый румянец заступил место обыкновенной бледности глаза засверкали он произносил невнятные звуки. Сын его сидевший тут же за хозяйственными книгами поднял голову и был поражён его состоянием больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата собираясь встать с кресел приподнялся и упал. Сын бросился к нему старик лежал без чувств и без дыхания паралич его ударил. Скорей скорей в город за лекарем кричал Владимир. Кирилу Петрович спрашивает вас сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

Скажи Кирилу Петровичу чтоб он скорее убирался пока я не велел его выгнать со двора... пошёл Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина.

(По А. Пушкину)

№ 67

Тамань самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода да ещё вдобавок меня хотели утопить. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома что при въезде. Часовой черноморский казак услышав звон колокольчика закричал спросонья диким голосом Кто идёт Вышел урядник и десятник. Я им объяснил что я офицер еду в действующий отряд по казённой надобности и стал требовать казённую квартиру.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища на дворе обведённом оградой стояла другая лачужка меньше и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен её и внизу с непрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокорную но покорную ей стихию и я мог различить при свете её далеко от берега два корабля чёрные снасти которых подобно паутине неподвижно рисовались на бледной черте небосклона.

Велев казаку выложить чемодан и отпустить извозчика я стал звать хозяина молчат... Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати... Я засветил спичку и поднёс её к носу мальчика она озарила два белых глаза.

Я вошёл в хату две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. На стене ни одного образа дурной знак Я вытащил из чемодана восковой огарок и засветив его стал раскладывать вещи поставил в угол шашку и ружьё pistolsеты положил на стол разостлал бурку на лавке казак свою на другой. Через десять минут он захрапел но я не мог заснуть передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами. Я привстал и взглянул в окно кто-то пробежал мимо него и скрылся бог знает куда. Я встал накинул бешмет опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты навстречу мне слепой мальчик. Под мышкой он нёс какой-то узел и повернув к пристани стал спускаться по узкой и крутой тропинке.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля у берега сверкала пена валунов ежеминутно грозящих его потопить. Я с трудом спускаясь пробирался по крутизне и вот вижу слепой приостановился потом повернул низом направо. Он шёл так близко от воды что казалось сейчас волна его схватит и унесёт но видно это была не первая его прогулка судя по уверенности с которой он ступал с камня на камень. Наконец он остановился будто прислушиваясь к чему-то присел на землю и положил возле себя узел. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура.

(По М. Лермонтову)

№ 68

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце уже взошло и становилось жарко. Я увидел его издали. Он шёл пешком с мундиром на сабле сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался держа фуражку наполненную черешнями. Секунданты отмеряли нам двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым но волнение злобы было во мне так сильно что я не понадеялся на верность руки и чтобы дать себе время остыть уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался. Положили бросить жребий. Первый номер достался ему вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках я глядел на него жадно

стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом выбирая из фуражки спелые черешни и выплёвывая косточки которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне подумал я лишить его жизни когда он его вовсе не дорожит Злобная мысль мелькнула в моём уме. Я опустил пистолет. Вам кажется теперь не до смерти сказал я ему вы изволите завтракать мне не хочется вам помешать. Вы ничуть не мешаете мне возразил он извольте себе стрелять а впрочем как вам угодно выстрел ваш остаётся за вами я всегда готов к вашим услугам.

Я обратился к секундантам объявив что нынче стрелять не намерен и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то казалось его поверенный по делам писал ему из Москвы что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

Вы догадываетесь сказал Сильвио кто эта известная особа Еду в Москву. Посмотрим так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой как некогда ждал её за черешнями

При этих словах Сильвио встал бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперёд по комнате как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно странные противоречивые чувства волновали меня.

Слуга вошёл и объявил что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку мы поцеловались. Он сел в тележку где лежали два чемодана один с пистолетами другой с его пожитками. Мы простились ещё раз и лошади поскакали.

(По А. Пушкину)

№ 69

Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста стройный тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов не побеждённое ни развратом столичной жизни ни бурями душевными. Пыльный бархатный сюртук его застёгнутый только на две нижние пугови-

цы позволял разглядеть ослепительно чистое бельё избличавшее привычки порядочного человека. Его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке и когда он снял одну перчатку то я был удивлён худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива но я заметил что он не размахивал руками верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем это мои собственные замечания основанные на моих же наблюдениях и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью то прямой стан его согнулся как будто у него в спине не было ни одной косточки положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трёх лет хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность. Белокурые волосы выющиеся от природы так живописно обрисовывали его бледный благородный лоб на котором только при долгом наблюдении можно было заметить следы морщин пересекавших одна другую и вероятно обозначававшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства.

Несмотря на светлый цвет его волос усы его и брови были чёрные признак породы в человеке так как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет я скажу что у него был немного вздёрнутый нос зубы ослепительной белизны и карие глаза. О глазах я должен сказать ещё несколько слов.

Во-первых они не смеялись когда он смеялся Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей... Это признак или злого нрава или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском если можно так выразиться.

Все эти замечания пришли мне на ум может быть только потому что я знал некоторые подробности его жизни и может быть на другого вид его произвёл бы совершенно различное впечатление. Но так как вы о нём не услышите ни от кого кроме меня то поневоле должны довольствоваться этим изображением.

Скажу в заключение что он был вообще недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий которые особенно нравятся женщинам светским.

(По М. Лермонтову)

Два дня спустя Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову он не мог не налюбоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зелёный луг на котором паслись швейцарские коровы звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами по ней шли нагружённые барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кирилловне их различное содержание историю живописцев указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке знатока но с чувством и воображением. Марья Кирилловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам и искусству его повара а Марья Кирилловна не чувствовала ни малейшего замешательства в беседе с человеком которого видела только второй раз отроду.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофе в беседке на берегу широкого озера усеянного островами. Вдруг раздалась музыка и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру около островов посещали некоторые из них на одном находили мраморную статую на другом уединённую пещеру на третьем памятник с таинственной надписью возбуждавшей в Марье Кирилловне девичье любопытство. Время прошло незаметно начало смеркаться. Князь спешил возвратиться домой самовар их ожидал. Князь просил Марью Кирилловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай слушая неистощимые рассказы любезного говоруна вдруг раздался выстрел и ракетка осветила небо. Перед домом в темноте вспыхнули разноцветные огни завертелись поднялись вверх колосьями угасали и снова вспыхивали. Марья Кирилловна веселилась как дитя.

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты для них отведённые и на другой день поутру расстались с любезным хозяином дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

(По А. Пушкину)

№ 71

В ту самую пору по шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан с мешком за плечами и длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил спешил без оглядки спешил к себе в деревню на родину. Утопив бедную Муму он прибежал в свою каморку уложил кой-какие пожитки в старую попону взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда когда его везли в Москву деревня из которой барыня его взяла лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл широко распахнулась его грудь глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился как будто мать-старушка ждала его на родине как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла с одной стороны там где солнце закатилось край неба ещё белел с другой стороны уже вздымался синий седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом перекликались коростели... Герасим не мог их слышать. Не мог слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев мимо которых проносили сильные его ноги но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи которым так и веяло с тёмных полей чувствовал как ветер летевший ему навстречу ласково ударял его в лицо. Он видел перед собой белеющую дорогу дорогу домой прямую как стрела видел в небе бессчётные звёзды светившие ему в пути и как лев выступал сильно и бодро так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами месяц между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст..

Через два дня он был уже дома в своей избёнке к великому изумлению солдатки которую туда поселили. Помолясь перед образами тотчас же отправился к старосте. Староста сначала было удивился но сенокос только что начинался Герасиму как отличному работнику тут же дали косу в руки и пошёл косить он по-старинному косить так что мужиков только пробирало...

А в Москве на другой день после побега Герасима хватились его. Доложили барыне. Она разгневалась расплакалась велела отыскать его во что бы то ни стало уверяла что никогда не приказывала утопить собаку и наконец дала нагоняй Гавриле.

Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его в Москву потом однако объявила что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем она сама скоро после того умерла а наследникам её было не до Герасима они и остальных-то людей распустили на оброк.

(По И. Тургеневу)

№ 72

Пока Захар и Анисья не были женаты каждый из них занимался своей частью и не входил в чужую то есть Анисья знала рынок и кухню и участвовала в убиении комнат только раз в год когда мыли полы.

Но после свадьбы доступ в барские покои ей сделался свободнее. Она помогала Захару и в комнатах стало чище и вообще некоторые обязанности мужа она взяла на себя частью добровольно частью потому что Захар деспотически возложил их на неё.

Так блаженствовал он с месяц в комнатах чисто барин не ворчит и он Захар ничего не делает. Но это блаженство миновалось и вот по какой причине.

Лишь только они с Анисьей принялись хозяйничать в барских комнатах вместе Захар что ни сделает окажется глупостью. Каждый шаг его всё не то и не так. Пятьдесят пять лет ходил он на белом свете с уверенностью что всё что он ни делает иначе и лучше сделано быть не может. И вдруг теперь Анисья доказала ему что он хоть брось и притом она делает это так тихо как делают только с детьми или с совершенными дураками да ещё усмехается глядя на него.

Гордость его страдала и он мрачно обращался с женой. Когда же однако случалось что Илья Ильич спрашивал какую-нибудь вещь а вещи не оказывалось или она оказывалась разбитою и вообще когда случался беспорядок в доме и над головой Захара собиралась гроза он мигал Анисье кивал головой на кабинет

барина и указывая туда большим пальцем повелительным шёпотом говорил Поди ты к барину что ему там надо

Анисья входила и гроза всегда разрешалась простым объяснением. Таким образом опять всё заглохло бы в комнатах Обломова если б не Анисья она уже причислила себя к дому Обломова бессознательно разделила неразрываемую связь своего мужа с жизнью домом и особой Ильи Ильича.

Она была живая проворная баба лет сорока восьми с заботливой улыбкой и красными никогда не устающими руками. Лица у ней почти вовсе не было только был заметен нос хотя он был небольшой но он как будто отстал от лица или неловко был приставлен и притом нижняя часть его была вздёрнута кверху оттого лица за ним не было заметно оно так выцвело что о носе её давно уже получишь ясное понятие а лица всё не заметишь.

(По И. Гончарову)

№ 73

Было уже часов десять и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что закончилась служба которую заказывала бабушка и теперь Наде она вышла в сад на минутку видно было как в зале накрывали на стол как в своём шёлковом платье суетилась бабушка. Отец Андрей говорил о чём-то с матерью Нади Ниной Ивановной и теперь мать при вечернем освещении казалась молодой.

В саду было тихо прохладно и тёмные тени лежали на земле. Слышно было как где-то далеко должно быть за городом кричали лягушки. Дышалось глубоко и хотелось думать что не здесь а где-то под небом над деревьями далеко за городом в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь таинственная и прекрасная.

Ей Наде было уже двадцать три года с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве и теперь наконец она была невестой Андрея Андреича того самого который стоял за окном. Свадьба была назначена на седьмое июля а между тем радости не было...

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце это Александр Тимофеевич или попросту Саша гость приехавший из Москвы. Когда-то давным-давно к бабушке хаживала её дальняя родственница Марья Петровна обедневшая дворянка-вдова маленькая худенькая. У неё был сын Саша. Почти каждое лето

приезжал он обыкновенно очень больной к бабушке чтобы отдохнуть и поправиться.

На нём был теперь застёгнутый сюртук и поношенные парусиновые туфли стоптанные книзу. Сорочка была неглаженная и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой с большими глазами с длинными худыми пальцами бородатый и всё-таки красивый. К Шуминым он привык как к родным и у них чувствовал себя как дома.

Когда вошли в залу там уже садились ужинать. Бабушка или как её называли в доме бабуля говорила громко и по манере говорить было заметно что она здесь старшая. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом но она каждое утро молилась чтобы Бог спас её от разорения и при этом плакала.

Ты у меня в неделю поправишься сказала бабуля обращаясь к Саше только вот кушай побольше. И на что ты похож

После ужина Андрей Андреевич играл на скрипке а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. На столе тихо кипел самовар и только один Саша пил чай.

Проводив жениха Надя пошла наверх где жила с матерью нижний этаж занимала бабушка. Внизу в зале стали тушить огни а Саша всё ещё сидел и пил чай. Пил чай он всегда подолгу помосковски стаканов по семь. Наде когда она разделась и легла в постель долго ещё было слышно как внизу убирала прислуга. Наконец всё затихло и только слышалось изредка как в своей комнате внизу покашливал Саша.

(По А. Чехову)

№ 74

Наташа с утра не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том что предстоит ей.

В сыром холодном воздухе в тесноте колыхавшейся кареты она в первый раз представила себе то что ожидает её там на бале в освещённых залах музыка цветы танцы государь вся блестящая молодёжь Петербурга... То что её ожидало было так прекрасно что она не верила даже тому что это будет так это было несообразно с впечатлением холода и темноты кареты. Она поняла что её ожидает только тогда когда пройдя по красному сукну подъезда она вошла в сени и пошла рядом с Соней впереди матери между

цветами по освещённой лестнице. Но к счастью её она почувствовала что глаза её разбегаются она ничего не видела ясно пульс её забил сто раз в минуту и кровь стала стучать у сердца. Она шла замирая от волнения и всеми силами стараясь скрыть его.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Всё смешивалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала что несколько голосов спросили про неё и смотрели на неё. Она поняла что понравилась тем которые обратили на неё внимание и это наблюдение успокоило её. Есть такие же как мы есть и хуже нас подумала она.

Пьер шёл переваливаясь своим толстым телом раздвигая толпу кивая направо и налево так же небрежно и добродушно как бы он шёл по толпе базара.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера этого шута горохового как называла его Перонская и знала что Пьер отыскивает в толпе их и в особенности её. Но не дойдя до них Безухов остановился возле невысокого очень красивого брюнета в белом мундире который стоя у окна разговаривал с каким-то высоким мужчиной. Наташа тотчас же узнала невысокого молодого человека в белом мундире это был Болконский.

Пьер подошёл к князю и схватил его за руку.

Вы всегда танцуете. Тут есть молодая Ростова пригласите её сказал он.

Где спросил Болконский. Он пошёл вперёд по направлению которое ему указывал Пьер. Отчаянное замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю. Он предложил тур вальса.

Давно я ждала тебя как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка поднимая свою руку на плечо князя Андрея.

Князь Андрей любил танцевать и желая поскорее отделаться от умных разговоров с которыми все обращались к нему пошёл танцевать и выбрал Наташу потому что на неё указал ему Пьер и потому что она была первая хорошенькая женщина попавшаяся ему на глаза. Едва он обнял этот тонкий подвижный стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко ему вино её прелести ударило ему в голову он почувствовал себя ожившим и помолодевшим когда переводя дыхание и оставив её остановился и стал глядеть на танцующих.

(По Л. Толстому)

Это было шесть-семь лет назад когда я жил в имении помещика Белокурова молодого человека который вставал очень рано ходил в поддѣвке по вечерам пил пиво и всё жаловался мне что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле а я в старом барском доме в громадной зале с колоннами где не было никакой мебели кроме широкого дивана на котором я спал да ещё стола на котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда даже в тихую погоду что-то гудело в старых печах а во время грозы весь дом дрожал и казалось трескался на части и было немножко страшно особенно ночью когда все десять больших окон освещались молнией.

Обречѣнный судьбой на постоянную праздность я не делал решительно ничего. По целым часам я смотрел в свои окна на небо на птиц на аллеи читал всё что привозили мне с почты.

Однажды возвращаясь домой я нечаянно забрѣл в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых тесно посаженных елей стояли как две сплошные стены образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошѣл по этой аллее скользя по еловым иглам которые тут на вершок покрывали землю. Направо в старом фруктовом саду нехотя слабым голосом пела иволга должно быть старушка. Но вот липы кончились я прошѣл мимо белого дома с террасой и с мезонином передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней с деревней на том берегу с высокой узкой колокольней на которой горел крест отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного очень знакомого как будто я уже видел эту панораму когда-то в детстве.

У белых каменных ворот которые вели со двора в поле стояли две девушки. Одна из них постарше тонкая бледная очень красивая с целой копной волос на голове имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание другая же совсем молоденькая ей было семнадцать—восемнадцать лет не больше тоже тонкая и бледная с большим ртом и с большими глазами с удивлением смотрела на меня когда я проходил мимо сказала что-то по-английски и сконфузилась и мне показалось что и эти два милых

лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством как будто видел хороший сон.

(По А. Чехову)

№ 76

Некто Ивлев ехал однажды в начале июля в дальний край своего уезда. Тройку лошадей мелких но справных с густыми гривами нанял он на деревне у богатого мужика. Правил ими сын этого мужика малый лет восемнадцати тупой хозяйственный. Он всё о чём-то недовольно думал был как будто чем-то обижен. И убедившись что с ним не разговоришься Ивлев отдался спокойной наблюдательности.

Ехать сначала было приятно тёплый день хорошо накатанная дорога с хлебов простирившихся на сколько глаз хватит дул сладкий ветер нёс цветочную пыль местами дымил ею и вдали от неё было даже туманно.

Ивлев поглядел кругом погода поскучнела со всех сторон натянуло туч и уже накрапывало эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Старик пахавший возле деревни сказал что дома одна молодая графиня но всё-таки заехали.

Ивлев сидел в темнеющей от дождя гостиной болтая с графиней и ожидал чая. Графиня всё сводила разговоры на любовь и между прочим рассказывала про своего соседа помещика Хвощинского который как знал Ивлев ещё с детства всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке умершей в ранней молодости. Ах эта легендарная Лушка заметил Ивлев шутливо слегка конфузясь своего признания. Оттого что этот чудак боготворил её всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней я в молодости был почти влюблён в неё воображал думал о ней Бог знает что хотя она говорят совсем нехороша была собой. Да сказала графиня не слушая.

Наконец босая девка с необыкновенной осторожностью подала на старом серебряном подносе крепкого чая и корзиночку с печеньем засиженным мухами.

Когда поехали дальше дождь разошёлся уже по-настоящему. Места становились всё беднее и глуше. Кончился рубеж лошади пошли шагом и спустились в какие-то ещё не кошенные луга. Объехали какую-то старую плотину потонувшую в крапиве и давно высохший пруд глубокую яму заросшую бурьяном. На

плотине среди крапивы мелкими бледно-розовыми цветочками цвёл большой старый куст то милое деревцо которое зовут «Божьим деревом».

На бугре куда вела оловянная от дождевой воды дорога на месте леса среди мокрой гниющей щепы и листвы среди пней и молодой поросли горько и свежо пахнувшей одиноко стояла изба. Ни души не было кругом только овсянки сидя под дождём звенели на весь редкий лес поднимавшийся за избою но когда тройка шлёпая по грязи поравнялась с её порогом откуда-то вырвалась целая орава громадных собак чёрных шоколадных и с яростным лаем залаяла вокруг лошадей. В то же время неожиданно небо расколосось от оглушительного удара грома и лошади понесли вскачь среди замелькавших перед глазами осиновых стволов...

(По И. Бунину)

№ 77

Появление Ибрагима его наружность образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть его у себя он присутствовал на ужинах не пропускал ни одного бала и предавался общему вихрю со всей пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние эти блестящие забавы на суровую простоту Петербурга не одна ужасала Ибрагима молодой африканец любил.

Графиня уже не в первом цвете лет славилась ещё своею красотою 17-ти лет при выходе её из монастыря выдали её за человека которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился.

Графиня приняла Ибрагима учтиво но безо всякого особого внимания это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо и это любопытство хотя и прикрытое видом благосклонности оскорбляло его. Он чувствовал он для них род какого-то редкого зверя. Он даже завидовал людям никем не замеченным и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль что природа не создала его для взаимной страсти избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия что придавало редкую прелесть его обращению с женщинами.

Он понравился графине которой надоели вечные шутки и тонкие намёки французского остроумия. Ибрагим часто бывал

у неё. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове чернеющей посреди пудренных париков её гостиней Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку. Ему было 27 лет от роду он был высок и строен и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным нежели простое любопытство но предубеждённый Ибрагим или ничего не замечал или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини недоверчивость его исчезала.

Любовь не приходила ему на ум а уж видеть графиню каждый день было ему необходимо. Графиня прежде чем он сам угадала его чувства. Что ни говори а любовь без надежд трогает женское сердце вернее всех расчётов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следила за всеми его движениями вслушивалась во все его речи без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность. Ничто так не воспламеняет любви как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и не доверяя самой себе торопливо хватается за всякую опору. Напрасно графиня испуганная его страстью хотела противопоставить дружбу и советы благоразумия она сама ослабевала. И наконец увлечённая силой страсти ею же внушённой изнемогая под её влиянием она ответила восхищённому Ибрагиму.

(По А. Пушкину)

№ 78

В то время как Багратион подъезжал из орудия оглушая его и свиту зазвенел выстрел и в дыму вдруг окружившем орудие видны были артиллеристы подхватившие пушку и торопливо напрягаясь накатывавшие её на прежнее место... Широкоплечий огромный солдат широко расставив ноги отскочил к колесу. Второй номер трясущейся рукой клал заряд в дуло. Небольшой сутуловатый человек офицер Тушин спотыкнувшись на хобот выбежал вперёд не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.

Багратион окликнул офицера и Тушин робким и неловким движением совсем не так как салютуют военные а так как благословляют священники приложив три пальца к козырьку подошёл к генералу. Хотя орудия Тушина были назначены для того чтобы обстреливать лошину он стрелял по видневшейся впереди

деревне Шенграбен перед которой выдвигались большие массы французов.

Никто не приказывал Тушину куда и чем стрелять и он посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком к которому имел большое уважение решил что хорошо было бы зажечь деревню. Хорошо сказал Багратион на доклад офицера и стал оглядывать всё открывавшееся перед ним поле сражения как бы что-то соображая. С правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты на которой стоял Киевский полк в долине речки слышалась хватаящая за душу перекатная трескотня ружей и гораздо правее за драгунами офицер указывал князю на обходившую наш фланг колонну французов. Налево горизонт ограничивался близким лесом. Князь Багратион приказал двум батальонам из центра идти на подкрепление направо. Офицер осмелился заметить князю что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия.

Князь Багратион обернулся к офицеру и тусклыми глазами посмотрел на него молча. Князю Андрею казалось что замечание офицера было справедливо и что действительно сказать было нечего. Но в это время прискакал адъютант от полкового командира бывшего в долине с известием что огромные массы французов шли низом что полк расстроен и отступает к киевским гренадерам. Князь Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения. Посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием что драгунский полковой командир уже отступил за овраг ибо против него был направлен сильный огонь и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес.

В то время как он отъезжал от батареи налево тоже послышались выстрелы в лесу и так как было слишком далеко от левого фланга чтоб успеть самому приехать вовремя князь Багратион послал туда сказать старшему генералу тому самому который представлял полк Кутузова чтоб он отступил сколь можно скорее за овраг потому что правый фланг вероятно не в силах будет долго удерживать неприятеля. Про Тушина же и батальон прикрывавший его было забыто.

(По Л. Толстому)

IV. Комплексные диктанты

№ 1

Дли...ой бл...стающей полосой тянется с (З,з)апада на (В,в)осток (Т,т)аймырское озеро. На севере возвышаются каме...ые глыбы за ними маяч...т ч...рные хребты. Весе...ие воды приносят с верховьев следы пр...бывания человека рва...ые сети полавки полома...ые вёсла и другие немудрё...ые принадлежности рыбацкого обихода.

У заболоче...ых берегов тундра ог...лилась только кое(где) белеют и бл...стят на со...нце пятнышки снега. Ещё крепко держ...т ноги скова...ая льдом мерзлота и лёд в устьях рек и реч...нок долго будет стоять а озеро очистит...ся дней через десять. И тогда песча...ый берег залитый светом перейдёт в таинстве...ое свечение со...ой воды а дальше в торжестве...ые силуэты и пр...чудливые очертания противоположного берега.

В ясный ветре...ый день вдыхая запахи пробуждё...ой земли мы бродим по протал...нам тундры и наблюдаем мас...у пр...любопытных явлений из(под) ног то и дело выбегает пр...падая к земле куропатка сорвётся и тут(же) как подстрел...ый упадёт на землю крошечный куличок который стараясь увести незва...ого посетителя от гнезда то(же) начинает кувыркат...ся у самых ног. У основания каме...ой ро...ыпи проб...рается прож...рливый песок покрытый клочьями выл...нявшей шерсти и пор...внявшись с камнями делает хорошо ра...чита...ый прыжок придавливая лапами выск...чившую мыш... . А ещё дальше горностаи держат в зубах серебр...ую рыбу ск...чками проносятся к нагр...мождё...ым валунам.

У медле...о та...щих ледничков начнут оживать и цвести растения первыми среди которых будут розы потому что они разв...ваются и бор...тся за жизнь ещё под прозрачной корочкой льда. В августе среди стел...щейся на холмах полярной берёзы появятся первые грибы ягоды словом все дары короткого северного лета. В поросшей жалкой растительностью тундре

то(же) есть свои прелес...ные ароматы. Когда наступит лето и ветер заколыш...т венчики цветов жуж...а прилетит и сядет на цветок шмель большой знаток чудесного нектара.

А сейчас небо опять нахмурилось и ветер беш...о засвистел возвещая нам о том что пора возвращат...ся в до...атый домик полярной станции где вкусно пахнет печё...ым хлебом и уютном человеч...его жилья. Завтра начинаются развед...вательные работы.

№ 2

Начало грозы

Ещё только оди...адцатый час на исходе а уже (н...)куда (н...) денеш...ся от тяж...лого зноя каким дыш...т июльский день. Раскалё...ый воздух (едва)едва колыш...тся над немощё...ой песча...ой дорогой. Ещё (не)коше...ая но (на)половину ис...охшая трава никнет и стел...тся от зноя почти (не)выносимого для живого существа. Дремл...т без живительной влаги зелень рощ... и пашен... . Что(то) (не)внятное непр...ста...о шепч...т в полудремоте неугомо...ый кузнечик. Н... человек н... животное н... насекомое никто уже больше не бор...т...ся с истомой. (По)видимому все сдались убедившись в том что сила истомы овладевшей ими (не)победима и (не)пр...одолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя (по)прежнему и как н... в чём н... бывало пляшет (без)устали в пахучей хвое. На (не)коше...ых лугах н... ветерка н... росинки. В роще под пологом листвы так(же) душно как и в открытом поле. Вокруг бе...предельная суш... а на небе н... облачка.

Полуде...ое сол...це готовое поразить каждым своим луч...м ж...ёт (не)выносимо. Бе...шумно едва приметно струит...ся в низких берегах кристал...но чистая вода зовущая освежить истомлё...ое зноем тело в прохладной глубине.

Но отправиться купат...ся не хочется да и (не)зачем после купания ещё больше распариш...ся на солнцепёке.

Одна надежда на грозу лишь она одна может разбудить скова...ую жаром природу и развеять сон.

И вдруг впрямь что(то) грохочет (в)дали (не)ясной и тум...ой и гряда тёмных туч... движется с (юго)восточной стороны. (В)продолжени... очень короткого времени (в)течени... каких(нибудь) (десяти) пятнадцати минут царит зловещая тишина и всё небо покрывается тучами.

Но вот откуда н... возмись в мёртвую глуш... врывается резкий порыв ветра который кажет...ся н...чем н... сдержишь. Он стремительно гон...т перед собой столб пыли бе...пощадно рвёт и меч...т древес...ную листву безжалос...но мнёт и пр...клоняет к земле полевые злаки. Ярко бл...снувшая молния режет синюю гущу облаков. (Вот)вот разразится гроза и на обнажё...ые поля польётся освежающий дождь. Хорошо(бы) (в)пору укрыт...ся от этого совсем нежда...ого но жела...ого гостя. Добежать до деревни не удаст...ся а усест...ся в дупло старого дуба (в)пору только ребёнку. Гроза надвигается изредк... (в)далеке вспыхнет молния слыш...т-ся слабый гул постепе...о усиливающийся приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты обнимающие весь горизонт. Но вот сол...це выглянуло в последний раз осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрес...ность вдруг изменилась приняла мрачный характер и гроза началась.

№ 3

Тихий сентябрьский день был на исходе. По лесным дорогам (в) гору двигались искус...но замаскирова...ые ветвями пушки и трёх...тон...ки шли караваны грузё...ых (по)видимому минами лошадей. У всех в этот день было приподнятое настроение обе...сил...вшие за последние дни бойцы расположившись (не)большими но плотными груп...ками или (по)одиночке (на)спех писали письма и (в)полголоса переговариваясь подкреплялись туш...нкой.

Уже совсем стемнело и в ущель... стало холодно когда покинув позиции батальоны отправились (в)путь. Было непонятно как в густом лесу при едва бре...ж...шем свете луны двигаясь (на)ошупь люди найдут своё место в горах и приготовятся к бою. Однако командиры рот заранее изучили окрес...ности и поэтому отход протекал нормально.

Неприятель (в)течени... ночи почти (не)пытавшийся штурмовать на ра...свете (в)открытую ринулся на нашу ар...ергардную роту оставле...ую в теснине... Но н...кто из фашистов (не)видел как на вершине криста...ических скал укрытые охапками лёгких стел...щихся ра...тений едва зыбл...щихся на ветру расположились наблюдатели буквально (не)сводившие глаз с врага.

Взволнова...ые долгим ожиданием готовые стоять (на)смерть лежали бойцы на скалах а на дорогах (не)доступные огню шли

фашисты. Опас...ность была настолько велика что (н...)у кого (н...) возникла мысль пр...небредить ею или хотя бы пр...уменьшить её.

И в эту минуту (как)будто расколосось небо загрохотали пушки и миномёты тысяч...кратным эхом к...н...нада отразилась в горах и в бл...стающую (кристал...но)чистую голубизну неба поднялся (изжелт...) багровый дым.

С хриплыми далеко (не)стройными голосами бойцы бросились (в)рукопашную и было хорошо видно как по дороге суматошно словно шарики рассыпа...ой ртути метались фашисты. Только ночью гитлеровцы нащупали почти (не)защищё...ое место и прорвав оборону (в)ра...сыпную бросились по теснине. Так закончился бой...

№ 4

Лебедь

Лебедь по своей величине силе и красоте и величавой осанке давно и справедливо назван подли...ым царём всего подводного птич...его мира. Белый как снег с бл...стящими (не)большими глазами дли...оше...й он пр...красен когда (не)возмутимо спокойно плывёт по тёмно(синей) зеркальной поверхности воды. Но все его движения пр...исполне...ы без...скусной прелести начнёт(ли) он пить и зачерпнув носом воды поднимет голову (в)верх и вытянет шею начнёт(ли) купаться нырять как заправский пл...-вец залихва...ки пл...скаясь своими могучими крыльями далеко распространяя брызги воды распустит(ли) крыло по воздуху как(будто) дли...ый косой парус и начнёт бе...пр...станно носом перебирать в нём каждое пёрышко проветривая и суша его на солнце всё (не)пост...жимо живописно и величаво в нём.

Лебеди...ых стай я (не)видывал в тех местах (О, о)ренбур...ской губернии где я постоя...о охотился и где мне н... раз встречались косяки других птиц лебеди бывают там только пролётом. Однако бывает и так (не)скольким лебедям пр...бывающ...м в холостом состояни... понравится пр...вольное место (не)подалёку от моей до...атой времянк... и они если только (не)будут отпуга...ы прогостят в течени... недели а то и более. Откуда они прилетают и куда улетают я не знаю. Однажды их гост...вание продолжалось три месяца а может быть было бы и более пока не случилось пр...неприятнейшее мес...ный ст...рожил (не)кто иной как об...ез...чик

нашего участка убил одного (на)повал для пуха (не)превзойдѣ...ые достоинства которого извес...ны нам.

В большинстве стари...ых песен особенно в (южно)русских лебедь пр...подносится как р...скошная благородная птица никогда (н...)бросающая собратьев по ста... в (не)счастье. Неот...емл...мое качество птич...его вожака подвижничество во имя ста... . Обессил...вшие обескров...вшие они будут отчая...о защищать других. Лебеди не склоняются даже перед (не)пр...одолимыми пр...пятствиями.

Небез...звес...на их недюжи...ая сила. Говорят что если собака бросит...ся на детей лебедя или кто(то) приблизится к нему (легко) ране...ому он ударом крыла может прибить до смерти. Так(же) как и в песнях незыбл...мо прекрасен этот образ и в сказках. (Во) исти...у легендарная птица

№ 5

Отправляя в разведку Метелицу Левинсон наказал ему во что (бы) то н... стало вернут...ся этой же ночью. Но деревня куда был послан взводный на самом деле лежала много дальше чем предполагал Левинсон Метелица покинул отряд около четырёх часов (по)полудни и (на)совесть гнал жеребца согнувшись над ним как хищная птица жестоко и весело раздувая тонкие ноздри точно опьянё...ый этим беше...ым бегом после пяти медлительных и скучных дней но до самых сумерек бежала (в)след не убывая тайга в ш...рохе трав в холодном и грус...ном свете умирающего дня. Уже совсем стемнело когда он выбрался наконец из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого с провалившейся крышей омша...ика как видно (давным)давно заброше...ого людьми.

Он привязал лошадь и хватаясь за рыхлые осыпающиеся под руками края сруба взобрался на угол рискуя провалиться в тёмную дыру откуда омерзительно пахло задуше...ыми травами. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах стоял он минут десять (не)шелохнувшись зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь (не)видный на тёмном фоне леса и ещё более похожий на хищную птицу.

Метелица прыгнул на седло и выехал на дорогу. Её чёрные давно (не)езже...ые колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берёз тихо белели во тьме как потуше...ые свечи.

Он поднялся на бугор слева (по)прежнему шла ч...рная гряда сопок изогнувшихся как хребет гиган...ского зверя шумела река. Верстах в двух должно быть возле самой речки горел костёр он напоминал Метелице о сиром одиночестве пастуш...ей жизни дальше пересекая дорогу тянулись ж...лтые (не)мигающие огни деревни. Линия сопок справа отворачивала в сторону теряясь в синей мгле в этом направлени... мес...ность сильно понижалась. Как видно там пролегалo старое речное русло (в)доль него чернел угрюмый лес.

Болото там не иначе подумал Метелица. Ему стало холодно он был в ра...тёгнутой солдатской фуфайке поверх гимнастёрки с оторва...ыми пуговицами с распахнутым воротом. Теперь он походил на мужика с поля после германской войны многие ходили так в солдатских фуфайках.

Он был уже совсем близко от костра вдруг конское тревожное ржание раздалось во тьме. Жеребец рванулся и вздрагивая могучим телом заворил стра...но и жалобно. В то(же) мгновение у огня качнулась тень и Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадейю.

№ 6

В лесу

Небольшая дорожка вела нас через (свеже)скоше...ый луг и мы (в)волю налюбовались весёлым полевым пейзажем. Как только мы вошли в лес внимание наше привлёк незнакомый нам (до)селе знак вырубле...ый на сосне. Он напоминал изображение оперё...ой стрелы дли...ой не менее полутора...двух метров так что оперение охватывало ствол во(всю) его ширину.

Приглядевшись к одной из сосен мы увидели что у нижнего конца стрелы там где положе...о быть наконечнику прикреплён к дереву железный колпач...к наполне...ый белой мас...ой похожей на топлё...ое масло. Тогда память подсказала чита...ое в учё...ых книгах и даже стихах небез...звестное слово «живица».

Сегодня сосна оказалась с таким же фантастическим значком и третья и четвёртая...

Всмотревшись в (не)ясную далёкую глубину бора мы увидели что все сосны (как)одна несут на себе изображение огромной стрелы. Сквозь сосны вскоре проглянули (не)высокие постройки

и мы предварительно спросив у продавщицы магазинчика сидевшей на завал...нке у своего сельпо и щ...лжавшей тыкве...ые сем...чки очень скоро нашли техн...рука. Это был молодой мужчина невысокого роста с (мало)заметными усиками в простой в полоску рубаше с резинками на рукавах в ш...виотовых брюках заправле...ых в валя...ые сапоги. Звали его Пётр Иванович. Он извиняясь за свой внешний вид сообщил нам что весной застудил ноги и теперь вынужден даже в жару ходить в вал...нках. Ра...казывая он (не)заметно подвёл нас к домику и смущаясь пригласил войти. В комнате с высокой до...атой перегородкой сплош... увеш...нной плакатами и картинками с видами леса нас встретила молодая красивая хозяйка с ч...рными до блеска волосами и (ярко)голубыми глазами. На ней было скромное ситцевое платье с какими(то) замысловатыми разводами совершенно непонятого цвета. (Не)успели мы (как)следует поздороват...ся с ней как она уже поставила на стол большое деревя...ое блюдо с варё...ыми грибами чашку с печё...ым в золе картофелем кваше...ую капусту мочё...ые яблоки молоко хлеб.

Мы (в)последстви... несколько дней (к)ряду с благодарностью вспоминали гост...пр...имных хозяев в маленькой лесной деревеньке от которых узнали много интересного о тайнах живицы.

№ 7

Портреты Крамского отличаются глубиной раскрытия не только психологии характера модели но и её прелести и очарования.

Поиски Крамским красоты в жизни желание поднят...ся над будничностью из обычного сделать (не)обычное прекрасное радующее глаз выразились в знаменитой картине «Неизвес...-ная».

Жажда прекрасного способность очаровыват...ся внешней красотой г...рмонией совершенством была в художнике так(же) сильна как вера в необходимость самопожертвования как пр...клонение перед силой человеческого духа перед мужеством и стойкостью характера.

Сравнивая этюд к «Неизвес...ной» с картиной мы видим в его основе тот(же) сюжет ту(же) композицию и ту(же) модель. Бе...-пр...страс...но и об...ективно раскрывая характер портретируемой Крамской н... наделяет её н... красотой н... обаянием жен...-

щина и ч...порна и надме...а губы пр...зрительно сжаты глаза высокомерно пр...щуре...ы. Лицо полное и чуть одутловатое.

В картине возникает совсем другой образ. Чуть изменён поворот головы она гордо поднята с лёгким как(бы) снисходительным поклоном повернута направо. Это пр...даёт жен...щине грациозность и изящество вместо сдержа...ой ч...порности. Все черты лица тон...ше изящней изменилось выражение больших бл...стящих глаз густо опушё...ых рес...ницами. Эстетическое насл...ждение доставляет в...ртуозная передача нежной женской руки затянутой в перчатку бархата шубки плотно облегающей фигурку страусового пера колыш...щегося на ветру. Крамской тонко чу...ствует красоту всего этого но искус...ное изображение аксес...уаров не отвлекает внимания художника от внутре...его смысла образа.

Эта красивая но (мало)привлекательная жен...щина холодна и надме...а. Она очень сдержа...а замкнута но её влас...ный характер (не)трудно разгадать и в манере держат...ся и в бе...трас...ном взгляде глаз. Внешняя красота изыска...ость жен...щины (не)скрыли её человеческой холодности. В этом портрете Крамской вопл...тил определё...ый тип жен...щины в котором красота лишё...ая душевного об...яния составляет главную черту характера.

Образ «Неизвес...ной» соч...тающий в себе красоту и однове...о душевную пустоту единстве...ый в творчестве художника но столь интересный и значительный что (не)вольно становит...ся своеобразной загадкой скрывающей исти...ый замысел художника.

№ 8

Деревня Маниловка

Деревня Маниловка (не)многих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял на юру то есть на возвышени... открытом всем ветрам. На покатоности горы одетой подстриже...ым дёрном были разброса...ы (по)английски две-три клумбы пять-шесть берёз (не)большими купами возносили свои мелколис...ные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была (не)большая но высокая беседка с надписью «Храм уед...нён...ого размышления» пониже был покрытый зеленью пруд отнюдь (не)диков...ый в аглицких садах русских помещиков.

У подошвы этого возвышения темнели серенькие бревенчатые избы сразу сосчита...ые нашим героем. (Не, ни)где между ними н... было (не, ни)р...стущ...го деревца (не, ни)какой-нибудь зелени. Вид оживляли две бабы которые карти...о подобравши платье и подтыкавшись со всех сторон брели по колени в пруде влача изорва...ый бредень где видны были два запутавш...ся рака и бл...стела попавш...яся плотва. Даже самая погода весьма кстати прислужилась день был (не)ясный и (не)мрачный а какого(то) (светло)серого цвета. Для пополнения картины (не)было (не)достатка в петухе предвозвес...нике переменчивой погоды который (не)смотря на голову продолбл...ую до самого мозга носами других петухов горланил очень громко похлопывая крыльями обдёрга...ыми как старые рогожки. (По)одавь в стороне темнел каким(то) (скучно)синеватым цветом сосновый лес.

Под...езжая ко двору Чичиков заметил самого хозяина стоящ...го на крыльце и приставивш...го руку ко лбу (в)виде зонтика над глазами чтобы рассмотреть получше под...езжавший экипаж. По мере пр...ближения брички к крыльцу глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

(По Н. Гоголю)

№ 9

В безветре...ую пред...юльскую пору по изв...вающейся тропинке мы возвращаемся с охоты. У каждого за спиной холщ...вый меш...чек наполне...ый добычей настрел...ой (в)течени...нескольких часов.

Охота была удивительно удачной поэтому нас не ра...траивало то что четырёх подстрел...ых уток собаки не могли раз...скать.

Обе...илев от ходьбы мы улеглись у повале...ой берёзы покрытой какой(то) стел...щейся растительностью. Не на ра...стеле...ой тканой скатерти а на шелковистом мху чуть(чуть) высеребр...ом тонкой паутинкой разложили мы дорожные я...ства. Среди них были купле...ые продукты и (не)купле...ые в магазине домашние изделия. Маринов...ые грибы поджаре...ая колбаса масл...ые ржа...ые лепешки сгущ...ое молоко говяжья туш...нка печ...ый картофель немного вывал...ый в золе и глоток напитка насто...ого на каком(то) дикови...ом снадобье покажутся вкус...ными на свежем воздухе самому сверх...зыска...ому гурману.

Трудно сравнить с чем(либо) то очарование и насл...ждение которое испытываешь когда лежиш... у костра на берегу без...мя...ой реч...нки в лесной чащ...бе.

Возникают разговоры на самые необыкновенные и неожиданные темы о транс...европейских экспрес...ах транс...атлантических перелётах сибирских морозах обез...ян...их проделках искус...ных мастерах и о многом другом.

Изредк... беседу нарушают непрощенные гости оводы и комары. (По)справедливости они названы путешественниками бичем северных лесов.

Лёгонький ветерок (едва)едва зыбл...т травы. Сквозь ветви деревьев виднеется голубое небо а на суч...чках (кое)где держатся золоч...ные листочки. В мягком воздухе разлит пря...ый запах.

Вдал...ке неожида...о появились свинцовые тучи бл...снула молния.

Вряд(ли) нам (во)время удаст...ся укрыт...ся от дождя.

К счастью (в)близи оказался домишко... лесного об...ез...чика низенькое бревенчатое строенье...це. Сынишко... хозяина острож...ый мальчуган одетый в короткое пальт...цо приветливо кивал нам головой.

Отбл...стали молнии ярос...ный ливень сначала пр...остановил а затем и вовсе прекратил свою трескотню.

Стихии больше не спор...т не ссор...тся не бор...тся.

Ра...тро...ые полчища туч... уносятся куда(то) (в)даль.

Выйдя из дома мы (в)начале следуем по уже еж...ому просёлку а потом по асфальтирова...ому шоссе заменившему прежнюю (не) мощ...ую дорогу.

№ 10

Андрей Болконский под Аустерлицем

Смеша(н, нн)ые все увеличивающ...ся толпы бежали туда где казалось пять минут назад войска проходили мимо императоров.

Болконский чувствуя что (не)возможно не податься назад вместе с толпой старался только не отставать от неё и оглядывался (не)доумевая и (не)в силах понять того что делалось перед ним. Князь Андрей протеснился до Кутузова на щеке которого он увид...л кровь. Вы ране(н, нн)ы спросил Болконский удерживая дрожание нижней челюсти. Рана (не)здесь а вот где сказал

Кутузов прижимая платок к ране(н, нн)ой щеке и указывая на бегущих...

Войска бежали такую густою толпою что раз попавши в середину толпы трудно было из неё выбраться. С величайшим усилием выбравшись из потока Кутузов со свитой уменьше...ою более чем (в)двое поехал на звуки артил...ери...ких выстрелов русской батареи князь Андрей старался не отставать от него.

Французы атаквали батарею и увид...в Кутузова выстрелили по нему. С этим залпом упало несколько солдат и подпрапорщик стоявший со знаменем выпустил его из рук знамя зашаталось и упало задержавшись на ружьях соседних солдат.

Болконский оглянувшись и указывая на ра(с, сс)трое(н, нн)ый батальон с отч...я(н, нн)ым видом промышчал Кутузов что(же) это? Но прежде чем он договорил князь Андрей чувствуя слёзы стыда и злобы подступившие к горлу уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

Ребята вперёд! крикнул он (по)детски пронзительно. Вот оно! думал князь Андрей схватив древко и с насл...ждением слыша свист пуль очевидно направле...ых именно против него. Ура закричал князь Андрей едва удерживая в руках тяжёлое знамя и побежал (в)перёд с несомненной увере(н, нн)остью что весь батальон побежит за ним.

Действительно он пробежал один только (не)сколько шагов потом тронулся один другой солдат и весь батальон с криком «ура!» побежал (в)перёд и обогнал его. Унтер-офицер батальона подбежав взял колебавш...ся от тяжести в руках князя Андрея знамя но тотчас (же) был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и волоча его за древко бежал с батальоном. Он (по)прежнему слышал над собою (не)перестававший свист пуль и бе...пр...с-танно (с)права и (с)лева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них он вглядывался только в то что происходило (в)переды его на батарее.

(По Л. Толстому)

№ 11

Хотя для настоящего охотника дикая утка (не)представляет (н...)чего особе...ого но за (не)имением другой дичи дело было в начале сентября мы отравились в Льгов. Льгов большое степное

село расположе...ое на болотистой речке Росоте. Эта речка вёрст за пять от Льгова превращается в широкий пруд заросший густым трос...ником. Здесь водилось бе...числе...ое множество уток. Мы пошли с Ермолаем вдоль пруда но (во)первых у самого берега утка (не)держится (во)вторых наши собаки не были в состояни... достать убитую птицу из сплошного к...мышья. Надо достать лодку пойдёмте назад в Льгов промолвил (на)конец Ермолай. Через четверть часа мы сев в лодку Сучка когда(то) господского рыболова плыли по пруду. К счастью погода была тихая и пруд словно заснул. Наконец мы добрались до трос...ников и пошла потеха.

Утки испуга...ые нашим неожида...ым появлением шумно поднимались и кувыркаясь в воздухе тяжело шлёпались в воду. Всех подстрел...ых уток мы конечно не достали. Владимир к великому удивлению Ермолая стрелял вовсе (не)отлично. Ермолай стрелял как всегда победоносно. Я (по)обыкновению плохо.

Погода стояла прекрасная и ясно отражаясь в воде белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами.

Когда мы уже собирались вернуться в село с нами случилось (не)приятное прои...шествие.

К концу охоты словно на прощанье утки стали подниматься такими стаями что мы едва успевали заряжать ружья. Вдруг от сильного движения Ермолая он старался достать убитую птицу и всем телом налёг на край наше ветхое судно накл...-нилось и торжестве...о пошло ко дну к счастью (не)на глубоком месте. Через мгновение мы стояли в воде по горло окружё...ые всплывшими телами мёртвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуга...ых и бледных лиц моих товарищей вероятно и моё лицо не отличалось тогда румянц...м но в ту минуту признаюсь мне и в голову не приходило смеят...ся.

Часа два спустя мы измуче...ые грязные мокрые достигли наконец берега и развели костёр. Солнце садилось и широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи.

(По И. Тургеневу)

№ 12

Из сеней он (Чичиков) попал в комнату тоже тёмную (чуть) чуть озарё...ую светом выходявш...м (из)под широкой щели находивш...ся внизу двери. Отворивши эту дверь он наконец

очутился в свету и был поражён представш...м беспорядком. Казалось как будто в доме происходило мытьё полов и сюда на время нагромодили всю мебель. На одном столе стоял даже слома...ый стул и рядом с ним часы с остановивш...мся маятником к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонё...ый боком к стене шкаф со стари...ым серебром графинчиками и китайским фарфором. На бюро выложе...н...м перламутровой мозаикой которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки наполне...ые клеем лежало множество всякой всячины куча исписа...ых мелко бумажек накрытых мраморным позеленевш...м прес...ом с яичком наверху какая (то) стари...ая книга в кожа...ом переплёте с красным обрезом лимон весь высохший ростом не более лесного ореха отломле...ая ручка кресел рюмка с какой(то) жидкостью и тремя мухами накрытая письмом кусочек сургучика кусочек где(то) поднятой тряпки два пера запачка...ые чернилами высохшие как в чахотке зубочистка совершенно...о пожелтевш...я которою хозяин может быть ковырять в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

По стенам навеша...о было весьма тесно и бе...толково несколько картин дли...ый пожелтевший гравюр какого(то) сражения с огромными барабанами кричащ...ми солдатами и тонущ...ми конями без стекла вставле...ый в рамку красного дерева. Рядом с ним занимала (пол)стены огромная почерневш...я картина писа...ая масля...ыми красками изображавш...я цветы разреза...ый арбуз кабанью морду и висевш...ю вниз головой утку.

(По Н. Гоголю)

№ 13

Песча...ая отмель далеко золотилась протянувшись от тёмного обрывистого с нависшими деревьями берега в тихо сверкающую дремотно светлеющую реку пропавшую за дальним смутным лесом.

Вода живым серебром прост...ралась до другого берега а ветер настоя...ый на полевых травах едва приметно колебл...т молодую поросль стел...щуюся по карнизам крутого берега.

Задумчивая улыбка (не)нарушаемая присутствием человека лежит на всём на син...ве неба на (лениво)ласковой реке зыбл...щейся под ветром и кажется что эта улыбка так(же) таинстве...а

как и вся жизнь природы. Даже (на)половину вытаще...ый до...аник выдолбле...ая из дерева лодка кажется (не)делом человеческих рук а почернелым от времени сваливш...мся с родного берега лесным гигантом а рыбацья избушка приютившаяся под самым обрывом напоминает (н...)что иное как (старый)престарый гриб.

Из избушки вышел (не)молодой но крепкий старик в холсти...ой рубахе прислушался к далёким звукам колокола которые обес...иле...ые рас...тоянием едва доносились сюда. И двигая бровями как наёжившийся кот шерстью повернулся и тяжело ступая по хрустящему песку подошёл к разос...ланной б...чеве с навяза...ыми крючками и стал подтачивать их напильником и прот...рать сальной тряпкой чтоб не ржавели в воде.

Чего только (н...)видел на долгом веку старик но он приложив козырьком ч...рную ладонь долго любитесь тем как играет и колебл...тся (не)стерпимый для глаз блеск воды. Потом он берёт узкое весло лежащее (по)одаль и сталкивает в воду лодку невольно напоминая при этом большого муравья тащ...щего свою добычу.

(По А. Серафимовичу)

№ 14

Глухари...ый ток

В весе...ую пору хорошо в лесу воздух особе...о свеж... и пахуч... повсюду разносится запах прелых листьев и отта...вшей земли.

Впечатления связа...ые с весе...ей охотой на глухарей (не)изгладимы в моей памяти. Ещё совсем (не)ра...вело и над спящим лесом плывёт прозрачная ночная тишина в которой ясно слышится каждый ш...рох и ш...пот. Хрус...нет под ногой ветка треснет лед...ная корка затянувшая (не)глубокое но широкое болотце и снова тиш... .

Когда идёшь... по лесу то время(от)времени останавливаеш...ся и прислушиваеш...ся. Хочет...ся (в)срок добрат...ся до места тока когда глухарь ещё не начинал своей песни. Внимательно слушаеш... и вдруг неожида...о раздаёт...ся в воздухе резкий отрывистый крик. Вскоре ему отвечает другой и на болоте начинает...ся звонкая переключка. Напряжё...о вслушиваеш...ся в лесную мглу поминутно взглядывая на стрелки часов.

На востоке в глубине леса между верхушками деревьев бре...жит почти (не)заметный свет и ночная тьма начинает (по)немного рассе...ваться.

Но вот уже (в)дали лесной слышатся (не)уловимые для (не)опытного охотника звуки глухари...ой песни. Характерное щёлканье щебетание слышит...ся из отдалё...ой чащ...бы и наполняет предра...ветную лесную тишину переливаясь в воздухе таинств...ыми и волнующими звуками.

Предостав...те время глухарям распет...ся и тогда мож...те медле...о и осторожно передвигаться в ту сторону откуда виднеют...ся первые отблески утре...ей зари и наиболее громко доносит...ся песня глухаря. Передвигат...ся нужно как можно осторожнее иначе приблизит...ся к птице вам не удаст...ся. Стоит только глухарю замолчать как зам...раеш... на месте и стоиш... неподвижно. Запоёт глухарь снова двигаеш...ся к месту глухари...ого тока где опять отчетливо слыш...тся звонкая трель. В алом свете зари глухарь кажется мас...ивной точё...ой фигурой из чёрного дерева. Лиш... чуть заметное движение этой фигуры свидетельствует о том что это не мёртвый предмет.

№ 15

Едигей достал из лодки тяжёлый кожа...ый бурдюк наполни...ый водой развязал его и выплеснул на пр...брежную гальку вместе с водой золотого мекре. То была большая рыба. Могучая и красивая рыба. Она беш...о заколотила золотым хвостом изгибаясь подпрыгивая разметая вокруг мокрую гальку и (широко) р...зевая розовую пасть обратилась к морю пытаюсь добраться до родной стихии до прибоя. На какую(то) (не)долгую секунду рыба вдруг замерла напряжё...о затихла пытаюсь освоит...ся оглядывая (не)мигающими безупречно круглыми чистыми глазами тот мир в котором нечая...о очутилась. Даже в сумеречном предвечер...зимнего дня (не)привычный свет ударил в голову и увидела рыба сияющие глаза людей склонившихся над ней кромку берега и неба и в очень далёкой перспективе над морем различила за редкими облаками на горизонте (нестерпимо)яркий для неё закат угасающего солнца. Задышаться начала. И рыба вскинулась. Заколотилась закрутилась с новой силой желая добраться до воды. Едигей поднял золотого мекре под жабры.

Подставляй руки держи сказал он Укубале.

Укубала приняла рыбину как ребёнка на обе руки и прижала её к груди.

Какая она упругая воскликнула Укубала ощутив её пружинистую внутри...ую силу. А тяжёлая как полено И как здорово пахнет морем И красивая какая На Едигей я довольна очень довольна. Исполнилось моё желание. Отпусти её в воду поскорей...

Едигей понёс золотого мекре к морю. Войдя по колено в набегающий прибой он дал рыбе соскользнуть вниз. На какое-то короткое мгновение когда золотой мекре падал в воду отразилась в густой син...ве воздуха вся золотая оснастка рыбы от темен... до хвоста и бл...снув испарывая воду стремительным корпусом рыба уплыла в глубину...

(По Ч. Айтматову)

№ 16

Овсяников придерживался стари...ых обычаев не из суеверия душа в нём была довольно свободная а по привычке. Он например не любил рес...орных экипажей потому что не находил их покойными и раз...езжал либо в беговых дрожках либо в небольшой красивой тележке с кожа...ой подушкой и сам правил своим добрым гнедым рысаком он держал одних гнедых лошадей. Кучер молодой краснощёкий парень остриже...ый в скобку в синеватом армяке и низкой баран...ей шапке подпояса...ый ремнём почтительно сидел с ним рядом. Овсяников всегда спал после обеда ходил в баню по суб...отам читал одни духовные книги (при)чём с важностью надевал на нос круглые серебря...ые очки вставал и ложился рано. Бороду однако же он брил и волосы носил (по)немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно но не кланялся им в пояс не суетился не по...чевал их всяким сушеньем и соленьем. Жена говорил он медле...о (не) вставая с места и слегка повернув к ней голову. Принеси господам чего (нибудь) полакомиться. Он поч...тал за грех продавать хлеб божий дар и в 40-м году во время всеобщего голода и страшной дороговизны роздал окрес...ным помещикам и мужикам весь свой запас они ему на следующий год с благодарностью внесли свой долг натурой. К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рас...удить пом...рить их и почти всегда слушались его совета. Многие по его милости окончательно размежевались... Но после двух или трёх ошибок с помещицами он об...явил что отказывается от всякого посредничества между особами женского

пола. Терпеть он не мог поспешности тревожной торопливости бабьей болтовни и суеты.

(По И. Тургеневу)

№ 17

Проснувшись я долго не мог сообразить где я.

Надо мной ра...т...лалось голубое небо по которому тихо плыло и та...ло сверкающее облако. Закинув несколько голову я мог видеть в вышине тёмную деревья...ую церковку наивно глядевшую на меня (из)за зелёных деревьев с высокой кручи. Вправо в (не) скольких саженьях от меня стоял какой(то) (не)знакомый шалаш влево серый неуклюжий столб с широкой до...ающую крышей с кружкой и с доской на которой было что(то) написано.

А у самых моих ног пл...скалась река.

Этот(то) плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию бе...покоящим ш...потом и точно ласкающим но вместе бе...пощадным голосом который подымает на з...ре для неизбежного трудового дня. А вставать так не хочет...ся...

Я опять закрыл глаза чтоб отдать себе (не)двигаясь отчёт в том как я очутился здесь под открытым небом на берегу плещ...щейся реч...нки в соседстве этого шалаша.

(По)немногу в уме моём во...тановились предшествующие обстоятельства. Пред...душие сутки я провёл на Святом озере у (не)видимого града Китежа толкаясь между народом слушая гнусавое пение нищих слепцов страс...ные религиозные споры бе...поповцев и скитников. Мне вспомнились утомлё...ые лица мис...ионеров и св...ще...иков кучи книг на аналое при помощи которых спорившие раз...скивали нужные тексты в толстых фол...антах. На з...ре я с трудом протолкался из толпы на простор и усталый с головой отяжелевшей от бе...плодности этих споров с сер...цем сжимавш...мся от безотчётной тоски и разочарования поплёлся (во)свояси. Тяжёлые нерадос...ные впечатления уносил я от берега Святого озера от (не) видимого но страс...но взыскуемого народом города. Точно в душном склепе при тусклом свете угасающей свечи провёл я всю эту бе...сонную ночь прислушиваясь как где(то) за стеной кто(то) читает мерным голосом зауспокойные молитвы над заснувшей (на)веки народной мыслью.

Со...нце уже встало над лесами и водами Ветлуги когда я пройдя около пятнадцати вёрст лесными тропами вышел к реке и тотчас(же) свалился на песок точно мёртвый от усталости и вынесе...ых с озера суровых впечатлений.

(По В. Короленко)

№ 18

Общая квартира Мечиславского и Остроухова состояла из двух комнат. Первая тёмная комната была обраще...а в прихожую а светлая в спальню.

Светлая комната была замечательна простенками необыкновенной ширины как(будто) бы предполагали строить замок а не (двух) этажный дом. В громадном простенке стоял большой стол с зеленоватым маленьким самоваром. На круглом ржавом подносе с маленькой реш...точкой кругом стояли два стакана. Напротив стола у стены находился мас...ивный турецкий диван обтянутый тиком во многих местах разодра...ый откуда виднелась другая материя. За диваном у печки стоял маленький простого дерева к...мод с ра...охшимися ящиками и тут(же) маленький туалетный ящик с зеркалом.

По другой стене тянулась дли...ая кровать с коротенькой периной и кожа...ыми подушками напоминавшая детей выр...сших из своего платья. Возле кровати разложе...ый стол на нём запылё...ые роли парики бритвы всё пересыпа...о табаком и пылью.

Остроухов даже не имел зеркала а какой(то) кусочек обдела...ый в пёструю бума...ку.

Противоположная стена от двери до окна была завеша...а разного рода платьями тут висел францу...ский к...фтан с блёстками греческая рубашка испанский плащ рядом с засале...ым халатом шубой и другими платьями.

Когда Остроухов возвратился домой он застал Мечиславского лежащим на диване с ролью в руке. По нахмуре...ым бровям и взглядам (и...)подлобья можно было догадат...ся что Остроухов чем(то) (не)доволен. Его умное лицо разрисова...ое морщинами имело обычное выражение утомления и грусти. Но Мечиславский (не)обратил внимания на своего друга он слишком был погружён в свои мысли. Наконец он окликнул его после долгого молчания и тот так вздрогнул что роль выпала у него из рук. Мечиславский

пугливо посмотрел на своего товарища и покачал головой (Не) хорошо братец На меня (н...)чего смотреть что я своей роли не знаю память стала слаба. А вот ты ты другое дело. Придѣт...ся тебе смотреть на свою возлюбле...ую и в то(же) время подставлять ухо к суфлеру. Не годится братец

Мечиславский как пр...стыже...ый школьник громко стал читать свою роль.

(По Н. Некрасову)

№ 19

Пахло жасмином в старой гости...ой с покосившимися полами. Сгнивший (серо)голубой от времени балкон с которого за отсутствием ступенек надо было прыгивать тонул в крапиве бузине бересклете. В жаркие дни когда его пекло солнце когда были отворе...ы осевшие стекла...ые двери и весѣлый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало висевшее на стене против двери всё вспоминалось нам фортепиано тѣти Тони когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нём глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках а он стоял сзади крепко подпирая талию левой рукой крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки и в ситцевых пѣстреньких платъицах и в японских нарядах и в (чѣрно)лиловых бархатных шалях залетали в гости...ую. И перед от...ездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них трепетно зам...равшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но когда девки по глупости через несколько дней стѣрли её с тѣтей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гости...ой на балкон садились на тёплые доски и думали думали. Ветер пробегая по саду доносил до нас шелковистый шелест берѣз с (атласно) белыми испещрё...ыми чернью стволами и широко раскинутыми зелѣными ветвями ветер шумя и шелестя бежал с полей и (зелѣно) золотая иволга вскрикивала резко и радос...но колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками обитавшими с многочисле...ым родством в развалившихся трубах и в тѣмных чердаках где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры (серо)фиолетовой золы золотой свет ветер замирал со...о ползали пчѣлы по цветам у балкона совершая свою (не)спешную работу и в тишине слышался только ровный

струящийся как непрерывный мелкий дождик лепет серебристой
листвы тополей...

(По И. Бунину)

№ 20

Осе...ий свинц...вый вечер холодный дождь мелкий как пыль
неутомимо сеет на крыши домов Берлина на зонтики почте...ых
немцев и камень мостовой крупные (красно)щёкие люди
торопливо разносят свои сытые тела большие животы по улицам
скучно прямым.

Огромный город сегодня весь мокрый озябший и хмурый
(утомительно)правилен он точно шахматная доска и кто(то)
невидимый гоняет по ней чёрные фигуры молча играя трудную
сложную игру.

Между крыш над чёрной спута...ой сетью деревьев тускло
блестит купол рейхстага как золотой шлем (великана)рыцаря
пленё...ого и связа...ого толстыми цепями улиц (каме...о)серыми
звеньями домов.

Вспыхивают бледные холодные огни и вода на мостовой в
щелях и выбоинах камня светится синевато тонкие маленькие
ручьи напоминают вены густую отравле...ую кровь. От огня
родились тени тяжёлый город ещё более тяжелея оседает к мокрой
земле дома становятся ниже угрюмой люди меньше светливее
всё вокруг стареет морщится гуще выступает сырость на толстых
стенах яснее слышен шум воды в водостоках и покорно падают
на плиты тр...туара тяжёлые капли с крыш.

Скучно. Этот город такой большой серый (хвастливо)чистый
неуютен как(будто) он создан не для людей а (на)показ и люди
живут порабощё...ые камнем. Они меч...тся в улицах города как
мыши в мышеловке жалко смотреть на них жизнь их кажется бе...-
смысле...ой непоправимо навсегда испорче...ой никогда они не
станут выше того что создано ими до этого дня не почу...ствуют
себя в силе жить иначе свободней и светлей.

Хрипло ухают и гудят автомобили гремит и воеет бл...стя-
щий вагон трамвая синие искры брызгают (из)под его колес
недоверчиво хмурятся подслеповатые окна домов и холодно пла-
ч...т о чём(то). Всё кажется смертельно усталым и всюду сырость
точно пот больного лихорадкой.

(По М. Горькому)

№ 21

Уже более трёх часов прошло с тех пор как я пр...соед...нился к мальчикам. Месяц взошёл наконец я его не (тот)час заметил так он был мал и узок. Эта безлу...ая ночь казалось была всё так(же) великолепна как и прежде. Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды ещё (не)давно высоко стоявшие на небе. Всё соверше...о затихло кругом как обыкнове...о затихает всё только к утру всё спало крепким (не)подвижным пред-ра...ветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло в нём снова как(будто) разливалась сырость... (Не)долги летние ночи Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки то(же) дремали лошади сколько я мог различить при чуть бре...ушем (слабо) льющемся свете звёзд то(же) лежали понутив головы... Сладкое забытьё напало на меня оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза утро зачинаясь. Ещё нигде (не)румянилась заря но уже заб...лелось на востоке. Всё стало видно хотя смутно. Бледно(серое) небо св...тлело х...лодело синело звёзды то мигали слабым светом то и...езали отсырела земля кое(где) стали раздаваться живые звуки и жидкий ра...ий ветерок уже пошёл бродить и п...рхать над землёю. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг костра один Павел приподнялся и пристально посмотрел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл (во)свояси (в)доль реки. Не успел я отойти двух вёрст как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу и (с)переды по холмам от лесу до лесу и (с)зады по дли...ой пыльной дороге по св...ркающим обогрё...ым кустам и по реке стыдливо синевшей из(под) редеющего тумана полились сперва алые потом красные золотые потоки молодого горячего света... Всё зашевелилось проснулось запело...

Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы мне навстречу чистые и ясные словно тоже обмытые утре...ей пр...-хладой пронеслись звуки колокола и вдруг мимо меня погоняемый знакомыми мальчиками промчался отдохнувший т...бун...

Я к сожалению должен прибавить что в том(же) году Павла не стало. Он не утонул он убилися упав с лошади. Жаль славный был парень.

(По И. Тургеневу)

№ 22

Хорошо идти по земле ра...им утром. Воздух ещё (не)знойный но уже (не)холодный приятно освежает. Солнце ещё (не)вошедшее в силу греет бережно и ласково. Под косыми лучами весьма (не)яркого утре...его света всё кажется... рельефнее выпуклее и мостик через (не)широкую но полную водой канаву и деревья подножья которых ещё затопле...ы тенью а (тёмно)зелёные верхушки влажно поблескивают сквозь них бре...ут лучи солнца и (не)высокие но сплош... покрытые бе...чётным ко...ичеством листьев кусты. Даже (не)большие (не)ровности на дороге и по сторонам её бросают свои маленькие тени чего уж не будет в яркий (пол)день.

В лесу то и дело попадаются болотца чёрные и глянцевиные. Тем зеленее кажется (не)коше...ая трава растущая возле них. Иногда из глубины безгранично обширного леса прибежит рыженький приятно журчащий ручеёк. Он пересекает дорожку и торопливо скрывается в смеша...ом лесу. А в одном месте из лесного мрака выполз словно гиган...ский удав сочный пышный поток мха. В середине его почти (не)естестве...ой зелени струится (ярко)коричневый ручеёк.

Нужно сказать что коричневая вода этих мест (н...)сколько (н...)мутна. Она почти прозрачна если зачерпнуть её гра...ым стаканом но сохраняет при этом золотистый о...енок. Видимо очень уж тонка та торф...ая взвесь что пр...даёт ей этот красивый цвет.

На лесной дороге расходясь веером лежали бок(о)бок тени от сосен берёз и елей. Лес был (не)старый но чистый без подлеска.

Километра через два слева и справа от бороз...чатой дороги тянулись (быстро)растущие кусты какие могут р...сти только по берегам (не)большой реч...нки. Возле них всюду была видна молодая пор...сль.

№ 23

Под лёгким дуновением знойного ветра море вздрагивало и покрываясь мелкой рябью (ослепительно)ярко отражавшей со...нце улыбалось голубому небу тысячами серебря...ых улыбок. В пространстве между морем и небом носился весёлый плеск волн взбегавших на пологий берег песча...ой косы. Всё было полно живой радости звук и блеск со...нца ветер и солё...ый аромат

воды жаркий воздух и ж...лтый песок. Узкая дли...ая коса вонзаясь острым шпилем в безграничную пустыню играющей со...нцем воды терялась где(то) (в)дали где знойная мгла скрывала землю. Багры вёсла корзины да бочки бе...порядочно валялись на косе. В этот день даже чайки истомле...ы зноем. Они сидят рядами на песке раскрыв клювы и опустив крылья или же лениво качают...ся на волнах. Когда со...нце начало спускат...ся в море неугомо...ые волны то играли весело и шумно то (мечтательно)ласково плескались о берег. Сквозь их шум на берег долетали не то вздохи не то тихие ласково зовущие крики. Солнце садилось и на ж...лтом горячем песке лежал розоватый отблеск его лучей. И жалкие кусты ив и перламутровые облака и волны взбегавшие на берег всё готовилось к ночному покою. Одинокий точно заблудившийся в тёмной дали моря огонь костра то ярко вспыхивал то угасал как(бы) изнемогая. Ночные тени ложились не только на море но и на берег. Вокруг было только безмерное торжественное море посеребрё...ое луной и синее усея...ое звёздами небо.

(По М. Горькому)

№ 24

Обыкновенная земля

В Мещ...рском крае нет никаких особе...ых красот и богатств кроме лесов лугов и прозрачного воздуха. И тем не менее этот край (не)хоже...ых троп и (не)пуга...ых зверей и птиц обладает большой притягательной силой. Он так(же) скромн как картины Левитана но в нём как и в этих картинах заключается вся прелесть и всё незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы. Что можно увидеть в Мещ...рском крае Цветущие н...когда (не)коше...ые луга стел...щиеся туманы сосновые боры лесные озёра высокие стога пахнувшие сухим и тёплым сеном. Сено в стогах остаётся тёплым (в) течени... всей зимы. Мне приходилось ночевать в стогах в октябре когда ин...й покрывает траву на ра...вете и я вырывал в сене глубокую нору. Залезеш... в неё сразу согрееш...ся и спишь (в)продолжени... всей ночи буд(то) в натопле...ой комнате. А над лугами ветер гонит свинц...вые тучи. В Мещ...рском крае можно увидеть вернее услышать такую торжестве...ую тишину что бубенчик заблудившейся коровы слышен издалека почти за километры если конечно день безветре...ый.

Летом в ветре...ые дни леса шумят великим океанским гулом и вершины гиган...ских сосен гнутся (в)след пролетающим облакам.

Вот (не)вдал...ке неожида...о бл...снула молния. Пора искать убежища для спасения от неожида...ого дождя. Надеюсь удаст...ся скрыт...ся (во)время вон под тем дубом. Под этим естестве...ым созда...ым щедрой природой шатром (н...)когда н... промокнеш... . Но вот отбл...стали молнии и полчища туч... унесли куда(то) (в)даль. Пробравшись через мокрый папоротник и какую(то) стел...щуюся растительность выб...раемся на едва приметную тропинку. Как прекрасна Мещ...ра когда привыкнешь к ней Всё становится родным крики перепелов суетливый стук дятлов и ш...рох дождей в рыжей хвое и плач ивы над заснувшей рекой.

(По К. Паустовскому)

№ 25

Серпилин смотрел на дорогу и на всё мимо чего ехали с неослабным вниманием с особой остротой зрения рождавшейся от мысли что может быть придёт...ся простит...ся со всем этим.

Ледя...ая раз...езже...ая грузовиками дорога с наката...ыми до блеска буграми и впадинами такими твёрдыми что кажет...ся их (н...)взять (н...)какой весне. Сколько видит глаз н... одного населё...ого пункта. Всё живое живёт и мёрзнет в землянках или приткнулось к редким развалинам оставшимся после осе...их боев. К таким вот как эти (двух) метровые кирпичные стены в полукилометре от дороги.

(В)последстви... вспоминая эту дорогу Серпилин видел вереницы машин. На одном из встречных тяжело грузё...ых чем(то) грузовиков везли знакомые ящики с концентратами. С питанием на фронте последний месяц было (не)плохо а с топливом бедстве...о. Телеграфные столбы (по)одаль от дороги самые верные свидетели. К каждому протянулось от дороги по несколько цепочек следов. А у столбов для (не)сведущего глаза стра...ый вид от подножия и на высоту поднятой человеческой руки все они (к)верху или (к)низу ра...ширяют...ся до нормальной толщины а в середине обструга...ы до пределов возможного. На каждом оставле...о ровно столько дерева только чтоб (не) сломалось от ветра.

Дорога в батал...он куда направлялись Серпилин и Птиц...н ординарец была (не)безопасна постреливали. Вот и сейчас

в (трёх)стах метрах там куда они добирались хлопнула мина (из) далека доносился приглушё...ый гул арти...ерийской к...н...нады. Под ак...омпан...мент этих привычных звуков Серпилин думал о том что Птиц...ну этому далеко (не)молодому и многосемейному человеку по гражданской специальности счетоводу сам бог велел быть ординарцем. Что касается храбрости то Птиц...н был (не) храбрее и (не)трусливее других человек как человек. Боязнь смерти выражалась у него только в одном под огнём ординарец старался держат...ся (в)притирку к Серпилину полагая в душе что генерала не убоёт.

(По К. Симонову)

№ 26

Теперь по деревням уже не водят медведей. Да и ц...гане стали редко бродить большей частью они живут в тех местах где приписа...ы и только иногда отдавая дань своей вековой привычк... выбирают...ся куда(нибудь) на выгон натягивают закопч...ое полотно и живут целыми семьями занимаясь ковкой лошадей коновальством и барышн...чеством. Мне случалось видеть даже что шатры уступали место (на)скорую руку сколоч...ым до...атым балаганам. Это было в губернском городе (не) далеко от больницы и базарной площад... на клочке ещё (не) застрое...ой земли рядом с почтовой дорогой.

Из балаганов слышался лязг железа я заглянул в один из них какой (то) старик ковал подковы. Я посмотрел на его работу и увидел что это уже (не)прежний (ц...ган)кузнец а простой мастеровой проходя уже довольно поз...но вечером я подошёл к балагану и увидел старика за тем(же) занятием. Стра...о было видеть ц...ганский табор почти внутри города до...атые балаганы костры с чугу...ыми котелками в которых закута...ые пёстрыми платками ц...ганки варили какие(то) я...ства.

Ц...гане шли по деревням давая в последний раз свои представления. В последний раз медведи показывали своё иску...тво пл...сали боролись показывали как мальчишки горох воруют. В последний раз приходили старики и старухи что(бы) полечит...ся верным испыта...ым средством леч... на землю под медведя который ложился на паци...нта брюхом широко раст...пырив во все стороны по земле свои четыре лапы. В последний раз их

вводили в хаты (при)чём если медведь добровольно соглашался войти его вели в передний угол и сажали там и радовались его согласию как доброму знаку.

(По В. Гаршину)

№ 27

(В)течени... прошлого лета мне пришлось жить в стари...ой подмосковной усадьбе где было настрое...о и (с, з)давалось (не) сколько (не)больших дач... . (Ни)как не ожидал я этого дачи под Москвой (ни) когда ещё не жил дачником без какого(то) (не, ни) было дела в усадьбе столь (не)похожей на наши степные усадьбы и в таком климате.

В парке усадьбы деревья были так велики что дачи кое(где) построе...ые в нём казались под ним малы имея вид туземных жилищ... под деревьями в тропических странах. Пруд в парке (на)половину затянутый зелёной ряской стоял как громадное чёрное зеркало.

Я жил на окраине парка примыкавш...го к (не)густому смеш...н...ому лесу до...шатая дача моя была (не)дострое...а (не)конопаче...ые стены (не)струга...ые полы мебели почти (ни)какой. От сырости (по)вид...мому (ни)когда (не)и...чезавшей мои сапоги валявш...еся под кроватью обр...стали барх...том плесени.

Всё лето почти (не)пр...станно шли дожди. Бывало то и дело в яркой син...ве скапливались белые облака и (в)дали перекатывался гром потом начинал сыпать сквозь солнце бл...стящий дождь быстро превращавшийся от зноя в душистый сосновый пар. Как(то) неожиданно дождь заканчивался и из парка из леса с соседних пас...бищ... отовсюду снов... слышалась радос...ная птич...я разногосица.

Перед закатом (по)прежнему оставалось ясно и на моих до...а-тых стенах дрожала падая в окна сквозь листву хрустально(золотая) сетка низкого солнца.

Темнело по вечерам только к (полу)ночи стоит и стоит (полу) свет запада по соверше...о (не)подвижным притихшим лесам. В лунные ночи этот (полу)свет как(то) стра...о мешался с лунным светом то (же) (не)подвижным заколдованным. И (по)тому спокойствию что царило (по)всюду по чистоте неба и воздуха всё казалось что дождя уже больше не будет. Но вот я засыпая

вдруг слышал на крышу опять руш...т...ся ливень с громовыми раскатами кругом бе...пр...дельная тьма и в отвес падающие молнии.

Утром в сырых аллеях на лиловой земле рас...т...лались пёстрые тени и ослепительные пятна солнца цокали птички называемые мухоловками и хрипло трещали дрозды. А к (полу)дню опять парило находили облака и начинал сыпать дождь.

(По И. Бунину)

№ 28

Он сердито швырнул ...курок зашипевший в луже засунул руки в карманы ра...тёгнутого разв...ваемого ветром пальто и нагнув ещё (не)успешную прояснит...ся от дожде...ых уроков голову и ощущая в желудке тяжесть скверного обеда принялся шагать сосредоточе...о и энергично. Но как (н...)шагал всё что было кругом шло вместе с ним и наискось ливший дождь мочивший лицо и заносе...ый студенческий мундир и громадные дома чуждо и молчаливо теснившиеся по об...им сторонам узкой улицы и прохожие мокрые угрюмые которые казались в дождь все как один. Все это знакомое повторяющееся день изо дня надоедливо шло вместе с ним н... на минуту н... на мгновение н... отставая.

И вся обстановка его теперешней жизни всё одна и та(же) казалось шла вместе с ним утром несколько глотков горячего чаю потом бе...конечная беготня по урокам.

И все дома его клиентов были на один манер и жизнь в них шла на один манер и отношения к нему и его к ним были одни и те(же). Казалось он только менял в течени... дня улицы но входил к одним и тем(же) людям к одной и той(же) семье (не)смотря на разность физиономий во...растов и обществе...ого положения.

Он позвонил. Долго не открывали. Загринов стоял насупившись. Дождь всё так(же) косо мелькал чисто омытые тр...туары влажно бл...стели. Изво...ики нахохлившись дёргали во...ами так(же) как и всегда. В этой покорности чу...ствовалась своя особе...ая (не)доступная окружающим жизнь.

В пустой голой даже без печки комнате стояли три стула. На столе лежали две развернутые тетради с положе...ыми на них карандашами. Обыкнове...о при входе Загринова у стола его встречали глядя и...подлобья два плечистых угрюмых реалиста.

Старший вылитая копия отца был в пятом классе. Глядя на этот ни...кий заросший ж...сткими волосами лоб на эту среза...ую назад тяж...лую неправильную голову казалось что в толстом черепе оставался очень небольшой уголок для мозга.

Загринов н...когда н... видел их матери но почему(то) ему казалось что в младшем сквозь тяж...лую оболочку отца сквозили мягкие женственные черты матери живые жажд...щие света жизни. Казалось он делал тщетные усилия и попытки выбит...ся из какой(то) тяжёлой давившей обстановки бился угрюмо (не) умея и (не)имея с кем поделит...ся отвести душу.

Со своими учениками Загринов н...когда н... о чём постороннем н... заговаривал. Между ним и его учениками всегда стояла стена отчуждения. В доме так(же) царила строгая суровая тишина как(будто) никто не ходил не разговаривал не смеялся.

(По А. Серафимовичу)

№ 29

Метель

Долго мы ехали но метель всё не ослаб...вала а наоборот как(будто) усиливалась. День был ветре...ый и даже с подветре...ой стороны чу...ствовалось как непр...ста...о гудит в какую(то) скважину снизу. Ноги мои стали мерзнуть и я напрасно старался набросить на них что(нибудь) сверху. Ямщик то и дело поворачивал ко мне обветре...ое лицо с покрасневшими глазами и об...нд...евшими ресницами и что (то) кричал но мне н...разобрать было н...чего. Он вероятно пытался пр...ободрить меня так как ра...читывал на скорое окончание путешествия но ра...чёты его н... оправдались и мы долго плутали во тьме. Он ещё на станции уверял что к ветрам всегда пр...терпет...ся можно только я южанин и домосед пр...терпевал эти неудобства моего путешествия скажу открове...о с трудом. Меня не покидало ощущение что предпринятая мною поездка вовсе (не)безопа...на.

Ямщик уже давно (не)тянул свою без...скус...ную песню в поле была полная тишина белая застывшая н... столба н... стога н... ветр...ой мельницы н...чего н... видно. К вечеру метель поутихла но непроницаемый в поле мрак то(же) (не)весёлая картина. Лошади как(будто) заторопились и серебря...ые колокольчики зазвенели на дуге.

Выйти из саней было нельзя снегу навалило на пол(аршина) сани непр...рывно в...езжали в сугроб. Я (на)силу дождался когда мы под...ехали наконец к постоялому двору.

Гостепр...имные хозяева долго нян...чились с нами оттирала обогревали по...чевали чаем который кстати сказать здесь пьют настолько горячим что я ож...г себе язык впрочем это н... сколько н... мешало нам разговаривать (по)дружески буд(то) мы век знакомы. Непр...одолимая дрёма навея...ая теплом и сытостью нас разумеется клонила ко сну и я поставив свои вал...ые сапоги на протопле...ую печь лёг и н...чего н... слышал н... прер...каний ямщиков н... переш...птывания хозяев заснул как убитый. Наутро хозяева накормили незва...ых гостей и вяле...ой олениной и стрел...ыми зайцами и печ...ой в золе картошкой напоили тёплым молоком.

(По И. Голуб, В. Шейну)

№ 30

Ночь в Балаклаве

В конце октября когда дни ещё (по)осеннему ласковы Балаклава начинает жить своеобразной жизнью. Уезжают обременё...ые чемоданами и баулами последние курортники (в)течени... долгого здешнего лета насл...ждавшиеся со...нцем и морем и сразу становится просторно свежо и (по)домашнему деловито точно после от...езда нашумевших (не)проше...ых гостей.

Поперёк набережной ра...тилаются рыбачьи сети и на полирова...ых булыжниках мостовой они кажутся нежными и тонкими словно паутина. Рыбаки эти труже...ики моря как их называют ползают по разос...ланым сетям как(будто) (серо)чёрные пауки исправляющие разорва...ую воздушную пелену. Капитаны рыболовецких баркасов точат иступившиеся белуж...и крючки а у каме...ых колодцев где бе...пр...рывной серебря...ой стружкой лепеч...т вода судачат собираясь здесь в свободные минуты (тёмно)лицы женщины мес...ные жительницы.

Опускаясь за море садится солнце и вскоре звёздная ночь сменяя короткую вечернюю з...рю обв...лакивает землю. Весь город погружается в глубокий сон и наступает (тот)час когда н...откуда н... доносится н... звука. Лиш... изредк... хлюпает вода о пр...брежный камень и этот одинокий звук ещё более

подчёркивает н...чем н... нарушаемую тишину. Чувствуеш... как ночь и молчание слились в одном чёрном об...яти... .

Н...где (по)моему н... услышишь такой соверше...ой такой идеальной тишины как в ночной Балаклаве.

(По А. Куприну)

№ 31

На сенокосе

Трава на (не)коше...ом лугу (не)высокая но густая оказалась (не) мягче а ещё жёстче однако я (не)сдавался и стараясь косить как можно лучше шёл (не)отставая.

Владимир сын бывшего крепос...ного (не)переставая махавший косой (почём)зря резал траву н... выказывая н... малейшего усилия. (Не)смотря на крайнюю усталость я (не)решался попросить Владимира остановит...ся но чу...ствовал что (не)выдержу так устал.

В это время Владимир сам остановился и нагнувшись взял травы (не)торопясь вытер косу и стал молча точить. Я (не)спеша опустил косу и облегчё...о вздохнул оглядевшись.

(Не)взрачный мужич...нка прихрамывая шедший сзади и (по)видимому (то)же уставший сейчас же (не)доходя до меня остановился и принялся точить перекрестившись.

Наточив свою косу Владимир сделал (то)же с моей косой и мы (не)медля пошли дальше. Владимир шёл мах(за) махом (не)останавливаясь и казалось не чу...ствовал (н...)какой усталости. Я косил (изо)всех сил стараясь (не)отставать и всё более ослабевал. С дела...ым безразличием махая косой я всё более убеждался что у меня (не)хватит сил даже для счита...ых махов косы нужных чтобы закончить ряд.

(На)конец ряд был пройден и вскинув на плечо косу Владимир пошёл по уже хоже...ому покосу ступая по следам оставле...ым каблуками. Пот (не)унимаясь скатывался с моего лица и вся рубаша моя была мокра словно моч...ая в воде но мне было хорошо я выстоял.

№ 32

Вернув Маргарите подарок Воланда Азазелло ра...прощался с нею спросил удобно(ли) ей сидеть. Гелла сочно расцеловалась

с Маргаритой кот пр...л...жился к её руке и провожатые (тот)час раста...ли в воздухе (не)считая нужным утруждать себя под...ёмом по лес...нице. Грач включив фары выкатил в ворота мимо мёртво спящ...го человека в подворотне и огни большой чёрной машины пропали среди других огней на бе...сон...ой и шумной Садовой.

Через час в одном из (А, а)рбатских переулков в подвале маленького домика в первой комнате где всё было так(же) как было до страшной осен...ей ночи прошлого года за столом накрыт...м бархатной скатертью под лампой с абажуром возле которой стояла вазочка с ланд...шами сидела Маргарита и тихо плакала от пережитого потр...сения и счастья. Перед ней лежала и...ковёрка...ая огнём тетрадь и возвышалась стопка (не)тронутых тетрадей. Домик молчал. В соседн...й маленьк...й комнате спал мастер и его ровное дыхание было бе...звучно.

Наплакавшись Маргарита взялась за (не)тронут...ю огнём тетрадь и поняла именно её она перечитывала перед свиданием с Азazelло под (К, к)ремлёвской стеной. (Не)пытаясь уснуть Маргарита ра...матривала рукопись гладила её как глад...т любимую кошку и поворачивая тетрадь в руках огляд...вала со всех сторон то ост...навливаясь на титульном листе то открывая конец. На неё нак...тила вдруг ужасная мысль что всё это колдовство что тетради и...чезнут из глаз и что если она проснувшись сейчас окаж...тся в своей спальне в особняке ей пр...дёт...ся идти топит...ся.

Но эта страшная мысль как отзвук долгих страданий переж...ваемых ею была последней. (Ни)что (не)и...чезало (все)сильный Воланд был действительно (все)силен. Маргарита могла сколько угодно хотя(бы) до самого ра...света шелестеть листьями тетрадей разгляд...вать их и целовать и перечит...вать слова Тьма пр...шедшая со Средиземного моря накрыла (не)навид...мый прокуратором город... Да тьма...

(По М. Булгакову)

№ 33

Сумерки может быть и были причиной того что внешность прокуратора резко изменилась. Он как(будто) на глазах постарел ...горбился и кроме того стал тревожен. Один раз он огл...нул и почему (то) вздрогнул бросив взгляд на пустое кресло на спинке

которого лежал плащ... . Пр...бл...жалась прозрачная ноч... вечерние тени играли свою игру и вероятно усталому прокуратору пом...решилось что кто(то) сидит в пустом кресле. Допустив малодушие пошевелив броше...ый плащ... прокуратор оставив его забегал по балкону то подбегая к столу и хватаясь за чашу то ост...навливаясь и начиная бе...мысле...о гл...деть в м...заикку пола.

(В)течени... сегодня...шнего дня уже второй раз на него пала тоска. Пот...рая висок в котором от утра...ей боли осталось только но...шее воспоминание прокуратор всё силился понять в чём причина его душевных мучений и поняв это он пост...рался обм...нуть себя. Ему ясно было что бе...возвратно упустив что(то) сегодня утром он теперь хочет и...править упуще...ое какими(то) мелкими и ничтожными а главное зап...здавшими действиями. Но это очень плохо удавалось прокуратору. На одном из поворотов круто остановившись прокуратор свис...нул и из сада выск...чил на балкон гиган...ский остроухий пёс в ошейнике с золочё...ыми бляшками.

Прокуратор сел в кресло Банга высунув язык и часто дыша уселся у ног хозяина при(чём) радость в глазах пса озн...чала что кончилась гроза и что он опять тут рядом с человеком которого любил считал самым могуч...м в мире пов...лителем всех людей благодаря которому и самого себя пёс считал пр...в...л...гированным существом высшим и особе...ым. Но улёгшись у ног хозяина и даже (не)глядя на него пёс сразу понял что хозяина его постигла беда и поэтому Банга поднявшись и зайдя сбоку положил лапы и голову на колени прокуратору что должно было озн...чать он утешает своего хозяина и (не) счастье готов встретить (в) месте с ним. Это он пытался выразить и в глазах скашива...мых к хозяину и в насторожившихся наострё...ых ушах. Так оба они пёс и человек люб...щие друг(друга) встретили праз...ничную ноч... .

(По М. Булгакову)

№ 34

Я проснулся ра...им утром. Комната была залита ровным ж...лтым светом буд(то) от керосиновой лампы. Свет шёл снизу из окна и ярче всего освещал бревенчатый потолок. Стра...ый свет (не)яркий и (не) подвижный был вовсе (не)похож на солнечный. Это светили осе...ие листья.

За ветре...ую и долгую ночь сад сбросил сухую листву. Она лежала (разно)цветными грудями на земле и распространяла тусклое сияние и от этого сияния лица людей казались за-г...релыми. Осень смешала все чистые краски какие существуют на свете и нанесла их как на холст на далёкие пространства земли и неба.

Я видел сухую листву не только золотую и пурпурную но и фиолетовую и серую и почти серебря...ую. Краски казалось смягчились (из)за осе...ей мглы (не)подвижно висели в воздухе. А когда бе...пр...рывно шли дожди мягкость красок сменялась блеском небо покрытое облаками всё(же) давало достаточно света что(бы) мокрые леса могли заг...рат...ся (в)дали как величест-ве...ые багря...ые и золотые пожары. Теперь конец сентября и в небе какое(то) стра...ое соч...тание наивной голубизны и (тёмно) махровых туч. Временами проглядывает ясное солнце и тогда ещё чернее делают...ся тучи ещё голубее чистые участки неба ещё чернее (не)широкая прое...ая дорога ещё белее проглядывает сквозь (полу)опавшие липы стари...ая колокольня.

Если с этой колокольн... забравшись по деревья...ым ра...ша-та...ым лес...ницам поглядеть на (северо)запад то сразу расши-рит...ся кругозор. Отсюда особе...о хорошо видна реч...нка об-в...вающая подножие холма на котором раскинулась деревня. А (в)дали виднеет...ся лес подковкой охвативший весь горизонт.

Стало смеркат...ся с востока наносило то(ли) низкие тучи то(ли) дым гиган...ского пожара и я вернулся домой. Уже поз...ним вечером вышел в сад к колодцу. Поставив на сруб толстый фонарь достал воды. В ведре плавали ж...лтые листья. (Н...)куда от них н... спрятат...ся они были (по)всюду. Стало трудно ходить по дорожкам сада приходилось идти по листьям как по настоящему ковру. Мы находили их и в доме на полу на застеле...ой кроват... на печке всюду. Они были (на) сквозь пропита...ы их ви...ым ароматом.

№ 35

После полудня стало так жарко что пас...ажеры перебрались на верхнюю палубу. (Не)смотря на бе...ветрие вся поверхность реки кипела дрожащей зыбью в которой (не)стерпимо ярко дробились солнечные лучи производя впечатление бе...числе...ого множества серебря...ых шариков. Только на отмелях там где берег дли...ым

мысом врезался в реку вода огибала его (не)подвижной лентой спокойно синевшей среди этой бл...стящей ряби.

На небе н... было н... тучки но на горизонте (кое)где протянулись тонкие белые облака отливавшие по краям как мазки расплавл...ого мета...а. Чёрный дым (не)подымаясь над трубой с...лался за парходом дли...ым грязным хвостом.

Снизу из маши...ого отделения доносилось (не)прерывное шипение и какие(то) глубокие правильные вздохи (в)такт которым вздрагивала деревья...ая палуба «Ястреба». За кормой догоняя её бежали ряды дли...ых широких волн белые курчавые волны неожида...о беш...о вскипали на их (мутно)зелёной вершине и (плавно)опустившись вниз вдруг таяли точно прятались под воду. Волны (без)устали набегали на берег и разбившись с шумом об откос бежали назад обн...жая песча...ую отмель всю из...еде...ую прибором.

Это однообразие не пр...скучивало Вере Львовне и (не) утомляло её на весь божий мир она глядела сквозь радужную пелену тихого очарования. Ей всё казалось милым и дорогим и парход необыкновен...о белый и чистенький и капитан здорове...ый толстяк в паруси...овой паре с б...гровым лицом и звери...ым голосом охрипшим от непогод и лоцман красивый (черно)бородый мужик который вертел в своей стекла...ой будочке колесо штурвала в то время как его острые прищуре...ые глаза (не)подвижно глядели (в)даль.

(В)дали показалась пристань маленький красный до...атый домик выстрое...ый на барке. Капитан приложив рот к рупору проведё...ому в маши...ое отделение кричал командные слова и его голос казался выходил из глубокой бочки Самый малый Задний ход

Около станции толпились бабы и девч...нки они предлагали пас...ажирам сушё...ую малину бутылки с кипячё...ым молоком солё...ую рыбу варё...ую и печё...ую баранину.

Жара (по)немногу спадала. Пас...ажеры заметили как со...нце садилось в пожаре (кровоаво)пурпурного пламени и растопле...ого золота. Когда(же) яркие краски з...ри поутихли то весь горизонт осветился ровным (пыльно)розовым сиянием. Наконец и это сияние померкло и только (не)высоко над землёй в том месте где закатилось со...нце осталась (не)ясная дли...ая розовая полоска

(не)заметно переходившая (в)верху неба в (нежно)голубоватый от...енок вечернего неба.

(По А. Куприну)

№ 36

Стел...тся бе...крайняя р...внина и прост...раясь до самого горизонта лежит свободно просторно открытая настез... всем ветрам. Издавна... она славилась (сено)косными лугами пас...-бищами да вольным житьём овеч...их стад. Весной тут наливались соком такие (не) коше...ые травы полыхало такое (разно)цветие что когда проходила косилка то следом за ней ра...тилась буд(то) не трава а ковёр из цветов. Давно н... стало в этих местах н... трав н... цветов вдоль и поперёк погуляли плуги и теперь стояла покачивая золоч...ыми колосьями пшеница. Только кое(где) на пригорке ра...им июн...ским утром подн...мался как необыкнове...ое чудо полевой мак (тёмно)красный похожий на затерявшийся в пшеничном царстве одинокий огонёк или на древнем кургане подставляла в ветре...ую погоду свои разв...-вающиеся кудри (ковыль)травы. Цепко держалась так(же) полынь не ум...рала сизым дымком пр...чудливо курилась (то) близ дороги (то) на выгоне примыкавшем к хутору.

У моей бабушки с полынью связа...а древняя дружба. Полынь растение полезное говорила она. Земля...ой маза...ый глиной пол в своей хате бабушка уст...лала полынью словно зелёным пахучим ковром. Идёшь по такому коври а он зыбл...тся потрескивает под ногами и издаёт (н...)с чем (н...)сравнимый аромат. Бабушке были извес...ны и целебные свойства полын... . При каких только болезнях н... применяла она её и одним из бабушкиных паци...н-тов был (н...)кто иной как я сам.

Когда я учился в пятом кла...е у меня заболело горло и бабушка (перво)наперво приготовила отвар цветков полыни это была такая гореч... какой я н...когда н... пробовал однако горло (в)скоре прошло. Прополощеш... горло отваром положиш... на нос веточки с цветочками хорошенько подышишь ими и хвори как н... бывало.

(В)последстви... (в)течени... многих лет особе...о в те минуты когда вспоминаю о бабушке и о хуторе я чу...ствую такой приятный для меня запах полыни и он этот запах словно (не)видимым магнитом каждую весну тянет туда на приволье где я вырос.

№ 37

Старик с мальчиком и собакой обошли весь дачный посёлок и уже соб...рались сойти к морю. По левую сторону оставалась ещё одна последняя дача. Её не было видно (из)за высокой каме...ой стены над которой возвышались запылё...ые кипарисы похожие на дли...ые (чёрно)серые веретёна. Только сквозь чугу...ые ворота похожие своей пр...чудливой резьбой на круж...во можно было ра...мотреть уголок свежего точно (ярко)зелёного ш...лка газона круглые цветочные клумбы и (в)дали на заднем плане крытую сквозную ал...ею. (По)середине газона стоял садовник поливавший из дли...ого (рукава)шланга розы. Он прикрывал пальцем отверстие трубы и от этого в фонтане бе...числе...ых брызг со...нце играло всеми цветами радуги.

Дедушка соб...рался пройти мимо но заглянув в ворота остановился в недоумени... на клумбах возвышались дикови...ые яркие цветы в водоёмах пл...скалась прозрачная вода перед домом стояли два бл...стящих зеркальных шара в которых странствующая труп...а отразилась (в)верх ногами.

Перед балконом была утопта...ая площадка. Сергей ра...телил на ней свой коврик а дедушка установив шарманку уже приготовился вертеть ручку как вдруг неожида...ое и стра...ое зрелище привлекло их внимание.

На тер...ас...ку из внутре...их комнат выскочил как бомба издавая пронзительные крики мальчик лет восьми. Он был в лёгком матрос...ком костюмчике с обнажё...ыми руками. Белокурые волосы растр...пались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало ещё шесть человек две женщины в фартуках старый толстый лакей с дли...ыми седыми бакенбардами сухопарая рыжая девица в синем клетчатом платье молодая болезне...ого вида но очень красивая дама в кружевном голубом к...поте и наконец толстый лысый господин в золотых очках. Все они были сильно встревоже...ы.

Женщины в фартуках всплескивая руками щебетали (скоро) скоро подобострас...ными и испуга...ыми голосами. (Красно)но-сая девица кричала что(то) очень внушительное но соверше...о (не)понятное очевидно на иностра...ом языке. Ра...удительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках.

Между тем виновник этой суматохи (н...)на секунду (н...)-пр...крашая своего визга с разбегу повалился на каме...ый пол

и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во(все) стороны.

Дедушка Лодыжкин что(же) это такое с ним спросил удивлё...ый Сергей ш...потом. Никак драть его будут

Начинай Сергей Я знаю распорядился дедушка и с решительным видом завертел ручку шарманки.

(По А. Куприну)

№ 38

Миновав дремучие зар...сли мы перешли (в)брод реч...нку на берегу которой заметили следы углеж...га. К (по)лудню мы подошли к ступенчатому склону сложе...ому (по)видимому искус...ным камен...щиком и скоро увидели домишк... с крышей из оц...нкова...ого железа. А вот и ветхий до...атый заборишк... за которым видны молодые яблоньки вишен...ки и черешен...ки. Тут(же) находит...ся и (не) мудрё...ое хозяйство десяток кур и воинстве...ый петуш...к взлетевший зачем(то) на крыльцо. Робко и (не)надеясь что кто(то) захочет пр...зреть (не)зва...ых и (не)жда...ых гостей мы постучали в дверь обитую ц...новкой но хозяева приняли нас радушно (по)свойски.

Хозяйка Мария Са...и...на по...ч...вала нас то топлё...ым молоком то печё...ой в золе картошкой и всё (не)уствовала нян...чит...ся с нами. Хозяин Филип... Кузьмич охотно ра...казывал о своём хозяйстве где он знал казалось каждое из своих бе...чётных деревьев. Скоро пришёл его сын застенчивый (парень)стаж...р так называл его отец который хочет быть пр...емником отца. У Фёдора (так звали лесника) оказалось много грам...офо...ых пластинок и мы с удовольствием слушали музыку в грам...записи. Это было (н...)что иное как встреча с (давно) прошедшим временем и что(то) (нежда...ое)негада...ое нахлынуло на нас ушедшая молодость радость первых встреч... первая любовь...

У отворе...ого окна лежали а...уратно сложе...ые (свеже) выстрога...ые топорищ... и от них (в)течени... ночи шёл сильный пря...ый запах.

(На)утро мы из...явили сердечную благодарность любезным хозяевам и отправились в путь ра...читывая к вечеру быть на месте но ра...чёт наш (не)оправдался. Вовсе (не)лёгким оказался наш дальнейший путь (не)ожида...ые пр...пятствия встали перед нами.

Полёт

(Не)вид...ма и свободна!.. (По)тому как (в)низу два ряда редких огней слились в две (не)пр...рывные огне...ые черты (по) тому как быстро они пропали (с)зади Маргарита догадалась что летит с чудовищ...ой скоростью и поразилась тому что ей легко дыш...т...ся.

(По)прошество... (н...)скольких секунд далеко (в)низу в зелёной черноте вспыхнуло новое озеро света. Прошло ещё (н...) сколько секунд такое(же) точно явление.

Города Города прокричала Маргарита.

Поворачивая голову (в)верх и (в)лево летящая любовалась тем что луна несёт...ся под нею как сума...шедшая обратно в Москву и в то(же) время как(будто) стоит на месте. Тут Маргаритой овладела мысль что она зря столь ис...туплённ...о гоня щётку лишает себя возможност... что(либо) как следует рас...мотреть. Ей что(то) подсказ...вало что там куда летит её подождут и что (н...) зачем ей скучать от такой беше...ой быстроты и высоты.

Маргарита накл...нила щётку щетиной (в)перёд так что хвост её поднялся (к)верху и очень замедлив ход пошла к самой земле. И это скольжение как на воздушных сала...ках (в)низ пр...несло ей наибольш...е насл...ждение. Земля поднялась к ней и в чёрной гуще её до этого бе...форме...ой обозначились тайны и прелести земли (во)время лунной ночи. Маргарита летела над стел...щ...м-ся туманом росистого луга потом над прудом. Под Маргаритой хором пели лягушки и почему(то) очень волнуя сердце шумел поезд. Маргарита вскоре увид...ла как он медленно словно гусе...ица полз (в)низу. Обогнав его Маргарита прошла над водным зеркалом в котором проплыла под ногами вторая луна и ещё более снизившись полетела чуть(чуть) (не)задевая ногами верхушки громадных сосен.

(По М. Булгакову)

У лавочки

Н...где н... останавливалось столько народа как перед карти...ою лавочкой на Щукином дворе. Эта лавочка представляла точно самое разнородное собрание диковинок картины большею частью были писа...ы масля...ыми красками покрыты (тёмно) зелёным лаком в (тёмно)жёлтых мишурных рамах. Зима с белыми

деревьями соверше...о красный вечер похожий на зарево пожара фламан...ский мужик с трубкой и вылома...ою рукою похожий более на индейского петуха в манжетах нежели на человека вот их обыкнове...ые сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравирова...ых изображений портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке портреты каких(то) генералов в тр...угольных шляпах с кривыми носами. Сверх того двери такой лавочки обыкнове...о бывают увеша...ы связками произведений отпечата...ых лубками на больших листах которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. Покупателей этих произведений обыкнове...о (не)много но (за)то зрителей куча. Какой(нибудь) забулдыга лакей уже верно зевает перед ними держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина который без сомнения будет хлебать суп (не)слишком горячий. Перед ним уже верно стоит в шинели солдат этот кавалер толкучего рынка продающий два перочи...ых ножа (торговка)охтенка с коробкою наполне...ою башмаками.

Всякий восхищается (по)своему мужики обыкнове...о тыкают пальцами кавалеры ра...матривают серьёзно (лакеи)мальчишки и (мальчишки)мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисова...ыми карикатурами старые лакеи во фризových шинелях смотрят потому только чтобы где(нибудь) позевать а торговки молодые русские бабы спешат по инстинкту что(бы) послушать (о)чём калякает народ и посмотреть (на)что он смотрит.

(По Н. Гоголю)

№ 41

(Не)много времени спустя я распрощался с офицерами и вышел из палатки. Вечерело люди одевались в шинели приготавливаясь к з...ре. Роты выстроились в линейках так что каждый батальон образовал замкнутый квадрат. Барабаны проббили з...рю откуда(то) (из)далека слышались слова команды Полки на молитву шапки долой И двенадцать тысяч человек обн...жили головы. «Отче наш иже еси на небеси» начала наша рота. Сем...-десять хоров по двести человек в каждом пели каждый сам по себе выходили дис...онансы но молитва все(таки) звучала трогательно и торжестве...о.

(По)немногу начали затихать хоры. Солдаты укладывались спать. В нашей палатке где как и в других помещалось шестеро

на пространстве двух квадратных сажен... моё место было с краю. Я долго лежал смотря на звёзды. Семь звезд (Б,б)ольшой (М,м)едведицы бл...стели низко над горизонтом гораздо ниже чем у нас на (С,с)евере. Смотря на (П,п)олярную звезду я думал что именно в этом направлен... должен быть Петербург где я оставил мать друзей и всё самое дорогое. Над головой бл...стели знакомые созвездия (М,м)лечный (П,п)уть (не) тускло светился а сиял ясною (торжестве...о) спокойной полосой света. На юге какие(то) большие звезды (не)знакомого (не)видимого у нас созвездия горели одна красным другая зеленоватым огнём.

Спать не хотелось я встал и начал бродить по сырой траве между нашим батал...оном и артил...ерией. Тёмная фигура пор...внялась со мной гремя саблею по её звуку я догадался что это офицер и вытянулся во фронт. Офицер подошёл ко мне и оказался Венцелем.

Не спится Владимир Михайлович спросил он мягким и тихим голосом почти ш...потом.

Мы разговорились. Венцель видимо очень много читал и как сказал один офицер знал и языки. Замечание капитана о том что он стихи долбит тоже оказалось верным мы заговорили о французах и Венцель обругав натуралистов перешёл к с...нт...менталистам и импр...с...ионистам и даже с чу...ством прод...кламировал «Декабр...скую ночь» Мюссе. Он читал хорошо просто и выразительно и с хорошим француз...ким выговором. Кончив он помолчал и прибавил Да это хорошо но все французы вместе не стоят десяти строк Шил...ера Гёте и Шекспира.

(По В. Гаршину)

№ 42

Ясные дни миновали и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими потемневшими глазами и мы давно уже не слышали её смеха. Тогда я решил обратит...ся к своей сестре Соне. У неё была большая кукла с (ярко)раскрасше...ым лицом и р...скошными льня...ыми волосами подарок покойной матери. На эту куклу я возл...гал большие надежды и потому отозвав сестру в боковую ал...ейку сада попросил мне дать её (на)время. Я так убедительно просил её об этом так живо описал ей бедную больную девочку

у которой (н...)когда н... было своих игрушек что Соня которая сначала... только прижимала куклу к себе отдала мне её и обещала в течени... (двух)трёх дней играть другими игрушками (н...) чего не... упоминая о кукле. Маруся которая увядала как цветок осенью казалось вдруг ожила. Маленькая кукла сделала почти чудо Маруся давно уже (не) сходявшая с постел... стала ходить вода за собою свою белокурую дочку по временам даже бегала (по)прежнему шлёпая по полу босыми ногами.

(За)то мне эта кукла доставила много тревожных минут. Прежде всего когда я нёс её за пазухой направляясь с ней на гору в дороге мне попался старьё Януш которьё долго провожал меня глазами. Потом дня через два (старушка)няня заметила пропажу и стала соват...ся по углам везде раз...скивая куклу. Соня старалась унять её но своими наивными уверениями что ей кукла (не) нужна что кукла ушла гулять и скоро вернёт...ся только вызвала недоумение служанок и возбуждала подозрение что тут не простая пропажа.

Отец ничего ещё не знал однако в тот(же) день остановил меня на пути к садовой калитке и велел остат...ся дома. На следующий день повторилось то(же) и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор пока отец ещё спал.

На горе дела опять были плохи. Маруся опять слегла и ей стало ещё хуже лицо её горело стра...ным румянц...м белокурые волосы раскидались по подушке она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла с розовыми щеками и глупыми бл...стящими глазами.

(По В. Короленко)

№ 43

Ветер (не)затихавший (в)течени... долгих томительных часов упал. Приумолкшие волны несли излома...ые остатки ледя...ых полей словно искалече...ые обломки гиган...ского к...рабля. Тучи поспешно ...бегали с небесного свода униза...ого (ярко)мерцавшими звёздами и северная ночь прозрачная и холодная как синие льды раскинулась над глухо р...котавшим бе...крайним морем ещё (не)улёгшимся после (не)давней бури.

(По)немногу море очищалось ото льда и только одинокие глыбы покачивались на волнах. Вокруг н... было н... души и

лиш... на одной из льдин (не)ясно выделялся силу...т высокой фигуры. Это был (н...)кто иной как Сорока. Одетый в некраше...ый дублё...ый полушубок он искус...о работает багром и гибкий шест бурлит и пенит воду. Кругом прост...рается необ...ятная белая р...внина над которой низко стел...тся (дымчато)серые облака.

Сорока поднял голову (в)верху сквозь тонкий пар мороза бл...снула золотая (М,м)едведица. Сорока толкает вперёд тяж...-лую льдину а в голове теснятся (не)весёлые думы далёко в море вынесло вторые сутки (н...)разу н... ел. Из последних сил бл...ётся охотник понимает что нельзя шутить с морозом. (Старик)помор знает что если останешься без движения морозище обоймёт повеет и проникнет (на)сквозь холодным дыханием. Каких только ужас...ных историй н... рассказывают на побережье Сон постепенн...о овладевает человеком...

Неожида...о раздался протяжный удар ледя...ых громад. На мгновение Сорока как(бы) очнулся но к удивлению (н...)как н... мог открыть глаз точно слипшихся с мороза. Как далёкая з...рница в глухую ночь мелькнуло смутное сознание опас...ности. Сорока поднялся встряхнулся и пошёл (на)угад руководствуясь какими(то) (не)уловимыми для (не)знакомого с морем человека приметам...

Сияя величавой красотой тихо дремл...т над спокойным морем ночь затка...ая морозным туманом.

(По А. Серафимовичу)

№ 44

Солнце (не)выносимо печёт. Зной разлитый в переполне...ом блеском воздухе неподвижно стоит над морем в котором на (не) досягаемой глубине синее опрокинутое небо.

Андрейка (не)разгибаясь вместе с дедом выб...рает из тянущейся вдоль лодки сети добычу которой набилось туда множество.

Жара усталость (мало)помалу см...ряют Андрейку и негодование на деда у него улегается. А дед и (не)подозревая Андрейкиных каверз пр...спокойно посасывая трубку выб...рает рыбу на корме. Он доволен сегодняшним уловом и его нависшие лохматые брови несколько приподнялись. К вечеру он надеялся осмотреть все сети и ночью вернут...ся домой.

Вдруг Андрейка услышал голос

Андрейка спускай сеть да ставь парус

Андрейка усталился на деда что с ним случилось Ведь ещё и половину сетей (не)досмотрели видно прошёл косяк и рыбы набилось множество да никогда они раньше ночи и (не)возвращались домой...

Но старик не любил повторять приказаний и Андрейка торопливо опустив в воду сеть выполнил приказание (не)смея рас...прашивать деда. Парус обыкновене...о подв...рачивали внизу и пр...спускали только во время сильной бури чтоб умен...шить площадь парусности когда ветер чере...чур уже рвал. Между тем кругом стоял всё тот(же) неподвижный зной (н...)чем было дышать и всё так(же) на недосыгаемой высоте и в бе...до...ой глубине друг против друга синели тонкой син...вой два небесных свода и вода между ними пропадала из глаз.

Садись на вёсла приказал дед.

Андрейка бе...пр...кословно взялся за вёсла и стал грести обливаясь потом.

(В)верху (не)особенно высоко над морем несло белое ослепительно бл...стящее облачко с разорва...ыми краями. Дед всё поглядывал то на облачко то на горизонт в син...ве которого терялись и вода и небо оттуда теснясь густо лезли круглые барашки. Они торопливо выб...рались с особе...ой и необ...яснимой при полном затишь... поспешностью.

Андрейка измуче...ый задышающийся от зноя и напряжения стал испытывать глухое бе...покойство. Дед всё подгонявший Андрейку сам сел на вёсла и (тяжело) нагрузё...ая лодка пошла скорее по направлению где должен был открыт...ся берег.

(По А. Серафимовичу)

№ 45

Когда я вошёл в Притын...ый кабачок в нём уже собралось довольно многочисле...ое общество. (По)середине комнаты стоял (Яшка)Турок худой и стройный человек лет двадцати трёх одетый в долгополый к...фтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и казалось не мог похвастат...ся отличным здоровьем. Его впалые щёки большие бе...покойные серые глаза прямой нос с тонкими подвижными ноздрями белый покатый лоб с закинутыми назад (светло) русыми кудрями крупные но красивые выразительные губы всё его лицо изобл...чало человека

впечатлительного и стра...ного. Он был в большом волнени... мигал глазами (не)ровно дышал руки его дрожали как в лихорадке Яков прозва...ый Турком потому что действительно происходил от пле...ой турчанки был по душе художник во всех смыслах этого слова а по званию черпальщик на бумажной фабрике у купца.

Яков помолчал взглянул кругом и закрылся рукой. Когда(же) наконец Яков открыл своё лицо оно было бледно как у мёртвого глаза едва мерцали сквозь опуще...ые рес...ницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и казалось не выходил из его груди но принёсся откуда(то) (из) далека словно залетел случайно в комнату. Стра...о подействовал этот трепещущий звенящий звук на всех нас мы взглянули друг на друга а жена Николая Ивановича так и выпрямилась... За этим первым звуком последовал другой более твёрдый и протяжный но всё ещё видимо дрожащий как струна когда внезапно прозвенев под сильным пальцем она колебл...тся последним быстро зам...рающим колебанием за вторым третий и (по)немногу ра...горячась и ра...ширяясь полилась заунывная песня Не одна во поле дороженька пролегал пел он и всем нам сладко становилось и жутко. Я признаюсь редко слышивал подобный голос он был слегка разбит и звенел как надтреснутый он даже сначала отзывался чем(то) болезне...ым но в нём была неподдельная глубокая страсть и молодость и сила и сладость и какая(то) (увлекательно) бе...печная грус...ная скорбь. Русская правдивая горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце хватала прямо за его русские струны. Песнь росла разливалась. Яковом видимо овладело упоение он уже не робел он отдавался весь своему счастью голос его не трепетал более... Он пел соверше...о позабыв и своего соперника и всех нас но видимо поднимаемый как бодрый пл...вец волнами нашим молчаливым страc...ным участием.

(По И. Тургеневу)

№ 46

Суходол

Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и оглушительно быстрыми огне...ыми змеями молний когда мы под вечер под...езжали к Суходолу. (Чёрно)лиловая туча

тяжело свалилась к (северо)западу величаво заступила (пол)неба напротив. В стороне от дороги у самого поворота в Суходол увидали мы высокую и пр...стра...ую фигуру (не) то старика (не) то старухи. (За)темн... приехали в усадьбу где от дедовского дубового дома (н...)раз горевшего остался вот этот (не)взрачный (полу)...гнивший. Запахло самоваром посыпались ра...просы. Мы пошли бродить по темнеющим горницам ища балкона выхода на гал...ерею и сад. В углу прихожей чернел большой образ толсто окова...ый серебром и хранивший на оборотной стороне родословную господ писа...ую (давным)давно. Доски пола в зале были непомерно широки темны и скользки. Пахло жасмином в старой гости...ой с покосившимися полами. Сгнивший (серо) голубой от времени балкон с которого за отсутствием ступенек надо было прыгивать тонул в крапиве. Только сад был коне...но чудес...ный широкая ал...ея в сем...десят раскидистых берёз дремучие заросли малины акации сирени и чуть(ли) не целая роща серебристых тополей.

А в (пол)день (по)прежнему озарён был сумрачный зал солнцем светившим из сада. Ц...плёнок неизвес...но зачем попавший в дом сиротливо пищал бродил по гости...ой. Уже исчезали те немногие вещественн...ые следы прошлого что заставляли мы в Суходоле. Дом ветшал оседал всё более.

Долги тяжки были зимы. Холодно было в разрушающ...м-ся доме. По вечерам (еле)еле светила единстве...ая жестя...ая лампочка. Старая няня сидела в стра...ом полусвете доходившем из дома во внутренн...ость её ледя...ой избы заставле...ой обломками старой мебели завале...ой черепками битой посуды загромождё...ой рухнувшим (на) бок старым фортепиано.

(По И. Бунину)

№ 47

Семи лет Андрейка уже во всём помогал деду. Вставали они рано часа в три утра. Андрейка торопливо пл...скал себе в лицо холодной водой выт...рался подолом рубашки торопливо крестился на ту часть неба где г...рела утре...ая з...ря и перевирая читал «Отче наш» и «Свят свят» две молитвы которые он только и знал.

И на море и дома дед заставлял Андрейку делать всё (на) равне с собою править парусами грести чинить соб...рать тянуть

спускать сети об...рять рыбу. И Андрейка всё делал надрываясь от (не)посильной работы. За малейший промах (не)досмотр дед жестоко наказывал Андрейку. Стоило мальчику на море (не) верно положить руль или (не) (во)время подобрать парус как дед подымался и тут(же) (н...)говоря (н...)слова бе...пошадно сёк мальчика просмолё...ой верёвкой от которой (н...)когда (н...) заживали рубцы. У Андрейки было худенькое заг...релое личико и сам он весь был маленький и худенький.

Жизнь у него проходила однообразно кругом было только море небо степь да берег. Берег был голый обнажё...ый с размытыми устьями оврагов с песча...ыми косами и отмелями. Но всё это однообразное пусты...ое пространство для Андрейки было населе...о и оживле...о.

По степи посвистывая бегали или как столбики стояли у своих нор суслики в воздухе мелькая по и...сохшей траве плавали коршуны ястребы по курганам угрюмо чернели степные орлы. Над песча...ым берегом носились крикливые белые чайки подбирая выброше...ую из сетей рыбу иногда чуть (не)выхватывая её из рук рыбаков весной и осенью стоял (не)смолкаемый гам и шум от бе...числе...ой перелётной птицы.

Но более всего было населе...о море. Тут стадами ходили стерляди осетры в песке кишели м...р...ады вода...ых вшей ползали крабы. В конце июля море начинало цвести и по ночам светит...ся. Этот стра...ый колебл...щийся то вспыхивающий то угасающий (голубовато)зелёный свет казался Андрейке таинстве...о связа...ым со всеми покойниками и утопле...иками которые нашли могилу в море.

Дед Агафон был молчалив и угрюм но когда речь заходила об обитателях моря морщины у него разглаживались серые глаза добродушно смотрели (из)под нависших бровей и он был готов рас...казывать по целым суткам.

(По А. Серафимовичу)

№ 48

Сегодня я чу...ствую себя так как(будто) бы гора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожида...о. Но (не)стыдно ли радоват...ся смерти бедной тётки только потому что она оставила наследство дающее мне возможность бросить службу

и вполне отдаст...ся моему любимому занятию. Теперь я свободен я художник.

Мне захотелось уйти (куда)нибудь подальше от людей и от Петербурга я взял краски и отправился на взморье. Вода небо сверкающий (в)дали на солнце город синие леса ок...ймляющие берега залива верхушки мачт на кроншта...ском рейде десятки пролетавших мимо меня пароходов и к...раблей всё показалось мне в новом свете. Всё это моё всё это я могу схватить и бросить на полотно и поставить перед изумлё...ою силою иску...тва толпою. Правда (не)следовало бы продавать шкуру ещё (не)убитого медведя ведь пока я ещё (не)бог знает какой великий художник...

Лодка быстро разрезала гладь воды. Лодочник рослый здоровый и красивый парень в красной рубаше (без) устали работал вёслами то нагибаясь вперёд то откидываясь назад. Солнце закатывалось и так эф...ектно играло на его заг...релом лице что мне захотелось набросать его.

Перестань грести посиди минутку смирно я тебя напишу сказал я. Он бросил вёсла.

Ты сядь так буд(то) вёсла заносишь.

Он взялся за вёсла взмахнул ими как птица крыльями и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур. С каким (то) особе...ым радос...ным чу...ством я смешивал краски.

Лодочник скоро начал уставать его удалое выражение лица сменилось скучным он стал з...вать складки рубахи совсем пропали.

Конечно я не стал читать ему лекции о значени... иску...тва а только сказал что за эти картины платят хорошие деньги. Лодочник был соверше...о удовлетворён и больше (не)разговаривал. Этюд вышел прекрасный очень красивы эти г...рячие тона осв...щё...ого заходящим со...нцем кумача и я возвратился домой соверше...о счас...ливым.

(По В. Гаршину)

№ 49

Перед охотой

Покамест дорога шла близ болот (в)виду соснового леса всё время отклоняясь (в)бок мы зачастую вспыхивали целые выводки уток приютившихся здесь.

Мой спутник провожал глазами каждую птицу и (в)тайне обдумывал план нашей будущей охоты. Заметив (где)нибудь ути...ые стаи он просил шофёра остановит...ся и мы (по)долгу и (в)волю любовались не (в)меру бе...печными утками плавающими (по)середине трос...ников.

Приятно было видеть такое обилие дичи и мы вовсе (не) обращали внимания на мошек и комаров которые (в)переме...-ку летали вокруг и облепляли нас лиш... только мы останавливались.

Движение впереме...ку с остановками развлекало нас (не) смотря на громадную потерю времени. Мой спутник признался что (н...)где и (н...)когда н... видел такого множества дичи и добавил что эти места знакомые ему до сих пор только (по)наслышке поисти...е великолепны для охоты и (по)праву могут ра...читывать на широкую извес...ность.

Наконец миновав болота мы пересекли (не)большую но глубокую реч...нку которую без риска не перейдёшь (в)брод и поехали (в) сторону. Мало (по)малу дорога стала подниматься и мы в...ехали в лес который предстояло пересечь поперёк. Нам хотелось (по)скорее выбраться из лесу.

А вокруг царил тишина. Сначала лес был (не)однородный а смеша...ый потом сплош... пошла одна сосна да такая высокая что (в)пору к...рабельной мачте. (В)плотную сомкнувшись своими вершинами гиган...ские сосны непр...рывно тянулись (в)доль дороги которую пересекали вылезавшие наружу корни. Сторона (по)видимому была глухая везде виднелся лес а полей (по)прежнему не было.

Но вот сосна стала (по)немногу редеть и сквозь стволы (кое)где проглядывала (не)вдал...ке р...внина. (По)осеннему пахло сыростью. (В)дали что(то) бл...снуло но настолько (не)...ясно что н...как нельзя было ра...мотреть что это такое. (По)напрасну всматривались мы в(даль) (на)встречу нам поднимался туман.

(Тот)час после одного крутого поворота мы увидели мельничную плотину из которой (в)кривь и (в)кось торчали пучки хвороста. Сама мельница была закрыта старыми ветками усыпан...ыми ворон...ими гнёздами (из)дали похожими на наросты.

При нашем приближении... десятки ворон с резким криком разлетелись вра...ыпную неожидан...о залаяли собаки и впервые за весь день мы остановились у человеческого жилья.

(По К. Паустовскому)

№ 50

В одном большом городе был ботанический сад а в этом саду большая стекля...ая ...ранж...рея. Она была очень красива стройные витые колон...ы по...ерживали всё здание на них опирались лёгкие узорчатые арки переплетё...ые между собою паутиной железных рам в которые были вставле...ы стёкла. Особе...о хороша была ...ранж...рея когда со...нце заходило и освещало её (золотисто) красным огнём. Тогда она вся горела красные отблески играли и переливались точно в огромном (мелко)отшлифова...ом драгоцен...ом камне.

Сквозь толстые прозрачные стёкла виднелись заключё...ые в ней ра...тения. (Не)смотря на величину ...ранж...ре... им было в ней тесно. Корни переплетались между собой садовники по...стоя...о обрезали ветви подвязывали провол...ками листья что(бы) они не могли расти куда хотят но и это плохо помогало. Для ра...-тений нужен был широкий простор родной край и свобода они были уроженцы жарких стран нежные ро...кошные создания они помнили свою родину и тосковали по ней.

Как н... прозрачна была стекля...ая крыша но она (не) ясное небо. Иногда зимой стекла замерзали и в ...ранж...ре... становилось совсем темно. Гудел ветер рамы об...ндевели крыша покрывалась наметё...ым снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер тёплый влажный. В ...ранж...ре... воздух был (не)подвижен разве только иногда зимняя буря выбивала стекло и резкая холодная струя полная ин...я влетала под свод. Куда попадала эта струя там листья бледнели с...ёживались и увядали.

Но стёкла вставляли очень скоро ботаническим садом управлял отличный учё...ый директор (не)допускавший н...какого бе...-порядка (не)смотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стекля...ой будочке устрое...ой в ...ранж...рее.

Была между ра...тениями одна пальма выше и красивее всех. Директор сидевший в будочке называл её (по)латыни. Но это

имя не было её родным именем его придумали ботаники. На пять сажен... возвышалась она над верхушками всех других ра...-тений и эти другие ра...тения не любили её они завидовали ей. Этот рост доставлял ей только одно горе потому что она лучше всех помнила своё родное небо и больше всех тосковала о нём потому что ближе всех была к тому что заменяло другим его к гадкой стекла...ой крыше.

(По В. Гаршину)

№ 51

Между тем наступил вечер. Засветили лампу которая как луна сквозила в тр...льяже с плющ...м. Сумрак скрыл очертания лиц и фигуры Ольги и набросил на неё как (будто) покрывало лицо было в тени слышался только мягкий но сильный голос с нервной дрожью чувства.

Она пела много арий и романсов по указанию Штольца в одних выражалось страдание в других радость но в звуках уже таился зародыш грусти.

Ольга в строгом смысле была (не)красавица то есть не было н... белизны в ней н... яркого к...лорита щ...к и губ и глаза не горели лучами внутри...его огня н... к...рал...ов на губах н... жемчуга во рту н... было н... м...ниатюрных рук как у пятилетнего ребёнка.

Но если(б) её обратить в статую она была(бы) статуя грации и г...рмонии. (Не)сколько высокому росту отвечала величина головы величине головы овал и размеры лица. Кто н... встречал её даже ра...ея...ый и тот на мгновенье останавливался перед этим так строго и обдума...о (артистически) созда...ым существом.

Нос образовывал чуть заметно выпуклую грациозную линию губы тонкие и большею частью сжатые признак непр...рывно устремлё...ой на что(нибудь) мысли. То(же) присутствие говорящей мысли светилось в зорком всегда бодром (н...)чего н... пропускающем взгляде тёмных (серо)голубых глаз. Брови пр...-давали особе...ую красоту глазам они не были дугообразны не округляли глаз двумя тоненькими ниточками нет это были две русые пушистые почти прямые полоски которые лежали сим...етрично.

Обломов вспыхивал изнемогал с трудом сдерживал слезы и ещё труднее было душить ему радос...ный готовый вырват...ся из души

крик. Давно не чувствовал он такой бодрости такой силы которая казалось вся поднялась со дна души готовая на подвиг.

Он в эту минуту уехал(бы) даже (за)границу если б ему оставалось только сесть и уехать.

(В) заключени... она запела «Каста дива» все восторги молнией несущиеся мысли в голове трепет как иглы пробегающий по телу всё это уничтожило Обломова он изнемог.

Он не спал всю ночь грус...ный задумчивый проходил он взад и вперёд по комнате на з...ре ушёл из дома ходил по Неве по улицам бог знает что чувствуя о чём думая...

(По И. Гончарову)

№ 52

В лесу стояла та особенн...ая тишина которая бывает только осенью. (Не)подвижно висели мохнатые ветви (н...)качалась (н...) одна вершина (не) слышалось (н...)чьих шагов лес стоял молча задумчиво прислушиваясь к своей собстве...ой вековой думе.

И когда отломившись от родного дерева мёртвая сухая веточка падала переворачиваясь и цепляясь пожелтевшими иглами за живые чуть вздрагивающие ветви было далеко слышно.

(В)верху (не) было видно печального северного неба хмуро закрывала его густая хвоя и как колон...ы могуче вздымались вверх красные стволы гиган...ских сосен. Царил покой безлюдья точно под огромным тёмным сводом молчаливых колон... .

Между стволами которые сливались (во)едино мелькало что(то) живое. Кто(то) без...вучно шёл и прошлогодняя хвоя толсто зас...лавшая землю мягко погл...щала шаги. Сосны ра...ступились и опять смыкались в сплошную красную стену.

Мальчик лет двенадцати туго подпояса...ый кожа...ым ремнём за которым торчал топор в огромных должно быть отцовских сапогах наклонялся приседал на корточки что(то) цеплял за ветки и стволы и когда шёл дальше позади на земле оставался целый ряд волося...ых петель и в них краснели прицепле...ые ягоды.

Мальчик ставил силки внимательно запоминая мес...ность в лесной чащ...бе.

Молчаливый лесной сумрак посветлел в одной стороне и меж деревьев бл...снул водный простор. С крутого песча...ого берега открылось озеро. (Не)обозримо уходило оно отодвинув леса до

синего горизонта и (изумрудно)зелёные острова бе...числе...ыми стаями покрывали светлое лицо его. Узкими протоками оно тянулось в другие соседние озёра на сотни вёрст растянувшиеся по бе...крайнему молчаливому суровому краю с одной стороны которого катило тяжёлые холодные волны (Б,б)елое море с другой морозной мглой дышали ледя...ые поля (С,с)еверного океана.

Бе...числе...ые стада уток гусей и всякой пролётной вода...ой и болотной птицы с криком и шумом возились на воде заслоняя и воду и далеко виднеющийся лес и (изумрудно)зелёные острова.

Мальчик с минуту постоял и пронзительно два раза свис...нул. Озеро ожило. Как (будто) множество людей засв...стало и отозвалось со всех сторон и над водой всё ослабевая понеслись зам...рающие тонкие звуки. Птица рванулась взрывая воду шумом заглушая ум...рающее эхо.

(По А. Серафимовичу)

№ 53

Четыре часа (по)полудни день жаркий но воздух чист и ароматен. Со...нце усердно нагревает (тёмно)серые стены большого (не)уклюжего дома стоящего (в)дали от прочих деревенских изб. Об архитектуре можно сказать одно вероятно он был (не)достроен когда его покрыли крышей. Окна маленькие и редкие (на)глухо заперты. У дома есть и сад но он (н...)сколько (н...)защищает его от со...нца кроме кустов сирен... да акаций (н...)видно в нём (н...)каких деревьев. Впрочем в нём найдётся всё для деревенского сада крытая ал...ея из акаций несколько скамеек ра...тавле...ых на (дурно) вымете...ых дорожках в стороны гряды с клубникой. Полу...гнившая тер...аса с колон...ами и деревья...ыми пер...илами выкраше...ыми белой краской выходит в сад и от неё тянет...ся дорожка к (не)большой реч...нке через которую перекинут до...атый мостик ...гнивший местами.

Вступив в дом мы увидим одну из главных комнат необыкновене...о широкую и низ...кую с полом выкраше...ым (густо)коричневой краской с закопч...ым потолком. Высокие стулья выкраше...ые белой краской с соломе...ыми подушками привяза...ыми к сиденью жались плотно друг возле друга ок...ймляя стены. (По)середине комнаты обеде...ый круглый стол с бе...числе...ыми тоненькими ножками. В углу против окон мас...ивный

флигель на ж...лтой закопчё...ой стене барометр оправле...ый в ч...рное дерево.

Под моното...ый стук маятника по комнате ходила женщина пожилых лет с лицом бледным и суровым. Закинув руки назад она прохаживалась тяж...лой поступью погружён...ая в раздумье. Её полутраурный туалет г...рмонировал с мрачностью комнаты он состоял из тёмного ситцевого к...пота и бархатной пелеринки с б...хромой.

У окна сидела девушка. Ситцевое пол...нялое светленькое платье с короткими рукавами от...еняло красивые руки. Коса её очень густая спускалась на затылок. Черты лица были (не)большие исключая глаза ясные и смелые в очертани... красивых губ (не) смотря на детское ещё выражение всего лица чу...ствовалось уже столько энергии что вы (не)вольно догадались о силе характера. Г...рмония господствовала во всей фигуре девушки начиная с огне...ых её глаз до красивых пальцев которыми она работала бисером на бумаге занятие придума...ое для потери зрения.

(По Н. Некрасову)

№ 54

Мохнатые сизые тучи словно разбитая стая испуга...ых птиц низко несутся над морем. Пронзительный резкий ветер с океана то сбивает их в тёмную сплошную мас...у то словно играя разрывает и меч...т громоздя в пр...чудливые очертания.

Побелело море зашумело (не)погодой. Тяжко встают свинц...-вые воды и клубясь кл...кочущей пеной с глухим рокотом катятся в мгlistую даль. Ветер злобно роется по их косматой поверхности далеко разнося солё...ые брызги. (В)даль излучистого берега колос...альным хребтом мас...ивно поднимаются белые зубчатые груды нагромождён...ого на отмелях льда. Точно титаны в тяж...-лой схватке накидали эти гиган...ские обломки.

Ветер гудит между стволами вековых сосен наклоняет стройные ели качая их острыми верхушками и осыпая пушистый снег с печально поникших зелёных ветвей. Сдержа...ая угроза угрюмо слыш...тся в этом ровном глухом шуме и мёртвой тоской веет от этого дикого безлюдья. Бе...ледно проходят седые века над этой молчаливой страной а дремучий лес стоит точно в глубокой думе качает тёмными вершинами. Ещё н... один его могучий

ствол н... упал под дерз...ким топором лесопромышле...ика топи да непроходимые болота залегли в его тёмной чаш...бе. А там где столетние сосны перешли в мелкий кустарник мёртвым простором потянулась бе...жизне...ая тундра и потерялась бе...конечной границей в холодной мгле (низко) нависшего тумана.

На сотни вёрст н... дымка н... человеческого следа. Только ветер крутит п...рошу да мёртвая мгла (низко)низко стел...тся над снеговой пустыней.

Раз в год и сюда заходит бе...покойный человек нарушая угрюмое безлюдье дикого побережья. Каждый раз как ударит лютый мороз и пролож...т крепкие дороги через топи а на море в мглистой дали обрисуются бе...порядочные очертания полярных льдов с далёких берегов речк... Мезен... и из пр...-брежных селений скр...пя железными полозьями по (на)сквозь промерзш...му снегу тянутся оригинальные обозы низкие (ветвисто)рогие северные олени запряжён...ые в дли...ые чёрные лодки на полозьях рядом с которыми широко шагают косматые белые фигуры.

И с угрюмой досадой вид...т старый лес как раскидываются станом на несколько вёрст незва...ые гости.

(По А. Серафимовичу)

№ 55

Однажды весной в час (не)бывало жаркого заката в Москве на (П, п)атриарших прудах появил...сь два гражданина. Первый был (не, ни)кто иной как Михаил Александрович Берлиоз председатель пр...вления одной из (М, м)осковских литературных а...оциаций которая сокр...щённо им...новалась МАССОЛИТ и редактор толстого журнала а молодой спутник его поэт Иван Николаевич Понырёв пишущий под пс...вдонимом Бездомный.

Писатели попав в тень чуть зеленеющих лип первым делом бросились к пёстро ра...краше...ой будочке с надписью Пиво и воды.

Да следует отметить первую стра...ость этого страшного вечера. (Н...)где н... у будочки н... во всей алле... парал...ельной Малой Бронной улице (н...)оказалось (н...) одного человека. В этот час когда кажется и сил (н...)было дышать и когда солнце раск...лив Москву валилось куда(то) за Садовое кольцо (н...)кто

н... пришёл под липы ал...ея была пуста. Литераторы напившись тёплой абрикосовой и немедле...о начав икать уселись на скамейке.

Тут приключилась вторая стра...ость касающ...ся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать и сердце его стукнув на мгновение куда(то) провалилось потом вернулось но с тупой иглой засевшей в нём. Берлиоза кроме того охватил (н...) обоснова...ый страх столь сильный что ему захотелось (тот)час (же) (н...)оглядываясь бежать с (П, п)атриарших.

И тут из знойного воздуха ...густивш...гося перед ним возник прозрачный гражданин пр...странного вида. (Не)привыкший к (не)обыкновенным явлениям Берлиоз побледнел и вытаращив глаза в см...тен... подумал Этого (не)может быть! Но это увы было и дли...ый гражданин сквозь которого видно (не)к...саясь земли качался перед ним и (в)лево и (в)право. Тут ужас до того овладел Берлиозом что он закрыл глаза а когда открыл их увидел что всё кончилось марево растворилось клетч...тый и...чез а (за) одно и тупая игла выск...чила из сердца.

(По М. Булгакову)

№ 56

Внезапно всё смолкло и головы повернулись в одну сторону.

По степи стелясь к самому жнивью вытягиваясь в нитку скакал вороной а на нём с...док в (красно)пёстрой рубаше навалился грудью и головой на лошади...ую гриву опустив по об...им сторонам руки. Ближе. Ближе. Видно как изо всех сил рвётся обезумевшая лошадь. Беше...о отстаёт пыль. Хлопьями пены (бело)снежно занесена грудь. Потные бока взмылились. А седок всё так(же) уронив голову шатается в такт лошади.

В степи опять зачернело. По толпе пробежало Второй скачет

Вороной доскакал храпя и роняя белые клочья и сразу перед толпой осел покотившись на задние ноги всадник в (полосато) красной рубаше как куль перевернулся через лошади...ую голову и глухо плюхнулся о землю ра...кинув руки и неестестве...о подогнув голову.

Одни кинулись к упавшему другие к вздыбившейся лошади чёрные бока которой были (липко)красные. Да это Охрим закричали подбежавшие бережно расправляя стынувшего. На

плече и груди (кроваво) зияла сеч...ная рана а на спине чёрное закипевшееся пятнышко.

Подскакал второй. Лицо потная рубаха руки босые ноги всё было в пятнах крови. Он спрыгнул с шатающейся лошади и бросился к лежащему по лицу которого неотвратимо потекла (прозрачно) восковая желтизна. Потом быстро стал на четвереньки приложил ухо к залитой кровью груди и сейчас(же) поднялся и стоял над ним опустив голову Сын! Мой сын!

Он постоял над мертвецом уронив голову. А в неподвижной тишине все глаза смотрели на него.

Он пошатнулся (в)пустую хватаясь руками потом схватил уз...цы лошади и стал садит...ся на всё так(же) вздрагивавшую потными боками лошадь судорожно выв...рачивавшую в торопливом дыхании кровавые ноздри.

И вот уже топот пошёл по степи удаляясь. Он во всё плечо ударил плетью и лошадь покорно вытянув мокрую шею прижав уши пошла карьером. Тени ветр...ных мельниц косо и дли...о погнались за ним через всю степь.

(По А. Серафимовичу)

№ 57

Волшебные чёрные кони утомившись несли своих всадников медле...о и (не)избежная ночь стала их догонять. Чуя её (с)зади притих даже (не)угомо...ый Бегемот и вцепившись (крепко) накрепко в седло когтями летел молчаливый и серьёзный распустив свой хвост. Ночь закрыв и...синя(чёрным) платком леса и луга зажгла где(то) далеко (в)низу печальные огонёчки теперь уже (не)интересные и (не) нужные (не, ни)Маргарите (не, ни)мастеру чужие огоньки. Ночь то обгоняя кавалькаду се...-лась на неё (с)верху и выбрасывала в загрустивш...м небе белые пятнышки звёзд то летела рядом и хватая скачущих за плащи (з, с)д...рала их с плеч... разоблачая обманы. И когда Маргарита обдуваемая прохладным ветром открывала глаза она вид...ла как меняется облик всех летящих к своей цели.

Вряд(ли) теперь узнали(бы) Коровьева-Фагота самозва...о-го переводчика при таинстве...ом и (не)нуждающ...мся (не, ни) в каких переводах консультанте в том кто теперь летел (не) посредственно рядом с Воландом. На месте того кто в дра...ой

одежде покинул Воробьёвы горы под именем Коровьева-Фагота теперь ск...кал тихо звеня золочё...ой цепью повода тёмно(фиолетовый) рыцарь с мрачайшим и (не, ни)когда (не) улыбающ...мся лицом.

Ночь оторвала пушистый хвост у Бегемота и содрал с кота шерсть ра...швыряла её клочья по болотам. Тот кто был котом потешавш...м князя тьмы теперь оказался худеньким юношей (демоном)паж...м лучшим шутком какой существовал когда(либо) в мире. Теперь притих и он летел беззвучно подставив своё молодое лицо под свет льющ...йся от луны. (С)боку всех летел бл...стая сталью доспехов Азazelло. Луна изменила и его лицо и...чез бе...следно нелепый безобразный клык и кривоглазие оказалось фальшивым. У Азazelло оба глаза пустые и чёрные были одинаковые и лицо белое и холодное. Себя Маргарита видеть не могла но она хорошо вид...ла как изменился мастер. Его волосы белеющ...е при луне (с)зади собрались в косу и она летела по ветру. Подобно юноше(демону) мастер летел (не)сводя глаз с луны но улыбался ей как(будто) знакомой хорошо и любимой и что(то) бормотал сам себе по привычке пр...обретё...ой в комнате № 118.

И наконец Воланд летел тоже в своём настоящем обличье. Маргарита не могла(бы) сказать из чего (с, з)делан повод его коня и думала что самый конь только глыба мрака грива этого коня туча а шпоры всадника белые пятна звёзд. Так летели они в молчани... долго...

(По М. Булгакову)

№ 58

Василий Петрович встав со стула чу...ствовал себя в полном порядке. Однако ноги (не)совсем повиновались ему и он (не)мог держать подсве...ник так что(бы) стеарин (не)капал на ковёр. Но (не) сколько справившись с (не)послушными членами он пошёл за Кудряш...вым. Они прошли несколько комнат коридор узкий и тёмный и очутились в каком(то) сыром помещени... . Шаги глухо стучали по каме...ому полу. Шум падающей где(то) струи воды звучал бе...конечным ак...ордом. С потолка висели ст...л...к-титы из туфа целые иску...тве...ые скалы возвышались здесь и там. Мас...а тропической зелени прикрывала их а в (не)которых местах бл...стели тёмные зеркала.

Что это такое спросил Василий Петрович.

Аквариум которому я посв...тил два года ответил Кудряш...в.

Он скрылся за зелень и Василий Петрович подошёл к зеркальному стеклу и стал ра...матривать что было за ним. Вдруг поток ослепительного света заставил его закрыть глаза и когда он открыл их то не узнал аквариума. Кудряш...в в двух местах заж...г электрические фонари свет их проходил сквозь мас...у голубоватой воды кишашую рыбами наполне...ую растениями (резко)выделявшимися на неопределё...ом фоне своими (крово)красными и (грязно)зелёными силу...тами. Скалы и тропические рас...тения сделавшиеся ещё темнее красиво обр...мляли толстые золочё...ые стёкла сквозь которые была видна внутре...ость аквариума. В нём всё зак...пошилось беше...о заматалось испуга...ое ослепительным светом стая большоголовых бычков носилась туда и сюда поворачиваясь точно по команде стерляди изв...вались прильнув мордой к стеклу точно хотели пройти через стекла...ую пр...граду смешная к...р...катица отцепилась от скалы на которой сидела и плыла (задом)наперёд волооча за собой дли...ые пр...чудливые шупальца.

Маленькая рыбка порывисто металась (в)верх и (в)низ и (в)стороны спасаясь от какого(то) дли...ого хищника. В смертельном страхе она выбрасывалась из воды непр...ста...о пряталась под выступы скалы а острые зубы везде её нагоняли. Хищная рыба уже была готова схватить её как вдруг другая подск...чив (с)боку перехватила добычу рыбка исчезла в её пасти. Пр...следовательница остановилась в недоумени... а похитительница скрылась (во)свосяси.

Это моя гордость и утешение промолвил Кудряш...в. Придёшь сюда сяд...шь и смотри...шь. Я люблю всю эту тварь (за)то что она открове...а (не)так как наш брат человек.

(По В. Гаршину)

№ 59

Четвёртого мая 1887 года я приехал в Кишинёв и через (пол) часа узнал что через город проходит пехотная дивизия. Так как я приехал с целью поступить в какой(нибудь) полк и побывать на войне это надо было ра...матривать как (н...)что иное как удачно представившийся случай. Седьмого мая в 4 часа утра я уже

стоял на улице в серых рядах выстро...вшихся перед квартирой полковника.

Музыка грянула от полковника выносили разв...вающиеся знамёна. Раздалась команда полк выр...внялся и бе...звучно сделал на караул. Потом поднялся ужасный крик скомандовал полковник за ним батал...онные и ротные командиры. Следствием всего этого было запута...ое и соверше...о (не)понятное для меня движение серых шинелей кончившееся тем что полк вытянулся в дли...ую коло...у и мерно зашагал. Шагал и я стараясь попасть в ногу и и...ти (на)равне с соседом. Ранец тянул назад тяжёлые сумки вперёд. Но (не)смотря на все эти неприятности музыка стройное тяжёлое движение коло...ы ра...ее свежее утро вид штыков и лиц заг...релых и суровых всё настра...вало душу твёрдо и спокойно.

Нас влекла (не)ведомая тайная сила нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушёл(бы) домой но вся мас...а шла повинуюсь н... дисциплине н... чу...ству ненависти к (н...)известному врагу н... страху наказания а тому (не)ведомому и бе...сознательному что долго ещё будет водить человечество на кровавую бойню самую крупную причину (все)возможных людских бед и страданий.

За кладбищем открылась глубокая д...лина уходящая (в)даль тума...ую. Дождь пошёл сильнее кое(где) (далеко)далеко тучи раздаваясь пропускали солнечный луч тогда косые и пр...мые полосы дождя казались серебря...ыми. Иногда тучи сдвигались становилось темнее дождь шёл чаще. Через час после выступления я почув...ствовал как (будто) струйка холодной воды побежала у меня по спине.

Первый переход был (не)велик всего восемнадцать вёрст от Кишинёва. Однако с непривычки нести на себе такой груз я добравшись до отведё...ой нам хаты сначала даже сесть не мог пр...-слонился ранцем к стене да так и стоял минут десять (не)шевелился а потом уснул как убитый проспав до четырёх часов утра.

(По В. Гаршину)

№ 60

Давно наступили долгие весе...ие сумерки тёмные от дождевых туч... тяжёлый вагон грохотал в прохладном поле в полях весна была ещё ра...ая шли кондуктора по кор...идору вагона спрашивая

билеты а Митя всё ещё стоял возле дребезжащего окна чу...ствуя запах Катинной перчатки.

Утром был Орёл пересадка и провинциальный поезд возле дальней платформы. И Митя почув...ствовал какой это простой спокойный и родной мир по сравнению с московским уже отошедшим куда(то) в тридешатое царство. Поезд из Орла шёл (не)спеша. Митя (не)спеша ел тульский пряник сидя в почти пустом вагоне.

Проснулся он только в Верховье. Поезд стоял было довольно многолюдно но то(же) как(то) захопус...но. Приятно пахло чадом станцио...ой кухни. Митя с удовольствием с...ел тарелку щей потом опять задремал глубокая усталость напала на него. А когда он опять очнулся поезд мчался по весе...ему берёзовому лесу в открытое окно пахло дождём и как(будто) грибами а (в)дали уже мелькали (по)весеннему печальные огоньки станции. Всё тонуло в необыкнове...ых мягких сумерках и опять Митя дивился и радовался как спокойна проста убога деревня. Тарантас нырлял по ухабам дубы за двором богатого мужика высились ещё совсем нагие (не)приветливые чернели грачи...ыми гнёздами. У избы стоял стра...ый как(будто) из древности мужик босые ноги рва...ый армяк баранья шапка на дли...ых прямых волосах.

Когда Митя на другой день по приезде проспавши двенадцать часов вымытый во всём чистом вышел из своей солнечной комнаты она была окнами в сад на восток и прошёл по всем другим то живо испытал чу...ство их родстве...ости и мирной успокаивающей и душу и тело простоты. Везде всё стояло на своих прежних местах как и много лет тому назад и так(же) знакомо и приятно пахло везде к его приезду всё было прибра...о. Весну...атая девка домывала только гости...ую примыкавшую к лакейской как её называли ещё до сих пор.

Горничная Параша босая белоногая шла по залитому полу и сказала (дружественно)развязной скороговоркой вытирая пот с разг...ревшегося лица Идите кушайте чай мамаша ещё до свету уехала на станцию со старостой вы наверное и не слышали...

(По И. Бунину)

№ 61

Десятого марта с вечера пал над Гремячим Логом туман до утра с крыш куреней журчала талая вода с юга со степного гребня шёл

тёплый и мокрый ветер. Первая ночь принявшая весну стала над Гремячим окута...ая ч...рными шелками наплывавших туманов тишины овея...ая вешними ветрами. Поз...но утром взмыли порозовевшие туманы оголив небо и солнце с юга уже мощной лавой ринулся ветер стекая влагой с ш...рохом и гулом стал оседать (крупно)зёрный снег побурели крыши ч...рными пятнами покрылась дорога а к полудню ярос...но всклокоталась светлая как слёзы нагорная вода и бе...числе...ыми потоками устремилась в низины в сады омывая горькие корневища више...ика топя прибрежные камыши.

Дня через три уже оголились доступные всем ветрам бугры промытые до земли склоны засияли влажной глиной нагорная вода помутилась и понесла на своих вскипающих волнах ж...лтые шапки пышно взбитой пены вымытые хлебные корневища сухие выволочки с пашен...

В Гремячем Логу вышла из берегов речка. Откуда(то) с верховьев её плыли источё...ые со...нцем голубые льдины. На поворотах они выбивались из русла кружились и терлись как огромные рыбы на нересте. Иногда струя вымётывала их на берег а иногда льдина вл...комая впадавшим в речку потоком относилась в сады и плыла между деревьями со скрежетом налезая на стволы круша садовый молодняк рая яблони пригибая густейшую пор...сль више...ика.

За хутором призывно чернела освобождё...ая от снега зябь. Взороче...ые лемехами пласты тучного чернозёма курились на солнце паром. Великая благос...ная тишина стояла в полуде...ые часы над степью. Над пашнями солнце (молочно)белый пар волнующий выщелк ра...его жаворонка да манящий клич журавли...ой стаи вонзающейся грудью построе...ого тр...угольника в густую синеву безоблачных небес. Над курганами рождё...ое теплом дрожит струится марево острое зелёное жало травя...ого листка о...талкивая прошлогодний отживший стебелёк стремится к солнцу. Высуше...ое ветром озимое жито словно на ц...почках поднимается протягивая листки (на)встречу солнечным лучам. Но ещё мало живого в степи (не)проснулись от зимней спячки сурки и суслики в леса подался зверь изредк... лиш... пробежит по (старика)бурьяну полевая мышь да пролетят разбившиеся на брачные пары куропадки.

(По М. Шолохову)

№ 62

Стоит Сорока на льдине в руках дли...ый багор держит и пристально смотрит в холодную даль. Рыбак застыл в напряжѐ...ом ожидани... . Все приметы к тому что быть промыслу птица кричит с моря низко по ветру летит и ветер(глубник) встал. И зорко всматривается он в холодную даль старается разглядеть нет ли добычи.

Отовсюду ползли бе...жизне...ые серые зимние сумерки заволакивая пусты...ый берег. Там и сям из(за) мас...ивных лед...ных глыб виднелись фигуры напряжѐ...о всматривающиеся (в) даль.

Ветер зашумел разорвал туман и колебл...щейся пеленой отнёс безжизне...ую мглу к самому горизонту. Тяжело надвигались ледя...ые поля и смеша...ый гул висел над ними (не)похожий на морской прибой.

Огляделся Сорока видит день совсем кончается. Сквозь разорва...ую мглу скользнул последний бе...жизне...ый луч заиграл м...р...адами искорок отразился во льду и на мгновенье бледно осветил и (глухо) р...кочущее льдистое море и этот бе...-приятный одетый печальным саваном берег и сотни разброса...ых вдоль него человеческих фигур.

Первые воды прилива добежали до берега. Смолкли шумевшие до того волны. И как придвинулись лед...ные поля к самому берегу гул пошёл окрест. Послышалось могучее шипение ш...рох треск ломающихся глыб словно надвигалось (сто)ногое чудовище. Передовые льдины сжатые тяжело напиравшей мас...ой ра...ыпая белую пыль ползли на вершину громоздились в пр...чудливые горы. Движение лед...ной мас...ы встретив пр...граду превратилось в коло...альную энергию разрушения в несколько минут (в)доль всего берега лома...ыми очертаниями тяжело поднялись новые громады.

Сорока спустился на лёд одним из первых. Прыгая со льдины на льдину скользя проваливаясь по пояс в наметѐ...ый ветром снег и лёд он бежал вперѐд. Лед...ные обломки с грохотом валились по его следам. Всем его существом овладела одна мысль (не)отступная напряж...ая как дрожащая струна отдававшаяся в груди Кабы напасть поспеть... Царь небесный Осколки льда брызгами летели из (под) ног. Ветер свистел в ушах и бил в лицо лед...ными

иглами одевая бороду и усы пушистым ин...ем. А он н...чего н... замечал и бежал беш...но вперёд.

(По А. Серафимовичу)

№ 63

Мы возвращались с охоты с далеко (не)заурядной добычей вос...м...юдесят...ю четыр...мя дикими утками настрел...ыми (в) течени... нескольких часов. Обе...сил...в от охоты и совершё...о-го пути мы разместились для отдыха под старым вязом и (по) товарищески стали угощать друг друга с...ес...ными припасами взятыми из дому.

Солнце почти (не)видимое сквозь (свинцово)чёрные тучи обложившие небо стоит высоко над горизонтом. Дальше серебристые горы обве...ые мглой кажутся дикови...ыми. Лёгонкий ветерок колышет травы (не)успевшие засохнуть. Сквозь ветви деревьев виднеется (тёмно)синее небо а на суч...чках (кое)где висят золоч...ные листья. В мягком воздухе разлит пря...ый запах напоминающий запах вина.

Неожида...о низкие ч...рные тучи с необыкновен...ой быстротой поплыли по небу. Нужно (не)медля убирает...ся из лесу (что) бы (в)пору укрыт...ся и не вым...кнуть под ливнем. К счастью недал...ке избушка лесного об...ез...чика в которой приходит...ся задержат...ся на добрых (пол)часа.

Но вот отбл...стали молнии отгрохотал гром. Ярос...ный ливень вначале приостановил а затем и вовсе пр...кратил свою трескотню. Стихии больше не спорят не ссор...тся не бор...тся. Ра...трое...ые полчища туч... уносятся куда(то) вдаль.

На очищающемся небе резко вырисовывается (чуть)чуть колыш...щаяся верхушка старой берёзы. Из(за) облачка (вот)вот выглян...т солнышко. Осматриваеш...ся вокруг и поражаеш...ся как мгнове...о после дождя пр...ображается всё окружающее.

Освежё...ая рож... благодарно трепещ...т. Всё живое суетит...ся и меч...т...ся. Над камыш...м ручья кружат...ся (тёмно)синие стрекозы. Шмель что(то) жуж...ит (не)слушающим его насекомым уже (не) чу...ствующим опас...ности. Из ближних рощ... с пашен... и пастбищ... отовсюду доносит...ся радос...ная птичья разноголосица.

Любезно простившись с уже (не)молодой хозяйкой женой объез...чика мы отправляемся в путь. В какой(нибудь) полусотне метров от избушки узенький но быстрый ручей вытекающий из лесной чащ...бы. Его не перепрыгнеш... и (в)брод не перейдеш... . Ищем перехода. Наконец находим шаткий до...атый мостик по которому можно пройти только (по)одиночке. (Не)уката...ой дорогой идём по лесоразработке прост...рающейся на несколько километров. На пути попадаются впере...ку то ещё (не)сложе...ые (в)ряд дрова то (не)распиле...ые (восьми)метровые сосновые брёвна.

Выйдя из леса мы (с)начала следуем по уже езде...ому просёлку а затем по асфальтирова...ому шоссе заменившему старую (не)мощё...ую дорогу. Ещё один километр и мы дома.

№ 64

Месторождение бокситов

Все учас...ники экспедиции были (на)лицо и наш руководитель об...явил В субботу мы летим в Свердловск. Ознаком...тесь по карте с п...р...ферией области и подготов...тесь к дороге. Самолёт поведёт небез...звес...ный лётчик Птиц...н.

Ген...адий Куз...мич Птиц...н авиатор-энтузиаст (н...)раз проявлявший удивительное бе...трашие во время транс...европейских и транс...атлантических полётов бе...пр...страс...ный водитель влюблё...ый в свою профе...ию. По внешности Птиц...н типичный уралец блондин низ...кого роста коренастый с обветр...ым и заг...релым лицом. Он с лёгким пр...зрением относится к людям которые (не)восторгаются достижениями совреме...ой авиации.

У нашей экспедиции (не)мало задач но основное задание и...ледовать месторождение бокситов на (С, с)еверном (У, у)рале для вновь стро...щегося ал...юмин...вого завода у города (К, к)аменск-(У, у)ральского.

По прибыти... на место назначения мы разбившись на (не)большие груп...ки отправляемся к бокситам. (В)течени...нескольких часов приходит...ся пробират...ся дремучим густым лесом. По обеим сторонам извилистой доро...ки растёт кудр...ватый папоротник (в) глубине разрослись какие(то) дикови...ые пр...чудливые травы. Разговоры зам...рают а мы очарова...ые молча идём (в)глубь чащ...бы. Слышен только ш...рох и ш...пот листвы жуж...ание насекомых и птич...и голоса.

В (пол)один...адцатого мы находимся в полумиле от месторождения но кто(то) предлагает отдохнуть с чем нельзя н... согласит...ся. Быстро соб...раем валежник разж...гаем костёр. Пахнет ж...ёной хвоей едкий дымок синеватыми струйками поднимается (в)верх. Через (пол)часа (в)продолжени... которых н...кому н... хочется двинут...ся с места мы получаем кипячё...ую в нашем неизме...ом (спутнике)чайнике воду для чая варё...ый на пару и печё...ый в золе картофель.

На огонёк откуда(то) прибежали деревенские мальчишки и девч...нки а с ними молоденький щенок похожий на волч...нка. Мы предлагаем ребятам присоед...нит...ся к нашей к...мпании расположит...ся у костра. Рыжий весну...чатый мальч...нка задумал достать из пепла самую большую печ...ную картофелину и ож...г себе руку. Зоенька и Олечка члены нашей экспедиции быстро и (по)хозяйски смазали ож...г вазелином.

Пора двигат...ся товарищи Если удаст...ся а наше намерение н... может н... удаст...ся сегодня мы обследуем месторождение бокситов сказал наш руководитель.

Вскоре мы убедились что он ра...читал верно правильными оказались и ра...чёты наших профес...оров и преподавателей.

№ 65

На охоте

Был прекрасный июльский день один из тех дней которые случаются только тогда когда погода установилась надолго. С самого ра...его утра небо было ясно утре...яя з...ря не пылала жаром а разливалась кротким румянцем. Солнце ещё (не)раскалё...ое как во время знойной засухи но (тускло)багровое как перед бурей светлое и (приветливо)лучезарное всплывало над дли...ой тучкой освежая её. Тучка бл...стала и блеск её был подобен блеску кова...ого серебра. В такие дни около полудня обыкнове...о появляются высокие облака они почти (не)трогаются с места но далее к небосклону они сдвигаются и (кое)где между ними пробиваются сверху вниз сверкающие солнечные лучи.

Точь(в)точь в такой день я охотился за тетеревами. (В)течени... дня я настрелял довольно много дичи наполни...ый рюкзак (не)милосердно резал мне плечо. Вечерняя з...ря погасла и в воздухе ещё светлом хотя (не)озарённом более лучами восходящего

солнца начали густеть и разливаться холодные тени. Быстрыми шагами прошёл я кусты взобрался на небольшой холм и вместо ожидаемой знакомой р...внины с белой церковью в отдалени... увидел совершенно...о другие (не)знакомые мне места. У ног моих тянулась узкая д...лина а справа возвышался частый осин...ик. Я остановился в недоумени... и оглянулся. Да подумал я куда же это я попал Видимо я чере...чур забрёл влево. Я поскорее выбрался на другую сторону холма и пошёл забирая (в)право. Я добрался до леса но там не было никакой дороги какие(то) (не) скоше...ые низкие кусты широко ра...тиались передо мной а за ними (далеко)далеко виднелось пусты...ое поле.

Между тем ночь приближалась и росла как грозовая туча. Всё кругом быстро чернело и утихало одни перепела изредка кричали. Небольшая птица (не)слышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я уже с трудом различал отдалё...ые предметы только одно поле (не)ясно белело вокруг. Я отчая...о устремился вперёд словно вдруг догадался куда следовало идти обогнул бугор и очутился в (не)глубокой кругом распаха...ой лощине. Я окончательно удостоверился в том что заблудился совершенно...о и уже (н...)сколько (н...)стараясь узнавать окрес...ные места почти совсем потонувшие во мгле пошёл прямо по звукам (на)угад.

Около получаса шёл я так с трудом переставляя ноги. Казалось что (от)роду н... бывал я в таких пусты...ых местах н...где н... было видно н... огонька н... слышно н... звука. Бе...конечно тянулись поля кусты словно (из)под земли вставали перед самым моим носом. Я уже соб...рался прилечь где(нибудь) до утра как неожида...о узнал куда я зашёл. Эта мес...ность была извес...на у нас под названием Бежин Луг.

(По И. Тургеневу)

№ 66

Над портом стоит потемневшее от пыли (мутно)голубое небо. Жаркое со...нце смотрит в зеленоватое море точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти (не)отражается в воде рас...екаемой ударами вёсел пароводных винтов острыми киями судов бор...щихся с высокими морскими волнами. Они закова...ые в гранит бьются о борта судов и ропщут вспене...ые загрязнё...ые разным

хламом. Звон якорных цепей грохот сцепле...ых вагонов мента...ический вопль железных листов падающих откуда(то) на (не) мощё...ую мостовую крики (труже...иков)грузчиков ю...ых матросов и таможе...ых солдат все эти звуки сливаются в оглушительную музыку рабочего дня. Но голоса людей (еле)еле слышны в нём слабы и смешны. И сами люди первоначально родившие этот шум работающие (на)износ и живущие (в)проголодь смешны и жалки. Потные оборва...ые согнутые под тяжестью товаров они суетливо бегают в тучах пыли. Люди ничтожны по сравнению с окружающими их колос...ами горами товаров гремящими (во)всю вагонами. Созда...ое ими поработило и обезлич...ло их.

Стоя под парами тяжёлые (пароходы)гиганты свистят шипят и в звуке рождё...ом ими чудит...ся насмешливая нота пр...зрения к серым пыльным фигурам людей. Дли...ые вереницы грузчиков несущих на своих плечах тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того чтобы заработать несколько фунтов того(же) хлеба для своего желудка. Вот так (бок)о(бок) и уживаются друг с другом рва...ые потные оступевшие от усталости шума и зноя люди и могучие бл...стящие на солнце машины созда...ые этими людьми.

Раздалось один...адцать ударов в колокол. Когда последний звук зам...рал стра...ная музыка труда звучала уже тише. Наступало обеде...ое время. Грузчики бросив работать рас...ыпались по гаван... шумными груп...ами. Вдруг появился Гришка Челкаш старый травле...ый волк несомне...о хорошо знакомый всем в этой мес...ности. Он был бос в старых поноше...ых штанах в грязной ситцевой рубахе с разорва...ым воротом. Дли...ый немного сутулый он медле...о шагал по до...атому тр...туару и поводя своим горбатым хищным носом кидал вокруг себя острые взгляды. Он (как)будто высматривал кого(то). Его густые и дли...ые усы то и дело вздрагивали как у кота а заложё...ые за спину руки пот...рали одна другую. Даже здесь среди сотен таких(же) как и он бося...ких фигур он сразу обращал на себя внимание своим сходством с ястребом. В этой бешё...ой суতোлке порта Челкаш чу...ствовал себя прекрасно. (В)переди ему улыбался солидный заработок требующий (не)много труда и много ловкости. Он мечтал о том как загуляет завтра (по)утру когда в его кармане появятся кредитные бумажки.

(По М. Горькому)

Ключи

I. Словарные диктанты

№ 3

Уплотнить, приласкать, обнажить, раскалить, усложнить, облокотиться, отдалить, поглощать, отказаться, угрожать, оправдать, желтеть, вопиющий, запевала, зарядить, роптание, смягчение, увядание, заглядение, заграждение, зачарованный, клеёнка, обрамление, нагревание, голодание, удивление, всклокоченный, покаяние, топтать, священник, смирение, озлобление, сторона, угнетение, упрощённо.

№ 4

Больной, бегущий, размягчить, босиком, заглянуть, заколоть, засвистеть, настрочить, ворсистый, раскрошить, обломать, побелить, обновлённый, одарить, породить, орошение, оплатить, сломать, оснащённый, повалиться, удивляться, щедрота, молодёжь, насвистать, наскрести, ополчение, нарядиться, разговор, разуверение, ублажить, просвещение, растяжение.

№ 5

Намолоть, насадить, обговорить, обретение, отравиться, укоротить, облениться, очерстветь, подбодрить, похвалить, окровавленный, позолотить, растрепать, отрядить, обломать, обновлённый, осквернить, разболеться, трепетать, оснастить, одряхлеть, оправдать, покаяние, разгородить, озлобление, сплочённый, отождествление, соединение, смирение, настроение, щебетание, облегчение, старожил, утолщение, утроение, утопический.

№ 6

Залезать на дерево — зализать рану; запевать куплет — запивать лекарство; навевать сны — навивать локоны; обвевала лицо веером — обвивала косы вокруг головы; волосы развевались

на ветру — развивали промышленность; ударился оземь — созревает озимь; полоскать бельё — поласкать котёнка; осветить фонариком — посвятить жизнь науке; спешите видеть — спишите данные; частота посещений — чистота помещений; умолять о помощи — умалять значение; развеается стяг — развивается сюжет; посидеть на лужайке — поседеть от горя; цветы стали увядать — надеялся увидеть чудо; примерять костюм — примирять спорщиков; шумят и пенятся валы — устало брели волны; детишки были очень малы — приходилось стоять на молу; проредили морковь на грядке — зарядили пушки; накалить железо докрасна — наколоть сосновых дровишек; носить пристежные воротники — понукал пристяжных лошадей; спуститься в цветущую долину — быть вдалеке от дома.

№ 11

Вермишель, каватина, меридиан, отражение, перифраз, пиктография, спонтанный, суверенный, форель, фестиваль, чеснок, эликсир, олеандр, претендент, триада, ротонда, водевиль, габардин, аккомпаниатор, дилетант, канонада, виолончель, коромысло, кенгуру, наваждение, обагрить, парадигма, прерогатива, фарватер, филигрань, диадема, есаул, гастролёр, декламировать, миниатюра.

№ 12

Габарит, дифирамб, маринад, минорный, ореол, респиратор, приоритет, триумфальный, нумерация, преамбула, регата, резонанс, рикошет, скомпонованный, фантазмагория, ювелир, фрикаделька, фиаско, сталактит, торшер, синтагма, соната, ренегат, ностальгия, омонимия, кастрюля, экстравагантный, эпистолярный, фламинго, коростель, тротуар, тотализатор, серпантин, рудимент, презентабельный.

№ 13

Бокал, балкон, аромат, абажур, барьер, гараж, гамак, герметизировать, загромождение, комар, океанолог, перспектива, полисемия, увертюра, хрестоматия, шевелюра, экзистенциализм, эстакада, дилижанс, дилетантизм, исковерканный, кастелянша, компетентный, клерикальный, олимпиада, парабола, перифраз,

портъера, резиденция, скарлатина, тореадор, феномен, фламандский, хризантема, реестр, ротап rint.

№ 14

Канонерка, колибри, панихида, натюрморт, пирамидальный, президент, регламент, ритуал, дизентерия, инспирировать, керамика, колчан, фронтон, флибустьер, трубадур, сентиментальный, сонет, пантеон, метаморфоза, мадригал, ординатура, инженер, генерация, директива, идиоматический, каламбур, коалиция, макрель, обворозить, оптимистический, плагиат, президиум, радиатор, серенада.

№ 15

Диагональный, имитация, кабриолет, мавзолей, метеорит, оранжерея, реверанс, катакомба, стрекоза, гобелен, индеветь, катавасия, катаклизм, кашемир, корпорация, парапет, плеяда, побагроветь, претензия, референдум, комбинезон, привередничать, привилегированный, респектабельный, фешенебельный, конфиденциальный, коричневый, обаяние.

№ 22

Прикоснуться — прикасаться, прикосновение, касательная; предложить — предлагать; расположиться — располагать; поклониться — кланяться, наклониться — поклон — раскланяться; творение — творчество — тварь; загорелый — загар, угорелый — угар, разгораться — гореть — гарь; пловец — плавать, пловчиха — плавучесть — поплавок; зорька — заря — зарница, зоренька — озарять — озарённый — озарение; растить — росли, вырастить — выросли — выросший, выращивать — зарастать, поросль — заросль; уровень — уравнение, сровнять — сравнить, уравнивать — выровнять — поравняться, ровесник; промокать — макать, обмакнуть — промокнуть — промокательный — вымокнуть; вскочить — скакать, подскакать — выскочить.

№ 23

Замереть от восторга, отпирать замок, замирать от восхищения, приберу в квартире, постелить постель, любоваться расстилавшейся равниной, удирать с места происшествия,

удеру без оглядки, излагать мысли вслух, написать изложение, касаться темы, прикоснуться к прошлому, склониться над ручьём, отклонение в сторону, растворить окно, домашняя утварь, несгораемый шкаф, загорать на берегу моря, выплавка чугуна, хороший пловец, плавучие льды, рыбные плавники, пływучая глина, обувь промокает, обмакнуть кисть в краску, промокашка, непромокаемый плащ, обмакнуть перо в чернильницу, держать равнение в рядах, подровнять кусты сирени, зарости травой, поросло мхом, совершить скачок, подскочить от неожиданности.

№ 24

Блестать красотой, начинать работу, блестеть на солнце, замереть от счастья, замирать от страха, собирательный образ, блестящий оратор, избирательная кампания, предлагать помощь, наклонить голову, заровнять канаву, вырастить цветы, первое склонение, земная равнина, далёкая зарница, растирание красок, сочетание теории с практикой, проскакать на лошади, проскочить мимо, обмакнуть вареник в сметану, вымокнуть под дождём, поклоняться солнцу, отраслевое производство, вскакивать на ходу, заносчивый выскочка, заскочить на минуту, рассчитывать на помощь, произвести расчёт.

№ 30

Шёпот ночи, тяжёлая сумка, чопорный человек, покрыться румянцем, жёсткие условия, старый чёлн, лесные шорохи, трещотка сторожа, ожог лица, решётка сада, трудолюбивые пчёлы, укрыться плащом, мраморный цоколь, городские трущобы, жёлтые листья, бочонок с водой, спорить горячо, шов разошёлся, идти вдоль шоссе, поджог сарая, вощёная бумага, грошовая опера.

№ 31

Камышовая заросль, новая расчёска, смешной галчонок, разбитый параличом, красивая причёска, сушёные фрукты, кипячёное молоко, чётные числа, увитый плющом, парчовое платье, смущённый студент, толчёные орехи, глаза-щёлки, горящей свечой, с большим багажом, мочёные яблоки, платяная щётка, раствор щёлочи, ночёвка в лесу, спелый крыжовник,

новые шорты, возмущённый тон, рекордный прыжок, ненасытный обжора.

№ 32

Тихий шёпот, печёный хлеб, дешёвый товар, чёрствый человек, мажорный тон, зажжённый факел, паштет из печёнки, переплывать реку саженками, ночёвка в лесу, ожог лица, шум трещотки, вкусный шоколад, учёный зверь, говорить общо, детская ручонка, тонкая бечёвка, пшённая каша, короткая чёлка, устный счёт, зубная щётка, жёсткий вагон, опытный шорник, сломанный сучок, шомпол винтовки, спелые жёлуди.

№ 33

Чёрная чёрточка, получить пощёчину, старая кошёлка, тонкая бечёвка, новые чоботы, выпить боржоми, измерять в джоулях, опытный жонглёр, пальто с капюшоном, защёлка замка, никчёмный человек, прожорливый медвежонок, новая расчёска, произвести расчёт, танцевать чечётку, старый шофёр, шотландская песня, красивое пончо, исполнять каприччио, готовить харчо, играть на банджо.

№ 36

Купе, крепдешин, бельведер, поэтический, силуэт, эффект, темп, сэкономить, портмоне, генуэзцы, дизел, пируэт, папье-маше, клиент, пациент, шезлонг, пенсне, стенд, беже, нэповский, коттедж, термос, процессия, бенефис, ренессанс, дуэлянт, дуэнья, идентичность, фиеста, эмигрант, Эзоп, Эфиопия, электрик, экспромт, бельэтаж, эскорт.

№ 38

Полезный труд, непростительный порок, переступить порог, пасутся стада коз, любоваться красотой девичьих кос, на крышах изморозь, сеет мелкая изморось, дамы и господа сидят за столом попеременно, газеты и письма лежали на столе попеременно, частые перебежки, кружка пива, новые скворечни, свежие коврижки, вырубка леса, громоздкий багаж, делёжка барышей, зыбкая надежда, модная застёжка, кровавый мятеж, издержки производства, перевязка раны, высший пилотаж, маленькая пичужка, ревизские

списки, старая усадьба, свежая смазка, дальнее родство, последний раунд, помощник директора.

№ 40

Пристрастный, разномастный, опасный, ужасный, громоздкий, повиснуть, чувствовать, участвовать, здравствовать, чествовать, безмолвствовать, солнце, явственный, сверстник, яростный, яства, корыстный, захолустный, завистливый, искусный, словесный, ровесник, срам, воскресник, блеснуть, древесный, компрометировать, инцидент, дерматин, констатировать, комментировать.

№ 41

Властный, гласный, горестный, декадентский, интриганство, несчастливый, окрестный, праздный, бескостный, исландский, местность, наперсник, пакостник, редкостный, дилетантский, сладостный, конъюнктивит, ревностный, ландшафт, подвластный, юрисконсульт, целостный.

№ 42

Беспокойное хозяйство, ласковое солнце, яростное сопротивление, шефская помощь, косный взгляд, полномостный хозяин, известный писатель, костный бульон, словесный портрет, счастливый день, чувствовать усталость, праздничное шествие, грустная повесть, гнусный поступок, участвовать в спектакле, тревожное предчувствие, вкусный обед, гигантское строительство, президентские выборы, властные структуры, радостный возглас, блеснуть на солнце, неуместный вопрос, длинные ресницы, угостить разнообразными яствами, мои ровесники, мерзопакостный человек, частнособственнические интересы.

№ 48

агрессия	алюминий	аттракцион
аллергия	аппетит	баллада
аллея	артиллерия	баллотироваться
аннотация	ассигнование	баррикада
аннулировать	ассистент	бассейн
апелляция	ассортимент	беллетристика
аппарат	ассоциация	бюллетень

галерея	колонна	режиссёр
группировка	колоссальный	репрессированный
гуманизм	комиссия	ресурсы
дискуссия	комментатор	расчёт
десант	коммерсант	рессора
диссертация	компромисс	суррогат
дифференциация	корректность	теннис
драма	корреспондент	терраса
иллюзия	коридор	территория
иллюминация	кристалл	тонна
имитация	кросс	трасса
инкассация	манна	туннель
инициатива	масон	труженик
интеллигенция	миссия	хоккей
интеллект	оккупация	холл
искусство	оппозиция	целлофан
искусный	оппонент	целлюлоза
ирригация	параллель	цивилизация
касса	пассивность	шасси
кассета	пассажир	шоссе
кариатура	пессимизм	экспрессия
коридор	пресса	эллипс
коллега	пьеса	эссе
колледж	привилегия	эластик
коллекция	прогресс	элегия
коллизия	процесс	юный

№ 53

Ночь, каменщик, куч, ветви, клянчить, срежь, тончайший, бережётся, залежь, зонтик, бричка, щёлочь, бишь, стричься, декабрьский, свечка, брошь, пыльщик, срочный, день-деньской, вишенка, плющ, мельчайший, хрящ, кумач, наотмашь, навзничь, замуж, горяч, молодёжь, сторож, невмочь, с плеч, хорош, умножьте, назначьте.

№ 54

Горяч, дочь, обжечься, зарежь, кулич, мелочь, остричь, сплошь, тоньше, уж, фальшь, вскачь, вояж, глушь, пейзаж,

прочь, сварщик, уберечься, тягуч, январский, платёж, пожаришь, пожарищ,стриж, возьмёшь, колюч, ёж, испечь, кончик, ералаш, невтерпёж.

№ 59

Портгера, пьеса, субъект, бульон, предъявить, изьян, обезьяна, съязвить, лисья, разъярённый, эскадрилья, трёхэтажный, сверхъестественный, бьём, вьявь, сыновья, сэкономить, съездить, мелколесье, подъём, объявление, сагитировать, арьергард, объективный, вьюга, межъярусный, пьедестал, предъюбилейный, бильярд, отъявленный, фортепьяно, безъядерный, рьяный, интерьер, предъявитель.

№ 60

Сязвить, компаньон, изьять, фельетон, съёжиться, изьясняться, бельэтаж, фельдъегерь, карьер, вьявь, барьер, курьёз, инъекция, изьян, конъюнктивит, трансарктический, вьюнок, гнездовье, подъячий, соловьи, пасьянс, панъевропейский, конъюнктура, пан-Европа, съябедничать, нюанс, въездной, небьющийся, объём, детясли, контратака, предобеденный, предъюбилейный, въедливый, безупречный, компьютер.

№ 63

Безыскусственный, небезызвестный, предыстория, сверхысканный, безысходный, межинститутский, взимать, изымать, субинспектор, трансирданский, возыметь, обыскать, дезинформация, обындеветь, подытожить, постимпрессионистский, сверхиндустриализация, спортигра, предьюльский, сызмала, отыменный, панисламизм, возыметь, фининспектор, межигровой.

№ 67

Безрезультатный разговор, беспредельная нежность, безоговорочная капитуляция, рассчитывать на успех, бестактный вопрос, беспощадный судья, сдержанный человек, бесформенная фигура, бессердечное отношение, воздвигнутый монумент, рассерженный сосед, исчерпать ресурсы, ненужная вспльчивость, чересчур строгий преподаватель, бессмысленный спор, возглавить делега-

цию, провозгласить лозунг, бесщётное количество, безбрежное пространство, восхождение в гору, размеренная поступь, потерянное преимущество, ниспосланная милость, низвергнуть в пропасть, избалованный ребёнок, исправленная ошибка.

№ 68

Восхождение на вершину, расчётный счёт, чересчур много, восполнить пропущенное, безграничное доверие, пламенное воззвание, расформировать полк, истратить деньги, чрезмерный восторг, искоренить недостатки, иссякший источник, бесперспективный план, ниспровергать авторитеты, разжечь костёр, безветренный вечер, бесформенная масса, безжалостный поступок, бессмертное произведение, бессрочный отпуск, воспитать ученика, воспроизвести текст, возрастной ценз, восседать на престоле, резкая мимика, сдвинутые шкафы, бесконечное нитьё, вспылать любовью.

№ 69

Бесчисленные споры, распаковать вещи, сдельщина, сдержатъ слово, ниспадать на плечи, происшедший случай, низринуться с обрыва, рассердиться на сына, безвкусная обстановка, разбавить водой, распланировать день, истечь кровью, ниспровергать авторитеты, шалить исподтишка, бездонная бочка, сгинуть навсегда, распробовать сладости, сгореть дотла.

Расшуметься всерьёз, беззвёздное небо, взгляд исподлобья, бескорыстный поступок, безгрешный человек, безжизненное тело, бесцеремонное поведение, низшая порода, беззубый рот, бессильный вздох, здорово живёшь, совершить удачную сделку, распаковать вещи, бесчисленные злопыхатели, руководство расщедрилось, глупые рассуждения, распутать узел, расчислить поляну, безбрежное море.

№ 73

Пребывать на даче, предать друга, претворить планы в жизнь, преступить закон, беспристрастный судья, непреходящий успех, придать необходимый оттенок, преодолевать трудности, преклоняться перед красотой, приземлиться вовремя, прекратить спор, приоткрыть дверь, приверженец новых взглядов, большие пре-

тензии, приморский край, прилагать усилия, пренебрежительное отношение, причудливые узоры, прибывать в Москву, преобразовать жизнь, показать жизнь без прикрас, приступить к работе, достойный преемник, превосходный спектакль.

№ 74

Превозмочь боль, пренебрежительное отношение, привередливый человек, претендовать на призовое место, приступить к работе, преследовать благородные цели, президент страны, привлекательный вид, несправедливые притязания, седой привратник, прекрасный вечер, пребывать на отдыхе, предаваться воспоминаниям, проходящее явление, приручить зверя, причудливый рисунок, сделать прививку, преградить дорогу, преувеличить опасность, искать пристанища, найти прибежище, искатели приключений.

№ 75

Прибывать к месту работы, пригородный поезд, приоткрывать дверь, прекращение споров, присесть на скамью, проходящий успех, пребывать в неведении, проходящая медсестра, прилагать усилия, преклоняться перед красотой, приморский бульвар, преступить закон, приступить к занятиям, приблизиться к заветной цели, приезд в город, привилегированное сословие, придать оттенок, презирать труса, претворить мечты в реальность, приглушённые голоса, присутствовать на премьере, презабавный случай, преследовать врага.

№ 76

Сидеть в президиуме, прикоснуться к тайне, столовый прибор, престижная профессия, признаться в чувствах, приданое невесты, отвергнуть притязания, презрительный взгляд, привить хорошие манеры, лишит привилегий, превратиться в посмешище, камень преткновения, претендовать на пост, забавная прибаутка, выглядеть презентабельно, пребывать в тревоге, превосходный коммерсант, притуплённый звук, искусная притворщица, предаваться мечтам, принаравливаться к обстоятельствам, картина без прикрас, превратно понимать, предать осмеянию, знаки препинания.

№ 77

Непременное условие, примерный студент, примелькавшиеся лица, премудрый пескарь, примитивный взгляд, превозмочь усталость, превратный смысл, преамбула договора, принудительный труд, принаряженный кавалер, принципиальный поступок, не преминуть сказать, приворотное зелье, привычная работа, таинственное привидение, примитивный взгляд, препираться из-за пустяков, претерпеть изменения, правила приличия, прерогатива, пригожий денёк, сердечная привязанность, приостановленное движение, преемственность в работе, неприступная твердыня, претерпеть унижение, припереть к стенке, приумножить богатства.

№ 81

Багряный закат, бесчисленное множество, глиняная посуда, дискуссионный вопрос, длинная очередь, дровяной склад, журавлиное гнездо, зеленая лавка, земляной пол, каменный дом, карманные часы, картинная галерея, клюквенное варенье, кожаная куртка, конный плуг, ледяной покров, монотонные звуки, недюжинные способности, оловянные солдатики, осенняя погода, песчаная отмель, племенной скот, подлинное искусство, полотняное бельё, революционный подъём, румяные щёки, свиная туша, серебряная ложка, соломенная подстилка, туманное утро, ураганный ветер, ценное изобретение, чугунная ограда, юные натуралисты.

№ 82

Вагонное депо, машинный зал, глиняный сосуд, мужественный человек, румяный юноша, куриный бульон, стеклянная бутылка, платяной шкаф, ветреный юнец, ветряная мельница, обветренные руки, серебряный колокольчик, свиной паштет, лебединая песня, временное явление, подлинный документ.

№ 83

Варёный, сваренный, полужареный, раненый, израненный, ломаный, поломанный, фаршированный, линованный, кованый, подкованный, рваный, золочёный, посеребрённый, мощёный, вымощенный, нежданный, невиданный, неслыханный, нечаянный, сказанный, печёный, желанный, незванный, медленный.

№ 84

Серебряные часы, старинное оружие, лебединая песня, недожинные способности, подлинные документы, песчаный берег, лимонный сок, конопляное масло, обыкновенный человек, лекционный материал, лунный свет, машинное отделение, кожаное кресло, ледяной ветер, ветряные мельницы, письменный стол, странная женщина, деревянный дом, мочёные яблоки, путанные ответы, сушёные грибы, выкованные обручи, уверенная поступь, оживлённая беседа, комариный писк, торжественное заседание, кованный сундук.

№ 85

Туманная мгла, ветреная подруга, несказанная тишина, непашаное поле, длинные тени, серебряные часы, незаслуженная обида, таинственные приключения, сеяные травы, каменные ворота, холстинная рубаха, подлинное чувство, взволнованное лицо, нечаянная встреча, данный текст, бешеный ритм, тушёное мясо, жареный картофель, неожиданное известие, отчаянное решение, нетканые материалы, ограниченный человек, писанный красавец, стреляный воробей, масляные краски, нехоженые тропы, званые гости.

№ 86

Барханные пески, овчинный тулуп, буланный конь, оловянный солдатик, жеманные манеры, действенное решение, фазаний питомник, жизненные принципы, конституционный суд, воинственная поступь, органнный концерт, нефтяная скважина, чванный вид, гуманный закон, орлиный взгляд, вещественное доказательство, пряный запах, медленное движение, бесталанное существо, юный спортсмен, перепелиные гнёзда, пенсионный возраст, ветряная мельница, макаронные изделия, блинная мука.

№ 87

Подлинный шедевр, поверенный в делах, разобщённые действия, бедственное положение, безвременная утрата, берестяные грамоты, бешеный ритм, глаженный костюм, гостинный двор, гранёный стакан, дарственная надпись, деланное выражение лица, дёрганный человек, достигнутая договорённость, дрянная пьеса,

злоумышленный поступок, искренний порыв, искусный мастер, несмышлёный малыш, нетленный образ, недвусмысленный ответ, неразделённое чувство, пустынный пейзаж, попранные авторитеты, посажёный отец, хоженные тропы, надуманный сюжет.

№ 88

Ношенная шляпа, поношенное пальто, хоженные тропы, нехоженные леса, гружёные баржи, нагруженная сумка, солёные огурцы, посоленный салат, подмоченная репутация, недоваренный картофель, мочёные яблоки, щедро посоленная закуска, правленный редактором текст, асфальтированная улица, мощённая булыжником площадь, мороженный лещ.

№ 89

Мощёная улица, серебряный кубок, посеребрённая цепочка, тканая скатерть, вытканый ковёр, золотканый рисунок, сливочное мороженое, мороженое мясо, замороженное филе, свежемороженые фрукты, свежемороженые овощи, золоткованое изделие, осенний день, сушёные ягоды, военное дело, военизированный отряд, уверенный взгляд, кожаная куртка, церемонный поклон, полотняная блуза, песчаный пляж, лиственный лес, раненый олень, воспитанный человек, решённый вопрос, купленное здание, брошенный камень, неожиданное известие, священный дом, неслыханные дела.

№ 90

Авиационный завод, болезненное состояние, бритвенный прибор, весенняя капель, голубиное гнездо, воробьиные стаи, гусиное перо, дерзновенный порыв, дивизионный командир, единственное желание, змеиная кожа, комиссионный магазин, лошадиная морда, масляный блин, масляное пятно, масляная неделя, мгновенное решение, мужественный поступок, обеденный час, обыкновенное чудо, оконное стекло, оппозиционное решение, орлиный полёт, ослиное упрямство, пламенное сердце, родственные отношения, соболиная шапка, соловьиные трели, стеклянные двери, телефонный разговор, торжественное событие, традиционная встреча, утренний туман, пряный запах, рьяный поступок, хозяйственные постройки, чувственные губы, шерстяной платок.

№ 91

Жареный гусь, поджаренная колбаса, жаренные в масле пирожки, пуганая ворона, перепуганные (испуганные) люди, калёные орехи, раскалённая печь, калённые в печке орехи, рваный рукав, вырванный (разорванный) рукав, писанный красавец, вписанный треугольник, писанный знаменитым художником портрет, ломаный грош, поломанный автомобиль, топлёное молоко, вытопленная печь, затопленная хата, бешеный карьер, взбешённый человек, гружёная баржа, выгруженная баржа, гружённая хлебом баржа, раненый боец, израненное тело, раненный под Киевом боец, пареный лук, распаренные косточки, штопаные носки, поштопанная гимнастёрка.

№ 92

Мазаная печь; вымазанное платье; золочёное блюдо; позолоченные ложки; гашёная или негашёная известь; скошенный луг; нескошенные травы; луг, не скошенный колхозниками; варёный картофель; вываренное мясо; варённая в котелке картошка; драный сапог; ободранное лицо; травленный волк; затравленный зверь; путаные мысли; запутанные ответы; плетёная корзина; плетённый из хвороста шалаш; оплетённый плющом забор; толчёный графит; истолчённый в порошок сахар; ношенные вещи; долго ношенные вещи; поношенные вещи; копчёная рыба; закопчённая кастрюля; сырокопчёная колбаса; сушёные фрукты; иссушенные степи; высушенное бельё; крашенный пол; выкрашенный пол; крашенный масляной краской пол; тканая скатерть; вытканная скатерть; тканная золотом скатерть.

№ 93

Организованная спонсорами ярмарка, выставка организована шефами, сломанная хулиганами скамья, игрушка сломана ребёнком, свеча потушена ветром, лыжи заброшены на чердак, лошади подкованы кузнецом, покусанные москитами животные, руки искусаны комарами, потушенный дождём костёр, огни потушены давно, испечённая лепёшка, печёные блины, жаренная хозяйкой рыба, картошка испечена в золе, топлённое в печке масло, были временные трудности, деревья посажены в саду, плотно соткано мастером, варённый утром кофе, каша сварена на

молоке, убранные в парке дорожки, испуганный шорохом заяц, средства вложены в недвижимость, участки куплены предпринимателями, выявлено много нарушений, забракованный товар, известие получено утром.

№ 94

Ресурсы изысканы экономистами, её манеры изысканны, ягоды подавлены в корзине, люди стояли подавленны и унылы, сумма собрана по копеечке, речь стройна и собрана, организованный концерт, собрание прошло организовано, отчаянный крик, кричал отчаянно, бешеный ритм, бешено мчаться, глядеть испуганно, все трудности временны, вещи утеряны в дороге, мука рассыпана по столу, тучи рассеяны ветром, студентка рассеянна, мадам очень надменна, толкнуть локтем нечаянно, овощи сварены в кастрюле, ворота отворены сторожем, актёры неопытны и юны, глядел рассеянно, зрители спокойны и сдержанны, публика избалована гастролёрами, поля ограничены рвом, злодеи тупы и ограничены, векселя отправлены по назначению.

№ 95

Взволнованный разговор, воды взволнованы бурей, голоса резки и взволнованны, рассказывал очень взволнованно, невиданный свет, нескошенный лут, невымоченная рыба, оловянный солдатик, квашеная капуста, утренняя прогулка, надеть полотняную блузу, купить деревянный брус, лица вымазаны сажей, загримированный артист, весеннее солнце, подписанные листы, выкупленный филиал, приватизированные корпуса, болезненный вид, желанная мечта, медленно угасать, решённая проблема, бутерброд с варёным яйцом, подать на стол печёный картофель, попробовать печённый мамой торт, дети избалованы няней, лица перекошены гневом, дорогой племянник, читать в подлиннике, произошла путаница, изданная книга, утончённый слух, соотечественник, вкусный вареник, связанный пленник.

№ 96

Масленный блин, посажёный отец, приданое невесты, посаженный мною цветок, названный брат, масляная краска, неутомимый труженик, полюбил бесприданницу, названный в честь героя

проспект, совершеннолетний юноша, явное мошенничество, гостиный двор, бешеный ритм, датированный апрелем, дисквалифицированный спортсмен, уютная гостиница, миграционный процесс, поверенный в делах, суженные кровеносные сосуды, явный сангвиник, убеждённый трезвенник, полотняный костюм, весёлая масленица.

№ 114

Вдали виден лес — в дали голубой скрылся пароход; вдаль ушёл караван — в даль туманную уходят поезда; ввысь поднимается дым — в высь небесную взлетел голубь; ввек не забыть мне друга — в век электроники; внакидку носить пальто — в накидку из парчи одета; вовремя прийти — во время летнего отпуска; вконец разобиделся на друга — в конце переулка убежал; в пору сшит костюм — в пору тяжких испытаний; врастяжку говорить слова — в растяжку отдать сапожки; втайне готовить подарок — в тайне необходимо разобраться и открыть этот секрет; кверху поднять голову — к верху палатки прикрепить флажок; наверх подняться — на верх горы взобраться; назавтра будет веселье — на завтра перенести совещание; налицо были ошибки — на лицо упала прядь волос.

№ 128

Ввиду болезни, иметь в виду, разговоры насчёт земли, положить деньги на счёт, сосуд в виде шара, в течение шести лет, в течении реки, в продолжение месяца, в продолжении повести, вследствие холодов, в следствии по делу, вслед за тем наступило потепление, в связи с собранием, вследствие опоздания, встретиться впоследствии, медальон в виде сердечка, постройка вроде башни, что-то вроде воспоминаний, ввиду недостатка времени, в заключение собрания, в связи с переездом.

№ 129

Узнать насчёт подписки, в силу аттестаций, узор вроде снежинки, невзирая на ливень, в заключение выступления, как будто на периферии, несмотря на привилегии, я за то уже рассчитался, что бы то ни было, рассказал то же самое, в продолжение утра, наподобие скачка, в течение недели, в продолжение учебного года,

встретиться впоследствии, что бы ни случилось, довольно-таки, кое про кого, так-таки, мысль таки верна, устал, зато кончил работу.

II. Орфографические диктанты

№ 1

Утро застало нас близ моря. О том, что ночью бушевал девятибалльный шторм, напоминали лишь плавучие водоросли, брошенные на прибрежные кристаллические скалы. Их так много, что кажется, как будто океан нарочно постлал здесь этот зелёный ковёр. У самой земли ещё влажно мерцает мелкая холодная изморозь, но вверху небо уже кристально чистое. Вдруг брызнули первые лучи солнца, и миллионы бриллиантов заблестали везде: на кустах можжевельника, в зарослях камыша, произрастающего у ближайшей речонки, и на вспыхнувшей огнём брошенной перламутровой раковине. Кажется, здесь не ступала нога человека, но вот виден свежий след трёхтонки, проехавшей по песчаному берегу, да вон чей-то полуразрушенный дощаник. Однако посмотрите: уж не след ли это медвежонка?

Нам надо поторапливаться, и поэтому мы, наскоро подкрепившись свиной тушёнкой и шоколадом, отправляемся в путь. Обувь наша не высохла-таки и, вопреки заверениям, очень промокает. Всё сияет после недавнего ливня: и голубые цветы цикория, и какие-то кусты с красными ягодами. Мой приятель забирается за ними в самую чащобу, несмотря на то что кусты колются и жалятся. Посмотрите: вот птенцы широко разевают клювы. Как низко расположены гнёзда! Здесь, наверное, их некому разорять.

Так мы продолжаем продвигаться вперёд, взямая эту неожиданную для нас дань с природы. Но так как наш арьергард слишком растягивается, начальник экспедиции даёт приказ подравняться. И мы продолжаем идти, забыв о всех горестях и изьянах нашей экспедиции.

Не нужно чересчур преуменьшать трудность таких походов, но я не хочу и приуменьшить то удовольствие, которое они доставляют. Мы идём через лес, окроплённый мириадами капель,

которые висят даже на безыглых ветвях старых ёлок. Как ни тяжелы наши рюкзаки, мы все впоследствии с удовольствием вспоминали наше путешествие.

№ 2

Как ни боялись засухи, она всё-таки пришла. Небо было донельзя раскалено, и с него почти отвесно падали колющие лучи солнца, а в воздухе уже начинал веять дышащий гарью ветерок. Овёс, не поднявшийся ещё и на пол-аршина от земли, уже поблек. Просяные поля, едва колеблемые жарким дыханием ветра, настоящего на увядших полевых травах, без устали отливали своими унылыми бледно-зелёными кистями. Почти не заросшие в этом году травой паровые поля печально разнообразили картину. Песчаная земля, которая, по-видимому, некогда особенно избалована дождями, окончательно задыхалась от зноя.

Кое-где попадавшиеся нам навстречу стада ещё более усиливали тоскливую неприглядность полей. И только один раз мы заметили возле них пастуха, не спеша идущего за стадом и с видимым усилием тащашего свою палку. Он безучастно посмотрел на нас и путано объяснил, куда нам следует ехать, чтобы попасть на мельницу. Несмотря на раннее время, деревня, через которую мы проезжали, поражала своей пустынностью. Только кое-где на завалинке сидела какая-нибудь старуха да копошились ребятишки, почти не интересовавшиеся нами. Даже собаки и те лаяли как-то нехотя и как будто по привычке. Но вот в отдалении мы увидели небольшой домишко с штукатуренными стенами. Это и было не что иное, как мельница, где мы рассчитывали остановиться на ночёвку. Весело выглядывают из ярко-зелёной листвы черепитчатые и камышовые крыши построек, без устали вращается обвешанное маслянистыми каплями замшелое колесо, бешено стучит в амбаре жернов, с приглушённым шёпотом плещется речонка, убегающая куда-то в глубь степей. Уж не примерещилось ли всё это нам?

№ 3

В тайге темнеет быстро. И, несмотря на то что мы это знали, всё-таки темнота застала нас врасплох. Раздвигая тяжёлые колючие ветви и нащупывая ногой следующую кочку, мы мало-помалу

продвигались вперёд. Было совершенно темно, но, как ни странно, от прожорливых комаров и мошек, летавших вперемешку вокруг нас, спасения не было так же, как и днём.

Целый день мы шли вниз по течению реки, но река исчезла в темноте где-то слева, и нам приходилось идти наугад. К счастью, до ближайшей охотничьей избышки, в которой мы рассчитывали устроить ночёвку, оставалось, по-видимому, совсем недалеко. И действительно, когда мы поодиночке перешли по узкой жердочке, брошенной через топкий лесной ручей, и поднялись в гору, мы оказались перед избышкой.

Не теряя ни минуты и в душе радуясь, что расчёт наш оправдался и мы в пору добрались до места, мы без усталости рубили хвою, пилили ножовкой небольшие ветки и клали их крестнакрест. Вот и готова наша пахучая, но не очень мягкая постель! Товарищ мой уже не смотрит исподлобья и даже начинает читать стихи, которые учил когда-то на память, сначала шёпотом, а потом и в голос, вовсе не подозревая, как он смешон в эту минуту.

С тихим шорохом ветер раскачивает вершины старых кедров, как будто предвещая на завтра дождь, и где-то вдали кричит какая-то ночная птица.

№ 4

Дожди

Неблагоприятная для отдыха погода установилась надолго. Неприветливое небо непрестанно хмурилось. Не прекращаясь ни на час ни днём ни ночью, шли дожди. К сырой погоде я был не подготовлен, так как не захватил с собой на дачу ни плаща, ни непромокаемой обуви, ни даже какой-нибудь незатейливой одежки, которую не жалко было бы трепать в непогоду. А почва у нас повсюду глинистая, вязкая. Даже после небольшого дождя грязь вокруг непролазная. Сколько ни оглядывал я низко нависшие пепельно-серые облака, но не мог рассмотреть даже ни малейшего проблеска. Незаметно было никакого намёка на просветление. Как ни досадно терять драгоценное время летнего отпуска, но, как говорится, ничего не попишешь. И хотя я внешне примирился с тем, что придётся отсиживаться дома, однако в душе не мог не надеяться на лучшее. Ведь человек всегда живёт светлой надеждой, и это

неплохо. Что ни говори, а люди неунывающие — это лучшая часть рода человеческого. Итак, не смея рассчитывать на прекращение дождей, я расположился у окна с недурными намерениями просмотреть не прочитанные за последние дни газеты, ответить на два-три письма.

№ 5

Мать рек русских

Матерью рек русских издавна называли люди Волгу. Из-под сруба старинной часоенки близ деревеньки Волгино-Верховье вытекает неприметный ручеёк, через который перекинут бревенчатый мостик.

Проделав путь в три тысячи шестьсот восемьдесят восемь километров, Волга приходит к Каспийскому морю.

Какие только суда не встречаются на Волге!

Тяжело проплывает огромная нефтеналивная баржа, заменяющая собой много железнодорожных цистерн. Вслед за ней тянутся не спеша широкие баркасы с невысокими бортами, доверху нагруженные камышинскими арбузами. Взгляните издали с берега — точь-в-точь огромное блюдо с плодами плывёт по реке. А навстречу движется длинная улица, мощённая брёвнами. Как полагается, на улице выровнялись, будто по линейке, игрушечные домики. Перед домиком догорает костёр, кипит чай в закопчённом котелке, колышется на бечёвках вывешенное бельё — и всё это хозяйство медленно движется вниз по реке.

Не поодиночке, а караваном тянутся огромные плоты, насчитывающие по пятидесяти тысяч брёвен. Провести такую громадину по своенравным поворотам в течении реки — большое искусство.

На залитой июньским солнцем палубе с комфортом расположились в камышовых креслах пассажиры трёхэтажного теплохода, точно серебряного от солнца. Неслышно рассекает он зеленовато-серые волны реки. По сравнению с этим плавучим дворцом неказистым кажется труженик-буксир, толкающий впереди себя или ведущий за собою тяжело гружённые баржи.

Бегут скоростные поезда, несутся автомобили по трассам нашей необъятной страны, но Волга по-прежнему величайшая магистраль нашей Родины.

№ 6

Заря разгоралась. Лучи солнца коснулись верхушек деревьев, позолотили блестящую поверхность озера и проникли в спальню к ребятишкам. Высоко над домом развевается и горит ярким пламенем красный флаг. Скоро подъём. По звуку горна юные спортсмены быстро поднимаются и, застав аккуратно постели, выбегают на зарядку. В комнате остаются ребятишки младшего возраста. Они не умеют ещё самостоятельно застилать свои постельки и делают это под наблюдением вожатой Люси.

На спортивной площадке, построившись по росту в ряд по трое и подравнявшись, ребята застывают по команде «смирно!». Через минуту в воздухе мелькают загорелые руки, и стриженные наголо ребятишки наклоняются, касаясь земли кончиками пальцев. После зарядки они врассыпную бегут к озеру, оглашая его берега звонким смехом.

Малыши, не умеющие плавать, плещутся у берега. Несколько ребят во главе с Юрой, знаменитым лагерным пловцом, направились к плавучему мостику, но, услышав сердитый голос вожатой Люси, поспешили обратно.

После купанья хорошо растереться мохнатым полотенцем. Ежедневная зарядка и обтирание холодной водой укрепляют и закаляют здоровье. А какой аппетит развивается после купанья! Всё кажется необычайно вкусным. Ребята с удовлетворением уплетают олады, макая их в сметану. Перед столовой красивый цветник. Дорожки выровнены и посыпаны песком; большая клумба представляет собой искусное сочетание цветов. За цветником расположился опытный участок, на котором юннаты вырастили доселе неизвестные породы овощей. Садовник Анисим Романович Бичов собирается отослать лучшие экземпляры на сельскохозяйственную выставку. Анисим Романович пользуется большим авторитетом у детей и имеет среди них своих почитателей. Ребята преклоняются перед его искусством и собираются посвятить себя садоводству.

Бичов — это не только садовник, но и взыскательный педагог. Безынициативным и равнодушным ребятам нет места. Интересно и содержательно проводят они свой досуг в лагере. На высоком уровне проходят спортивные состязания, туристические походы и занятия в кружках самодеятельности.

Перед ужином мальчики и девочки с большим удовольствием танцуют и поют под аккомпанемент баяна.

№ 7

Стёртые каменные ступени, скользкие от мелкого осеннего дождя, вели вниз, в стиснутые высокими скалами ущелья. Одна из ближних к лестнице скал, округлая и тяжёлая, напоминала силуэт доисторического животного. Складчатая спина чудовища покрыта, как шерстью, пучками увядшей травы. Только что пребывали мы в цивилизованном мире высотных зданий, автобусов и троллейбусов, переполненных спешащими людьми, мощёных и асфальтированных улиц и площадей, в мире гигантских сооружений и нескончаемых реклам. Но стоило перебраться через большой неподвижный водоём, как мы нежданно-негаданно очутились в царстве неживой природы. Как ни странно, эта жизнь казалась реальной, а та, отделённая тонкой сеткой дождя, сквозь которую просвечивали контуры современных катакомб, представлялась наваждением. И вот мы прикасаемся к древности, искусно созданной и сохраняемой учёными-экологами. Мы приостановились у безлюдного берега озера, любясь открывшимся пейзажем: серебряной ниткой прорезал песчаную гряду ручей, чуть-чуть пожухлая зелень трав обвивала кусты ольшаников, создавая живописный рисунок. Облетающие берёзы, кустарники — всё это образовывало неповторимый ландшафт. Мы стали продвигаться в глубь территории, как вдруг услышали детские голоса. Посторонившись, мы пропустили небольшой отряд ребяташек в непромокаемых курточках и вязаных из разноцветных ниток шапочках. Впереди шагал улыбчивый веснушчатый мальчуган, державший флаг. На бледно-голубом полотнище был нарисован диковинный рогатый жук-олень. Флажки поменьше, тоже с изображением насекомых, несли другие дети. Но вот мимо нас прошли последние следопыты, и мы расспросили руководителя, наблюдавшего издали за ребятами, о цели их путешествия. Он объяснил нам, что эти дети — юннаты и что все члены общества охраны природы приводят сюда своих подшефных школьников, чтобы с детства привить им любовь к природе, к прошлому своей страны. По прибытии в город мы не захотели идти ни в театр, ни в кино, потому что ничто другое, кроме встречи с живым чудом, не влекло нас.

№ 8

Из-за поднявшейся метели я не мог выехать раньше, как предполагал. Было совсем поздно, когда мне подали повозку, запряжённую парой лошадей. Кучер вскочил на козлы, и мы покатили. Какое наслаждение мчаться на бойких лошадях по укатанной снежной дороге! Удивительное спокойствие овладевает тобой, и приятные воспоминания роем теснятся в голове. Недоверие, сомнение — всё осталось позади. Равнина, расстилающаяся перед глазами, блестит алмазами, на горизонте догорает бледная заря. Скоро поднимется луна, озарит таинственным светом всю окрестность. Опираясь на спинку саней, плотно запахнувшись шубой, гляжу на бесконечную тёмную ленту дороги. Вот в отдалении показались две точки, они то исчезают в ухабах, то, обгоняя друг друга, двигаются нам навстречу. Точки приближаются и превращаются в два воза, на которых сидят закутанные фигуры.

Мой кучер здороваётся, о чём-то расспрашивает их и, повернувшись ко мне, говорит: «Не опоздаем, поспеем к поезду».

Снова впереди пусто и тихо, только слышится непрерывный скрип саней да храп лошадей. Утомлённый разнообразием местности, я погружаюсь в какой-то сладкий сон. Мне кажется, что сон мой продолжался несколько мгновений, но, проснувшись, убеждаюсь, что мы уже добрались до цели нашего путешествия. В долине виднеется городок, освещённый рядами фонарей, а на западе догорают звёзды.

№ 9

Дни были невыносимо жаркие, но в небольшом дубовом лесочке стояла живительная свежесть. Упругие гляцевитые листья молодых дубков свежи, как будто их только что обмакнули в зелёный воск. Из-под пёстрой трафаретной листвы папоротников глядит ярко-красная волчья ягода и опавшие жёлуди. Вверху блещет сухая орешина, вся золочённая светом, на тёмно-коричневой торфянистой почве в изобилии произрастают целые семьи грибов. Кругом сонное царство, только стрекочут в траве неугомонные кузнечики до тащат соломинки смышлённые работающие муравьи. Из чашобы на опушку выскочил полинялый заяц, но, сделав прыжок, тотчас же решил пойти на попятную и бросился наутёк.

Высоко в небе плавают ворон. Вот долетает издали, как брошенная горстка гороха, грустный вороний крик. Что он высматривает оттуда? Может быть, он устал парить в поднебесье и хочет этой студёной воды из ручья? А вот издали слышалось словно пение жаворонка.

И вдруг слышится тяжёлый грохот. Опять удар, нива заколебалась, и по ней полоснуло холодом. К чёрной туче, которой заслонены восток и юг, книзу мало-помалу присоединяются тучки поменьше. По верхнему краю тучи, которая кажется непроглядной, блеснула огненная нить серебряной молнии. Вихрь свистнул, защёлкал, и по бурому полю зреющей ржи заблестали причудливые светлые пятна.

И вдруг тихо. Ни молний, ни ветра. Вот и недавно реявший ворон, бросившись вниз, закопошился в посеребрённой листве дуба. На траву упали первые тяжёлые капли, и барабанщик-дождь пустился вовсю.

№ 10

Прошлым летом мне пришлось побывать в одном заволжском селе, затерянном в дремучем смешанном лесу, простирающемся на много километров. Село было небольшое, но какое-то весёлое и оживлённое, как будто праздничное.

При самом въезде в село нас встречает не стихающий ни днём ни ночью шум лесопильного завода. Здесь сложены стопками брусья, навалены брёвна, желтеют кучи ещё не улежавшихся опилок. А вокруг села ни на минуту не умолкает разноголосый птичий шум.

Чего только не даёт человеку этот зелёный богатырь! За что ни возьмёшься, всё так или иначе связано с лесом. Гнутую мебель, кованые сундуки, бочонки — всё это делали местные жители — исконные деревообделочники. А вокруг высятся почти не освоенные пока леса. Да это и немудрено: ведь рабочих рук не хватает, хотя недавно вернулись в село демобилизованные ребята.

Стоит вам углубиться в пустынный, казалось бы, бор, и вы сразу увидите стриженные мальчишечьи головки, услышите певучую девичью переключку. Это грибники, ягодники. Хотя только вчера закончился давно уже ненужный дождь, а ветки обвешаны не высыхающими целый день каплями, весь лес наполнен народом.

Но в самой непролазной чащобе вы можете столкнуться с хмурым, не нуждающимся в попутчиках стариком, который в присутствии нежданного и незваного гостя с деланным безразличием будет собирать ядрёные подосиновики с крутыми шляпками и сконфуженно покашливать. И всё лето несут в магазин сушёную малину, вяленную на солнце ежевику, бруснику, грибы.

№ 11

Чопорный чёрт в чёрной шёлковой одежке сидел на жёстком диване ипил дешёвый желудёвый кофе, изредка чокаясь со своим отражением в тяжёлом глянцевитом самоваре, стоящем на парчовой скатерти шоколадного цвета. Чёрт был большой обжора и, несмотря на изжогу и большую печёнку, объедался крыжовником со сгущённым молоком. Поев и погрозив своему отражению пальцем, чёрт, молодцевато встряхнув чёлкой, пустился танцевать чечётку. Цоканье его копыт было столь сильным, что в цокольном этаже думали, что наверху гарцевала лошадь. Однако чёрт был не очень искусным танцором и, совершив один не совсем удачный скачок, врезался в самовар и обжёг свой пяточок, покрытый мягкой шёрсткой. Ожог был очень тяжёл. Огорчённый чёрт куцей овцой кинулся к бочонку с мочёными яблоками и сунул в него обожжённый пяточок. «Правду говорят, что небережёного бог не бережёт», — чертыхнулся чёрт чертовской пословицей.

№ 12

Опершись на фортепьяно, протодьяконша в колье и пеньюаре, отделанном беличьим мехом, пела низким контральто арию из оперы «Маньчжурская обезьяна», томно поглядывая на сидевшего в бельэтаже флигель-адъютанта, небрежно жевавшего монпансье. Хотя решительного объяснения между ними ещё не произошло, но по всему было видно, что оно не за горами: уж слишком фамильярно — по мнению раскладывавшей пасьянс почтальонши с изъязвлённым оспой лицом — поглядывал во время последнего котильона этот субъект на бедную протодьяконшу. Впрочем, сама певунья была без памяти от этого «славного кабальеро из Севильи», как она его именovala, ещё с того вьюжного вечера, когда он с видом отъявленного злодея разъезжал по набережной

на необъезженном коне по кличке Дьяволёнок, а она мирно прогуливалась, держа под руку съёжившегося от холода подьячего, серьёзно разъяснявшего ей смысл средневекового барельефа, изображавшего испанскую донью в объятых некоего сеньора. С каким-то неизъяснимым блаженством вспоминала протодьяконша с тех пор эту минуту первой влюблённости и всякий раз, ложась спать, клала в изголовье постели медальон с портретом флигель-адъютанта и, пряча свой копьеобразный нос в кроличьем воротнике пеньюара, предавалась сладким мечтаньям.

№ 13

Именинник бешено вопил, исступлённо размахивая над головой рваным башмаком, стащенным второпях с ноги насмерть перепуганного соседа. Изумлённые гости и родственники в первую минуту ошеломлённо застыли, но потом под градом масляных вареников, пущенных в их сторону взбешённым именинником, вынужденно отступили к отворённым дверям. «Изменники! Подсунуть мне бесприданницу, за которую никто гроша ломаного не давал!» — отчаянно визжал он, возмущённо скача на кованом сундуке, застеленном продранной клеёной. «Она невоспитанна и необразованна, неслыханно глупа и невиданно уродлива, к тому же и вовсе без приданого», — кричал он, швыряя драный башмак в недавно купленный соломенный абажур лимонного цвета. Брошенная вслед за ним палка копчёной колбасы угодила в стеклянную вазу, наполненную дистиллированной водой, и вместе с ней рухнула на коротко стриженную, крашенную под каштан голову обвинённой во всех грехах бесприданницы, с уязвлённым видом жавшейся у двери. Та, раненная в голову колбасой, картинно взмахнув обнажёнными по локоть руками и сдавленно пискнув, повалилась в квашню с замешенным тестом, увлекая за собой рождественскую ёлку, увешанную слюдяными игрушками, посеребрёнными сосульками и с золочёной звездой на самой макушке. Восхищённый произведённым эффектом, именинник упоённо пританцовывал на выкрашенном масляной краской комод, инкрустированном тиснёной кожей, куда он перебрался с сундука непосредственно после падения дамы для лучшего обзора кутерьмы, вызванной его экзальтированным поступком.

№ 14

Перед экзаменами

Приближаются весенние экзамены, и мы с братом Сашей усиленно готовимся к их сдаче. Саша учится в университете, а мне ещё далеко до аттестата зрелости: в этом году мне, может быть, удастся получить свидетельство об окончании восьмого класса.

Из-за болезни я не был в школе два месяца и вследствие этого очень отстал. Во что бы то ни стало мне необходимо повторить всю программу, пройденную в продолжение года. Я рассчитал, по скольку страниц надо читать в день, но мне никак не удаётся выполнить эти расчёты. Стоит только усесться за учебник, как в голову сами приходят мысли о стадионе. Хорошо бы сыграть в волейбол или потренироваться в беге — в прошлом году я был чемпионом школы в соревнованиях на короткую дистанцию.

Неплохо сбегать с компанией сверстников на берег Волги, к речному вокзалу, или забраться в палисадник и почитать что-нибудь о кораблях, караванах, необыкновенных приключениях.

Саша весь поглощён занятиями: что-то подчёркивает карандашом в брошюрах, выписывает цитаты из сочинений классиков, иногда читает вполголоса об агрессиях, капитуляции, конгрессах и ещё о чём-то совершенно непонятном.

Я сажусь за стол и тоже читаю о меридианах и параллелях, о кристаллах и элементах.

Но начинается трансляция матча со стадиона «Динамо», и я замираю над недочитанным параграфом. Саша тотчас выключает радиоприёмник.

Я старательно решаю уравнения с двумя неизвестными, но всё равно слышу и шум трамваев, и крики девчонок, скачущих на тротуаре. В отчаянии я ухожу на кухню, но здесь мне мешает сосредоточиться наш пёс Дружок, сидящий в конуре под окном.

№ 15

Детство Антоши Чехонте

Антоша — ученик таганрогской гимназии — взялся за приготовление уроков по латыни на завтрашний день. Но только он обмакнул перо, как входит отец: надо, значит, идти сидеть в лавку. Антоша натягивает старенькое пальтецо и рваные кожаные калоши и идёт вслед за отцом. Лавка, где приходится учить

и недоучивать уроки, отнюдь не весёлое место, а главное, в ней холодно, так что у непоседливых мальчиков-приказчиков, которые от январского мороза сутуловато поёживаются, лица стали серо-синими. Решётчатое окно обынделело, двустворчатую дверь тоже покрыла изморозь.

Антоша, не переставая плакать, взбирается на увесистый ящик из-под казанского мыла, прислоняется к груде мешков с крупитчатой мукой. Завтра — единица, а потом строгий нагоняй от отца, который всё объясняет лишь ленью и рассеянностью. Антоша, который сидел за прилавком будто прикованный, только издали видел заманчивую жизнь сверстников, живущих по-человечески.

А вспыльчивый отец и не подозревал, как были бы счастливы его дети, избавленные от сидения в лавке, от всяческого страха быть высеченными, от созерцания подзатыльников, и не пустячных, которые получали несчастливые мальчики нарочно в присутствии публики. А ведь Антоша не мог без слёз видеть, как бьют извозчичью лошадь!

Скучное сидение в лавке продолжалось и летом, когда пряные запахи привлекали в лавку тучи назойливых мух и они сплошь покрывали и дощатые стены, и сводчатый потолок.

Но по природе отец был вовсе не злым человеком, скорее, наоборот, добрым, и впоследствии, когда жил у сына — уже известного писателя — и в его присутствии вспомнили о розгах, он виновато ответил: «Мало ли что было в тогдашнее времечко».

№ 16

Среди развалин древнего Херсонеса висит над морем колокол, установленный на невысоких, но прочных столбах, пропитанных смолою. Как ни густы бывают студёные осенние туманы, моряки найдут дорогу по размеренным, вовсе не торопливым ударам колокола. Когда-то этот колокол, на котором высечены подлинные греческие письмена, был захвачен чужеземцами и едва ли не сто лет пробыл на чужбине, пока не вернулся наконец на родину.

Когда погода была безветренна, смотритель, не торопясь, сворачивал папиросу из мелкокрошеного табака, надевал форменную бескозырку и почти ненадёванный бушлат и шёл к морю. Затем старик возвращался домой, и ни с чем не сравнимый

запах моря сменялся запахом свежей золы и печённой в жару картошкой.

Весной тоже случались штормы, но ветер тогда дул не холодный, а тёплый и ласковый. Приходили к колоколу не занятые службой матросы, прислушивались к его неумолкающему гулу, не спеша думали о чём-то своём. Тяжёлый, почти не двигающийся от ударов, он гудел обиженно и приглушённо, окаченный волной. А когда море не доставало до него, звенел весело и задорно.

А в развалинах жили ящерицы. С деланным равнодушием, греясь в лучах полуденного солнца, они чутко оберегали жутковатую тишину умершего, никому уже не нужного города. Море тогда бывало почти неподвижным и ровным, как синеватое воронёное блюдо. И белые лепестки цветущих слив и вишен осыпали тогда развалины.

№ 17

Весь следующий день прошёл в напряжённом ожидании норд-оста. На сигнальной мачте с рассвета висел штормовой сигнал — чёрный конус и чёрный квадрат.

Каждый ждал шторма по-своему. Рыбаки торопились поставить на якоря смолёные байды. Перевозчики угоняли шлюпки в тихие затоны. Серо-голубые военные корабли крепче швартовались к ярко-красным плавучим бочкам. Серебряные гидропланы прятались в ангары, как пчёлы заползают в улей. Маячные сторожа протирали суконными тряпками стеклянные линзы фонарей. Ничего не делали только дворники: они ожидали, что ветер выметет и продует насквозь Севастополь.

Устав от бесплодного ожидания бури, я поехал на Северную сторону. В песчаных прибрежных пещерах, выбитых в жёлтых сухих утесах, жили рыбаки — загорелые оборванцы с жёнами и полуголыми детьми. Грязно-серые сети и развешенная на бечёвках рваная роба дополняли пейзаж.

Вдали на заднем плане, за лесом мачт и свёрнутых парусов, похожих на полотняные листья бананов, за путаницей турецких балконов, разбитых черепичных крыш, желтела степь, поросшая пропыленной травой. По ней бродили псы — старожилы и владельцы этих рыбачьих и крепостных берегов.

Дворы напоминали склады декораций. Бельё на каменных оградах висело, как изорванные театральные костюмы. Дети гоняли обручи. Эта игра свойственна всем широтам земного шара. На пустырях валялись остатки реквизита: разбитые глиняные кувшины, жестяные банки, как будто высушенные букеты и поломанные вёсла. Чайки сидели на чугунных шарах — пустых минах, изъеденных ржавчиной. Стены старинных круглых фортов были наискось разрезаны тенью и солнцем. На крышах фортов были укреплены сигнальные мачты. На них развевались флаги.

Я был уверен, что флаги пахнут, как выстиранное бельё. Недаром их беспрестанно обдувал солёный ветер.

Вечером на мачтах загорались зелёные фонари, и казалось, что форты, как мониторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ночь навстречу невидимым вражеским эскадрам.

Эти давным-давно разоружённые брошенные форты остались на Северной стороне со времён севастопольской обороны. Они придавали всему пейзажу облик старинного крепостного района, засыпанного вросшими в землю ядрами.

№ 18

Мы выбрали небольшую равнину, прогретую нежарким в это время солнцем. Если посмотришь направо, на лиственный склон горы, то среди медно-красной листвы увидишь, как среди домов кое-где светятся золотые кроны деревьев. Внизу трава ещё зелёная, как будто молодая, а меж голубоватых камней, как полированная, блистает вода. В стеклянной синеве тихой заводи вода приобретает тёмный цвет, медленно кружит опавшую листву и затем мчит её дальше по каменистому ложу.

Виноград вприкуску с хлебом, особенно под тёплым небом, кажется необыкновенно вкусным. И тут же можно прямо пригоршней напиться осенней, студёной, как драгоценное вино, воды. Рядом с нами лежат пока ещё не разобранные удочки и пол-литровая банка с икрой.

В одном месте вода бурлит огромными клубами, чуть ли не фонтанами, пытаясь растечься вширь, но, стеснённая каменными берегами, устремляется вперёд, собственно, летит, обрызгивая прибрежные камни. Едва только я опустил удочку в самое отчаянное клокотанье, как почувствовал, как меня тянет вниз.

И вот из потока, извиваясь на крючке, облегчённо выскочила серебряная рыбина. Особенно волнующим, истинно красивым было сочетание летящей волны и напряжённой лески, когда слышится гневный рывок пойманной форели.

Искренне обрадованные неожиданно богатым уловом, мы немедленно тронулись в путь. После такой рыбалки невольно замечаешь каждую заводь, отмеченную обыкновенно более густым цветом.

№ 19

Отблестали молнии, отгрохотала канонада грома. Яростный барабанщик, дождь, сначала приостановил, а затем и совсем прекратил свою трескотню. Стихии больше не спорят, не борются. Буря отбушевала, атаки рвавшихся со всех сторон ветров отражены деревьями. Их верхушки не мечутся больше из стороны в сторону. Они резко вырисовываются на очищающемся небе, чуть-чуть колышутся. Дышишь не надышишься чудесной свежестью.

Расстроенные, разгромленные полчища туч уносятся с места сражения. Сейчас должно появиться из-за облачка солнышко. Оно уже выглядывает верхним краешком. Выпрямляется освежённая рожь, благодарно трепещет глянцевая древесная листва. Всё живое вновь суетится и мечется. С новым азартом стрекочет кузнечик, в медвяных чашечках цветов возятся деловито пчёлы. По соломинкам, как по лестнице, шествует жучок и важно управляет свои миниатюрные крылышки. Над камышом ручья кружатся тёмно-синие и бирюзовые стрекозы. Шмель начинает жужжать и нудно проповедовать что-то не слушающим его насекомым.

Из ближних рощ, с пашен и пастбищ — отовсюду доносится радостная птичья разноголосица. Природа не нарадуется: чудесный прошёл дождь, тёплый, урожайный. Скоро теперь появятся грибы. Любители грибного спорта, приготовьтесь к грибной кампании! Поставьте за правило в эти дни не жалеть ни времени, ни сил. Заметьте, что раннему грибу нравится расти и наливаться соком у лесной опушки, а не в глубине лесных чаш.

Встаньте на рассвете и направьтесь в перелесок. Никто из вас не пожалеет о большом размере корзины. С утра на следующий

день после грибного похода вам будет казаться, что ноги одеревенели, спина окостенела, что все лесные растения колются и все насекомые жалятся, но через 15–18 минут вы приободритесь, и всё будет по-прежнему, как вчера. Экономьте силы с утра!

№ 20

Снег, не перестававший сыпаться, казалось, со всех сторон, слепил глаза и словно хотел остановить Василия, но он непрерывно всматривался вдаль, где, казалось, по временам на миг мелькал брезжащий свет, и гнал лошадь не переставая.

Он ехал, как ему казалось, всё прямо, ничего не видя перед собой, кроме головы лошади, пока не зачернелось что-то перед ним. Сердце радостно забилось в нём, и, уже видя не заметённый снегом заборишко и даже скворечник над домом, он быстрее погнал лошадь.

Но чёрное это было не стоящее, а шевелилось и было не деревня, а обвешанный комьями снега и стелющийся под ветром обындевевший куст.

Не обрадованный видом этого куста, Василий стал сильнее погонять лошадь, не замечая того, что взял вовсе не правильное направление. Лошадь заупрячилась и, хоть Василий то усовещивал её словами, а то порол и потчевал кнутом, тянула вправо от пути, который он выбрал.

Опять впереди что-то зачернело. Он обрадовался, уверенный, что теперь уже, наверное, деревня. Но это был точь-в-точь такой же чернобыльник, мучимый немилосердно студёным ветром, который спутывал его ветви крест-накрест.

Ошеломлённый, Василий остановился, пригляделся, и даже такого притерпевшегося ко всяким превратностям судьбы, такого стреляного воробья, как он, всё-таки охватил ужас: он увидел ещё почти не заметённый санный след. Он, по-видимому, кружился на небольшом пространстве.

№ 21

В глухом таёжном междуречье расположился лагерь разведывательной буровой бригады Василия Миронова. Несколько палаток на только что раскорчёванной и выровненной площадке, длинный свежеструганный стол между ними, закопчённое

алюминиевое ведро над костром. А рядом вышка и дощатый домик конторы, где установили рацию, приспособили для обогрева железный бочонок из-под сожжённого в пути горючего. Место, выбранное для лагеря, ничем не отличалось от десятков таких же стоянок в таких же диких, нехоженных местах. С одной стороны — зарастающая тростником и камышовой порослью речонка, с другой — маслянисто блистающее на солнце трясиное болото.

И со всех сторон сразу — бесчисленные полчища комаров и вездливого северного гнуса.

Плыли сюда мироновцы на самоходной плоскодонной барже. Плыли дней шесть, преодолевая бессчётные мели, застревая на песчаных перекатах. Высаживались на берег, чтобы облегчить плоскодонку, и, обессилев, валились в дышащий вековым холодом мох. Если бы выпрямить все затейливые петли реки, получилось бы километров полтораста до посёлка разведчиков. Там остались семьи, там в ранний утренний час гостеприимно раскрываются двери столовой, там поминутно стрекочут вертолёты, прицеливаясь к утрамбованной площадке перед продовольственным складом.

У горстки людей, оторванных от всего этого, было такое чувство, что они давно расстались с домом и неизвестно, когда снова увидят рубленые, давно не крашенные домишки, аккуратно расставленные по обе стороны широкой улицы.

А через четыре года вниз по Оби пошли первые танкеры, гружённые нефтью. И одиннадцать миллионов тонн тюменской нефти, которые, по расчётам специалистов, должны были быть выкачаны из недр в ближайшие годы, не оказались фантастикой. Не преувеличивали сибиряки, рассчитывая на первенство в нефтегазовой индустрии.

№ 22

Сентябрьское солнце, ярко пронизывающее прозрачный воздух, уже низко. Осиновые кусты вперемежку с одинокими деревьями, брошенными там и сям, кажутся словно золочёными. В сторону, противоположную закату, от них тянутся густые тени. Нежно-голубое небо покрыто лёгкими, как пух, и, словно пар, прозрачными облаками, подёрнутыми багряным румянцем. Едва

ощутимое веяние уже нежаркого, но ещё мягкого и нежного ветерка слабо тревожит воздух, напоённый запахом полыни.

Вдруг неведомо откуда доносятся мерные и торжественные звуки, подобные звукам трубы. Это в страшной, почти недоступной глазу высоте протянулись ключом журавли. Но звуки те мало-помалу слабеют, понемногу замирают, и скоро их уже совсем не слышно. Тихо, иногда только по гладкой, точь-в-точь полированной, дороге проскрипит, пробираясь, воз с рожью, и снова тишь.

Визгливые воробьиные стаи то и дело переносятся с конопляников, которые уже давно обобраны и где теперь можно так вольготно порезвиться, на полуразрушенный плетень, на котором возносится домотканая холстинная рубаха и сохнут на колышках горшки.

Словно пущенный камень, пронесится мимо летучая мышь, а там, над камышом, они реют тучами, производя подобный ветру шум.

Проходят считанные минуты — и солнце уже почти закатилось. В глубине востока, неуверенно мигая брезжущим огоньком, вспыхнула маленькая звёздочка.

№ 23

На самой окраине села, неподалеку от шоссе, на песчаном пригорке стоит сосна. Выросшая на приволье, она когда-то поражала своей мощью. И теперь ещё, сорокалетняя или, может быть, девяностолетняя, она не потеряла остатки былой силы. Толстенный, вдвоём не охватишь, ствол весь в чудовищных узлах и сплетениях — ни дать ни взять окаменевшие в сверхъестественном напряжении мускулы гиганта. Толстая бугристая кора, напоминающая шероховатый бок выветренной скалы, местами обвалилась, обнажив изъеденное короедами тело сосны. Ветви торчат в стороны, словно гигантские костлявые руки, сведённые намертво в какой-то загадочной страстной мольбе. Дереву уже не в радость приволье, солнце, дожди. Только на самой верхушке клочок жёлтой, старческой хвои. Но и с этого клочка сыплются крошечными пергаментными мотыльками семечки. Напоминает эта сосна не что иное, как священное дерево, которое, говорят, было в седой древности у каких-то народов.

А вокруг шумит рожь. Сорвите колосок, рассмотрите его повнимательнее. Не ради ль такого колоска умирали бунтующие мужики, целые деревни, скрипя немазаными телегами, тащились на чужбину?

Шуми, шуми, рожь! Что бы ни напоминал твой колос, шум его всё равно успокаивает и радует!

№ 24

Гроза ширилась и наступала на нас. Не успели мы оглянуться, как туча, почти не двигающаяся, казалось, с самого горизонта, неожиданно оказалась перед нами. Вот блеснула огненная нить, и густой смешанный лес, через который мы пробирались, мгновенно озаряется зловещим светом кроваво-красного пламени. Сразу же обиженно пророкотал гром, ещё нерешительный, но как будто тревожный и угрожающий, и тотчас же по листьям забарабанили капли дождя.

Вряд ли знает грозу человек, не встречавшийся с нею в лесу. Мы бросились искать убежище, пока ливень не пустился вовсю. Но было уже поздно: дождь хлынул на нас бешеными, неукротимыми потоками. Оглушительно грохотал гром, а молнии, всё время не перестававшие вспыхивать серебряными отблесками, только ослепляли. Лишь на какую-то долю секунды можно было рассмотреть почти непроходимые заросли, едва не затопленные водой, и крупные листья, обвешанные маслянистыми каплями.

Скоро мы поняли, что, несмотря на все наши старания, мы так и останемся совершенно не защищёнными от дождя. Но вот небо медленно очищается от туч, и мы продолжаем идти по путаной тропинке, которая приводит нас на малоезженую дорогу.

Мы проходим мимо невысокой, но стройной лиственницы, вершина которой расщеплена, и видим не что иное, как обещанную нам избушку лесника. Приветливый старик в холстинной рубахе с несвойственной ему торопливостью разжигает печурку, ставит на стол топлёное молоко, печённую в золе картошку, сушённые на солнце ягоды, предлагает ненадёванный тулупчик. Старик потчует нас на славу.

В продолжение целого дня дождь лил как из ведра, но впоследствии погода прояснилась. Послеполуденное солнце безмя-

тежно засияло, и наступила ниспосланная благодать. Начинаясь чудесный безветренный вечер.

№ 25

В порту

Громадный порт, один из самых больших портов мира, всегда бывал переполнен судами. В него заходили тёмно-ржавые гиганты-броненосцы. Весной и осенью здесь развевались сотни флагов со всех концов земного шара и с утра до вечера раздавались команды на всевозможных языках. От судов к бесчисленным складам туда и обратно по колеблющимся сходням сновали грузчики: русские босяки, оборванные, почти оголённые, смуглые турки в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окрашенными хной в огненно-рыжий цвет. Часто в порт заходили прелестные издали двух- или трёхмачтовые итальянские шхуны. Здесь месяцами раскачивались в грязно-зелёной портовой воде маленькие судёнышки со странной раскраской и причудливым орнаментом. Сюда же изредка заплывали и какие-то диковинные узкие суда, под чёрными просмолёнными парусами, с грязной тряпкой вместо флага. Матросы такого судна — совершенно голые, бронзовые, маленькие люди, — издавая гортанные звуки, с непостижимой быстротой убирали рваные паруса, и мгновенно грязное таинственное судно делалось как мёртвое. И так же загадочно, тёмной ночью, не зажигая огней, оно беззвучно исчезало из порта.

Окрестные и дальние рыбаки свозили в город рыбу: весной — мелкую камсу, миллионами наполнявшую доверху их баркасы, летом — уродливую камбалу, осенью — макрель, а зимой — десяти- и двадцатипудовую белугу, выловленную часто с большой опасностью для жизни.

Все эти люди — матросы разных наций, рыбаки, весёлые юнги, лодочники, грузчики, контрабандисты, — все они были молоды, здоровы, пропитаны ядрёным запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, а на суше предавались с наслаждением бешеному разгулу, пьянству и дракам. По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко наверх, манили их, как волшебные блестящие глаза,

всегда обещая что-то новое, радостное, ещё не испытанное и всегда обманывая.

№ 26

Внизу, у беспорядочно нагромождённых в бесщётном количестве пепельно-серых камней, плещутся, и брызжут, и дышат горько-солёным пьяняще-ароматным воздухом выровненные, как по линейке, волны прилива. Лицо чуть-чуть обвеивает прохладой «морячок», приносящийся из Турции. Ломаной линией тянутся вдоль берега военные склады. Внутренний рейд охраняется от декабрьских и январских штормов железобетонным молом. Изжелта-красный хребет как бы с ходу обрывается в море. Ниоткуда невидимые и недоступные для человека расселины в скалах — убежище птиц. Далеко вверх забрались миниатюрные, белённые негашёной известью глиняные домики. Вдали, на юго-западе, виднеются бело-серые гряды гор с тающими в воздухе, сходящими на нет серебряными вершинами.

В старом-престаром загородном парке тихо и безлюдно. Давно не крашенные деревянные беседки увиты плющом и манят прохладой. Эстрада для оркестра с плохо настланным полом доверху заколочена фанерой. Теперь это не что иное, как склад ненужных театру декораций.

Ничем иным, как складом, не могла быть теперь и галерейка, находящаяся близ эстрады. Беззвучно падают бесчисленные золотисто-жёлтые осенние листья. Парк раскинулся вширь на два-три километра. По тропинкам далеко не безопасно ходить, так как в траве кишат небольшие змейки-медянки. Нижняя площадка усеяна отшлифованными морем блестящими камешками; среди них пробивается растение не-тронь-меня. Войдя в глубь парка, вы увидите на редкость красивый двухэтажный павильон с витыми колонками и с искусной резьбой. Из-за зелени широколиственных деревьев выглядят точённые из камня статуи, относящиеся, по-видимому, к предыстории парка. Клумбы пестрят огненно-красными каннами, гладиолусами и разными субтропическими цветами. Каких сочетаний красок я не увидел здесь! Кого ни спросишь, все говорят, что из парка уходить не хочется. Вряд ли удастся ввиду загруженности приехать сюда ещё раз в течение ближайших лет.

Стояла чудесная весенняя пора. Море пробуждалось от сковавшей его дремоты и как бы посылало свой утренний привет ещё не проснувшейся земле. Желтовато-розовые лучи солнца едва коснулись поверхности воды, позолотили пристань, корпуса судов, стоявших на рейде, и краешки парусных лодок. На дощатых настилах и прямо на песке, всего-навсего шагах в пяти от воды, лежали вповалку какие-то люди. Некоторые из них недавно пришли сюда в надежде на заработок, другие были исконными местными бродягами, которые привыкли проводить летние ночи под открытым небом. С краешка настила распластались два местных «галаха», которые до упаду набродились впотьмах, рассчитывая чем-нибудь поживиться, и, разделив добычу, они заснули каменным сном. Едва-едва забрезжил рассвет, как пристань стала понемногу пробуждаться. Из-за кормы никому не принадлежащей старой баржи появилась компания запоздалых гуляк, которые, видимо, не в меру выпили после тёмных ночных походов и теперь нарушали тишину южного умиляющего душу утра нестройными выкриками. Двое из них шли в обнимку и пели какую-то залихватскую песню. Голоса их звучали нестройно, вразнобой, внося диссонанс в гармонию просыпающегося утра. О, как раздражало это тонко чувствующего художника, который явился сюда с мольбертом и приготовился запечатлеть на своём холсте неподражаемые краски моря. Песнь внезапно оборвалась, и послышалась брань. По-видимому, приятели поссорились всерьёз, ибо один из них наскакивал на другого, гневно размахивая руками и крича что-то в сердцах. Им всегда было вместе тесно, а врозь скучно.

Через час пристань была неузнаваема. Народ сновал взад и вперёд, мальчишки торговали папиросами в розницу, то есть поштучно. Лоточницы продавали печёные и только что сорванные анисовки и грушовки. Все ожидали прибытия тихоокеанского парохода. Взвод солдат во главе с унтер-офицером промаршировал в ногу по набережной и остановился у причала. Вскоре на горизонте показался силуэт судна, а через полчаса железное чудовище вполоборота подходило к причалу. Пароход пришёл вовремя, и пристанская администрация была во всеоружии. Первым по трапу сошёл на берег генерал-майор в сопровождении денщика. Вслед за ним семенила старушонка в душегрейке, держа на руках дрес-

сированную собачонку. Далее двигалась дама в экстравагантном жёлто-зелёном в полоску жакете и молодой человек с моноклем в глазу, в блестящем цилиндре и в макинтоше внакидку. Старушонку, еле-еле державшуюся от усталости на ногах, встретила толпа родственников. Они доверху нагрузили бричку корзинками и баульчиками, набившись туда до отказа...

№ 28

Идёт лесник по тихой тропинке, пробирается сквозь чащобу, а потом перебирается через топкий лесной ручей. Ветер треплет густую крону лип, развеивает зелёные верхи берёз. Только в дубовой листве, такой густой, что, кажется, даже в ливень она не промокает, ветер запутывается и стихает.

Вот лесник останавливается у невысокого деревца, наклоняется. Нет, не поганки, растущие здесь, привлекают его внимание. Лесник отыскивает в сумке инструмент, приступает к работе, и вот уже из тела дерева вынут небольшой блестящий кусочек металла — осколок снаряда. Ничего, скоро рана обрастёт корой, и дерево будет жить по-прежнему. А вот он поравнялся с дубком, который уже перенёс такую же операцию. Теперь и не найдёшь его раны: молодая кора сровняла даже шрам. Останавливается Лукьян Кузьмич возле ростков сосны, нежно прикасается к ним, и от его прикосновения они ласково кивают пушистыми верхушками. «Вот бы сюда привести тех скептиков, которые полагают, будто сосна не может расти на чернозёме», — думает он. В его питомнике выращено более двух миллионов саженцев лиственных и хвойных пород.

Перед возвращением домой можно и передохнуть, и лесник прислоняется спиной к стволу, вслушивается в безыскусный перезвон птичьих голосов. Вдруг к привычным запахам примешивается горьковатый запах горелого. Что за наваждение? Где же горит?

С собой только сумка с немудрёным инструментом да пара рук, а впереди, зловеще блистая, уже текут змейки пламени. Лесник очищает землю от сухих листьев, спешит, преодолевая боль в обожжённых пальцах, погасить пламя, и вот уже один за другим, дойдя до очищенной земли, гаснут огненные ручейки. Лесник вытирает пот со лба. Туда, где только что бушевало бешеное пламя и деревья стояли словно окропленные кровью, возвращается мгла.

№ 29

Центральная электростанция стоит в неглубоком ущелье на речонке Горыни недалеко от пристани. Высокое напряжение опасно для жизни, поэтому на территории станции повсюду на столбах висят предупреждения: «Осторожно: Смерть!» Не раз, казалось, монтеры во время ремонтных работ бывали на волосок от гибели; однако в книге, носящей название «Книга несчастных происшествий», не значится ни одной серьёзной аварии, ни одного несчастья с людьми.

Причина — в умелой организации монтажа и ремонта. По всей площади станции проходят рельсы узкоколейки, находящейся в ведении общей любимицы Лидии Алексеевны Лисицыной, которую во время работы можно найти либо на линии, либо в сигнальной станционной башенке, выстроенной на возвышении (-ье), в садике, среди бурно разросшихся вишен, черешен и груш. Отсюда видны все подъёмы и закругления дороги, виден карьер для выемки балластного песка. Поговорить с Лидией Алексеевной или с её помощницей Любовью Николаевной можно только после окончания работы в её домишке. Живёт она близ станции и занимает маленький флигелёчек, куда к Лидии Алексеевне нередко приходят посетители. По вечерам она и внучок Ванечка сидят в своей спальне и читают. Особенно любят они слушать старинную песенку: «Ты стоишь, моя березонька, на полосоньке». Летом по воскресеньям бабушка с внучком выходят на лужок перед домом или на бережок Горыни. Около них носится собачонка Дружок, которая тербит своего приятеля мальчонку за рубашонку. Наглядевшись на заречные просторы, Лидия Алексеевна усаживается на завалинку и вяжет варежки. Крючок так и мелькает в её руках. Ванечка в это время плетёт корзины из соломинок или делает трещотки и погремушки для змея. Попозже выходит из дому нянюшка Мария Кузьминична, которая когда-то работала подносчицей на электростанции, и начинает рассказывать Лидии Алексеевне обо всём, что она за день сделала.

№ 30

Только совершенно незаинтересованному взгляду русская природа кажется бедной и несколько не разнообразной. Неброская,

но какая-то сосредоточенная и сразу не раскрывающаяся красота её вызывает неповторимое, долго не забывающееся чувство шемящей грусти. Я не знаю ничего более трогательного, чем первый снег, который, несмотря на свою хрупкость, властно манит далью ещё почти не проторённых дорог.

Сколько песен сложено про зиму, сколько поэм посвящено юной красавице в сарафане из серебряной парчи, а нам всё недостаёт. Когда особенно безветренна и румяна зорька, не спеша умывается она студёным рассыпчатым снегом. А как поведёт потом синими глазами из-под опушённых инеем ресниц, так каждый поверит, что такая красота никем и нигде не видана.

Чего только не вспомнишь из далёкой поры юности! Я до сих пор вижу дуги с узорами, писанными масляной краской, золочёную упряжь коней с лебедиными шеями, которые на масляной неделе, едва не сцепившись оглоблями, наперегонки мчат нас по вовсе не узкой деревенской улице. Часто за мной приезжал брат, и мы не медля отправлялись в соседнее село. Заметив, что я загляделся по сторонам, он с непривычной мне ловкостью выталкивал меня из саней и пускал обывдевшего коня в галоп.

В тяжёлых валенках и овчинном свежедублённом полушубке не быстро побежишь, но я налегал изо всех сил, а брат не останавливал коней, пока я не начинал спотыкаться. Но сколько ни пробовал я вытолкнуть его из саней, это мне никогда не удавалось.

Нет, русской зимы нельзя не любить. Люди, не видевшие её, досыта не налюбовавшиеся ею, не поймут русской жизни и русского характера.

№ 31

Прошёл холодный ветреный март, и, наполняя воздух ароматом оттаявшей земли, наступил солнечный апрель, хотя по-прежнему иногда дул студёный ветер. Все обрадовались, увидев, что наперегонки побежали шустрые ручьи, стремясь к сверкающей в отдаленье речонке, ставшей вдруг шумной и полноводной.

Всюду, куда ни взглянешь, стелется над землёй лёгкий пар, на песчаных буграх, которые сами собой уже давно обезлесели, мало-помалу подсохли проталинки, и только на давно неезженной дороге синеют лужицы последней снеговой воды. И степь, и сама деревенька, разбросанная на пригорках, и дощатый заборишко,

и сложенные у него дрова, обмытые дождями и обветренные, — всё казалось таким новым, праздничным, что каждый, кто ни смотрел, не раз удивлялся диковинной перемене.

А вот и прилетели первые скворцы и тут же, несмотря на усталость после долгого перелёта, начали оживлённую работу. Без устали носили пёрышки и соломинки, собирали зёрнышки, брошенные в траве. Прилетели скворцы, и тут же оказалось, что прилетели они не в пору и только один день могли вволю попеть. Весна пошла на попятную, и уже ввечеру ударил мороз, в течение ночи валом валил снег, а пополуночи завьюжило совсем по-январскому.

Люди укрылись в домах, а скворцы забились в хворост, прятались вместе с воробьишками в обиндевших соломенных крышах конюшен... А неопытные или просто недогадливые насмерть замерзали либо на лету, либо в холодных скворечнях. Приходилось голодать: где уже тут найти хоть какое-нибудь семечко.

№ 32

Я чересчур переоценил свою потрёпанную и расшатанную машину. Тяжёлый североуральский участок с его 1280 километрами в осенних условиях оказался не под силу моему заслуженному моторику. Он начал покашливать и сдавать. Ноги у меня одеревенели, глаза остекленели. Ледяные ветры гонят низко нависшие тучи и кое-где уже обледенили машину. По старинной привычке я попробовал беседовать с самим собою: «До аэродрома, Кузьма Кириллыч, не дотянете. Спокойствие! Не дурачься, оставь трассу и сэкономь горючее, приблизься к северным озёрам и разыщи что-нибудь похожее на посадочную площадку. От твоего искусства будет зависеть, приземлишься ты или отправишься к праотцам». Вглядываюсь в знакомую местность, и мысли вереницей проносятся в голове. Когда-то невдалеке отсюда находящемся городишке Золотой Ключик я командовал инженерной ротой, а потом заведовал конструкторским бюро. В этом городишке меня чествовали при получении первого ордена. Помнится, мои юные друзья вместе со мною недоедали и недосыпали — всё создавали новые модели. Бывало, обессиленные свалятся с ног, а потом выспятся и опять за работу. Здесь было так привольно расти моим дочкам Наденьке и Лизоньке!

Но вот вдали что-то заблестело.

Приближаюсь. Да это же не что иное, как чудесное Анненское озеро! Ничто иное в этих местах и не могло бы оказаться. Снижаюсь. Волны беспокойно плещутся, сухие камыши колышутся, шепчутся, что-то назойливо лепечут. Смотришь вниз, и кажется, что на тебя несутся прибрежные скалы и что волны вот-вот докатятся до самолёта.

Приземляюсь у линии прибоя. Кругом никого и ничего. Только тёмно-жёлтые сухие листья вертятся в сумасшедшей пляске. Позвать кого-нибудь? Попробуйте, крикните! Никто не услышит. Если вы крикнете громче, эхо загрохочет в ущелье. Снежинки вертятся в воздухе, колются, жалят и тотчас же тают на щеках. Но что это? Собачий лай. Сухонький старичок с ружьём. Да это же Аниканыч, знаменитый приисковый лекарь, искусно лечивший от цинги и других нехитрых «старательских» болезней настоем можжевельника.

Не рассчитывал я ещё раз ночевать в его избушке. Расспросы. Рассказы. На столе всё такое знакомое: старенькая тканая скатерть, деревянные блюда с криво выжженными на них какими-то надписями, тусклые оловянные ложки, калёные кедрышки, сушённая на ветру и печёная рыба, копчёная медвежатина, варёный картофель, глиняная кринка с мёдом, две серебряные чарки, заветная фляжка, всегда наполненная в ожидании желанного гостя.

№ 33

Много сотен вёрст нужно лететь птицам со своих зимних становищ на родину. Иным придётся сделать чуть ли не тысячекилометровый перелёт. Сколько приключений и опасностей, сколько превратностей встретится им на пути! Чего только не испытывает в течение такого полёта маленькое существо весом около двадцати—двадцати пяти граммов. Право, нет сердца у стрелков, не жалеющих птицу и тогда, когда, обессилевшая после трудного перелёта, повинувшись ничем непобедимому зову природы, она стремится в то место, где впервые увидела солнечный свет.

У животных много своей, таинственной, непонятной людям мудрости. Птицы особенно чутки к переменам погоды и задолго предугадывают их, но зачастую бывает так, что перелётных

странников застигает посреди моря внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, а силы ослаблены и кругом расстилается безбрежное море. И тогда погибает едва ли не вся стая, за исключением наиболее сильных.

Счастье для птиц, если неожиданно-негаданно встретится им в эти минуты морское судно. Невзирая на опасность, целыми тучами опускаются неожиданные и незванные гости на палубу, на борта, на снасти, и странным кажется корабль, обвешанный живыми гирляндами птиц. И суровые моряки, никогда не обидевшие их, не оскорбившие их трепетной доверчивости, спасают им жизнь. Ибо говорится в прекрасном морском поверье, что неизбежно несчастье для того корабля, на котором была убита птица, просившая приюта.

Небезопасным для птиц бывает не что иное, как прибрежный маяк. Измученные перелётом, отяжелевшие от морской влаги птицы, пренебрегая опасностью, стремятся туда, куда их обманчиво влечёт едва брезжущий свет маяка, и на лету разбиваются грудью о толстое стекло и камень галерей. Но опытный вожак, взяв заранее другое направление, всегда предотвратит почти неизбежное несчастье.

№ 34

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо. На тёмно-сером небе мигают звёзды, влажный ветерок колышет тёмные ветви деревьев: слышится сдержанный неясный шёпот ночи. Вот кладут домотканый ковёр на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ёжатся, фыркают; пара только что проснувшихся гусей медленно перебирается через дорогу. За плетёным забором мирно похрапывает сторож; каждый звук как будто висит в застывшем воздухе. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко закрипела не смазанная впопыхах телега. Вы едете-едете вдоль деревни, мимо церкви, с горы направо, через плотину. Впереди не что иное, как пруд, который еле-еле курится. Вам дремлет. А между тем заря разгорается. За воротами слышатся заспанные голоса. Солнце быстро поднимается. Вы второпях взбираетесь на гору. Какой вид! Река вьётся вёрст на восемь, тускло синя сквозь туманную даль; за ней стелются водянисто-зелёные луга,

а дальше невысокие холмы. Как вольно дышит грудь, как быстро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный светлым дыханием весны!

Ещё свежо, но уже чувствуется приближение жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий. Кое-где вдали желтеет рожь, узкими полосками краснеет гречиха. Мужик заранее ставит лошадь в тень. Проходит час, другой... Колючим зноем пышет неподвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напиться? — спрашиваете вы косаря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь колышущиеся кусты ольшаника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь на дно оврага. Серебряные пузырьки поднимаются с песчаного дна источника.

Вы выходите из оврага... Что за свинцовая полоса на небосклоне? Э, да это гроза! Кругом ярко блистает солнце: охотиться ещё можно. Но туча растёт. Скорей! вон, кажется, виднеется сенной сарай... скорее... Вы добежали, вошли... Каков дождик! Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода. Но вот вскоре солнце опять заиграло; вы открываете дверь настежь и выходите. Боже мой, как весело искрится всё кругом, как воздух свеж и пахуч!

Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и охватила полнеба. Солнце садится за горизонт. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; от деревьев вскоре побежали длинные тени. Пора домой, в деревню, где вы устраиваете ночёвку. Сквозь окошко вы видите деревянный стол, горящую свечу и аппетитный ужин...

№ 35

Вот и наступил тихий, безветренный вечер. Едва-едва брезжит заря, отражаясь в тёмных, почти неосвещённых окнах домов. Каждая веточка деревьев поразительно вырисовывается на иссиня-зелёном небе. В отдаленье слышится песня, но звуки в такой вечер смягчены, лишены обыденной резкости и немного таинственны. И всё это, как пряное вино, вливается в каждую каплю крови и понемногу кружит голову.

Нелёгко путь от корпуса до парка, есть ещё опасность столкнуться с дежурным, не спускающим глаз с единственной дорож-

ки, по которой не раз убегали воспитанники. И вот Сергей уже мчится изо всех сил в гору, несмотря на то что отчаянно колются и жалются ветви густого кустарника, произрастающего на берегу пруда, пока не останавливается наконец на пригорке.

Затем, обессилевший окончательно, он не спеша проходит мимо забытой, никому не нужной оранжереи, обвешанной плетущимися растениями, и спускается к неширокой, но глубокой речонке. Наспех раздевшись, он без раздумья с разбегу бросается в студёную воду, достаёт ногами коряжистое илистое дно, на миг задыхается, обожжённый жестоким холодом, и ловко переплывает реку саженками. И когда он, одевшись, не спеша выбирается наверх, то с наслаждением чувствует такую удивительную лёгкость, как будто всё его тело потеряло вес.

№ 36

Однажды, ранней весной, шли мы в Батуми из Порт-Саида. В Константинополе были чумные случаи, и с нами отправили из Дарданелл двух турок, двух карантинных стражей, дабы они удостоверили, что остановки на Босфоре не делалось. Было время обеда. Перед обедом матросам полагается по мензурке спирта. Но некоторые сочли за грех пить в чистый четверг, а чтобы спирт не пропадал даром, преподнесли для потехи туркам. Спирт свалил их, не привыкших к вину, с ног, и они заснули: один, рослый, на корме, другой, маленький, около машинной части. И перед тем, как заснуть, маленький долго бормотал и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски. Он рассказал, что сына его отправили на войну в Аравию. «А уж из Аравии не вернёшься, нет!» — говорил он. И, вскакивая, громко вскрикивал, как бы стреляя из карабина, падал на спину, изображая убитого наповал.

Около двух часов ночи подходили к Стамбулу. Я оделся и вышел в кают-компанию. Среди тишины выделялось медленное постукивание стенных часов и чуть-чуть слышный звон рюмок, которыми увешан потолок в буфете. Я вышел на левый борт и загляделся на приближающийся Стамбул, таинственно-бледный на синеве лунной ночи...

Потом поднялся на мостик. Глядя вперёд, за фок-мачту, дежурили у телеграфа капитан и вахтенный помощник. Они, тоже

заворожённые ночью и Стамбулом, роняли слова команды медленно, вполголоса.

Полная ясная луна стоит справа почти сзади нас, над туманными силуэтами Принцевых островов. Огромная золотая полоса лежит по горизонту за лунным блеском. Я различал глиняные дома стамбульских предместий, высокие минареты вокруг чашеобразных куполов.

Всё ближе роились огни. Вот опять негромкая команда и алыг рулевого. Уже прошла гора Галаты, сплошь залитая каменным городом, подёрнутая прозрачным покровом. Нос парохода медленно поворачивается, и закрывается выход в Мраморное море, блестящий, как стеклянно-золотое поле. Беломраморные дворцы тянутся по левому побережью, купая в воде ступени своих мраморных пристаней. Зеленовато-бледен в тени мрамор.

— Юсу-ф! — вдруг откуда-то издалека пронёсся в тишине чей-то слабый рыдающий зов.

— Юсуф! — снова крикнул кто-то.

Я прислушиваюсь.

— Юсуф! — страстно, захлёбываясь слезами, кричит голос с кормы.

Я быстро пошёл туда. Там был он, маленький турчонок. Проснувшись после пьяного сна, он внезапно постиг всю глубину того, что сделал Стамбул с его никому не нужной жизнью и с прекрасной молодостью Юсуфа.

Я взял его ледяную руку. Неудержимо катившиеся слёзы застилали его изумлённые, остекленевшие от яда глаза.

— Юсуф! — завопил он, захлёбываясь и простирая руки к Стамбулу.

Неслась вода мимо борта.

№ 37

Едва забрезжил рассвет, как Ерофеич, известный местный садовод, был уже на ногах. В юности, защищая Советскую власть, он участвовал в боях под Царицыном и в одном из сражений потерял ногу. За доблестные подвиги Ерофеич получил пенсию и отправился на жительство в родной городишко. Ранее городок был захолустным, но славился по всей окрестности своими чудесными садами. Пристрастившись к садоводству, Ерофеич

всецело посвятил себя этому благородному делу и терпеть не мог дилетантского к нему отношения.

Бывало, зайдёт к нему горе-садовник Манкин, чтобы блеснуть своею учёностью, и обязательно произойдёт инцидент. Он Ерофеичу и о хлорофилле, и о хлорофильных реакциях жужжит в уши, своим интеллектом всячески похваляется, а в практике всегда проявляет косность. Ерофеич сердится, прыгает на деревяшке вокруг собеседника, брызжет во все стороны слюной и морщит свой веснушчатый нос. Сам Ерофеич был кристальной чистоты человек и, несмотря на свои широко известные удачные эксперименты, не имеющие прецедентов и сделавшие его известным, был очень скромн. После яростного диспута и ссоры он обычно долго не мог прийти в себя и продолжал брюзжать. Успокаивал его всегда сад. Чего только в нём не было! Всё, начиная с затейливых растений, искусно взлелеянных садовником, и кончая простым можжевельником.

Ветви яблонь, вишен и черешен, украшенные кристалликами росинки, пригибаются от тяжести к земле. Солнце нещадно жжёт старика, а он ползает вокруг розовых кустов и производит какие-то манипуляции. Больно уколотившись о шипы, Ерофеич только присвистнет да наденет, вздыхая, на руки специальные варежки. В полдень садовник обыкновенно закусывает на терраске под черепитчатой крышей. На столике расставлены немудрёные яства. Вокруг них кружатся и жужжат пчёлы и осы. Посередине стола красуются медовые коврижки вперемешку с творожными ватрушками и румяный крупитчатый пудинг с грецким орехом. Из напитков ставятся дрожжевой квас, топленое молоко да простокваша. Для аппетита Ерофеич всегда начинал обед с семужки или с копчушки, а далее хозяйка потчевала его тем, что было под рукой. Подкрепившись, Ерофеич просил постлать ему циновку в готической беседке и шёл отдыхать. Частенько в сад заходили юннаты, которых Ерофеич учил искусству садовничать.

№ 38

В неоглядно знойных облаках пыли, задыхаясь, потонули станичные сады, улицы, хаты, и лишь остро выглядывают верхушки пирамидальных тополей.

Отовсюду несётся говор, гул, лошадиное ржание, лязг железа, детский плач, забубённые песни под пьяную гармошку. Как будто громадный невиданный улей, потерявший матку, разноголосорастерянно гудит нестройным большим гулом. Эта безграничная горячая муть поглотила и степь до самых ветряных мельниц на кургане. Вдали за рекой синееющими громадами загораживают полнеба горы.

Удивлённо плавают в сверкающем зное, прислушиваясь, рыжие степные разбойники-коршуны, поворачивая кривые носы, и ничего не могут разобрать — не было ещё такого.

В станице смутно, неясно, запылённо; перепутано гамом, шумом. Выделяясь из коровьего мычания, горластого петушиного крика, людского говора, разносятся то стройные, то обветренные, хриплые, то крепкие степные звонкие голоса: «Товарищи! На митинг!»

А вокруг с возрастающим гомоном всё шире растекается людское море. Седобородые старики, бабы с измученными лицами, весёлые глаза девчат, ребятишки шныряют между ногами, собаки, торопливо дыша, дергают высунутыми языками, — и всё это тонет в громадной, всё заливающей массе солдат. Лохмато-воинственные папахи, измызганные фуражки, городские шляпы с обвисшими краями. В рваных гимнастёрках, в вылинявших ситцевых рубахах, в черкесках, нестройно, как попало, глядят во все стороны над головами тёмно-воронёные штыки.

У мельницы стоит низкий человек, весь тяжело сбитый, точно из свинца, со сцепленными четырёхугольными челюстями. Из-под низко срезанных бровей, как два шила, блестят маленькие, ничего не упускающие серые глазки. Тень от него лежит короткая — голову ей оттаптывают кругом ногами.

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась худая, длинная, сожжённая солнцем и работой, горем, костлявая бабья рука, и замученный бабий голос заметался: «И слушать не будем! Слазь!»

И опять исступлённо забушевало над толпой — каждый кричал своё, никого не слушая.

Человек с железными челюстями оглядел бушевавшее человеческое море: чёрно-кричащие рты, тёмно-красные лица, из-под бровей искрятся злобно-кричащие глаза.

Шум, ругань заглушили одинокий голос выступающего.

III. Пунктуационные диктанты

№ 1

В истории русской живописи сохранились имена прекрасных художников-пейзажистов: Саврасова, Васильева, Куинджи, Левитана и др. Один из лучших художников этого жанра — Шишкин. Русская природа — основная тема его творчества. В своих картинах он воспевал родную землю, её свежее дыхание, необозримые просторы и богатства. Цветущие поля, сосновые рощи, лесные дали, папоротник в лесу, ручей в лесной чаще — всё это близко и дорого сердцу художника.

Широко известны многие его картины: «Сосновый бор», «Лесная глушь», «Рожь», «Среди равнины ровныя...», «На севере диком», «Корабельная роща», «Лес весной» и другие.

«Утро в сосновом лесу» — одна из лучших картин художника. Он писал русскую природу летом и зимой, весной и осенью, на восходе солнца, в яркий полдень и при закате — в разные времена года, в различные часы дня. Всё: обыкновенное дерево, старый пень, полевые цветы — привлекало внимание художника. Во всём он умел находить красоту: в тумане над рекой, в лесной полянке, в чаще леса. Смотришь на его картины и вдруг как будто снова находишься среди родной природы: у знакомой речки, в родном лесу, в поле. Картины Шишкина широко известны как в нашей стране, так и за рубежом.

№ 2

Дубечня — так называлась наша первая железнодорожная станция — находилась в семнадцати верстах от города. В течение нескольких часов я шёл туда пешком, и на протяжении всей дороги ярко зеленели озимь и яровые, охваченные утренним солнцем.

В Дубечне штукатурили внутри станцию и строился верхний деревянный этаж у водокачки. Было довольно-таки жарко, и рабочие вяло бродили по кучам щепок и мусора. Ни одного дерева не виделось вокруг.

Походив часа два, я заметил, что от станции куда-то вправо шли телеграфные столбы, которые через полверсты оканчивались у белого каменного забора. Рабочие сказали, что там контора, и я, подумав, решил, что нужно идти именно туда.

Это была старая и, по-видимому, заброшенная, никем не заселённая усадьба. В ворота был виден просторный двор, поросший бурьяном, и прежний барский дом с высокой крышей, рыжей от ржавчины.

Позади старинного дома был большой сад, уже одичавший, заглушённый выросшей травой и кустарником.

Я прошёлся по террасе, ещё крепкой и красивой. Было густо, и сад казался непроходимым, но это только вблизи дома, где ещё стояли тополи, сосны и старые липы-сверстницы, уцелевшие от прежних аллей. Чем дальше вглубь, тем было просторнее.

Сад, всё больше редая и переходя в настоящий луг, спускался к реке, поросшей зелёным камышом и ивняком. Около мельничной плотины был плёс, глубокий и рыбный, сердито шумела небольшая мельница с соломенной крышей, неистово квакали лягушки. По ту сторону речки находилась деревушка Дубечня. Голубой плёс манил к себе, обещая прохладу и покой. И теперь всё это: и плёс, и мельница, и уютные берега — принадлежало инженеру.

№ 3

Гроза

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь — десять; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по неширокой пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная тёмно-лиловая туча медленно поднималась из-за лесу; надо мною и мне навстречу, длинные, серые, неслись облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжей по лошади, спустился в неглубокий овраг, перебрался через ручей, наполовину высохший и заросший лозняками, поднялся в гору и въехал в лес.

Дорога вилась передо мною между чересчур густыми кустами орешника, уже окутанными мраком; я подвигался вперёд с трудом. Дрожки отчаянно прыгали по твёрдым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колёс; моя некованая лошадь начала

спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния — и гроза разразилась. Дождь полил ручьями.

Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, терпеливо ожидал я конца ненастья.

Наконец дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады уже отчасти рассеянных туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над головой уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали, сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Небо всё более расчищалось, в лесу заметно светлело.

№ 4

Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал, как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала. Звуки эти заполняли всё пространство между рекой и небосводом. Это летели журавли.

Я поднял голову: большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу.

Я бросил вёсла и долго смотрел на журавлей. По береговой просёлочной дороге ехал, покачиваясь, грузовичок. Шофёр остановил машину, вышел и тоже начал смотреть на журавлей.

«Счастливо, друзья!» — крикнул он и помахал рукой вслед птицам. Потом он опять забрался в кабину, открыл боковое стекло, высунулся, смотрел и смотрел и всё слушал плеск и переливы птичьего крика.

За несколько дней до этой встречи с журавлями один московский журнал попросил меня написать статью о том, что такое «шедевр», и рассказать о каком-нибудь литературном шедевре.

Сейчас на реке я подумал, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей и их величавый перелёт по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам?

Птицы прощались с Россией, с её болотами и чашобами. Оттуда уже сочился осенний воздух, сильно отдающий свежестью.

Да что говорить! Каждый осенний лист был шедевром, совершенным творением природы, произведением её таинственного искусства, недоступного нам, людям. Этим искусством уверенно владела только она, только природа, равнодушная к нашим восторгам и похвалам.

...Я пишу всё это осенней ночью. Осени за окном не видно. Но стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнёт настойчиво дышать в лицо холодноватую свежестью своих загадочных чёрных пространств, горьким запахом первого тонкого льда, сковавшего к ночи неподвижные воды, начнёт перешёптываться с последней листвой, облетающей непрерывно днём и ночью.

№ 5

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелье, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владикавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все приезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут ещё три дня, ибо оказия из Екатеринограда ещё не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. Но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей: видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград.

Первый день я провёл очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встрети-

лись, как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

№ 6

Душный полдень, где-то только что бухнула пушка — мягкий, странный звук, точно лопнуло огромное гнилое яйцо. В воздухе, потрясённом взрывом, едкие запахи города стали ощутимее, острее пахнет оливковым маслом, чесноком, вином и нагретой пылью.

Жаркий шум южного дня, покрытый тяжёлым вздохом пушки, на секунду прижался к нагретым камням мостовых и, снова вскинувшись над улицами, потёк в море широкой мутной рекой.

Город — празднично ярок и пёстр, как богато расшитая риза священника; в его страстных криках, трепете и столах богослужбно звучит пение жизни. Каждый город — храм, возведённый трудами людей, всякая работа — молитва Будущему.

Солнце — в зените, раскалённое синее небо ослепляет, как будто из каждой его точки на землю, на море падает огненно-синий луч, глубоко вонзаясь в камень города и воду. Море блестит, словно шёлк, густо расшитый серебром, и, чуть касаясь набережной сонными движениями зеленоватых тёплых волн, тихо поёт мудрую песню об источнике жизни и счастья — солнце.

Пыльные, потные люди, весело и шумно переключаясь, бегут обедать, многие спешат на берег и, быстро сбросив серые одежды, прыгают в море, — смуглые тела, падая в воду, тотчас становятся до смешного маленькими, точно тёмные крупинки пыли в большой чаше вина.

Шёлковые всплески воды, радостные крики освежённого тела, громкий смех и визг ребятишек — всё это и радужные брызги моря, разбитого прыжками людей, вздымается к солнцу, как весёлая жертва ему.

№ 7

Прошло около часа, как мы расстались с нашей компанией, и нам оставалось немного подняться, чтобы достигнуть вершины горного хребта, где, как говорили, есть роскошные долины и леса. Подъём становился всё круче и круче. Приходилось делать

беспреданно крутые повороты, и мы решили немного посидеть на бугорке, покрытом порыжевшей, выжженной травой, а по краям какими-то невиданными цветами. Мы, жители северных равнин, впервые были на такой высоте. Внизу тянулись бесконечной вереницей длинные серые облака, то открывая, то закрывая окрестности.

Неподалеку от нас, на утёсе, красавец-орёл терзал свою добычу: бедный зайчишка, должно быть, попался на обед пернатому хищнику. С жадностью поглощая окровавленные куски один за другим, он на минуту останавливался, поглядывая по сторонам, и, крепче впиваясь когтями в добычу, снова продолжал свою работу.

Мы не просидели и четверти часа, как внезапно почувствовали какую-то необыкновенную свежесть, точно вошли в погреб, и оглянулись: тёмная туча начинала заволакивать не только то место, где мы сидели, но и близлежащие. Мы бросились вниз. Минуты через две не было видно ни бугорка, на котором мы расположились отдохнуть, ни утёса, на котором сидел орёл, так как туча всё собой закрыла. Стал накрапывать дождик, вскоре перешедший в ливень. Дорожка, по которой мы карабкались незадолго перед этим, превратилась в ручей, кативший вниз вместе с камнями свои вспенившиеся струи. Поднялся свежий восточный ветер, и мы, иззябшие, промокшие до последней нитки, измученные, воротились домой, посмеиваясь друг над другом и ничуть не сожалея ни о потраченном времени, ни о своём предприятии, давно задуманном, но, к сожалению, не доведённом до желанного конца. Может быть, нам удастся этого добиться в другой раз.

№ 8

Заповедный лес под Воронежем — последний на границе донских степей. Он слабо шумит, прохладный, в запахе трав, но стоит выйти на опушку — и в лицо ударит жаром, резким светом, и до самого края земли откроется степь, далёкая и ветреная, как море.

Откроются ветряки, что машут крыльями на курганах, и острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо — высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их немного, но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от них изредка проплывает то тут, то там по степи. Проплывает так медленно, что можно долго идти в этой тени, не отставая от неё и прячась от палящего солнца.

В степи, недалеко от старого липового парка, проблёскивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. По ней шныряют водяные пауки, а на берегах сидят и тяжело дышат — никак не могут отдышаться от сухой жары — сонные лягушки.

Липовый парк, изрытый блиндажами — разрушенными и заросшими дикой малиной, — слышен издалека. С рассвета до темноты он свистит, щёлкает и звенит от множества синиц, щеглов, малиновок и чижей. Птичья суতোлка никогда не затихает в кущах лип — таких высоких, что от взгляда на них может закружиться голова.

С птицами в парке у меня были свои счёты. Часто ранним утром я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк, сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождём росы. Они с треском вылетали из зарослей, будто выныривали из воды, и опрومتью неслись в глубину парка.

Должно быть, это было красивое зрелище, но я промокал от росы и не очень им любовался. Я старался идти тихо, бесшумно, но это не помогало. Чем незаметнее я подходил к какому-нибудь кусту, переполненному птицами, тем сильнее был переполох и тем обильнее летела на меня холодная роса.

Я приходил на речку. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека.

№ 9

Одна из бесчисленных деревень. Не лучше и не хуже других. Но выбор наш не случайный — в этой деревне родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Построек, связанных с жизнью великого человека, тут не осталось. Время не пощадило ничего, кроме маленького пруда, вырытого отцом академика. В пруду семья Ломоносовых держав

ла к столу карасей. У дороги темнеет ёлка, как раз против неё и находился этот пруд, поросший лозинками. За прудом справа домик-музей. Он построен как раз на том месте, где когда-то стояла изба Ломоносовых. От дома видно: белеет Двина, вернее, один из многих её рукавов, называемый тут Курополка. По реке вниз уходили когда-то на промысел зверобой. По реке мимо этой деревни не один раз проплывал Петр I. Увидев его в этом месте, соседнее село Холмогоры било в колокола и палило из пушек.

Деревню называли Денисовкой. По заблуждению многие из нас родиной Ломоносова считают село Холмогоры. (Холмогоры стоят через реку, в трёх километрах.) Заблуждение проистекает из того, что Денисовка была никому не известной деревней. Холмогоры же старше Москвы и были известны по всей России как крупный северный город, принимавший заморские корабли, а из глубин российских встречали корабли с мёдом, льном, воском, мехами и хлебом.

Для полной точности надо сказать: совсем недавно установлено: Ломоносов родился в деревне Мишанинской. Это известие взволновало и огорчило денисовцев. Но страсти улеглись, когда уточнили: деревни давным-давно слились в одну, и название «Мишанинская» перестало существовать. Не существует сегодня и название «Денисовка». Деревня именуется Л о м о н о с о в о.

№ 10

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над

пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопа хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамах... Как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысяча восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скупая своим заключением и темнотою.

№ 11

Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда князя Андрея, чтобы велеть батарее отступить как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела, но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырёх, никем не защищённых пушек.

Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: «Ловко! Вот так-так!» Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но, как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлённы. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним картечью.

В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая снаряды.

Вследствие этого страшного гула и шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось всё веселее и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он всё помнил, всё соображал, всё делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека.

№ 12

Сбоку дороги — могильный курган. На обветренной ветрами вершине его скорбно шуршат голые ветви прошлогодней полыни, по скатам, от самой вершины до подошвы, стелются пучки жёлтого пушистого ковыля. Безрадостно тусклые, выцветшие от солнца и непогоды, они простирают над древней, выветрившейся почвой свои волокнистые ветви, даже весною, среди ликующего цветения разнотравья, выглядят старчески-уныло, и только под осень блещут и переливаются гордой изморозной белизной. И лишь осенью кажется, что величаво приосанившийся курган караулит степь, весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу.

Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подблачья степной беркут. Шумя крыльями, он упадёт на курган, неуклюже ступнет два раза и станет чистить изогнутым клювом коричневый веер вытянутого крыла, а потом застынет, откинув голову и устремив в вечно синее небо янтарный, окольцованный чёрным ободком глаз. Как камень-самородок, недвижимый и изжелта-бурый, беркут отдохнёт перед вечерней ловлей и снова оторвётся от земли.

До заката солнца ещё не раз серая тень его царственных крыльев перечеркнёт степь.

Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Персию ли?

Зимой же, когда могильный курган — в горностаевой мантии снега, каждый день в голубино-сизых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый лис. Он стоит долго, мёртво,

словно изваянный из жёлто-пламенного мрамора, стоит, опустив на лиловый снег рыжий хвост, вытянув навстречу ветру заострённую, с дымной черниной у пасти, морду. В этот момент только его агатовый влажный нос живёт, лоя жадно развёрнутыми, трепещущими ноздрями запах снега, и неугасимую горечь убитой морозами полыни, и весёлый душок конского помёта, и несказанно волнующий, еле ощутимый аромат куропатиного выводка.

Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога, издавна зовут его Смертным, а старинное предание поясняет, что под курганом когда-то, в старину, умер раненый казак, быть может тот самый, о котором в старинной песне поётся.

№ 13

Весенняя ночь

Так дошёл я до узенькой, всего в сажень шириною, но необычайно быстрой речонки, называвшейся Пра. Её звонкий лепет доносился до меня ещё издалека. Через неё с незапамятных времён была мужиками перекинута «лава» — первобытный неуклюжий мост из больших древесных сучьев, перевязанных берёзовыми лыками. Странно, никогда мне не удавалось благополучно перебраться через эту проказливую речонку. Так и ныне: как ни старался я держать равновесие, а пришлось всё-таки угодить мимо и зачерпнуть холодной воды в кожаные, большие, выше колена бахилы. Пришлось на другом бережку сесть, разуться и вытрясти воду из тяжёлой обуви.

Но уже падает, падает мгла на землю. Если теперь выйти из освещённого жилья на волю, то сразу попадёшь в чёрную тьму. Но мой глаз уже обвык, и я ещё ясно вижу нужную мне, знакомую верею (верея — холм, высоко возвышающийся над болотом). Почти всегда на ней свободно растут две или три мощные столетние сосны, упирающиеся далёкими вершинами в небо, а четырёхохватными стволами в землю. Ещё ясно различаю, как на самом кряжистом дереве, покрытом древнею, грубою, обомшелой корою, протянулся и точно дрожит бог весть откуда падающий густо-золотой луч, и дерево в этом месте кажется отлитым из красной меди.

Вылез тонкий, ясный, только что очищенный серп полумесяца на высокое небо, и только теперь стало заметно, как

темна и черна весенняя ночь. Бежит, бежит молодой нарядный блестящий месяц, плывёт, как быстрый корабль, волоча за собою на никому не видимом буксире маленькую отважную звёздочку-лодку. Порой они оба: и бригантина, и малая шлюпочка — раз за разом ныряют в белые, распушённые, косматые облака и мгновенно озаряют их оранжевым сиянием, точно зажгли там рыжие брандеры.

Как странно и как торжественно-сладостно ощущать, что сейчас во всём огромном лесу происходит великое и торжественное таинство, которое старые садоводы и лесники так мудро называют первым весенним движением соков.

№ 14

Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка; родными — как милый, приятный молодой человек, знакомыми — как красивый гусарский поручик, ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы.

Знакомых у Ростовых была вся Москва; денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что были перезаложены все имения, и потому Николушка, заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого ещё в Москве не было, и сапоги, самые модные, с маленькими серебряными шпорами, проводил время очень весело. Ростов, вернувшись домой, испытал приятное чувство примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос. Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен, тайные поцелуи с Соней, он про всё это вспоминал, как про ребячество, от которого он неизмеримо был далёк теперь. Теперь он — гусарский поручик, готовит своего рысака на бега вместе с известными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом, бывал в Английском клубе, и был на «ты» с одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов.

Страсть его к государю несколько ослабела в Москве, так как он за это время не видел его. Но он всё-таки часто рассказывал

о нём, давая чувствовать, что он ещё не всё рассказывает, что что-то есть в его чувстве к государю, что не может быть всем понятно.

В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а, напротив, разошёлся с Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно влюблена в него; он был в той поре молодости, когда кажется, что этим некогда заниматься, и молодой человек боится связываться — дорожит своей свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда он думал о Соне в это новое пребывание в Москве, он говорил себе: «Э! Ещё много, много таких будет и есть там, где-то, мне ещё неизвестных». Кроме того, ему казалось что-то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество, притворяясь, что делал это против воли. Бега, Английский клуб, кутёж с Денисовым — это было другое дело: это было прилично молодцу-гусару.

№ 15

Путешествие, как известно, тем именно и отличается от обыкновенного образа жизни, что даёт непрерывную смену впечатлений, разнообразит её течение более или менее занимательными приключениями, которые все мало ездившие склонны видеть в одном розовом свете. Мы сели на пароход именно в этом настроении, заранее предвкушая все предстоящие нам наслаждения. Надо сознаться, что окружающая обстановка сильно поддерживала эту иллюзию: солнце так мягко и ласково обливало своими золотыми лучами зеленеющие холмы правого берега; Днепр спокойно катил свои мутноватые воды, синевя вдали безупречной лазурью. Но прошёл день, прошла ночь, и радостное настроение сменилось настроением грустным. Заморосил мелкий дождик, подул холодный ветерок, и весь видимый горизонт обложило тучами. По дороге из Кременчуга ночевали в Каменском. Стояли мы в Каменском до четырёх часов утра, когда наш случайный мирный сон улетел безвозвратно, испугавшись лязга якорных цепей, топота десяти хорошо подкованных ног, громыханья каких-то тяжестей, перемещавшихся прямо над нашими головами. Вышли на палубу. День был серенький. В шестом часу утра показался Екатеринослав, закутанный клубом дыма, щедро выбрасываемого

бесчисленными трубами завода. Кружевной полосой повис в воздухе железнодорожный мост, и на правом берегу реки показались первые городские строения, довольно невзрачного вида. Пароход «Рыцарь», вспенивая воду своей белой грудью, величественно пронесется мимо плотов, лодок, загромождивших весь правый берег, и не без чувства собственного достоинства причаливает к пристани. Вещи, с любезного согласия местной администрации, оставляем на пристани, а сами выходим на берег нанимать экипаж на пороги. Оказывается, что это совсем не легко. Извозчиков хотя и много, но они не только не едут на пороги, но даже не удостоивают ответа, и только после усиленных настояний следует короткий, но вразумительный ответ: «Не поеду!» Никто не хочет ехать, отказываются, отговариваясь незнанием дороги, так как никогда на порогах не бывали и о существовании таковых на Днепре не знают.

№ 16

Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было всё на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка пробегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колёса, когда лошади выбивались из сил. Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она всё поднималась и, наконец, пропадала в облаке, которое ещё с вечера отдыхало на вершине, как коршун, ожидающий добычу. Мне было как-то весело, что я так высоко над миром. Чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми. Всё приобретённое отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать воз-

дух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймёт мое желание передать, рассказать, нарисовать эти картины. Вот наконец мы взобрались на гору, остановились и огляделись: над ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; на востоке всё было так же ясно и золотисто.

И точно, такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая от тёплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую. Все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки. Солнце чуть показалось из-за тёмно-синей горы; над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет непогода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой!» — закричал он.

№ 17

Нехлюдов заехал к тётушкам потому, что имение их было по дороге к прошедшему вперёд его полку, и потому, что они его очень об этом просили, но, главное, заехал он теперь для того, чтобы увидеть Катюшу. Может быть, в глубине души и было у него уже дурное намерение против Катюши, но он не сознавал этого намерения, а просто ему хотелось побывать в тех местах, где ему было так хорошо, и увидеть немного смешных, но милых, добродушных тётушек, всегда незаметно для него окружавших его атмосферой любви и восхищения, и увидеть милую Катюшу, о которой осталось такое приятное воспоминание.

Приехал он в конце марта, в страстную пятницу, по самой распутице, под проливным дождём, так что приехал до нитки промокший и озябший. «У них ли ещё она?» — думал он, въезжая на знакомый, заваленный свалившимся снегом с крыши старинный помещичий двор.

Скинув всё мокрое и только начав одеваться, Нехлюдов услышал быстрые шаги, и в дверь постучались. Он узнал и шаги и стук в дверь. Так ходила и стучалась только она.

Это была она, Катюша. Всё та же, ещё милее, чем прежде. Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся, наивные, чуть косившие чёрные глаза. Она, как и прежде, была в чистом белом фартуке. Она принесла от тётушек только что вынутый из бумажки душистый кусок мыла и два полотенца: большое русское и мохнатое. И нетронутое с отпечатанными буквами мыло, и полотенца, и сама она — всё это было одинаково чисто, свежо, нетронуто и приятно. Милые, твердые, красные губы её всё так же морщились, как и прежде при виде его, от неудержимой радости.

— С приездом вас, Дмитрий Иванович! — с трудом выговорила она, и лицо её залилось румянцем.

— Здравствуйте... здравствуйте, — не знал он, как, на «ты» или на «вы», говорить с ней, и покраснел так же, как и она. — Живы, здоровы?

Тётушки, и всегда любившие Нехлюдова, ещё радостнее, чем обыкновенно, встретили его в этот раз. Дмитрий ехал на войну, где мог быть ранен, убит.

Нехлюдов распределил свою поездку так, чтобы пробыть у тётушек только сутки, но, увидав Катюшу, он согласился встретиться у тётушек Пасху, которая была через два дня, и телеграфировал своему приятелю, с которым они должны были съехаться в Одессе, чтобы и он заехал к тётушкам.

№ 18

Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна была ещё лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Промокший и озябший герой наш ни о чём не думал, как только о постели. На крыльцо вышла какая-то женщина, проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их

кто-нибудь вымазал мёдом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки, размещённые по ящикам комодов.

Чичиков извинился, что побеспокоил неожиданным приездом.

— Ничего, ничего, — сказала хозяйка. — С дороги бы следовало поесть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чём, что, кроме постели, он ничего не требует, и полюбопытствовал только знать, в какие места заехал он и далеко ли отсюда к помещику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка. Когда, подставивши стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту.

№ 19

Мы стояли в местечке Н. Жизнь армейского офицера известна: утром ученье, манеж; обед у полкового командира; вечером пунш и карты. В местечке не было ни одного открытого дома, ни одной невесты. Мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества. К тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах. Никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном чёрном

сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров. Правда, обед его состоял из двух или трёх блюд, приготовленных отставным солдатом. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том спрашивать. У него водились книги, большею частью военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя назад, зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолетов. Стены его комнаты были все источены пулями, как соты пчелиные. Искусство, которого он достиг, было невероятно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы.

Разговор между нами касался часто поединков. Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что такие вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нём что-нибудь похожее на робость. Есть люди, одна наружность которых удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

№ 20

В те дни вечерами уже холодало, дело шло к осени. По ночам же почва быстро выхолаживалась, и к рассвету степь покрывалась белёсым, как солончак, налётом недолговечного инея. Скучная, безотрадная пора приближалась для степного зверя. Та редкая дичь, что держалась в этих краях летом, исчезала — кто куда, кто в тёплые края, кто в норы, кто подался на зиму в пески. Теперь каждая лисица промышляла себе пропитание, рыская в степи в полном одиночестве, точно бы начисто перевелось на свете лисье отродье. Молодняк того года уже подрос и разбежался в разные стороны, а любовная пора ещё была впереди, когда лисы начнут сбегаться зимой отовсюду для новых встреч, когда самцы будут сшибаться в драках с такой силой, какой наделена жизнь от сотворения мира...

С наступлением ночи лисица вышла из овражка. Выждала, вслушиваясь, и потрусила к железнодорожной насыпи, бес-

шумно перебегая то на одну, то на другую сторону путей. Здесь она выискивала объедки, выброшенные пассажирами из окон вагонов. Долго ей пришлось бежать вдоль откосов, обнюхивая всяческие предметы, дразнящие и отвратительно пахнущие, пока не наткнулась на что-то мало-мальски пригодное. Весь путь следования поездов был засорён обрывками бумаги и скомканных газет, битыми бутылками, окурками, искорёженными консервными банками и прочим бесполезным мусором. Особенно зловонным был дух из горлышек уцелевших бутылок — разило дурманом. После того как два раза голова, лисица уже избегала вдыхать в себя спиртной воздух. Фыркала, отскакивала сразу в сторону.

А того, что ей требовалось, ради чего она так долго готовилась, перебарывая собственный страх, как назло не встречалось.

№ 21

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звёзды спокойно сияли на тёмно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? Эти лампы, зажжённые, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонёк, зажжённый на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, со своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме своей невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственно нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались из одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределённого,

хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моём; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлечённой мысли. И к чему это ведёт?

№ 22

Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует отнести и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приёмах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чёрт знает что такое!»

Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или выстроить каменный мост, на котором были бы по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян.

В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шёлковой материей, которая, верно, стоила весьма недёшево, но на два кресла её недоставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они ещё не готовы». Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них всё ещё каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голоском: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Словом, они были, то что говорится, счастливы.

№ 23

В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Берёза, вся усеянная зелёными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала зелёная, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме. Лошади зафыркали, въехав в лес.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берёз, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой берёзы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанною корою, заросшею старыми болячками. С огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися берёзами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье! — как будто говорил этот дуб, — и как не надоест вам один и тот же глупый и бессмысленный обман. Всё одно и то же, и всё обман».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он всё так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди них.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб», — подумал князь Андрей. Целый ряд мыслей безнадёжных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришёл к тому же прежнему успокоительному и безнадёжному заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая.

№ 24

Челкаш проснулся первым, тревожно оглянулся вокруг, сразу успокоился и посмотрел на Гаврилу, ещё спавшего. Тот сладко всхрапывал и во сне улыбался чему-то всем своим детским, здоровым, загорелым лицом. Челкаш вздохнул и полез по узкой верёвочной лестнице. В отверстие трюма смотрел свинцовый кусок неба. Было светло, но по-осеннему скудно и серо.

Челкаш вернулся часа через два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху. Он был одет в длинные крепкие сапоги, в куртку, в кожаные штаны и походил на охотника. Весь его костюм был потёрт, но крепок и очень шёл к нему, делая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный вид.

Ногой он толкнул Гаврилу. Тот вскочил и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкаш захохотал, а затем протянул Гавриле несколько бумажек. Тот взял их дрожащей рукой и стал прятать куда-то за пазуху, жадно сощурился, шумно втягивая в себя воздух, точно пил что-то жгучее. Челкаш с насмешливой улыбкой поглядывал на него.

Гаврила, вдруг вспыхивая страстным возбуждением, отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли и с лёту хватая слова, заговорил о жизни в деревне с деньгами и без денег. Почёт, довольство, веселье...

Челкаш слушал его внимательно, с серьёзным лицом и с глазами, сощуренными какой-то думой. Вдруг он заметил, что Гаврила очень переменялся. Его лицо то краснело, то делалось серым, и он мялся на месте, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый иным желанием, исполнить которое ему было трудно. И тут Гаврила сорвался со своего места, бросился к ногам Челкаша, обнял их своими руками и дёрнул к себе. Челкаш пошатнулся, грузно сел на песок и, скрипнув зубами, резко взмахнул в воздухе своей длинной рукой, сжатой в кулак. Но он не успел ударить, остановленный стыдливым шёпотом Гаврилы: «Голубчик, дай ты мне эти деньги! Что в них тебе? Пропаший ведь ты... Нет тебе пути... Дай ты их мне».

Челкаш, испуганный, изумлённый и оробевший, сидел на песке, откинувшись назад и упираясь в него руками, сидел, молчал и страшно тарачил глаза на парня, уткнувшегося головой в его колени и шептавшего, задыхаясь, свои мольбы. Он оттолкнул его, наконец, вскочил на ноги и сунул руку в карман, бросил в Гаврилу бумажки.

№ 25

Раз осенью пришёл транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне

в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он.

Его звали Григорием Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет, а при мне ходил на кабана один на один. Бывало, по целым часам слова не добьёшься, зато уж иногда как начнёт рассказывать, так животики надорвёшь со смеха... Да, с большими был странностями и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей...

«Послушайте, Максим Максимыч, у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я являюсь причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив...

В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, но их любовь только раздражала моё воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и, чтоб добиться её, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни... Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа её на коленях, целовал её чёрные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше,

нежели она: во мне душа испорчена светом. Мне всё мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать».

№ 26

О Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжёлой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, «сбитнем», как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого раза, к какому сословию принадлежал этот Геркулес. Он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обедневшего подьячего, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и драчуна: он был уж точно сам по себе. Никто не знал, откуда он свалился к нам; поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе, но ничего положительного об этом не знали, да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живёт. Он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились, правда, небольшие, но водились. Вёл он себя не то что скромно, — в нём вообще не было ничего скромного, — но тихо. Он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин (так его прозвали; настоящее же его имя было Перевлесов) пользовался огромным влиянием во всём округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни стало, но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. В этом человеке было много загадочного. Казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нём, как бы зная, что раз поднявшись, что вырвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя, и всё, до чего ни коснутся. Я жестоко ошибаюсь, если в жизни этого человека

не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нём смесь какой-то врождённой, природной свирепости и такого же врождённого благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом.

№ 27

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещён дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тётку и сунул её на грудь, под шубу, где находился Фёдор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две зелёные искорки — это открыл глаза кот, обеспокоенный холодными, жесткими лапами соседки. Тётка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещённую комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решёток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие и какая-то одна толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Кот сипло замыкал под лапами Тётки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал «гоп!», и Фёдор Тимофеич с Тёткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий веерообразный огонёк, приделанный к трубочке, вбитой в стену. Фёдор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Тёткой, пошёл под табурет и лёг. Хозяин, всё ещё волнуясь и потирая руки, стал раздеваться...

№ 28

По дороге к большому городу не спеша идёт мальчик.

Город лёг на землю тяжёлыми грудами зданий, прижался к ней, и стонет, и глухо ворчит. Издали кажется, как будто он только что разрушен пожаром, ибо под ним ещё не угасло кровавое пламя заката и кресты его церквей, вершины башен, флюгера раскалены докрасна.

Края чёрных туч тоже в огне, на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений; там и тут, точно раны, сверкают стёкла; разрушенный, измученный город — место неутомимого боя за счастье — истекает кровью, и она дымит, горячая, желтоватым удушливым дымом.

Мальчик идёт в сумраке поля по широкой серой ленте дороги; прямая, точно шпага, она вонзается в бок города; неуклонно направленная могучей незримой рукою. Деревья по сторонам её — точно незажжённые факелы, их чёрные большие кисти неподвижны над молчаливою, чего-то ожидающей землёй.

Небо покрыто облаками, звёзд не видно, теней нет; поздний вечер печален и тих, только медленные и лёгкие шаги мальчика едва слышны в сумеречном, утомлённом молчании засыпающих полей.

А вслед мальчику бесшумно идёт ночь, закрывая чёрной мантией забвения даль, откуда он вышел.

Сгущаясь, сумрак прячет в тёплом объятии своём покорно приникшие к земле белые и красные дома, сиротливо разбросанные по холмам. Сады, деревья, трубы — всё вокруг чернеет, исчезает, раздавленное тьмою ночи, — точно пугаясь маленькой фигурки с палкой в руке, прячется от неё или играя с нею.

Он же идёт молча и спокойно смотрит на город, не ускоряя шага, одинокий, маленький, словно несущий что-то необходимое, давно ожидаемое всеми там, в городе, где уже тревожно загораются навстречу ему голубые, жёлтые и красные огни.

№ 29

С первого же дня, как он увидел Катюшу, Нехлюдов почувствовал прежнее чувство к ней. Так же, как и прежде, он не мог без волнения видеть теперь белый фартук Катюши, не мог без радости слышать её походку, её голос, её смех, не мог без умиления

смотреть в её чёрные, как мокрая смородина, глаза, особенно, когда она улыбалась, не мог, главное, без смущения видеть, как она краснела при встрече с ним. Он чувствовал, что влюблён, но не так, как прежде, когда эта любовь была для него тайной, и он сам не решался признаться себе в том, что любить можно один только раз. Теперь он был влюблён, зная это и радуясь этому, хотя и скрывая от себя, в чём состоит любовь и что из неё может выйти.

В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой — животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира. В этот период его сумасшествия, эгоизма, вызванного в нём петербургской и военной жизнью, этот животный человек властвовал в нём и совершенно задавил духовного человека. Но, увидав Катюшу и вновь почувствовав то, что он испытал к ней тогда, духовный человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове не переставая в продолжение этих двух дней шла внутренняя, не сознаваемая им борьба.

В глубине души он знал, что ему надо ехать и что незачем теперь оставаться у тёток, знал, что ничего из этого не могло выйти хорошего, но было так радостно и приятно, что он не говорил этого себе и оставался.

№ 30

Нужно родиться в культурном обществе для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжёлых условностей. Я родился и воспитывался вне этого общества и поэтому не могу принимать его культуру большими дозами без того, чтобы, спустя некоторое время, у меня не появилась необходимость выйти из её рамок.

В деревне почти так же невыносимо тошно и грустно, как и среди интеллигенции. Всего лучше отправиться в трущобы городов. Лет пять назад я предпринял именно такую прогулку и, расхаживая по святой Руси, попал в Феодосию. В то время там начинали строить мол, и, в надежде заработать немного денег на дорогу, я отправился на место сооружения.

Желая сначала посмотреть на работу как на картину, я взошёл на гору и сел там, глядя вниз на бескрайнее, могучее море.

Передо мной развернулась широкая картина труда: весь каменистый берег был изрыт, всюду ямы, кучи камня, тачки, брёвна и ещё какие-то приспособления из брёвен, и среди всего этого сновали люди. Они, разорвав гору динамитом, дробили её кирками, расчищая площадь для линии железной дороги. Они казались маленькими, как черви, на фоне тёмно-коричневой горы, изуродованной их руками, и, как черви, суетливо копошились среди груд щебня в облаках каменной пыли. Хаос вокруг них, раскалённое небо над ними придавали их суете такой вид, как будто бы они вкапывались в гору, стремясь уйти в недра её от солнечного зноя.

По ломаной линии досок, набросанных тут и там, медленно двигалась вереница людей, согнувшись над тачками, нагружёнными камнем, и навстречу им шла другая с порожними тачками. Среди них расхаживали распорядители в белых кителях с металлическими пуговицами, сверкающими на солнце, как чьи-то жёлтые холодные глаза.

Море спокойно раскинулось до туманного горизонта и тихо плещет своими прозрачными волнами на берег. Сияя в блеске солнца, оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера, сознающего, что, если он захочет, одно движение — и работа лилипутов исчезнет.

Тихо взбегают волны на берег, усеянный толпой людей, созидающих каменную преграду, взбегают и поют свою звучную ласковую песню о прошлом, о всём, что в течение веков видели они на бескрайних берегах этой земли.

№ 31

Семь с половиной месяцев люди мучительно ждали: придёт ли один особенный день развязки. И вот этот день наступил. Как обычно, в восемь часов утра под звон судового колокола взвился андреевский флаг. Но сегодня в честь коронавания царя и царицы одновременно заплескались в сыром и порывистом воздухе ещё два таких же флага на обеих мачтах. Эти же флаги имели значение боевых.

Настроение экипажа сверх обыкновения было приподнятое. Слышался оживлённый говор. Некоторые, забравшись в укром-

ный уголок, играли в шашки, другие читали книги. Страшно было думать о том, что этим людям сегодня предстоит участвовать в сражении, в котором, может быть, многие найдут себе смерть. Они как будто нарочно рисовались друг перед другом своим равнодушием к опасности: слишком уж надоела такая монотонная жизнь. Около восьми месяцев они проплавали в чужих морях, редко съезжая на берег, выполняя непосильные работы, перенося голод, испытывая изнуряющую тропическую жару.

Кроме того, со дня отплытия из Либавы их не переставали пугать нападениями со стороны японцев. Слухи указывали, что они подстерегают их повсюду. В особенности они усилились после Мадагаскара, а ещё больше — после аннамских вод. Каждую ночь они проводили в ожидании минных атак. Теперь всё это кончилось и приближалась развязка: одним — холодная могила в этих водах, другим — избавление и отдых на родной земле.

В десятом часу слева, впереди по курсу, на расстоянии около шести кабельтовых показалось четыре неприятельских корабля. Один из них был двухтрубный, а остальные — однотрубные. С переднего мостика долго всматривались вдаль, прежде чем определить их названия. Это были броненосцы второго класса, старые, с малым ходом.

На вспомогательном крейсере «Урал» был усовершенствованный аппарат беспроволочного телеграфа, способный принимать и отправлять телеграммы на расстояние до семисот миль. С помощью такого аппарата можно было перебить донесения японских крейсеров, но этим не воспользовались. Чтобы так пренебрегать противником, нужно было иметь большую уверенность в превосходстве своих сил, а этой уверенности ни у кого из нас не было.

№ 32

Одиночество всё сильнее охватывало Карташёва. Он бегал от него, а оно его преследовало. Побывал он в театрах, в Эрмитаже, в Академии художеств, но везде была всё та же чужая ему, раздражающая своей непонятной жизнью, незнакомая толпа. В жизни этой толпы были, конечно, и большой интерес, и большое содержание — она кипела, но чем сильнее кипела, тем больше мучился Карташёв, единственный между всеми обречённый томиться пустотой и жаждой жизни. Иногда, вечером, выгнанный

скукой из своей комнатки, он шёл по пустынным улицам, и тогда в стихающем шуме точно легче становилось на душе. Он вспоминал мирную налаженную жизнь своего городка, семью, бывлой кружок товарищей, гимназию и интересы, связывавшие их всех в одно. Он с тоской заглядывал в освещённые окна тех домов, которые своими размерами напоминали ему далёкую родину. Там, за этими окнами маленьких домиков, жили люди, у них были свои интересы. И он их имел когда-то. Вот сидит в кресле какой-то молодой господин, девушка прошла по комнате, — какая-то счастливая семейная обстановка. Счастливые, они живут и не знают, что есть на свете ужасный зверь — скука, — который бегает по улицам и жадно караулит свои жертвы. Иногда Карташёву вдруг даже страшно делалось от сознания своего одиночества. В этом большом городе было тяжелее, чем в пустыне. Там хоть знаешь, что никого нет, а здесь везде, везде люди, и в то же время никого, в ком был бы какой-нибудь интерес к нему. Заболей он, упади и умри — никто даже не оглянется. И Карташёву хотелось вдруг уложить свои вещи и бежать без оглядки от этого чужого, страшного в своём отчуждении города.

№ 33

Всего, конечно, за недолгий свой отпуск Сергей не мог ни увидеть, ни узнать, — слишком много странного, никак не вязавшегося с ожидаемым, встретило его не только в селе, но ещё на ближних подступах к нему, когда он вышел из вагона на станции и, по обыкновению всех завидовцев, не направился прямо домой, а решил заглянуть к тётьке Анне — на этот раз для того, чтобы получить первую и — он знал — самую обширную и достоверную информацию об односельчанах. Да и время было позднее; вечерние сумерки быстро сгущались, попутного транспорта теперь уже не будет; до Завидова семнадцать вёрст, не ближний свет, к тому же на руках офицера были два чемодана, отнюдь не до конца опорожнённых у брата и сестры. Тётенькина же информация сгодится для того, чтобы, придя в село, не совершить какого-нибудь необдуманного поступка и не обронить какого-либо слова, способного не поврачевать, а, напротив, расшевелить, растеребить чью-то сильно пораненную душу, — а их на селе окажется немалое число таких-то душ.

Как и в довоенные годы, ни калитка, впускающая во двор, ни двери, ведущие в сумеречь сеней и в светлую горенку с земляным, всегда свежепобелённым полом, не были заперты, потому что хижина тётеньки более чем прежде, в худшую военную и тяжкую послевоенную пору, была для людей домом открытых дверей. Сергей подошёл к нему в момент, когда хозяйка, ни капельки, с точки зрения офицера, не изменившаяся за эти шесть с половиной лет, вышла на низенькое, о двух ступенях, подгнившее крылечко, жалобно зароптавшее под её ногами. Вслед за тётенькой из сеней выкатилась рыжая лохматая собачонка, взъерошила загривок, но, тут же вспомнив, что так на подворье гостей не встречают, уложила вздыбившуюся шерсть на место и приветливо замолочила хвостом.

№ 34

С моря дул влажный холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол.

Он плюнул в костёр и замолчал, снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка, дочь Макара.

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать её. Я закутался плотнее в шинель и лёжа смотрел в его старое лицо,

чёрное от загара. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожжённый молнией, но всё ещё мощный, крепкий и гордый, и ветер всё так же носил его шёпот по степи.

Макар замолчал и, спрятав в кисет трубку, запахнул на груди чекмень. Накрапывал дождь, ветер стал сильнее, море рокотало глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и, осмотрев нас большими умными глазами, неподвижно останавливались, окружая нас плотным кольцом.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму ночи, и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью чёрных волос к ране на груди, и сквозь её смуглые тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь, падая на землю огненно-красными звёздочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар; его лицо завесили пряди густых чёрных кудрей, и из-под них капали частые холодные и крупные слёзы...

Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган — Лойко Зобару и Радде, дочери старого солдата Данилы. А они оба кружили во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

№ 35

Печорин как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Он беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал его по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в чёрной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Печорин скакал, задыхаясь от нетерпения. Мысль не застать Веру в Пятигорске молотком ударяла ему в сердце. Видеть её одну минуту, ещё одну минуту, проститься, пожать её руку... Он молил, проклинал, плакал, смеялся. При возможности потерять её навеки Вера стала для него дороже всего на свете: дороже чести, жизни, счастья... Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в его голове. И между тем он всё скакал, погоняя беспощадно. Вдруг

Печорин стал замечать, что его конь дышит всё тяжелее, он раза два уже споткнулся на ровном месте. Оставалось всего пять вёрст до той станицы, где он мог пересесть на другую лошадь.

Всё было бы спасено, если бы у коня достало сил ещё на 10 минут. Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянул о землю. Печорин проворно соскочил, хотел поднять его — напрасно. Едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы, через несколько минут он издох. Печорин остался в степи один, потеряв последнюю надежду. Попробовал идти пешком — ноги его подкосились. Изнурённый тревогами дня и бессонницей, он упал на мокрую траву и, как ребёнок, заплакал.

И долго он лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слёз и рыданий. Он думал, что грудь его разорвётся. Вся его твёрдость, всё хладнокровие исчезли, как дым. Душа обессилела, рассудок замолк.

Когда ночная роса и горный ветер освежили его горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то он понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно.

Печорин возвратился в Кисловодск, бросился на постель и заснул сном Наполеона при Ватерлоо.

№ 36

Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, всё поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь; кое-где виднелись небольшие леса, и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги, напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининских времён. Попадались и речки с обрывтыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избёнками под тёмными, часто до половины размётанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетёнными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркою, то деревянные с наклонившимися крестами и разорёнными кладбищами.

Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички встречались все обтёрханные, на плохих клячонках; как

нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных, смертоносных когтей — и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с её метелями, морозами и снегами...

«Нет, — подумал Аркадий, — небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?..»

Так размышлял Аркадий... а пока он размышлял, весна брала своё. Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё — деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, виясь над низменными лугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени ещё низких яровых хлебов, гуляли грачи. Они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых её волнах. Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления... Он сбросил с себя шинель и так весело, таким молоденьким мальчиком посмотрел на отца, что тот опять его обнял.

№ 37

Боевая биография Ушакова действительно незаурядна.

Фёдор Фёдорович Ушаков родился в 1745 году. На родине, в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от родителей ему досталось наследство: 19 ревизских душ. Помещик он был захудалый, но Россию он любил очень и своими победами прославил её на морях. Это был самостоятельный адмирал, создатель русской морской тактики. В войнах с турками на Чёрном море и с французами на Средиземном море одержал ряд блестящих побед.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море всегда считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота, окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова как великого флотоводца. В тот момент

другой великий, но сухопутный, русский полководец, Суворов, действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова, он сказал: «Жалею, что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом...»

Ушаков был единственным соперником по славе с знаменитым адмиралом Нельсоном... В 1799 году два великих флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твёрдо рассчитывал, что Ушаков расшаркается перед ним и станет покорным орудием в руках Англии, но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое: от природы умный, самостоятельный, русский адмирал не уронил достоинства России и ревниво оберегал интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме отзывался об Ушакове, что он держит себя очень высоко и что под его вежливой наружностью скрывается медведь.

В старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью, как Нельсон в Англии. В Англии каждый школьник знает этого адмирала, а у нас, кроме морских офицеров, мало кто знает о народном герое — Ушакове. Одна или две книги — вот и всё, что было написано о нём.

Цари не очень ценили Ушакова: им не нравилась его самостоятельность, поэтому Ушаков не подошёл ко двору. Так и вынужден был он, шестидесяти двух лет, полный сил, уйти в отставку и уехать к себе в тамбовскую деревню, где и умер в 1817 году.

№ 38

Я быстро отдёрнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручею холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору: ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю, ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огня; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огня, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребятишки из соседней деревни, которые стерегли табун.

№ 39

Я думал, что я должен непременно написать свою повесть, или, лучше сказать, — свою исповедь. Мне это кажется вовсе не потому, чтобы я находил свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсем нет: истории, подобные моей, по частям встречаются во множестве современных романов — и я, может быть, в значении интереса новизны не расскажу ничего такого нового, чего бы не знал или даже не видал читатель, но я буду рассказывать всё это не так, как рассказывается в романах, — и это, мне кажется, может составить некоторый интерес, и даже, пожалуй, новость, и даже назидание.

Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к тому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идёт, как развивающаяся со скалки хартия, и я её так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках. Кроме того, здесь, может быть, представит некоторый интерес, что эти записки писаны человеком, который не будет жить в то время, когда его записки могут быть доступны для чтения. Автор уже теперь стоит выше всех предрассудков или предвзятых задач вся-

ких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать, а это, надеюсь, встречается не часто. Я начну свою повесть с детства, с самых первых своих воспоминаний: иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательного изображения характеров и духа человека начинают свои романы с детства героев и героинь. Ребёнок есть тот человек в миниатюре, которая всё увеличивается.

№ 40

Против города, на северо-западной стороне Нагасакской бухты, среди скалистых взгорьев заросла зеленью деревня, хорошо известная русскому флоту. На одном из холмов возвышалось двухэтажное здание под названием «Гостиница Нева».

От каменной пристани, ступени которой спускались прямо в воду, начинался город европейскими гостиницами и ресторанами. Здесь, на широких улицах, наряду с японцами, наряженными в национальные костюмы-кимоно, встречались англичане, немцы, французы, русские. Слышался разноязычный говор. А дальше, за европейским кварталом, плотно прижались друг к другу японские домики, деревянные, лёгкие, не больше как в два этажа, причём верхний этаж приспособлен для жилья, нижний — для торговли. Передние стены магазинов на день раздвинуты, и можно, не читая вывесок, видеть, чем в них торгуют: черепаховыми изделиями, узорчатыми веерами, изящным японским фарфором. Создавалось впечатление, как будто гуляешь не по узким улицам, а в павильоне, и рассматриваешь выставку японской продукции.

На звуки музыки шли иностранные моряки, прибывшие сюда из-за далёких морей и океанов, загорелые, обвеянные ветрами всех географических широт. Особенно разгулялись на радости некоторые русские, как офицеры, так и нижние чины, только что переставшие быть пленниками. Их можно было узнать издали: они пели песни, радовались, словно наступила для них масляная неделя, разъезжали на рикшах.

Меня удивляли японцы: я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин, ни у женщин. Казалось, что они всегда жизнерадостны, словно всем им живётся отлично и все они довольны и государством, и самими собою, и своим социальным положением. На самом же деле японское население жило

в большой бедности, но искусно скрывало это. Точно так же ошибочно было бы предположить, судя по их чрезмерной вежливости, выработанной веками, что они представляют собою самый мирный народ на свете.

№ 41

Я сидел в берёзовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел, и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не весёлый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце, или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого шёлка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, берёзы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого ещё не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь.

№ 42

Удивительные постройки. Я, когда их увидел, испытал странное чувство: казалось, родившись, я уже знал, что они есть...

В солнечный, хороший день пролетаем над Регистаном. Голубые постройки похожи на корабли, приплывшие неизвестно откуда.

да и ставшие тут среди домиков и суетливых лодок-автомобилей. Матросов давным-давно уже нет, а корабли целы. Странные палубы, трубы, голубая обшивка бортов... Древняя голубая флотилия стоит на площади посреди Самарканда.

Каждый день с утра на этой площади собираются приезжие люди. Не удивляйтесь, если услышите тут разговор по-французски, если гость назовётся жителем Лондона, Праги, Ростова, Семипалатинска, Гомеля. Везде живут любопытные люди, для которых минута перед этими приплывшими из веков «кораблями» — одна из радостей жизни.

Регистан (так по-узбекски называется площадь) — первое место, куда направляется приехавший в Самарканд. Отсюда начинают знакомство с удивительным городом.

За площадью в садике — чайхана. Два деревянных столба, изукрашенных резчиком и червоточиной, подпирают крышу древней харчевни. Прямо на улице жарятся шашлыки, в огромном котле закипает шурпа. Синий пахучий дым стелется между деревьями у чайханы. А далее, за коробками новых домов, — древний жилой Самарканд. Дома с плоскими крышами прилипли друг к другу. Кажется, ступи на одну крышу — и пошёл, весь город по крышам перебежишь. Улицы извилисты, с тупиками — идёшь неизвестно куда.

Минутах в тридцати ходьбы от площади видишь вокруг над деревьями и домами огромный голубой купол. Сразу вспоминаешь когда-то прочитанное: «Если исчезнет небо — купол Гур-и-Эмира заменит его».

Под куполом лежат кости знаменитого Тамерлана, почитавшего Самарканд единственной столицей земли.

№ 43

Как мне кажется, я пользуюсь уважением между моими товарищами учениками. Конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияние мой, сравнительно с ними, солидный возраст: во всей академии один только Вольский старше меня. Этот Вольский — отставной офицер, господин лет сорока пяти, с совершенно седой головой. Он упорно работает: летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду, с каким-то самоотвержением; зимою, когда светло, — постоянно пишет, а вечером — рисует. В два года он

сделал большие успехи, несмотря на то что судьба не наградила его особенно большим талантом.

Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но зато лентяй ужасный. Я не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьёзное, хотя все молодые художники — его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам: пишет лапти, онучи и полушубки, как будто мы на них не насмотрелись в натуре. А что главное, он почти не работает. Иногда засядет и в месяц окончит картину, о которой все кричат как о чуде, находя, впрочем, что техника оставляет желать лучшего (по-моему, техника-то у него очень и очень слаба), а потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не разговаривает, даже со мной, хотя, кажется, от меня он удаляется меньше, чем от других товарищей. Станный юноша!

Удивительными кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять, что ничто так не возвышает человека, как творчество.

№ 44

Сорока вздрогнул. Раздался гулкий протяжный удар, точно тяжёлый артиллерийский залп. Где-то рассеялась ледяная громада, сжатая морозом. Отражённое дальними льдами упругое эхо с рокотом далеко покатило по водяной глади.

На мгновенье он как бы очнулся. К удивлению, никак не мог раздрать глаз: они точно слиплись. И, как далёкая зарница в глухую полночь, мелькнуло смутное сознание опасности. В воздухе опять повисла мёртвая тишина, и прежнее состояние овладело им. Ему надоело поднимать свои отяжелевшие веки. Опять дрёма отуманила голову, и несвязные думы, точно лёгкие тени в лунную ночь, бежали смутной вереницей. Чудилось ему, что ожило мёртвое море и тихо дышало бесконечным простором и тонкий пар его дыхания поднимался к далёким звёздам. Казалось, весь мир замолк и та прежняя жизнь потухла, затаилась в этой загадочной пустоте, наполненной биением какой-то другой, незримой жизни. Чудилось, неслышно веет тихий ветер, и звучит смутный, едва уловимый звон, и лёгкий туман колеблется над морем.

И сквозь морозный туман чудится Сороке: разбегаясь фосфорическим блеском, катятся две светлые волны. И плывёт на него,

не касаясь воды, полупрозрачная, смутно-неясная лодка. Ледяная глыба дрогнула, зашаталась, взволновала спокойную поверхность; расходясь побежали серебряные круги. Отражённые в колышущейся глади задрожали звёзды, запрыгали и расплылись колеблющимся золотом.

Сияя величавой красотой Севера, тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь, затканная тонким искристым, морозным туманом. А над нею, сверкая причудливыми переливами, разметалась звёздная ткань. Мёртвая тишина неподвижно повисла над застывшим морем, и чудится в этой сверкающей, переливчатой красоте безжизненный холод вечной смерти. Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь, подёрнувшуюся тонким водяным слоем, и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру, опущённую белым инеем.

№ 45

Сад у тётки славился своей запущенностью, соловьями, горlinkами и яблоками, а дом — крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, — ветви лип обнимали его, — был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, — так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, — окнами с перламутровыми от дождя и солнца стёклами. А по бокам этих глаз были крыльца, — два старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьёв дождём пересыпались с крыши на крышу.. И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушёного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружён садом, а верхние стёкла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и

витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание: выходит тётка. Она небольшая, но тоже, как и всё кругом, прочная. На плечах у неё накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», — а потом удивительный обед: вся насквозь розовая варёная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас — крепкий и сладкий-пресладкий...

№ 46

Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: Аркадий сибаритствовал, Базаров работал. Все в доме привыкли к его небрежным манерам, к его немногосложным и отрывочным речам. Фенечка в особенности до того с ним освоилась, что однажды ночью велела разбудить его: с Митей сделали судороги; и он пришёл, и, по обыкновению, полушутя, полuzeвая, просидел у ней часа два, и помог ребёнку. Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, плебеем; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его — его, Павла Кирсанова! Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста» и сомневался в пользе его влияния на Аркадия; но он охотно его слушал, охотно присутствовал при его физических и химических опытах. Базаров привёз с собой микроскоп и по целым часам с ним возился. Слуги тоже привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он всё-таки свой брат, не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и искоса, значительно посматривала на него, пробегая мимо «перепёлочкой»; Пётр, человек до крайности самолюбивый и глупый, вечно с напряжёнными морщинами на лбу, человек, которого всё достоинство состояло в том, что он глядел учтиво, читал по складам и часто чистил щёткой свой сюртучок, — и тот ухмылялся и светлел, как только Базаров обращал на него внимание; дворовые мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки. Один старик Прокофьич не любил его, с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья, называл его «живодёром»

и «прощельгой» и уверял, что он со своими бакенбардами — настоящая свинья в кусте. Прокофьич, по-своему, был аристократ не хуже Павла Петровича.

№ 47

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают странный оттенок, тени человеческих фигур лежат на земле бледные, неясные. Пароход, идущий вниз, проплывает каким-то призраком. Его очертания стали легче, потеряли определённую красок. Количество света, видимо, убывает; но так как нет сгущённых теней вечера, нет игры отражённого на низших слоях атмосферы света, то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзаж будто расплывается в чём-то; трава теряет зелень, горы как бы лишаются своей тяжести.

Однако, пока остаётся тонкий серповидный ободок солнца, всё ещё царит впечатление сильно побледневшего дня, и мне казалось, что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. «Неужели, — думалось мне, — эта остающаяся ещё ничтожная искорка солнца, горящая, как последняя, забытая свечка в огромном мире, так много значит?.. Неужели, когда она потухнет, вдруг должна наступить ночь?»

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто, будто вырвавшись с усилием из-за тёмной заслонки, сверкнула ещё золотым брызгом и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил мгновение, когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и, точно громадное покрывало, быстро пролетела по горам, по реке, по полям, обмахнув всё небесное пространство, укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. В ней царило гробовое молчание. Даже немец смолк, и только метроном отбивал металлические удары. Фигуры людей сливались в одну тёмную массу, а огни пожарища на той стороне опять приобрели прежнюю яркость...

№ 48

За поворотом протоки показался город. В нём зажигались огни. Возле порта, за причалом, в скоротечных сумерках чуть виднелись привязанные к столбам самолёты, будто лошади у

стойл. Один маленький самолёт был оранжевого цвета и угольком светился на снегу.

По мере того как разгорались огни в городе, затухал уголёк-самолётик на снегу и пёстрая «колбаса», качающаяся на мачте над зданием авиагидропорта, погружалась в небо, в сумерки.

Издали город, прилепившийся на правом берегу протоки, почти в устье её, казался разбросанным, дома в нём разбрелись куда попало: где густо, где пусто, будто с самолёта горстями раскидывали дома по лесотундре. Но вот зажглись огни повсюду, домов не стало видно, и всё приобрело порядок. Огни городские всегда что-нибудь прячут, скрывают собой. Почти сливаясь в сплошную цепь, окаймляют пятна огней лесобиржу. В середине её, возле штабелей, уже редко и нехотя помигивают полуслепые лампочки. Ближе к Старому городу, у проходных, гудят непрерывным гулом лесовозы. Возле них огней больше. В Новом городе ещё один квадрат — самый светлый — каток. На окраине уже квадрат не квадрат, а кривая дуга из лампочек, вытянутая вдоль берега, — нефтебаза.

Город заключён в огни. Люди живут и работают, высеченные со всех сторон, а за ними темнота без конца и края. Верстах в девяносто от города, в сторону севера, лес исчезает совсем. Там тундра. Там ночь светлее от снегов, не затенённых лесами и жильём. Ночь беспредельная и беспокойная от позарей.

№ 49

Наверху грохотали тяжёлые башенные орудия, и от выстрелов содрогался воздух. По-видимому, бой разгорался во всю мощь, решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу, в самом операционном пункте было тихо. Ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты, торжественно, словно на смотре, стояли врачи, фельдшеры, санитары, ожидая жертв войны. Около выходной двери, в сторонке от неё, сидел на табуретке инженер Васильев, вытянув недолеченную ногу и держа в руках костыли. Он поглядывал на стоявшего поодаль священника, словно любясь его одеянием, переливающимся золотом и малиновыми оттенками, его огненно-рыжей бородой, окаймлявшей рыхлое и бледное лицо. В беспечной позе, заложив руки назад, стоял Добровольский. Младший врач Авроров,

небольшого роста полнеющий блондин, скрестив руки на груди и склонив голову, о чём-то задумался. Быть может, в мыслях, далёких от этого помещения, он где-то беседует с дорогими для него лицами. Рядом с ним, пощипывая рукой каштановую бородку, стоял старший врач Макаров, высокий, худой, с удлинённым матовым лицом. И хотя давно всё было приготовлено для приёма раненых, он привычным взором окидывал своё владение: шкафы со стеклянными полками, большие и малые банки с разными лекарствами и растворами, раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом, набор хирургических инструментов. Всё было на месте: морфий, камфара, эфир, мазь от ожогов, иглы с шёлком, положенные в раствор карболовой кислоты, волосяные кисточки, горячая вода, тазы с мылом и щёткой для мытья рук, эмалированные вёдра, — как будто все эти предметы выставлены для продажи и вот-вот нахлынут покупатель.

Люди молчали, но у всех, несмотря на разницу в выражении лиц, в глубине души было одно и то же — напряжённое ожидание чего-то страшного. Однако ничего страшного не было. Отсвечивая электричеством, блестели белизной стены и потолок помещения. Слева, если взглянуть от двери, стоял операционный стол, накрытый чистой простыней. Я смотрел на него и думал, кто же первый будет корчиться на нём в болезненных судорогах?

Освежая воздух, гудели около борта вентиляторы, гудели настойчиво и монотонно, словно шмели.

Мы почувствовали, что в броненосец попали снаряды — один, другой. Все переглянулись, но раненые не появлялись.

№ 50

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на целую версту, была, как всегда, шумна, бестолкова. Стоял нестройный гомон, ржание лошадей, трели детских свистулек, марши и польки гремящих на каруселях оркестрионов. Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным, унавоженным переулкам между телегами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съестными, откуда несло вонючим чадом сальных жаровен. Как всегда, была пропасть барышников, придававших страшный азарт всем спорам и сделкам; бесконечными вереницами, с гнусавыми

напевами тянулись слепые и убогие, нищие и калеки, на костылях и в тележках; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправников, сдерживаемая кучером в плисовой безрукавке и в шапочке с павлиньими перьями... Покупателей у Тихона Ильича было много. Подходили сизые цыгане, рыжие польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах, загорелые мелкопоместные дворяне в поддѣвках и картузах; подходил красавец гусар князь Бахтин с женой в английском костюме, дряхлый севастопольский герой Хвостов — высокий и костистый, с удивительно крупными чертами тёмного морщинистого лица, в длинном мундире и обвислых штанах, в сапогах с широкими носками и в большом картузе с жёлтым околышем, из-под которого были начѣсаны на виски крашеные волосы мѣртваго бурого цвета... Бахтин откидывался назад, глядя на лошадь, сдержанно улыбался в усы с подусниками, поигрывая ногой в рейтузе вишневого цвета. Хвостов, дошаркав до лошади, косившей на него огненным глазом, останавливался так, что казалось, что он падает, поднимал костыль и в десятый раз спрашивал глухим, ничего не выражающим голосом:

— Сколько просишь?

И всем надо было отвечать.

№ 51

Огромное расстояние отделяет примитивные, казалось бы, звуки, рождѣнные на колокольне, от тончайшего совершенства симфонической музыки. Но, честное слово, испытываешь глубокое волнение, слушая мерные удары колокола с подголосками маленьких колоколов и чириканьем воробьѣв, уловленным микрофонами на колокольне в паузах между ударами. Стены жилья в эти минуты перестают существовать. Чувствуешь большие пространства с плывущим над ними набатом, и воображение без труда рисует людей, идущих на вечерую площадь, или тревожную сумятицу городского пожара, или приближение к стенам города неприятеля.

С древнейших времен колокола на Руси сопровождали весь жизненный путь человека. Колокольный звон объединял людей на праздниках и перед лицом неприятеля. Колокола звали людей на совет, в непогоду указывали дорогу заблудившимся путникам,

честобитный колокол отсчитывал время. И видно, велика была мобилизующая сила звуков, коль скоро Герцен назвал свой мятежный журнал «Колоколом», если, покорив город, неприятель первым делом увозил из него вечевой колокол, а русские цари за провинность отправляли колокола, как людей, в ссылку.

Пётр I переплавлял колокола в пушки. В тридцатых годах, помню, в нашем селе Орлове тоже снимали колокола. Огромная толпа любопытных. Бабы крестились: «Трактора будут лить». И действительно, в том же году по селу, сверкая шпорами, проехал новенький трактор, подтверждая для нас, мальчишек, реальность странного превращения.

Репродуктор вытеснил колокол. Но, согласитесь, интересно ведь услышать и понять звуки минувшего. Помните, в фильме «Война и мир» торжественный колокольный звон! В другой картине — «Семь нот в тишине» — есть прелестный рассказ о звоннице и звонарях. И наконец, грампластинка, приносящая звоны прямо в твоё жильё...

№ 52

Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея; парило и пекло неотступно; воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих, словно прося их участия. Одни воробьи не горевали и, распуша пёрышки, ещё яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам, дружно взлетали с пыльной дороги, серыми тучами носились над конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: в Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неимением ключевой и колодцев, пьют какую-то грязцу из пруда...

Признаться, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища, но особенно грустное чувство возбуждает она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые, полуразмётанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный, запылённый выгон, и покрытый гусиным пухом, чёрный, словно раскалённый, пруд, с каймой из

полувывсохшей грязи и сбитой набок плотиной, возле которой на мелко истоптанной земле овцы, едва дыша и чихая от жары, печально теснятся друг к дружке и с унылым терпением наклоняют головы как можно ниже, как будто выжидая, когда же пройдёт этот невыносимый зной.

Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Ивановича, возбуждая, как водится, в ребятишках изумление, доходившее до напряжённого, бессмысленного созерцания, в собаках — негодование, выразившееся лаем, как вдруг на пороге кабачка показался мужчина, низко подпоясанный голубым кушачком.

Николай Иванович — некогда стройный, румяный парень, теперь же необычайно толстый, с хитро-добродушными глазами, жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, — уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Его уважают соседи: штатский генерал, первый владелец в уезде, всякий раз снисходительно ему кланяется, когда проезжает мимо его домика. Николай Иванович человек со влиянием: он известного конокрада заставил возратить лошадь, которую тот свёл со двора у одного знакомого, образумил мужиков, не хотевших принять нового управляющего. Впрочем, не должно думать, что он это делал из любви к справедливости, из усердия к ближнему — нет! Он просто старался предупредить всё то, что может как-нибудь нарушить его спокойствие.

№ 53

На медведя

Тихо. Только над валежником стрекочет синекрылая сойка. Синими и зеленоватыми искрами блестит снег, словно усыпанный алмазной пылью; от белизны и света, разлитого вокруг, больно глазам.

Вдруг слышу хрипкое рычание, хруст сучков. В валежнике на мгновение мелькнуло что-то мохнатое, раздался выстрел. Содрогнувшись, далёким эхом откликнулся лес.

Я выпалил вдогонку медведю, и снова страшный рёв, смешанный с яростным лаем, всколыхнул утреннюю тишину. Вижу: убегает от нас зверь, подкидывая кургузый зад, словно кувыркаясь. Он глубоко проваливается в снег, а Пыж, длинноухий пёс, преследуя, мечется около него по насту, точно по гладкой дороге.

Медведь не останавливается, уходит. Вот он повернул в сторону. Савелий помчался наперерез. Забыв об опасности, он с близкого расстояния метнул в него рогатину..

Рывкнув, медведь повернулся, на мгновение замер, ошенив тёмно-бурую шерсть, дико озираясь, словно ослеплённый ярким солнцем. И вдруг, точно поняв, кто главный враг его, стремительно понёсся на Савелия. Старый охотник спрыгнул с лыж и, утвердившись в снегу, ждал, крепко держа рогатину. Медведь быстро приближался, мотая голову, исступлённо рычал, потрясая лес. Остался ещё один прыжок, но он поднялся на дыбы, огромный, страшный в гневе. Тяжёлые передние лапы, выпустив когти, судорожно тянулись к охотнику, готовые схватить его. И ещё сильнее, ещё оглушительнее, вызывая грохочущее эхо, покатился по дремучему лесу рёв, полный яростной злобы и предсмертной тоски. Медведь наступал, шагая на задних лапах, охотник, немного согнувшись, твёрдо стоял на месте, выжидая удобного момента для удара — оба чёрные, лохматые, похожие друг на друга. А когда в грудь медведя вонзилась острая рогатина, он сильным ударом лапы сломал ручку её и, обрушившись своим грузным телом на упавшего охотника, начал беспощадно рвать его зубами и когтями, переворачивая человеческое тело, точно игрушку. Пыж, заступаясь за хозяина, с яростью набрасывался на зверя. Казалось, все трое, барахтаясь в снегу, обезумели, издавая крик, лай, рычанье, наводняя лес диким гулом.

Быстро зарядив ружьё, я прицелился в голову медведя. Грянул выстрел. Когда дым рассеялся, медведь был уже мёртв. Савелий лежал на снегу, привалившись головой к ещё тёплой спине медведя, бормотал, точно пьяный, блуждая глазами: «Вот оно что... Небо-то какое красное... в кругах». Пыж, задыхаясь от усталости, лизал ему лицо и руки.

По-прежнему было тихо. Сияло бледно-голубое небо, ярко горело солнце, разливаясь блеском по чистому снегу, а лес, облаканный ясным днём, зачарованно молчал, сверкая белым нарядом инея, точно распустившимися цветами. Вокруг было радостно, светло, словно ничего не случилось. И только Пыж, оставшись около хозяина, протяжно выл, оплакивая старого охотника.

№ 54

Был знойный летний день 1892 года.

В высокой синеве тянулись причудливые клочья рыхлого белого тумана. В зените они неизменно замедляли ход и тихо таяли, как бы умирая от знойной истомы в раскалённом воздухе. Между тем кругом над чертой горизонта толпились, громоздясь друг на друга, кудрявые облака, а кое-где пали как будто синие полосы отдалённых дождей. Но они стояли недолго, сквозили, исчезали, чтобы пасть где-нибудь в другом месте и так же быстро исчезнуть...

Казалось, у облачного неба не хватало решимости и силы, чтобы пролиться на землю... Тучи набирались, надувались, тихо развёртывались и охватывали кольцом равнину, на которой зной царил всё-таки во всей томительной силе; а солнце, начавшее склоняться к горизонту, пронизывало косыми лучами всю эту причудливую мгlistую панораму, усиливая в ней смену света и теней, придавая какую-то фантастическую жизнь молчаливому движению в горячем небе... Во всём чувствовалось ожидание, напряжение, какие-то приготовления, какая-то тяжёлая борьба. Туманная рать темнела и сгущалась внизу, выделяя лёгкие белые облачка, которые быстро неслись к середине неба и неизменно сгорали в зените, а земля всё ждала дождя и влаги, ждала томи-тельно и напрасно...

По тракту лениво прозвонил колокольчик и смолк. Потом неожиданно заболтался сильнее, и с холма меж рядами старых берёз покатился в клубке белой пыли тарантас с порыжелым кожаным верхом, запряжённый тройкой почтовых лошадей. Вокруг тарантаса моталась плотная пыль, лошадей густо облепили слепни и овода, увязавшиеся за ними от самой станции. От станции же путников сопровождал печальный и сухой шелест высыхающих нив.

№ 55

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, её знакомый, разговорчивый человек лет

сорока, с аккуратными новыми вещами, и ещё державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, ещё не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебегавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. Под пальто, когда он расстёгивался, видна была поддёвка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла ещё в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во всё время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко, или читал, или, глядя в окно, курил, или, достав провизию из своего старого мешка, пил чай, или закусывал.

Мне казалось, что он тяготится своим одиночеством, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, так как мы сидели наискосок друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

Во время остановки, перед вечером второго дня, на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай.

№ 56

Я с жадностью всматривался в жизнь города, а мои мысли всецело были заняты одной японкой.

Находясь в лагерях для пленных, я сдружился с японским переводчиком. Он великолепно говорил по-русски и очень любил нашу литературу. Мы иногда часами разговаривали о произведениях русских классиков и современных писателей. Это и сблизило нас. Он стал приглашать меня в город к себе на квартиру. У него была сестра, девушка двадцати лет, маленькая, статная, с матово-нежным лицом и загадочным взглядом чёрных лучистых глаз. Любовь не считается ни с расовым различием, ни с войной; она развивается по своим собственным законам. Девушка, встречаясь со мной, сначала настораживалась, как птица при виде

приближающегося охотника, но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу. Я разговаривал с нею при помощи её брата. А когда выяснилось, что она немного говорит по-английски, я взялся за изучение этого языка. Первые слова и фразы, усвоенные мною, были, конечно, приветственные и, конечно, о любви. Но иногда, разгораясь и желая выразить свои чувства полнее, я говорил ей по-русски: «О, милая!»

Я подбирал для неё самые поэтические слова, какие только знал. Она, конечно, не понимала их смысла. Она только улыбалась маленьким ртом, откинув назад чёрноволося голову.

Брат не препятствовал нашей любви. И когда я ему сообщил, что хочу жениться на его сестре, он согласился и на это. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что она была сиротой. В Россию мне, как политическому преступнику, нельзя было возвращаться. При помощи эмигранта-народовольца, приехавшего в Японию специально для того, чтобы снабжать пленных революционной литературой, я хотел вместе с ней уехать в Америку. Там я поступлю матросом на коммерческий корабль и буду наезжать в Россию как американский гражданин, и снова мне будет доступна родина для политической работы. Так рисовалось будущее, а молодость, опьянённая иллюзией счастья, не рассуждает о преградах, пока не ударится лбом о каменную стену.

№ 57

На реке Лефе

После недолгого, но длительного отдыха мы сели в лодку — длинный плоскодонный челнок, настолько лёгкий, что один человек может без труда вытащить его на берег, — и поплыли дальше. Кое-где розовел туман, и теневые склоны гор покрылись мягкими светло-фиолетовыми тонами. Около железнодорожного моста, куда мы прибыли вовремя, горы кончились.

Я вышел из лодки и поднялся на сопку, расположенную вблизи нас, чтобы в последний раз отсюда, сверху, осмотреться в стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами: сзади, на востоке, толпились горы; на юге были пологие холмы, поросшие листовым редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось низменное пространство, бесконечное, однообразное, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение,

сколько ни всматривался вдаль, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила куда-то и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер, и трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые берёзки, жалкие и унылые, и другие какие-то деревья, скорее, похожие на кустарник.

С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по её берегам в изобилии. Вначале она сохраняет своё северо-восточное направление, но, не доходя до сопок, чуть-чуть видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и, немного склоняясь к востоку, течёт дальше, теряясь у горизонта.

Бессчётное количество протоков, слепые рукава, заводи и озёрки, самой причудливой формы, — всё это окаймляет её с обеих сторон, украшая чересчур однообразный, вызывающий тоскливое чувство ландшафт. Низина эта казалась всем, кому приходилось побывать здесь, безжизненной и пустынной, а между тем не было ни одного озёрка, ни одной заводи, ни одного протока, где не ночевали бы стаи лебедей, гусей, уток и другой водяной птицы.

Долина реки Лефы в дождливый период года легко затопляется водой, о чём свидетельствовали лужи, ярко блестящие на солнце в разных местах.

Я смотрел на воду и видел, как в ней отражалось солнце, и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу.

№ 58

У Андрейки нет ни отца, ни матери. Сколько он помнит себя, он живёт в белой хатке, под большой вербой, с дедом Агафоном. Возле хаты с одной стороны белеет береговой песок и синее море, а с другой, насколько глаз хватает, тянется безлесная, голая, сожжённая, покрытая высохшим бурьяном степь, размытая оврагами и балками.

Ещё в два часа ночи, когда только стали бледнеть звёзды, Андрейка отчалил с дедом от берега. Когда рассвело и по воде, и по морю побежали мокрые полосы, а спокойное, гладкое море открылось до самых краёв, ветер упал. Пришлось взяться за вёс-

ла. Сначала работа у него шла легко и свободно, но прошёл час, другой, и он стал уставать. Каждый раз, как он откидывался назад и вёсла с плеском проходили в прозрачной, игравшей розовым отблеском воде, ему казалось, что он уже больше не в состоянии разогнуться, до того ныла поясница и ломило руки, но он снова и снова закидывал вёсла, и лодка ползла, как черепаха. Наконец дед, всё время молча сидевший на корме, проговорил: «Хватит, Андрейка».

Обрадованный Андрейка торопливо пробрался по качавшейся лодке на корму, а дед сел за вёсла и стал грести молча и упорно. Андрейка, правя рулём, глядел на разбегавшиеся из-под вёсел длинные водяные жгуты, на мерно откидывавшуюся фигуру деда и отирал своё мокрое, вспотевшее лицо, с наслаждением предаваясь отдыху.

Солнце подымалось всё выше и выше, и зной, неподвижный, слепящий, стоял над морем, в истоме раскинувшийся под горячим небом. Андрейка, разморённый жаром, от скуки и однообразия разговаривал с рыбами, которых он вытаскивал из сети. Андрейка вытащил и с трудом поднял вверх обеими руками большую рыбу. Не успел дед раскрыть рта, как сазан, очутившийся на воздухе и замерший от изумления, вдруг рванулся изо всех сил, выскользнул, плюхнулся в воду, блеснул хвостом — и был таков.

Тогда-то и раздались над морем отчаянные крики Андрейки, потому что дед молча, не говоря ни слова, поднялся, взял просмолённую верёвку, сложил её вчетверо и жестоко наказал мальчика.

№ 59

В лесу зимой

В начале марта, после нескольких дней оттепели, снова ударил мороз, образовав наст, крепкий и гладкий, как стекло. В обед мы отправились на охоту, а к вечеру уже далеко забрались в глушь дремучего леса, легко прокатившись на лыжах вёрст пятнадцать. Нас было трое: Савелий, старый охотник, толстый и круглый, как улей, с походкой, точно он к кому-то крадёт; Пыж, длинноухий его пёс, понимающий по части охоты не хуже своего хозяина, и я, в то время ещё подросток. Всё наше оружие состояло из двух простых одностволок, двух топоров и отточенной рогатины.

Выбрали место для ночёвки под большими лохматыми елями, точно под шатром, и стали снимать с себя всё лишнее.

— Не замёрзнем? — спросил я.

Воткнув топор в дерево, Савелий повернул ко мне своё обветренное лицо с вывороченными ноздрями, заросшее чёрной лохматой бородой, хмуро посмотрел на меня из-под шершавых бровей и прохрипел точно про себя:

— Будем спать как на печке.

Кругом ни одного живого звука. Только дует ветер, шумит лес, загадочно качая высокими вершинами, и скрипит, словно стонет от боли, подгнившая сосна. В сгущающихся сумерках, кружась, точно гоняясь друг за другом, реют снежинки.

Пыж, набегавшись, исследовав всё вокруг, обнюхав все деревья, уселся на задние лапы и, помахивая хвостом, смотрит, как я развожу огонь.

Вспыхнув, быстро разгорается береста, свёртываясь в трубку, давая копоть, пахнущую дёгтем. Затрещали сухие сучки: огонь, перебегая от одного к другому, ласково лижет их острыми длинными языками. Над костром вьётся, кудрявясь, сизый дым, он становится всё гуще, ширится, вырастая в волнующиеся клубы. Через минуту, пробившись сквозь толщу наложенных дров, высоко поднялось пламя и весело пылает, раздвигая навалившуюся тьму, щедро разбрасывая вверх золото искр.словно испуганные, заматались вокруг тени, населяя лес привидениями.

Ветер налетает всё реже и реже, а снеговые тучи, сплошь закрывшие было небо, разрываются на части, и между ними, из глубоких тёмно-синих озёр, кротко мерцают хороводы звёзд. Лес замолк, и в зареве пылающего костра он кажется волшебнопризрачным, будящим уснувшие мечты о чём-то далёком. Из котелка, установленного на раскалённых углях, словно на червонцах, бьёт пар, разнося приятный запах супа. Тепло около огня, приятно.

№ 60

На тяге

За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рошу, с ружьём, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, пе-

ремигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село, но в лесу ещё светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит весёлым блеском изумруда... вы ждёте. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и по стволам деревьев, поднимается всё выше и выше, переходит от нижних, почти ещё голых веток, к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее. Птицы засыпают — не все вдруг — по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу всё темней и темней. Деревья сливаются в большие, чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звёздочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни ещё сонливо посвистывают. Вот и они умолкли. Ещё раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щёлкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздаётся особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за тёмной берёзы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит «стоять на тяге».

Итак, мы с Ермолаем отправились на тягу.

...Вообразите себе человека лет сорока пяти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмешливыми губами... Этот человек к кушаку привязывал два мешка, один спереди, искусно перекрученный на две половины, для порошу и для дробы, другой сзади — для дичи. Была у него легавая собака, по прозванию Валетка... Этого-то человека я взял себе в охотники, и с ним-то я отправился на тягу.

№ 61

На корабле отбили две склянки. Гул судового колокола не успел ещё замереть, как раздалась знакомая, тысячу раз мною слышанная мелодия утренней побудки. Это на верхней палубе играл горнист. Его щёки неестественно вздувались, когда он выводил длинные мажорные звуки сигнала. Сейчас же на палу-

бах залились дудки капралов и старшин, послышались окрики: «Вставай! Койки вязать!»

Те, что спали, на этот раз торопливо вскакивали со своих мест, быстро бежали к умывальникам, чтобы наскоро освежиться холодной забортной водой. Утро проходило как обычно: завтракали, убирали палубы и другие помещения.

Дул зюйд-вест на четыре балла. Над волнующим морем расстилалась серая мгла. Медленно поднималось багровое солнце, словно распухшее от напряжения.

Эскадра, разделённая на две колонны, шла девятиузловым ходом, направляясь в Цусимский пролив. Строй её был тот же, что и накануне. Первую колонну возглавлял броненосец «Суворов» под флагом вице-адмирала Рождественского, левую — броненосец «Николай I».

В начале шестого сигнальщики заметили справа пароход, быстро сближавшийся с нашим. Подойдя ближе, он лёг на параллельный курс, но так шёл он лишь несколько минут и, повернув направо, скрылся в утренней мгле. Флага его не могли опознать, но своим поведением он сразу наводил на подозрение — несомненно, это был японский разведчик. Надо было бы немедленно послать ему вдогонку два крейсера. Потопили бы они его или нет, но по крайней мере выяснили бы чрезвычайно важный вопрос: открыты мы противником или всё ещё находимся в неизвестности? А в соответствии с этим должна была определиться и линия поведения эскадры.

Около семи часов с правой стороны, дымя двумя трубами, показался ещё один корабль, шедший сближающимся курсом. Когда расстояние до него уменьшилось, то в нём опознали лёгкий неприятельский крейсер. Целый час он шёл с нами одним курсом, как бы дразня нас. Конечно, не напрасно он оставался у нас на виду. Это сказывалось на нашей радиостанции, нервно воспринимавшей непонятный для нас текст. То были донесения генералу Тогу, извещавшие его, из каких судов состоит наша эскадра и каким курсом идём. Адмирал Рождественский приказал судам правой колонны навести орудия правого борта и кормовых башен на неприятельский корабль. Но тем только и ограничились, что взяли его на прицел, а наши быстроходные крейсера и на этот раз ничего не предприняли.

№ 62

У костра, вытаращив испуганные глазёнки, держась одной рукой за кнут, а другую, в болтающемся рукаве, приподняв, точно защищаясь, стоял худенький черноголовый мальчишка — в лаптях, в изорванных штанишках, в длинном не по росту пиджаке, обёрнутом вокруг тела и подпоясанном пенькой. Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки, едва не задавив его, и хотел уже крикнуть ему что-то повелительное и грубое, как вдруг увидел перед собой эти испуганные глаза над болтающимся рукавом, штанишки с просвечивающимися голыми коленками и этот убогий, с хозяйского плеча, пиджак, из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея....

— Чего ты стоишь? Испугался? — смутившись, заговорил Метелица невольно с той ласковой грубостью, с которой никогда не говорил с людьми, а только с лошадьми.

— А если бы задавил тебя? Ах, вот дурак-то тоже! — повторил он, размягчаясь вовсе, чувствуя, как при виде этого мальчишки и всей этой убогости пробуждается в нём что-то такое же жалкое, смешное, детское...

Парнишка смущённо, недоверчиво шмыгнул носом, но, поняв, что страшного ничего нет, а всё, наоборот, выходит ужасно весело, сморщился так, что нос его вздёрнулся кверху, и тоже — совсем по-детски — залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул ещё громче, и оба, невольно подзадоривая друг друга, хохотали так несколько минут: один — раскачиваясь на седле взад и вперёд, поблескивая огненными от костра зубами, а другой — упершись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

Парнишка, перестав смеяться, смотрел на него с серьёзным и радостным изумлением, как будто ждал от него ещё самых неожиданных чудачеств.

— И весёлый же ты, дьявол, — выговорил он наконец раздельно и чётко, словно подвёл окончательный итог своим убеждениям.

Парнишка разломил картофелину, подул на неё, сунул в рот половину вместе с кожурой, повернул на языке и с аппетитом стал жевать, пошевеливая острыми ушками. Прожевав, он по-

смотрел на Метелицу и так же отдельно и чётко, как раньше определил его весёлым человеком, сказал:

— Сирота я, полгода уж как сирота.

№ 63

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неугомымо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на гору, и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зелёным плющом и увенчанные купами чинар, жёлтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из чёрного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуёю.

Подъехав к подножью Койшаурской горы, мы остановились. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица.

За мою тележкой четвёрка быков тащила другую как ни в чём не бывало, несмотря на то что она была доверху накладка. Это обстоятельство меня удивило. За нею шёл её хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, отделанной серебром. На нём был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твёрдой походке и бодрому виду. Я подошёл к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон.

До станции оставалось ещё с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полётом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас

тёмно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, ещё сохранявшем последний отблеск зари. На тёмном небе начинали мелькать звёзды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, чёрные камни; кое-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимающуюся прямо против нас.

№ 64

Я ушёл далеко за город. По краям дороги, за развесистыми вётрами, волновалась рожь, и тихо трещали перепела; звёзды теплились в голубом небе.

В такие ночи, как эта, мой разум замолкает, и мне начинает казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и неуловимая; что за изменяющимися звуками и красками стоит какая-то вечная, неизменная и до отчаяния непонятная красота. Я чувствую — эта красота недоступна мне, я не способен воспринять её во всей целостности. И то небольшое, что она мне даёт, заставляет только мучиться по остальному.

Справа, над светлым морем ржи, темнел вековой сад барской усадьбы. Над рожью слышалось как будто чьё-то широкое, сдержанное дыхание; в тёмной дали чудилась то песня, то всплеск воды, то слабый стон. Тёплый воздух тихо струился, звёзды мигали, как живые. Всё дышало глубоким спокойствием, каждый колебавшийся колосок, каждый звук как будто чувствовал себя на месте, и только я стоял перед этой ночью, одинокий и чуждый всему.

Меня потянуло в тёмную чашу лип. Из людей я там никого не встречу: это усадьба старухи помещицы Ярцевой, и с нею живёт только её сын-студент. Он застенчив и молчалив, но ему редко приходится сидеть дома. Говорят, он замечательно играет на скрипке, и его московский учитель-профессор сулит ему великую будущность.

Я прошёл по меже к саду, перебрался через заросшую крапивою канаву и покосившийся плетень. В траве, за стволами лип,

слышался смутный шорох и движения. И тут везде была какая-то тайная и своя, особая жизнь.

Усталый, с накипавшим в душе глухим раздражением, я присел на скамейку. Вдруг где-то недалеко за мной раздались звуки настраиваемой скрипки. Я с удивлением оглянулся: за кустами акаций белел небольшой флигель, и звуки неслись из его раскрытых настежь, неосвещённых окон. Значит, молодой Ярцев дома... Музыкант стал играть. Я поднялся, чтобы уйти: грубым оскорблением окружающему казались мне эти искусственные человеческие звуки.

Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизация. Но что это была за импровизация! Звуки лились робко, неуверенно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то. Не самую мелодией приковывали они к себе, — её, в строгом смысле, даже и не было, — а именно этим томлением по чему-то другому, что невольно ждалось впереди. Вот-вот, казалось, будет схвачена тема. Но проходила минута, и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями: намёк остался непонятым.

С новым и странным чувством я огляделся вокруг. Та же ночь стояла передо мною в своей прежней загадочной красоте. Но я смотрел на неё уже другими глазами: всё окружавшее было для меня теперь лишь прекрасным, беззвучным аккомпанементом к тем борющимся, страдающим звукам.

№ 65

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Но всех более занята была им дочь Муромского, ближайшего соседа, Лиза (или Бетси, как звал её обыкновенно отец). Ей было семнадцать лет. Она была единственное и, следственно, балованное дитя. Её резвость и проказы восхищали отца и приводили в отчаяние её мадам, сорокалетнюю чопорную девицу.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и её барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны; словом, Настя была лицом более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии.

На другой день Лиза приступила к исполнению своего плана, послала купить толстого полотна, с помощью Насти скроила ру-

башку и сарафан и призналась перед зеркалом, что никогда ещё так не была мила, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом. Одно затрудняло её: она попробовала было пройти по двору босая, но дёрн колот её нежные ноги. Настя и тут помогла ей: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей.

На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя. Ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птиц — всё наполняло сердце Лизы младенческой весёлостью. Боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского имения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце её сильно билось, само не зная почему, но боязнь, сопровождающая наши проказы, составляет их главную прелесть. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Итак, она шла, задумавшись, по дороге, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на неё. В то же время раздался голос: «Не бойсь, милая, собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу. «Да нет, барин, — сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастенчивой, — боюсь». Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Как тебя зовут, душа моя?» — «Акулиной», — отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы из рук Алексея.

№ 66

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения. Разбирая его бумаги, нашёл он только первое письмо заседателя и черновой ответ на него. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его мо-

лодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашёл достаточно к тому предлога и сказал ему сердито: «Пошёл вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся по-теплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили его душу. Он решил помириться со старым своим соседом, уничтожить следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на его лице: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и был поражён его состоянием: больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся и упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл! — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина.

№ 67

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья

диким голосом: «Кто идёт?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казённой надобности, и стал требовать казённую квартиру.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведённом оградой, стояла другая лачужка, меньше и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен её, и внизу с беспрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете её, далеко от берега, два корабля, чёрные снасти которых, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона.

Велев казаку выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат... Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати... Я засветил спичку и поднёс её к носу мальчика: она озарила два белых глаза.

Я вошёл в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи: поставил в угол шашку и ружьё, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой. Через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами. Я привстал и взглянул в окно: кто-то пробежал мимо него и скрылся бог знает куда. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Под мышкой он нёс какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо. Он шёл так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесёт, но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура.

№ 68

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце уже взошло, и становилось жарко. Я увидел его издали. Он шёл пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмеряли нам двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым, но волнение злости было во мне так сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался. Положили бросить жребий. Первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплёвывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. «Что пользы мне, — подумал я, — лишить его жизни, когда она ею вовсе не дорожит?» Злобная мысль мелькнула в моём уме. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, — сказал я ему, — вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». — «Вы ничуть не мешаете мне, — возразил он, — извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно; выстрел ваш остаётся за вами; я всегда готов к вашим услугам».

Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

— Вы догадываетесь, — сказал Сильвио, — кто эта известная особа? Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал её за черешнями!

При этих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперёд по комнате, как тигр по своей клетке.

Я слушал его неподвижно; странные, противоречивые чувства волновали меня.

Слуга вошёл и объявил, что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились ещё раз, и лошади поскакали.

№ 69

Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побеждённое ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными. Пыльный бархатный сюртук его, застёгнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое бельё, изобличавшее привычки порядочного человека. Его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлён худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустил на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трёх лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность. Белокурые волосы, выющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства.

Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были чёрные — признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздёрнутый нос, зубы ослепительной

белизны и карие глаза. О глазах я должен сказать ещё несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случилось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться.

Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвёл бы совершенно различное впечатление. Но так как вы о нём не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением.

Скажу в заключение, что он был вообще недурён и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

№ 70

Два дня спустя Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не налюбоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густо-зелёный луг, на котором паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагружённые барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кирилловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке знатока, но с чувством и воображением. Марья Кирилловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам и искусству его повара, а Марья Кирилловна не чувствовала ни

малейшего замешательства в беседе с человеком, которого видела только второй раз отроду.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофе в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась музыка, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кирилловне девичье любопытство. Время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кирилловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Перед домом в темноте вспыхнули разноцветные огни, завертелись, поднялись вверх колосьями, угасали и снова вспыхивали. Марья Кирилловна веселилась, как дитя.

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

№ 71

В ту самую пору по шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил, спешил без оглядки, спешил к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, уложил кой-какие пожитки в старую попону, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак.

Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, перекалились коростели... Герасим не мог их слышать. Не мог слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший ему навстречу, ласково ударял его в лицо. Он видел перед собой белеющую дорогу — дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе бессчётные звёзды, светившие ему в пути, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами месяц, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два дня он был уже дома, в своей избёнке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился к старосте. Староста сначала было удивился, но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошёл косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Доложили барыне. Она разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что никогда не приказывала утопить собаку, и наконец дала нагоняй Гавриле.

Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она сама скоро после того умерла; а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то людей распустили на оброк.

№ 72

Пока Захар и Анисья не были женаты, каждый из них занимался своей частью и не входил в чужую, то есть Анисья знала рынок и кухню и участвовала в уборании комнат только раз в год, когда мыли полы.

Но после свадьбы доступ в барские покои ей сделался свободнее. Она помогала Захару, и в комнатах стало чище, и вообще некоторые обязанности мужа она взяла на себя, частью добровольно, частью потому, что Захар деспотически возложил их на неё.

Так блаженствовал он с месяц: в комнатах чисто, барин не ворчит и он, Захар, ничего не делает. Но это блаженство миновалось — и вот по какой причине.

Лишь только они с Анисьей принялись хозяйничать в барских комнатах вместе, Захар что ни сделает, окажется глупостью. Каждый шаг его — всё не то и не так. Пятьдесят пять лет ходил он на белом свете с уверенностью, что всё, что он ни делает, иначе и лучше сделано быть не может. И вдруг теперь Анисья доказала ему, что он — хоть брось, и притом она делает это так тихо, как делают только с детьми или с совершенными дураками, да ещё усмехается, глядя на него.

Гордость его страдала, и он мрачно обращался с женой. Когда же, однако, случалось, что Илья Ильич спрашивал какую-нибудь вещь, а вещи не оказывалось или она оказывалась разбитою, и вообще, когда случался беспорядок в доме и над головой Захара собиралась гроза, он мигал Анисье, кивал головой на кабинет барина и, указывая туда большим пальцем, повелительным шёпотом говорил: «Поди ты к барину: что ему там надо?»

Анисья входила, и гроза всегда разрешалась простым объяснением. Таким образом опять всё заглохло бы в комнатах Обломова, если б не Анисья: она уже причислила себя к дому Обломова, бессознательно разделила неразрываемую связь своего мужа с жизнью, домом и особой Ильи Ильича.

Она была живая, проворная баба, лет сорока восьми, с заботливой улыбкой и красными, никогда не устающими руками. Лица у ней почти вовсе не было: только был заметен нос; хотя он был небольшой, но он как будто отстал от лица или неловко был приставлен, и притом нижняя часть его была вздёрнута кверху, оттого лица за ним не было заметно: оно так выцвело, что о носе её давно уже получишь ясное понятие, а лица всё не заметишь.

№ 73

Было уже часов десять, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что закончилась служба, которую заказывала бабушка, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол, как в своём шёлковом платье суетилась бабушка. Отец Андрей говорил о чём-то с матерью

Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении казалась молодой.

В саду было тихо, прохладно, и тёмные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, должно быть за городом, кричали лягушки. Дышалось глубоко, и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная и прекрасная.

Ей, Наде, было уже двадцать три года; с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном. Свадьба была назначена на седьмое июля, а между тем радости не было...

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы. Когда-то давным-давно к бабушке хаживала её дальняя родственница, Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая. У неё был сын Саша. Почти каждое лето приезжал он, обыкновенно очень больной, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться.

На нём был теперь застёгнутый сюртук и поношенные парусиновые туфли, стоптанные книзу. Сорочка была неглаженная, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными, худыми пальцами, бородатый и всё-таки красивый. К Шуминым он привык как к родным, и у них чувствовал себя как дома.

Когда вошли в залу, там уже садились ужинать. Бабушка, или, как её называли в доме, бабуля, говорила громко, и по манере говорить было заметно, что она здесь старшая. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом, но она каждое утро молилась, чтобы Бог спас её от разорения, и при этом плакала.

— Ты у меня в неделю поправишься, — сказала бабуля, обращаясь к Саше, — только вот кушай побольше. И на что ты похож!

После ужина Андрей Андреевич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай.

Проводив жениха, Надя пошла наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу, в зале, стали тушить огни, а Саша всё ещё сидел и пил чай. Пил чай он всегда подолгу, по-московски, стаканов по семь. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго ещё было слышно, как внизу убирала прислуга. Наконец всё затихло, и только слышалось изредка, как в своей комнате, внизу, покашливал Саша.

№ 74

Наташа с утра не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей.

В сыром, холодном воздухе, в тесноте колыхавшейся кареты она в первый раз представила себе то, что ожидает её там, на бале, в освещённых залах — музыка, цветы, танцы, государь, вся блестящая молодёжь Петербурга... То, что её ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет: так это было несообразно с впечатлением холода и темноты кареты. Она поняла, что её ожидает, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъезда, она вошла в сени и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещённой лестнице. Но, к счастью её, она почувствовала, что глаза её разбегались: она ничего не видела ясно, пульс её забил сто раз в минуту и кровь стала стучать у сердца. Она шла, замирая от волнения и всеми силами стараясь скрыть его.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Всё смешивалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про неё и смотрели на неё. Она поняла, что понравилась тем, которые обратили на неё внимание, и это наблюдение успокоило её. «Есть такие же, как мы, есть и хуже нас», — подумала она.

Пьер шёл, переваливаясь своим толстым телом, раздвигая толпу, кивая направо и налево так же небрежно и добродушно, как бы он шёл по толпе базара.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера, этого шута горохового, как называла его Перонская, и знала, что Пьер отыскивает в толпе их, и в особенности её. Но, не дойдя до них, Безухов остановился возле невысокого, очень красивого брюнета

в белом мундире, который, стоя у окна, разговаривал с каким-то высоким мужчиной. Наташа тотчас же узнала невысокого молодого человека в белом мундире: это был Болконский.

Пьер подошёл к князю и схватил его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тут есть молодая Ростова, пригласите её, — сказал он.

— Где? — спросил Болконский. Он пошёл вперёд, по направлению, которое ему указывал Пьер. Отчаянное замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю. Он предложил тур вальса.

«Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, поднимая свою руку на плечо князя Андрея.

Князь Андрей любил танцевать и, желая поскорее отделаться от умных разговоров, с которыми все обращались к нему, пошёл танцевать и выбрал Наташу, потому что на неё указал ему Пьер и потому что она была первая хорошенькая женщина, попавшаяся ему на глаза. Едва он обнял этот тонкий, подвижный стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко ему, вино её прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыхание и оставив её, остановился и стал глядеть на танцующих.

№ 75

Это было шесть-семь лет назад, когда я жил в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддёвке, по вечерам пил пиво и всё жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да ещё стола, на котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон освещались молнией.

Обречённый судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего. По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал всё, что привозили мне с почты.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных елей стояли как две сплошные стены, образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошёл по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть старушка. Но вот липы кончились; я прошёл мимо белого дома с террасой и с мезонином, передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольной, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, как будто я уже видел эту панораму когда-то в детстве.

У белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, стояли две девушки. Одна из них, постарше, тонкая, бледная, очень красивая, с целой копной волос на голове, имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание; другая же, совсем молоденькая — ей было семнадцать—восемнадцать лет, не больше, — тоже тонкая и бледная, с большим ртом и с большими глазами, с удивлением смотрела на меня, когда я проходил мимо, сказала что-то по-английски и сконфузилась, и мне показалось, что и эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон.

№ 76

Некто Ивлев ехал однажды в начале июля в дальний край своего уезда. Тройку лошадей, мелких, но справных, с густыми гривами, нанял он на деревне, у богатого мужика. Правил ими сын этого мужика, малый лет восемнадцати, тупой, хозяйственный. Он всё о чём-то недовольно думал, был как будто чем-то обижен. И, убедившись, что с ним не разговоришься, Ивлев отдался спокойной наблюдательности.

Ехать сначала было приятно: тёплый день, хорошо накатанная дорога; с хлебов, простирившихся на сколько глаз хватит, дул сладкий ветер, нёс цветочную пыль, местами дымил ею, и вдали от неё было даже туманно.

Ивлев поглядел кругом: погода поскучнела, со всех сторон натянуло туч и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Старик, пахавший возле деревни, сказал, что дома одна молодая графиня, но всё-таки заехали.

Ивлев сидел в темнеющей от дождя гостиной, болтая с графиней, и ожидал чая. Графиня всё сводила разговоры на любовь и между прочим рассказывала про своего соседа, помещика Хвошинского, который, как знал Ивлев ещё с детства, всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке, умершей в ранней молодости. «Ах, эта легендарная Лушка, — заметил Ивлев шутливо, слегка конфузясь своего признания. — Оттого, что этот чудак боготворил её, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней, я в молодости был почти влюблён в неё, воображал, думал о ней, Бог знает что, хотя она, говорят, совсем нехороша была собой». — «Да?» — сказала графиня не слушая.

Наконец босая девка с необыкновенной осторожностью подала на старом серебряном подносе крепкого чая и корзиночку с печеньем, засиженным мухами.

Когда поехали дальше, дождь разошёлся уже по-настоящему. Места становились всё беднее и глуше. Кончился рубеж, лошади пошли шагом и спустились в какие-то ещё не кошенные луга. Объехали какую-то старую плотину, потонувшую в крапиве, и давно высохший пруд — глубокую яму, заросшую бурьяном. На плотине, среди крапивы, мелкими бледно-розовыми цветочками цвёл большой старый куст, то милое деревцо, которое зовут «Божьим деревом».

На бугре, куда вела оловянная от дождевой воды дорога, на месте леса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой поросли, горько и свежо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругом, — только овсянки, сидя под дождём, звенели на весь редкий лес, поднимавшийся за избою, но, когда тройка, шлёпая по грязи, поравнялась с её порогом, откуда-то вырвалась целая орава громадных собак, чёрных, шоколадных, и с яростным лаем залаяла вокруг лошадей. В то же время неожиданно небо расколосось от оглушительного удара грома, и лошади понесли вскачь среди замелькавших перед глазами осиновых стволов...

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть его у себя; он присутствовал на ужинах, не пропускал ни одного бала и предавался общему вихрю со всей пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербурга не одна ужасала Ибрагима — молодой африканец любил.

Графиня, уже не в первом цвете лет, славилась ещё своею красотою, 17-ти лет, при выходе её из монастыря, выдали её за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особого внимания: это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его. Он чувствовал: он для них род какого-то редкого зверя. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть его обращению с женщинами.

Он понравился графине, которой надоели вечные шутки и тонкие намёки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у неё. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудренных париков её гостиней (Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку). Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубеждённый Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала.

Любовь не приходила ему на ум, а уж видеть графиню каждый день было ему необходимо. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд трогает женское сердце вернее всех расчётов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следила за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную

свою рассеянность. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору. Напрасно графиня, испуганная его страстью, хотела противопоставить дружбу и советы благоразумия, она сама ослабевала. И наконец, увлечённая силой страсти, ею же внушенной, изнемогая под её влиянием, она ответила восхищённому Ибрагиму.

№ 78

В то время как Багратион подъезжал, из орудия, оглушая его и свиту, зазвенел выстрел, и в дыму, вдруг окружившем орудие, видны были артиллеристы, подхватившие пушку и, торопливо напрягаясь, накатывавшие её на прежнее место... Широкоплечий, огромный солдат, широко расставив ноги, отскочил к колесу. Второй номер трясущейся рукой клал заряд в дуло. Небольшой сутуловатый человек, офицер Тушин, спотыкнувшись на хобот, выбежал вперёд, не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.

Багратион окликнул офицера, и Тушин, робким и неловким движением, совсем не так, как салютуют военные, а так, как благословляют священники, приложив три пальца к козырьку, подошёл к генералу. Хотя орудия Тушина были назначены для того, чтобы обстреливать лощину, он стрелял по видневшейся впереди деревне Шенграбен, перед которой выдвигались большие массы французов.

Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, и он, посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню. «Хорошо!» — сказал Багратион на доклад офицера и стал оглядывать всё открывавшееся перед ним поле сражения, как бы что-то соображая. С правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты, на которой стоял Киевский полк, в лощине речки слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей, и гораздо правее, за драгунами, офицер указывал князю на обходившую наш фланг колонну французов. Налево горизонт ограничивался близким лесом. Князь Багратион приказал двум батальонам из центра идти на подкрепление, направо. Офицер осмелился заметить князю, что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия.

Князь Багратион обернулся к офицеру и тусклыми глазами посмотрел на него молча. Князю Андрею казалось, что замечание офицера было справедливо и что действительно сказать было нечего. Но в это время прискакал адъютант от полкового командира, бывшего в лощине, с известием, что огромные массы французов шли низом, что полк расстроен и отступает к киевским гренадёрам. Князь Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения. Посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием, что драгунский полковой командир уже отступил за овраг, ибо против него был направлен сильный огонь и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес.

В то время как он отъезжал от батареи, налево тоже послышались выстрелы в лесу, и так как было слишком далеко от левого фланга, чтоб успеть самому приехать вовремя, князь Багратион послал туда сказать старшему генералу, тому самому, который представлял полк Кутузова, чтоб он отступил сколь можно скорее за овраг, потому что правый фланг, вероятно, не в силах будет долго удерживать неприятеля. Про Тушина же и батальон, прикрывавший его, было забыто.

IV. Комплексные диктанты

№ 1

Длинной блистающей полосой тянется с запада на восток Таймырское озеро. На севере возвышаются каменные глыбы, за ними маячат чёрные хребты. Весенние воды приносят с верховьев следы пребывания человека: рваные сети, поплавки, поломанные вёсла и другие немудрёные принадлежности рыбацкого обихода.

У заболоченных берегов тундра оголилась, только кое-где белеют и блестят на солнце пятнышки снега. Ещё крепко держит ноги скованная льдом мерзлота, и лёд в устьях рек и речонок долго будет стоять, а озеро очистится дней через десять. И тогда песчаный берег, залитый светом, перейдёт в таинственное свечение сонной воды, а дальше — в торжественные силуэты и причудливые очертания противоположного берега.

В ясный ветреный день, вдыхая запахи пробуждённой земли, мы бродим по проталинам тундры и наблюдаем массу прелю-

бопытных явлений: из-под ног то и дело выбегает, припадая к земле, куропатка; сорвётся и тут же, как подстреленный, упадёт на землю крошечный куличок, который, стараясь увести незваного посетителя от гнезда, тоже начинает кувыркаться у самых ног. У основания каменной россыпи пробирается прожорливый песец, покрытый клочьями вылинявшей шерсти, и, поравнявшись с камнями, делает хорошо рассчитанный прыжок, придавливая лапами выскочившую мышь. А ещё дальше горностаи, держа в зубах серебряную рыбу, скачками проносятся к нагромождённым валунам.

У медленно тающих ледничков начнут оживать и цвести растения, первыми среди которых будут розы, потому что они развиваются и борются за жизнь ещё под прозрачной корочкой льда. В августе среди стелющейся на холмах полярной берёзы появятся первые грибы, ягоды — словом, все дары короткого северного лета. В поросшей жалкой растительностью тундре тоже есть свои прелестные ароматы. Когда наступит лето и ветер заколышет венчики цветов, жужжа, прилетит и сядет на цветок шмель — большой знаток чудесного нектара.

А сейчас небо опять нахмурилось и ветер бешено засвистел, возвещая нам о том, что пора возвращаться в дощатый домик полярной станции, где вкусно пахнет печёным хлебом и уютом человеческого жилья. Завтра начинаются разведывательные работы.

№ 2

Начало грозы

Ещё только одиннадцатый час на исходе, а уже никуда не денешься от тяжёлого зноя, каким дышит июльский день. Раскалённый воздух едва-едва колышется над немощёной песчаной дорогой. Ещё не кошенная, но наполовину иссохшая трава никнет и стелется от зноя, почти невыносимого для живого существа. Дремлет без живительной влаги зелень рощ и пашен. Что-то невнятное непрестанно шепчет в полудремоте неугомный кузнечик. Ни человек, ни животное, ни насекомое — никто уже больше не борется с истомой. По-видимому, все сдались, убедившись в том, что сила истомы, овладевшей ими, непобедима и непреодолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя по-прежнему и как ни в чём не бывало пляшет без усталости в пахучей хвое. На некошенных

лугах ни ветерка, ни росинки. В роще, под пологом листвы, так же душно, как и в открытом поле. Вокруг беспредельная сушь, а на небе ни облачка.

Полуденное солнце, готовое поразить каждым своим лучом, жжёт невыносимо. Бесшумно, едва приметно струится в низких берегах кристально чистая вода, зовущая освежить истомлённое зноем тело в прохладной глубине.

Но отправиться купаться не хочется, да и незачем: после купания ещё больше распаришься на солнцепёке.

Одна надежда на грозу: лишь она одна может разбудить скованную жаром природу и развеять сон.

И вдруг впрямь что-то грохочет в дали, неясной и туманной, и гряда тёмных туч движется с юго-восточной стороны. В продолжение очень короткого времени, в течение каких-нибудь десяти—пятнадцати минут, царит зловещая тишина и всё небо покрывается тучами.

Но вот, откуда ни возмись, в мёртвую глушь врывается резкий порыв ветра, который, кажется, ничем не удержишь. Он стремительно гонит перед собой столб пыли, беспощадно рвёт и мечет древесную листву, безжалостно мнёт и приклоняет к земле полевые злаки. Ярко блеснувшая молния режет синюю гущу облаков. Вот-вот разразится гроза и на обнажённые поля польётся освежающий дождь. Хорошо бы в пору укрыться от этого совсем неожиданного, но желанного гостя. Добежать до деревни не удастся, а усесться в дупло старого дуба впору только ребёнку. Гроза надвигается: изредка вдалеке вспыхнет молния, слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь горизонт. Но вот солнце выглянуло в последний раз, осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрестность вдруг изменилась, приняла мрачный характер, и гроза началась.

№ 3

Тихий сентябрьский день был на исходе. По лесным дорогам в гору двигались искусно замаскированные ветвями пушки и трёхтонки, шли караваны гружённых, по-видимому, минами лошадей. У всех в этот день было приподнятое настроение: обессиленные за последние дни бойцы, расположившись небольшими, но плотными

группками или поодиночке, наспех писали письма и, вполголоса переговариваясь, подкреплялись тушённой.

Уже совсем стемнело и в ущелье стало холодно, когда, покинув позиции, батальоны отправились в путь. Было непонятно, как в густом лесу, при едва брезжащем свете луны, двигаясь на ощупь, люди найдут своё место в горах и приготовятся к бою. Однако командиры рот заранее изучили окрестности, и поэтому отход протекал нормально.

Неприятель, в течение ночи почти не пытавшийся штурмовать, на рассвете в открытую ринулся на нашу арьергардную роту, оставленную в теснине... Но никто из фашистов не видел, как на вершине кристаллических скал, укрытые охапками лёгких стелющихся растений, едва зыблющихся на ветру, расположились наблюдатели, буквально не сводившие глаз с врага.

Взволнованные долгим ожиданием, готовые стоять насмерть, лежали бойцы на скалах, а на дорогах недоступные огню шли фашисты. Опасность была настолько велика, что ни у кого не возникла мысль пренебречь ею или хотя бы приуменьшить её.

И в эту минуту как будто раскололось небо, загрохотали пушки и миномёты, тысячекратным эхом канонада отразилась в горах, и в блистающую, кристально чистую голубизну неба поднялся изжелта-багровый дым.

С хриплыми, далеко не стройными голосами, бойцы бросились врукопашную, и было хорошо видно, как по дороге сума-тошно, словно шарики рассыпанной ртути, метались фашисты. Только ночью гитлеровцы нащупали почти незащищённое место и, прорвав оборону, враспынную бросились по теснине. Так закончился бой...

№ 4

Лебедь

Лебедь по своей величине, силе, и красоте, и величавой осанке давно и справедливо назван подлинным царём всего подводного птичьего мира. Белый как снег, с блестящими небольшими глазами, длинношей, он прекрасен, когда невозмутимо спокойно плывёт по тёмно-синей зеркальной поверхности воды. Но все его движения преисполнены безыскусной прелести: начнёт ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею;

начнёт ли купаться, нырять, как заправский пловец, залихватски плескаясь своими могучими крыльями, далеко распространяя брызги воды; распушит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнёт беспрестанно носом перебирать в нём каждое пёрышко, проветривая и суша его на солнце, — всё непостижимо живописно и величаво в нём.

Лебединых стай я не видывал в тех местах Оренбургской губернии, где я постоянно охотился и где мне не раз встречались косяки других птиц: лебеди бывают там только пролётом. Однако бывает и так: нескольким лебедям, пребывающим в холостом состоянии, понравится привольное место неподалёку от моей дощатой времянки, и они, если только не будут отпуганы, прогостят в течение недели, а то и более. Откуда они прилетают и куда улетают — я не знаю. Однажды их гостевание продолжалось три месяца, а может быть, было бы и более, пока не случилось пренеприятнейшее: местный старожил, не кто иной, как объездчик нашего участка, убил одного наповал для пуха, непревзойдённые достоинства которого известны нам.

В большинстве старинных песен, особенно в южнорусских, лебедь преподносится как роскошная, благородная птица, никогда не бросающая собратьев по стае в несчастье. Обессилевшие, обескровевшие, они будут отчаянно защищать других. Лебеди не склоняются даже перед непреодолимыми препятствиями.

Небезызвестна их недюжинная сила. Говорят, что, если собака бросится на детей лебеда или кто-то приблизится к нему, легкораненому, он ударом крыла может прибить до смерти. Так же, как и в песнях, незыблемо прекрасен этот образ и в сказках. Воистину легендарная птица!

№ 5

Отправляя в разведку Метелицу, Левинсон наказал ему во что бы то ни стало вернуться этой же ночью. Но деревня, куда был послан взводный, на самом деле лежала много дальше, чем предполагал Левинсон: Метелица покинул отряд около четырёх часов пополудни и на совесть гнал жеребца, согнувшись над ним, как хищная птица, жестоко и весело раздувая тонкие ноздри, точно опьянённый этим бешеным бегом после пяти медлительных и скучных дней, — но до самых сумерек бежала вслед, не убывая, тайга — в шорохе трав,

в холодном и грустном свете умирающего дня. Уже совсем стемнело, когда он выбрался наконец из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого, с провалившейся крышей омшаника, как видно, давным-давно заброшенного людьми.

Он привязал лошадь и, хватаясь за рыхлые, осыпающиеся под руками края сруба, взобрался на угол, рискуя провалиться в тёмную дыру, откуда омерзительно пахло задушенными травами. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах, стоял он минут десять не шелохнувшись, зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь, невидный на тёмном фоне леса и ещё более похожий на хищную птицу.

Метелица прыгнул на седло и выехал на дорогу. Её чёрные, давно неезженные колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берёз тихо белели во тьме, как потушенные свечи.

Он поднялся на бугор: слева по-прежнему шла чёрная грядая сопка, изогнувшись, как хребет гигантского зверя; шумела река. Верстах в двух, должно быть возле самой речки, горел костёр, — он напоминал Метелице о сиром одиночестве пастушьей жизни; дальше, пересекая дорогу, тянулись жёлтые, немигающие огни деревни. Линия сопки справа отворачивала в сторону, теряясь в синей мгле; в этом направлении местность сильно понижалась. Как видно, там пролегалo старое речное русло; вдоль него чернел угрюмый лес.

«Болото там, не иначе», — подумал Метелица. Ему стало холодно: он был в расстёгнутой солдатской фуфайке поверх гимнастёрки с оторванными пуговицами, с распахнутым воротом. Теперь он походил на мужика с поля: после германской войны многие ходили так, в солдатских фуфайках.

Он был уже совсем близко от костра, — вдруг конское тревожное ржание раздалось во тьме. Жеребец рванулся и, вздрагивая могучим телом, заворил страстно и жалобно. В то же мгновение у огня качнулась тень и Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадей.

№ 6

В лесу

Небольшая дорожка вела нас через свежескошенный луг, и мы вволю налюбовались весёлым полевым пейзажем. Как только мы вошли в лес, внимание наше привлёк незнакомый нам доселе

знак, вырубленный на сосне. Он напоминал изображение оперённой стрелы, длиной не менее полутора-двух метров, так что оперение охватывало ствол во всю его ширину.

Приглядевшись к одной из сосен, мы увидели, что у нижнего конца стрелы там, где положено быть наконечнику, прикреплён к дереву железный колпачок, наполненный белой массой, похожей на топлёное масло. Тогда память подсказала читанное в учёных книгах и даже стихах небезызвестное слово «живица».

Сегодня сосна оказалась с таким же фантастическим значком, и третья, и четвёртая...

Всмотревшись в неясную далёкую глубину бора, мы увидели, что все сосны, как одна, несут на себе изображение огромной стрелы. Сквозь сосны вскоре проглянули невысокие постройки, и мы, предварительно спросив у продавщицы магазинчика, сидевшей на завалинке у своего сельпо и щёлкавшей тыквенные семечки, очень скоро нашли технорука. Это был молодой мужчина невысокого роста, с малозаметными усиками, в простой, в полоску, рубаше с резинками на рукавах, в шевиотовых брюках, заправленных в валяные сапоги. Звали его Пётр Иванович. Он, извиняясь за свой внешний вид, сообщил нам, что весной застудил ноги и теперь вынужден даже в жару ходить в валенках. Рассказывая, он незаметно подвёл нас к домику и, смущаясь, пригласил войти. В комнате с высокой дощатой перегородкой, сплошь увешанной плакатами и картинками с видами леса, нас встретила молодая красивая хозяйка, с чёрными до блеска волосами и ярко-голубыми глазами. На ней было скромное ситцевое платье с какими-то замысловатыми разводами совершенно непонятного цвета. Не успели мы как следует поздороваться с ней, как она уже поставила на стол большое деревянное блюдо с варёными грибами, чашку с печённым в золе картофелем, квашеную капусту, мочёные яблоки, молоко, хлеб.

Мы впоследствии несколько дней кряду с благодарностью вспоминали гостеприимных хозяев в маленькой лесной деревеньке, от которых узнали много интересного о тайнах живицы.

№ 7

Портреты Крамского отличаются глубиной раскрытия не только психологии, характера модели, но и её прелести и очарования.

Поиски Крамским красоты в жизни, желание подняться над будничностью, из обычного сделать необычное, прекрасное, радующее глаз выразились в знаменитой картине «Неизвестная».

Жажда прекрасного, способность очаровываться внешней красотой, гармонией, совершенством была в художнике так же сильна, как вера в необходимость самопожертвования, как преклонение перед силой человеческого духа, перед мужеством и стойкостью характера.

Сравнивая этюд к «Неизвестной» с картиной, мы видим в его основе тот же сюжет, ту же композицию и ту же модель. Беспристрастно и объективно раскрывая характер портретируемой, Крамской не наделяет её ни красотой, ни обаянием; женщина и чопорна и надменна, губы презрительно сжаты, глаза высокомерно прищурены. Лицо полное и чуть одутловатое.

В картине возникает совсем другой образ. Чуть изменён поворот головы — она гордо поднята, с лёгким как бы снисходительным поклоном повернута направо. Это придаёт женщине грациозность и изящество вместо сдержанной чопорности. Все черты лица тоньше, изящней, изменилось выражение больших блестящих глаз, густо опушённых ресницами. Эстетическое наслаждение доставляет виртуозная передача нежной женской руки, затянутой в перчатку, бархата шубки, плотно облегающей фигурку, страусового пера, колышущегося на ветру. Крамской тонко чувствует красоту всего этого, но искусное изображение аксессуаров не отвлекает внимания художника от внутреннего смысла образа.

Эта красивая, но малопривлекательная женщина холодна и надменна. Она очень сдержанна, замкнута, но её властный характер не трудно разгадать и в манере держаться, и в бесстрастном взгляде глаз. Внешняя красота, изысканность женщины не скрыли её человеческой холодности. В этом портрете Крамской воплотил определённый тип женщины, в котором красота, лишённая душевного обаяния, составляет главную черту характера.

Образ «Неизвестной», сочетающий в себе красоту и одновременно душевную пустоту, — единственный в творчестве художника, но столь интересный и значительный, что невольно становится своеобразной загадкой, скрывающей истинный замысел художника.

№ 8

Деревня Маниловка

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам. На покатоности горы, одетой подстриженным дёрном, были разбросаны по-английски две-три клумбы, пять-шесть берёз небольшими купами возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была небольшая, но высокая беседка с надписью: «Храм уединённого размышления»; пониже был покрытый зеленью пруд, отнюдь не диковинный в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения темнели серенькие бревенчатые избы, сразу сосчитанные нашим героем. Нигде между ними не было ни растущего деревца, ни какой-нибудь зелени. Вид оживляли две бабы, которые картинно подобравши платье и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача изорванный бредень, где видны были два запутавшихся рака и блестела попавшаяся плотва. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был неясный и не мрачный, а какого-то светло-серого цвета. Для пополнения картины не было недостатка в петухе-предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на голову, продолблённую до самого мозга носами других петухов, горланил очень громко, похлопывая крыльями, обдёрганными, как старые рогожки. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес.

Подъезжая ко двору, Чичиков заметил самого хозяина, стоящего на крыльце и приставившего руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере приближения брички к крыльцу глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

№ 9

В безветренную предъюльскую пору по извивающейся тропинке мы возвращаемся с охоты. У каждого за спиной холщовый мешочек, наполненный добычей, настрелянной в течение нескольких часов.

Охота была удивительно удачной, поэтому нас не расстраивало то, что четырёх подстреленных уток собаки не могли разыскать.

Обессилев от ходьбы, мы улеглись у поваленной берёзы, покрытой какой-то стелющейся растительностью. Не на расстеленной тканой скатерти, а на шелковистом мху, чуть-чуть высеребренном тонкой паутинкой, разложили мы дорожные яства. Среди них были купленные продукты и не купленные в магазине домашние изделия. Маринованные грибы, поджаренная колбаса, масляные ржаные лепешки, сгущённое молоко, говяжья печёнка, печёный картофель, немного вываленный в золе, и глоток напитка, настоящего на каком-то диковинном снадобье, покажутся вкусными на свежем воздухе самому сверхизысканному гурману.

Трудно сравнить с чем-либо то очарование и наслаждение, которое испытываешь, когда лежишь у костра, на берегу безымянной речонки в лесной чашобе.

Возникают разговоры на самые необыкновенные и неожиданные темы: о трансъевропейских экспрессах, трансатлантических перелётах, сибирских морозах, обезьяньих проделках, искусных мастерах и о многом другом.

Издредка беседу нарушают непрошеные гости: оводы и комары. По справедливости они названы путешественниками бичом северных лесов.

Лёгонький ветерок едва-едва зыблет травы. Сквозь ветви деревьев виднеется голубое небо, а на сучочках кое-где держатся золочёные листочки. В мягком воздухе разлит пряный запах.

Вдалеке неожиданно появились свинцовые тучи, блеснула молния.

Вряд ли нам вовремя удастся укрыться от дождя.

К счастью, вблизи оказался домишко лесного объездчика — низенькое бревенчатое строение. Сынишка хозяина, стриженный мальчуган, одетый в короткое пальтишко, приветливо кивал нам головой.

Отблестали молнии, яростный ливень сначала приостановил, а затем и вовсе прекратил свою трескотню.

Стихии больше не спорят, не ссорятся, не борются.

Расстроенные полчища туч уносятся куда-то вдаль.

Выйдя из дома, мы вначале следуем по уже езженному просёлку, а потом по асфальтированному шоссе, заменившему прежнюю немощёную дорогу.

Андрей Болконский под Аустерлицем

Смешанные, всё увеличивающиеся толпы бежали туда, где, казалось, пять минут назад войска проходили мимо императоров.

Болконский чувствуя, что невозможно не податься назад вместе с толпой, старался только не отставать от неё и оглядывался недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним. Князь Андрей протеснился до Кутузова, на щеке которого он увидел кровь. «Вы ранены?» — спросил Болконский, удерживая дрожание нижней челюсти. «Рана не здесь, а вот где», — сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих...

Войска бежали такую густую толпою, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из неё выбраться. С величайшим усилием выбравшись из потока, Кутузов со свитой, уменьшенной более чем вдвое, поехал на звуки артиллерийских выстрелов русской батареи; князь Андрей старался не отставать от него.

Французы атаковали батарею и, увидев Кутузова, выстрелили по нему. С этим залпом упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат.

Болконский, оглянувшись и указывая на расстроенный батальон, с отчаянным видом промышчал: «Кутузов, что же это?» Но прежде, чем он договорил, князь Андрей, чувствуя слёзы стыда и злости, подступившие к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

«Ребята, вперёд!» — крикнул он по-детски пронзительно. «Вот оно!» — думал князь Андрей, схватив древко и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. «Ура!» — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжёлое знамя, и побежал вперёд с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов, потом тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперёд и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав, взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном. Он по-прежнему слышал над

собою не перестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них: он вглядывался только в то, что происходило впереди его на батарее.

№ 11

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенного, но, за неимением другой дичи (дело было в начале сентября), мы отправились в Льгов. Льгов — большое степное село, расположенное на болотистой речке Росоте. Эта речка вёрст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, заросший густым тростником. Здесь водилось бесчисленное множество уток. Мы пошли с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка не держится, во-вторых, наши собаки не были в состоянии достать убитую птицу из сплошного камыша. «Надо достать лодку, пойдёмте назад в Льгов!» — промолвил наконец Ермолай. Через четверть часа мы, сев в лодку Сучка, когда-то господского рыболова, плыли по пруду. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха.

Утки, испуганные нашим неожиданным появлением, шумно поднимались и, кувыркаясь в воздухе, тяжело шлёпались в воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали. Владимир, к великому удивлению Ермолая, стрелял вовсе не отлично. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно. Я, по обыкновению, — плохо.

Погода стояла прекрасная, и, ясно отражаясь в воде, белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами.

Когда мы уже собирались вернуться в село, с нами случилось неприятное происшествие.

К концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стаями, что мы едва успевали заряжать ружья. Вдруг от сильного движения Ермолая — он старался достать убитую птицу и всем телом налёг на край — наше ветхое судно наклонилось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Через мгновение мы стояли в воде по горло, окружённые всплывшими телами мёртвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и моё лицо не отличалось тогда румянцем), но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться.

Часа два спустя мы, измученные, грязные, мокрые, достигли наконец берега и развели костёр. Солнце садилось, и широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи.

№ 12

Из сеней он (Чичиков) попал в комнату, тоже тёмную, чуть-чуть озарённую светом, выходявшим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражён представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытьё полов и сюда на время нагромодили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонённый боком к стене шкаф со старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутровой мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплёте с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин, длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения с огромными барабанами, кричащими солдатами и тонущими конями без стекла, вставленный в рамку красного дерева. Рядом с ним занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую вниз головой утку.

№ 13

Песчаная отмель далеко золотилась, протянувшись от тёмного обрывистого, с нависшими деревьями берега в тихо сверкающую, дремотно светлеющую реку, пропавшую за дальним смутным лесом.

Вода живым серебром простиралась до другого берега, а ветер, настоящий на полевых травах, едва приметно колеблет молодую поросль, стелющуюся по карнизам крутого берега.

Задумчивая улыбка, не нарушаемая присутствием человека, лежит на всём: на синеве неба, на лениво-ласковой реке, зыблющейся под ветром, — и кажется, что эта улыбка так же таинственна, как и вся жизнь природы. Даже наполовину вытасченный дощаник, выдолбленная из дерева лодка, кажется не делом человеческих рук, а почернелым от времени, свалившимся с родного берега лесным гигантом, а рыбацья избушка, приютившаяся под самым обрывом, напоминает не что иное, как старый-престарый гриб.

Из избушки вышел немолодой, но крепкий старик в холстинной рубаше, прислушался к далёким звукам колокола, которые, обессиленные расстоянием, едва доносились сюда. И, двигая бровями, как наёжившийся кот шерстью, повернулся, и, тяжело ступая по хрустящему песку, подошёл к разостланной бечеве с навязанными крючками и стал подтачивать их напильником и протирать сальной тряпкой, чтоб не ржавели в воде.

Чего только не видел на долгом веку старик, но он, приложив козырьком чёрную ладонь, долго любитесь тем, как играет и колеблется нестерпимый для глаз блеск воды. Потом он берёт узкое весло, лежащее поодаль, и сталкивает в воду лодку, невольно напоминая при этом большого муравья, тащащего свою добычу.

№ 14

Глухариный ток

В весеннюю пору хорошо в лесу: воздух особенно свеж и пахуч, повсюду разносится запах прелых листьев и оттаявшей земли.

Впечатления, связанные с весенней охотой на глухарей, неизгладимы в моей памяти. Ещё совсем не рассвело, и над спящим лесом плывёт прозрачная ночная тишина, в которой ясно слышится каждый шорох и шёпот. Хрустнет под ногой ветка, треснет ледяная корка, затянувшая неглубокое, но широкое болотце, и снова тишь.

Когда идёшь по лесу, то время от времени останавливаешься и прислушиваешься. Хочется в срок добраться до места тока, когда глухарь ещё не начинал своей песни. Внимательно слушаешь, и

вдруг неожиданно раздаётся в воздухе резкий, отрывистый крик. Вскоре ему отвечает другой — и на болоте начинается звонкая переключка. Напряжённо вслушиваешься в лесную мглу, поминутно взглядывая на стрелки часов.

На востоке, в глубине леса, между верхушками деревьев брезжит почти незаметный свет, и ночная тьма начинает понемногу рассеиваться.

Но вот уже в дали лесной слышатся неуловимые для неопытного охотника звуки глухариной песни. Характерное щёлканье, щебетание слышится из отдалённой чащобы и наполняет предрассветную лесную тишину, переливаясь в воздухе таинственными и волнующими звуками.

Предоставьте время глухарям распеться, и тогда можете медленно и осторожно передвигаться в ту сторону, откуда виднеются первые отблески утренней зари и наиболее громко доносится песня глухаря. Передвигаться нужно как можно осторожнее, иначе приблизиться к птице вам не удастся. Стоит только глухарю замолчать, как замираешь на месте и стоишь неподвижно. Запоёт глухарь — снова двигаешься к месту глухариного тока, где опять отчётливо слышится звонкая трель. В алом свете зари глухарь кажется массивной точёной фигурой из чёрного дерева. Лишь чуть заметное движение этой фигуры свидетельствует о том, что это не мёртвый предмет.

№ 15

Едигей достал из лодки тяжёлый кожаный бурдюк, наполненный водой, развязал его и выплеснул на прибрежную гальку вместе с водой золотого мекре. То была большая рыба. Могучая и красивая рыба. Она бешено заколотила золотым хвостом, изгибаясь, подпрыгивая, разметая вокруг мокрую гальку, и, широко разевая розовую пасть, обратилась к морю, пытаясь добраться до родной стихии, до прибоя. На какую-то недолгую секунду рыба вдруг замерла напряжённо, затихла, пытаясь освоиться, оглядывая немигающими безупречно круглыми чистыми глазами тот мир, в котором нечаянно очутилась. Даже в сумеречном предвечерье зимнего дня непривычный свет ударил в голову, и увидела рыба сияющие глаза людей, склонившихся над ней, кромку берега и неба и в очень далёкой перспективе над морем различила

за редкими облаками на горизонте нестерпимо яркий для неё закат угасающего солнца. Задышаться начала. И рыба вскинулась. Заколотилась, закрутилась с новой силой, желая добраться до воды. Едигей поднял золотого мекре под жабры.

— Подставляй руки, держи, — сказал он Укубале.

Укубала приняла рыбину, как ребёнка, на обе руки и прижала её к груди.

— Какая она упругая! — воскликнула Укубала, ощутив её пружинистую внутреннюю силу. — А тяжёлая, как полено! И как здорово пахнет морем! И красивая какая! На, Едигей, я довольна, очень довольна. Исполнилось моё желание. Отпусти её в воду поскорей...

Едигей понёс золотого мекре к морю. Войдя по колено в набегающий прибой, он дал рыбе соскользнуть вниз. На какое-то короткое мгновение, когда золотой мекре падал в воду, отразилась в густой синеве воздуха вся золотая оснастка рыбы от темени до хвоста, и, блеснув, испарывая воду стремительным корпусом, рыба уплыла в глубину..

№ 16

Овсяников придерживался старинных обычаев не из суеверия (душа в нём была довольно свободная), а по привычке. Он, например, не любил рессорных экипажей, потому что не находил их покойными, и разъезжал либо в беговых дрожках, либо в небольшой красивой тележке с кожаной подушкой, и сам правил своим добрым гнедым рысаком. (Он держал одних гнедых лошадей.) Кучер, молодой краснощёкий парень, остриженный в скобку, в синеватом армяке и низкой бараньей шапке, подпоясанный ремнём, почтительно сидел с ним рядом. Овсяников всегда спал после обеда, ходил в баню по субботам, читал одни духовные книги (причём с важностью надевал на нос круглые серебряные очки), вставал и ложился рано. Бороду, однако же, он брил и волосы носил по-немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно, но не кланялся им в пояс, не суетился, не потчевал их всяким сушеньем и соленьем. «Жена! — говорил он медленно, не вставая с места и слегка повернув к ней голову. — Принеси господам чего-нибудь полакомиться». Он почитал за грех продавать хлеб — божий дар, и в 40-м году, во время всеобщего голода и

страшной дороговизны, раздал окрестным помещикам и мужикам весь свой запас; они ему на следующий год с благодарностью внесли свой долг натурой. К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рассудить, помирить их и почти всегда слушались его совета. Многие, по его милости, окончательно размежевались... Но после двух или трёх ошибок с помещицами он объявил, что отказывается от всякого посредничества между особами женского пола. Терпеть он не мог поспешности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и суеты.

№ 17

Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я.

Надо мной расстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине тёмную деревянную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зелёных деревьев, с высокой кручи. Вправо, в нескольких саженьях от меня, стоял какой-то незнакомый шалаш, влево — серый неуклюжий столб с широкой дощатою крышей, с кружкой и с доской, на которой было что-то написано.

А у самых моих ног плескалась река.

Этот-то плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию беспокоящим шёпотом и точно ласкающим, но вместе беспощадным голосом, который подымает на заре для неизбежного трудового дня. А вставать так не хочется...

Я опять закрыл глаза, чтоб отдать себе, не двигаясь, отчёт в том, как я очутился здесь, под открытым небом на берегу плещущей речонки, в соседстве этого шалаша.

Понемногу в уме моём восстановились предшествующие обстоятельства. Предыдущие сутки я провёл на Святом озере, у невидимого града Китежа, толкаясь между народом, слушая гнусавое пение нищих слепцов, страстные религиозные споры беспоповцев и скитников. Мне вспомнились утомлённые лица миссионеров и священников, кучи книг на аналое, при помощи которых спорившие разыскивали нужные тексты в толстых фолиантах. На заре я с трудом протолкался из толпы на простор и, усталый, с головой, отяжелевшей от бесплодности этих споров, с сердцем, сжимавшимся от безотчётной тоски и разочарования, — поплёлся восвояси. Тяжёлые, нерадостные впечатления уносил я

от берега Святого озера, от невидимого, но страстно взыскуемого народом города. Точно в душном склепе, при тусклом свете уга-сающей свечи, провёл я всю эту бессонную ночь, прислушиваясь, как где-то за стеной кто-то читает мерным голосом заупокойные молитвы над заснувшей навеки народной мыслью.

Солнце уже встало над лесами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около пятнадцати вёрст лесными тропами, вышел к реке и тотчас же свалился на песок, точно мёртвый, от усталости и вынесенных с озера суровых впечатлений.

№ 18

Общая квартира Мечиславского и Остроухова состояла из двух комнат. Первая тёмная комната была обращена в прихожую, а светлая — в спальню.

Светлая комната была замечательна простенками необыкновенной ширины, как будто бы предполагали строить замок, а не двухэтажный дом. В громадном простенке стоял большой стол с зеленоватым маленьким самоваром. На круглом ржавом подносе, с маленькой решёткой кругом, стояли два стакана. Напротив стола, у стены, находился массивный турецкий диван, обтянутый тиком, во многих местах разодранный, откуда виднелась другая материя. За диваном, у печки, стоял маленький простого дерева комод с разошедшимися ящиками и тут же маленький туалетный ящик с зеркалом.

По другой стене тянулась длинная кровать с коротенькой периной и кожаными подушками, напоминавшая детей, выросших из своего платья. Возле кровати — разложенный стол, на нём запылённые роли, парики, бритвы, — всё пересыпано табаком и пылью.

Остроухов даже не имел зеркала, а какой-то кусочек, обделанный в пёструю бумажку.

Противоположная стена от двери до окна была завешана разного рода платьями: тут висел французский кафтан с блёстками, греческая рубашка, испанский плащ рядом с засаленным халатом, шубой и другими платьями.

Когда Остроухов возвратился домой, он застал Мечиславского лежащим на диване с ролью в руке. По нахмуренным бровям и взглядам исподлобья можно было догадаться, что Остроухов чем-

то недоволен. Его умное лицо, разрисованное морщинами, имело обычное выражение утомления и грусти. Но Мечиславский не обратил внимания на своего друга: он слишком был погружён в свои мысли. Наконец он окликнул его после долгого молчания, и тот так вздрогнул, что роль выпала у него из рук. Мечиславский пугливо посмотрел на своего товарища и покачал головой: «Нехорошо, братец! На меня нечего смотреть, что я своей роли не знаю: память стала слаба. А вот ты, ты другое дело. Придётся тебе смотреть на свою возлюбленную и в то же время подставлять ухо к суфлеру. Не годится, братец!»

Мечиславский, как пристыженный школьник, громко стал читать свою роль.

№ 19

Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Сгнивший, серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве, бузине, бересклете. В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были открыты осевшие стеклянные двери и весёлый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, всё вспоминалось нам фортепиано тёти Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нём, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки — и в ситцевых пёстреньких платяцах, и в японских нарядах, и в чёрно-лиловых бархатных шالях — залетали в гостиную. И перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда девки, по глупости, через несколько дней стёрли её, с тётей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гостиной на балкон, садились на тёплые доски — и думали, думали. Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берёз с атласно-белыми, испещрёнными чернью стволами и широко раскинутыми зелёными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей — и зелёно-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в тёмных

чердаках, где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчёлы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, — и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей...

№ 20

Осенний свинцовый вечер; холодный дождь, мелкий, как пыль, неумоимо сеет на крыши домов Берлина, на зонтики почтенных немцев и камень мостовой; крупные, краснощёкие люди торопливо разносят свои сытые тела, большие животы по улицам, скучно прямым.

Огромный город — сегодня весь мокрый, озябший и хмурый — утомительно правилен, он — точно шахматная доска, и кто-то невидимый гоняет по ней чёрные фигуры, молча играя трудную, сложную игру.

Между крыш, над чёрной, спутанной сетью деревьев, тускло блестит купол рейхстага, как золотой шлем великана-рыцаря, пленённого и связанного толстыми цепями улиц, каменно-серыми звеньями домов.

Вспыхивают бледные, холодные огни, и вода на мостовой в щелях и выбоинах камня светится синевато, тонкие маленькие ручьи напоминают вены, густую, отравленную кровь. От огня родились тени, тяжёлый город, ещё более тяжелея, оседает к мокрой земле: дома становятся ниже, угрюмей, люди — меньше, суетливее; всё вокруг стареет, морщится; гуще выступает сырость на толстых стенах, яснее слышен шум воды в водостоках, и покорно падают на плиты тротуара тяжёлые капли с крыши.

Скучно. Этот город — такой большой, серый, хвастливо чистый — неуютен, как будто он создан не для людей, а напоказ, и люди живут порабощённые камнем. Они мечутся в улицах города, как мыши в мышеловке, жалко смотреть на них: жизнь их кажется бессмысленной, непоправимо, навсегда испорченной — никогда они не станут выше того, что создано ими до этого дня, не почувствуют себя в силе жить иначе — свободней и светлей.

Хрипло ухают и гудят автомобили, гремит и воет блестящий вагон трамвая, синие искры брызгают из-под его колес; недо-

верчиво хмурятся подслеповатые окна домов и холодно плачут о чём-то. Всё кажется смертельно усталым, и всюду сырость, точно пот больного лихорадкой.

№ 21

Уже более трёх часов прошло с тех пор, как я присоединился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде. Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе. Всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи! Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки тоже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понунив головы... Сладкое забытьё напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро начиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, кое-где стали раздаваться живые звуки, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг костра; один Павел приподнялся и пристально посмотрел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редееющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело...

Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

№ 22

Хорошо идти по земле ранним утром. Воздух ещё не знойный, но уже не холодный, приятно освежает. Солнце, ещё не вошедшее в силу, греет бережно и ласково. Под косыми лучами весьма неяркого утреннего света всё кажется рельефнее, выпуклее: и мостик через неширокую, но полную водой канаву, и деревья, подножья которых ещё затоплены тенью, а тёмно-зелёные верхушки влажно поблескивают (сквозь них брезжут лучи солнца), и невысокие, но сплошь покрытые бессчётным количеством листьев кусты. Даже небольшие неровности на дороге и по сторонам её бросают свои маленькие тени, чего уж не будет в яркий полдень.

В лесу то и дело попадаются болотца, чёрные и глянцевитые. Тем зеленее кажется некошенная трава, растущая возле них. Иногда из глубины безгранично обширного леса прибежит рыженький приятно журчащий ручеёк. Он пересекает дорожку и торопливо скрывается в смешанном лесу. А в одном месте из лесного мрака выполз, словно гигантский удав, сочный, пышный поток мха. В середине его почти неестественной зелени струится ярко-коричневый ручеёк.

Нужно сказать, что коричневая вода этих мест несколько не мутна. Она почти прозрачна, если зачерпнуть её гранёным стаканом, но сохраняет при этом золотистый оттенок. Видимо, очень уж тонка та торфяная взвесь, что придаёт ей этот красивый цвет.

На лесной дороге, расходясь веером, лежали бок о бок тени от сосен, берёз и елей. Лес был не старый, но чистый, без подлеска.

Километра через два слева и справа от бороздчатой дороги тянулись быстрорастущие кусты, какие могут расти только по берегам небольшой речонки. Возле них всюду была видна молодая поросль.

№ 23

Под лёгким дуновением знойного ветра море вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В про-

странстве между морем и небом носился весёлый плеск волн, взбегавших на пологий берег песчаной косы. Всё было полно живой радости: звук и блеск солнца, ветер и солёный аромат воды, жаркий воздух и жёлтый песок. Узкая длинная коса, вонзаясь острым шпилем в безграничную пустыню играющей солнцем воды, терялась где-то вдали, где знойная мгла скрывала землю. Багры, вёсла, корзины да бочки беспорядочно валялись на косе. В этот день даже чайки истомлены зноем. Они сидят рядами на песке, раскрыв клювы и опустив крылья, или же лениво качаются на волнах. Когда солнце начало спускаться в море, неугомные волны то играли весело и шумно, то мечтательно ласково плескались о берег. Сквозь их шум на берег долетали не то вздохи, не то тихие, ласково зовущие крики. Солнце садилось, и на жёлтом горячем песке лежал розоватый отблеск его лучей. И жалкие кусты ив, и перламутровые облака, и волны, взбегавшие на берег, — всё готовилось к ночному покою. Одинокий, точно заблудившийся в тёмной дали моря, огонь костра то ярко вспыхивал, то угасал, как бы изнемогая. Ночные тени ложились не только на море, но и на берег. Вокруг было только безмерное, торжественное море, посеребрённое луной, и синее, усеянное звёздами небо.

№ 24

Обыкновенная земля

В Мещерском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. И тем не менее этот край нехоженых троп и непуганых зверей и птиц обладает большой притягательной силой. Он так же скромн, как картины Левитана, но в нём, как и в этих картинах, заключается вся прелесть и всё незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы. Что можно увидеть в Мещерском крае? Цветущие, никогда не кошенные луга, стелющиеся туманы, сосновые боры, лесные озёра, высокие стога, пахнущие сухим и тёплым сеном. Сено в стогах остаётся тёплым в течение всей зимы. Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда иней покрывает траву на рассвете, и я вырывал в сене глубокую нору. Залезешь в неё — сразу согреешься и спишь в продолжение всей ночи, будто в натопленной комнате. А над лугами ветер гонит свинцовые тучи. В Мещерском крае можно увидеть, вернее, услышать

такую торжественную тишину, что бубенчик заблудившейся коровы слышен издалека, почти за километры, если, конечно, день безветренный. Летом в ветреные дни леса шумят великим океанским гулом и вершины гигантских сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

Вот невидалеке неожиданно блеснула молния. Пора искать убежища для спасения от неожиданного дождя. Надеюсь, удастся скрыться вовремя вон под тем дубом. Под этим естественным, созданным щедрой природой шатром никогда не промокнешь. Но вот отблестили молнии, и полчища туч унеслись куда-то вдаль. Пробравшись через мокрый папоротник и какую-то стелющуюся растительность, выбираемся на едва приметную тропинку. Как прекрасна Мешера, когда привыкнешь к ней! Всё становится родным: крики перепелов, суетливый стук дятлов, и шорох дождей в рыжей хвое, и плач ивы над заснувшей рекой.

№ 25

Серпилин смотрел на дорогу и на всё, мимо чего ехали, с неослабным вниманием, с особой остротой зрения, рождавшейся от мысли, что, может быть, придётся проститься со всем этим.

Ледяная, разъезженная грузовиками дорога, с накатанными до блеска буграми и впадинами, такими твёрдыми, что, кажется, их не взять никакой весне. Сколько видит глаз — ни одного населённого пункта. Всё живое живёт и мёрзнет в землянках или приткнулось к редким развалинам, оставшимся после осенних боёв. К таким вот, как эти двухметровые кирпичные стены в полукилометре от дороги.

Впоследствии, вспоминая эту дорогу, Серпилин видел вереницы машин. На одном из встречных тяжело гружённых чем-то грузовиков везли знакомые ящики с концентратами. С питанием на фронте последний месяц было неплохо, а с топливом — бедственно. Телеграфные столбы поодаль от дороги — самые верные свидетели. К каждому протянулось от дороги по несколько цепочек следов. А у столбов для несведущего глаза странный вид: от подножия и на высоту поднятой человеческой руки все они сверху или снизу расширяются до нормальной толщины, а в середине обструганы до пределов возможного. На каждом оставлено ровно столько дерева, только чтоб не сломалось от ветра.

Дорога в батальон, куда направлялись Серпилин и Птицын, ординарец, была небезопасна: постреливали. Вот и сейчас в трёхстах метрах, там, куда они добирались, хлопнула мина, издав далеко доносившийся приглушённый гул артиллерийской канонады. Под аккомпанемент этих привычных звуков Серпилин думал о том, что Птицыну, этому далеко не молодому и многодетному человеку (по гражданской специальности счетоводу), сам бог велел быть ординарцем. Что касается храбрости, то Птицын был не храбрее и не трусливее других: человек как человек. Боязнь смерти выражалась у него только в одном: под огнём ординарец старался держаться впритирку к Серпилину, полагая в душе, что генерала не убьёт.

№ 26

Теперь по деревням уже не водят медведей. Да и цыгане стали редко бродить: большей частью они живут в тех местах, где приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вековой привычке, выбирают куда-нибудь на выгон, натягивают закопчённое полотно и живут целыми семьями, занимаясь ковкой лошадей, коновальством и барышничеством. Мне случалось видеть даже, что шатры уступали место на скорую руку сколоченным дощатым балаганам. Это было в губернском городе: недалеко от больницы и базарной площади, на клочке ещё не застроенной земли, рядом с почтовой дорогой.

Из балаганов слышался лязг железа; я заглянул в один из них: какой-то старик ковал подковы. Я посмотрел на его работу и увидел, что это уже не прежний цыган-кузнец, а простой мастеровой; проходя уже довольно поздно вечером, я подошёл к балагану и увидел старика за тем же занятием. Странно было видеть цыганский табор почти внутри города: дощатые балаганы, костры с чугунными котелками, в которых закутанные пёстрыми платками цыганки варили какие-то яства.

Цыгане шли по деревням, давая в последний раз свои представления. В последний раз медведи показывали своё искусство: плясали, боролись, показывали, как мальчишки горох воруют. В последний раз приходили старики и старухи, чтобы полечиться верным, испытанным средством: лечь на землю под медведя, который ложился на пациента брюхом, широко растопырив во все

стороны по земле свои четыре лапы. В последний раз их вводили в хаты, причём, если медведь добровольно соглашался войти, его вели в передний угол, и сажали там, и радовались его согласию как доброму знаку.

№ 27

В течение прошлого лета мне пришлось жить в старинной подмосковной усадьбе, где было настроено и сдавалось несколько небольших дач. Никак не ожидал я этого: дачи под Москвой, никогда ещё не жил дачником без какого-то ни было дела в усадьбе, столь непохожей на наши степные усадьбы, и в таком климате.

В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нём, казались под ним малы, имея вид туземных жилищ под деревьями в тропических странах. Пруд в парке, наполовину затянутый зелёной ряской, стоял как громадное чёрное зеркало.

Я жил на окраине парка, примыкавшего к негустому смешанному лесу; дощатая дача моя была не достроена, неконопаченные стены, нестроганные полы, мебели почти никакой. От сырости, по-видимому никогда не исчезавшей, мои сапоги, валявшиеся под кроватью, обрастали бархатом плесени.

Всё лето почти непрестанно шли дожди. Бывало, то и дело в яркой синеве скапливались белые облака и вдали перекатывался гром, потом начинал сыпать сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращавшийся от зноя в душистый сосновый пар. Как-то неожиданно дождь заканчивался, и из парка, из леса, с соседних пастбищ — отовсюду снова слышалась радостная птичья разноголосица.

Перед закатом по-прежнему оставалось ясно, и на моих дощатых стенах дрожала, падая в окна сквозь листву, хрустально-золотая сетка низкого солнца.

Темнело по вечерам только к полуночи: стоит и стоит полусвет запада по совершенно неподвижным, притихшим лесам. В лунные ночи этот полусвет как-то странно мешался с лунным светом, тоже неподвижным, заколдованным. И по тому спокойствию, что царило повсюду, по чистоте неба и воздуха всё казалось, что дождя уже больше не будет. Но вот я, засыпая,

вдруг слышал: на крышу опять рушится ливень с громовыми раскатами, кругом беспредельная тьма и в отвес падающие молнии.

Утром в сырых аллеях, на лиловой земле, расстилались пёстрые тени и ослепительные пятна солнца, цокали птички, называемые мухоловками, и хрипло трещали дрозды. А к полудню опять парило, находили облака и начинал сыпать дождь.

№ 28

Он сердито швырнул окурок, зашипевший в луже, засунул руки в карманы расстёгнутого, развеваемого ветром пальто и, нагнув ещё не успевшую проясниться от дообеденных уроков голову и ощущая в желудке тяжесть скверного обеда, принялся шагать сосредоточенно и энергично. Но как ни шагал, всё, что было кругом, шло вместе с ним: и наискось ливший дождь, мочивший лицо, и заношенный студенческий мундир, и громадные дома, чуждо и молчаливо теснившиеся по обеим сторонам узкой улицы, и прохожие, мокрые, угрюмые, которые казались в дождь все как один. Всё это знакомое, повторяющееся день изо дня, надоедливо шло вместе с ним, ни на минуту, ни на мгновенье не отставая.

И вся обстановка его теперешней жизни, всё одна и та же, казалось, шла вместе с ним: утром несколько глотков горячего чая, потом бесконечная беготня по урокам.

И все дома его клиентов были на один манер, и жизнь в них шла на один манер, и отношения к нему и его к ним были одни и те же. Казалось, он только менял в течение дня улицы, но входил к одним и тем же людям, к одной и той же семье, несмотря на разность физиономий, возрастов и общественного положения.

Он позвонил. Долго не открывали. Загринов стоял насупившись. Дождь всё так же косо мелькал, чисто омытые тротуары влажно блестели. Извозчики, нахохлившись, дёргали вожжами так же, как и всегда. В этой покорности чувствовалась своя особенная, недоступная окружающим жизнь.

В пустой, голой, даже без печки комнате стояли три стула. На столе лежали две развернутые тетради с положенными на них карандашами. Обыкновенно при входе Загринова у стола его встречали, глядя исподлобья, два плечистых угрюмых реалиста.

Старший, вылитая копия отца, был в пятом классе. Глядя на этот низкий заросший жёсткими волосами лоб, на эту срезанную

назад тяжёлую, неправильную голову, казалось, что в толстом черепе оставался очень небольшой уголок для мозга.

Загринов никогда не видел их матери, но почему-то казалось, что в младшем сквозь тяжёлую оболочку отца сквозили мягкие, женственные черты матери, живые, жаждущие света, жизни. Казалось, он делал тщетные усилия и попытки выбиться из какой-то тяжёлой, давившей обстановки, бился упрямо, не умея и не имея с кем поделиться, отвести душу.

Со своими учениками Загринов никогда ни о чём постороннем не заговаривал. Между ним и его учениками всегда стояла стена отчуждения. В доме также царила строгая, суровая тишина, как будто никто не ходил, не разговаривал, не смеялся.

№ 29

Метель

Долго мы ехали, но метель всё не ослабевала, а, наоборот, как будто усиливалась. День был ветреный, и даже с подветренной стороны чувствовалось, как непрестанно гудит в какую-то скважину снизу. Ноги мои стали мерзнуть, и я напрасно старался набросить на них что-нибудь сверху. Ямщик то и дело поворачивал ко мне обветренное лицо с покрасневшими глазами и обындевевшими ресницами и что-то кричал, но мне не разобрать было ничего. Он, вероятно, пытался приободрить меня, так как рассчитывал на скорое окончание путешествия, но расчёты его не оправдались, и мы долго плутали во тьме. Он ещё на станции уверял, что к ветрам всегда притерпеться можно, только я, южанин и домосед, претерпевал эти неудобства моего путешествия, скажу откровенно, с трудом. Меня не покидало ощущение, что предпринятая мною поездка вовсе не безопасна.

Ямщик уже давно не тянул свою безыскусную песню; в поле была полная тишина, белая, застывшая; ни столба, ни стога, ни ветряной мельницы — ничего не видно. К вечеру метель поутихла, но непроницаемый в поле мрак — тоже невесёлая картина. Лошади как будто заторопились, и серебряные колокольчики зазвенели на дуге.

Выйти из саней было нельзя: снегу навалило на пол-аршина, сани непрерывно въезжали в сугроб. Я насилу дождался, когда мы подъехали наконец к постоялому двору.

Гостеприимные хозяева долго нянчились с нами: оттирали, обогревали, потчевали чаем, который, кстати сказать, здесь пьют настолько горячим, что я ожёг себе язык, впрочем, это нисколько не мешало нам разговаривать по-дружески, будто мы век знакомы. Непреодолимая дрёма, навеянная теплом и сытостью, нас, разумеется, клонила ко сну, и я, поставив свои валяные сапоги на протопленную печь, лёг и ничего не слышал: ни пререканий ямщиков, ни перешёптывания хозяев — заснул как убитый. Наутро хозяева накормили незваных гостей и вяленой олениной, и стреляными зайцами, и печённой в золе картошкой, напоили тёплым молоком.

№ 30

Ночь в Балаклаве

В конце октября, когда дни ещё по-осеннему ласковы, Балаклава начинает жить своеобразной жизнью. Уезжают обременённые чемоданами и баулами последние курортники, в течение долгого здешнего лета наслаждавшиеся солнцем и морем, и сразу становится просторно, свежо и по-домашнему деловито, точно после отъезда нашумевших непрошенных гостей.

Поперёк набережной расстилаются рыбацьи сети, и на полированных булыжниках мостовой они кажутся нежными и тонкими, словно паутина. Рыбаки, эти труженики моря, как их называют, ползают по разостланным сетям, как будто серо-чёрные пауки, исправляющие разорванную, воздушную пелену. Капитаны рыболовческих баркасов точат иступившиеся белужьи крючки, а у каменных колодцев, где непрерывной серебряной струйкой лепечет вода, судачат, собираясь здесь в свободные минуты, тёмнолицые женщины — местные жительницы.

Опускаясь за море, садится солнце, и вскоре звёздная ночь, сменяя короткую вечернюю зарю, обволакивает землю. Весь город погружается в глубокий сон, и наступает тот час, когда ниоткуда не доносится ни звука. Лишь изредка хлопает вода о прибрежный камень, и этот одинокий звук ещё более подчёркивает ничем не нарушаемую тишину. Чувствуешь, как ночь и молчание слились в одном чёрном объятии.

Нигде, по-моему, не услышишь такой совершенной, такой идеальной тишины, как в ночной Балаклаве.

№ 31

На сенокосе

Трава на некошеном лугу, невысокая, но густая, оказалась не мягче, а ещё жёстче, однако я не сдавался и, стараясь косить как можно лучше, шёл не отставая.

Владимир, сын бывшего крепостного, не переставая махавший косой, почём зря резал траву, не выказывая ни малейшего усилия. Несмотря на крайнюю усталость, я не решался попросить Владимира остановиться, но чувствовал, что не выдержу: так устал.

В это время Владимир сам остановился и, нагнувшись, взял травы, не торопясь вытер косу и стал молча точить. Я не спеша опустил косу и облегчённо вздохнул, оглядевшись.

Невзрачный мужичонка, прихрамывая шедший сзади и, по-видимому, тоже уставший, сейчас же, не доходя до меня, остановился и принялся точить, перекрестившись.

Наточив свою косу, Владимир сделал то же с моей косой, и мы не медля пошли дальше. Владимир шёл мах за махом, не останавливаясь, и, казалось, не чувствовал никакой усталости. Я косил из всех сил, стараясь не отставать, и всё более ослабевал. С деланным безразличием махая косой, я всё более убеждался, что у меня не хватит сил даже для считанных махов косы, нужных, чтобы закончить ряд.

Наконец ряд был пройден, и, вскинув на плечо косу, Владимир пошёл по уже хоженному покосу, ступая по следам, оставленным каблуками. Пот, не унимаясь, скатывался с моего лица, и вся рубаха моя была мокра, словно моченная в воде, но мне было хорошо: я выстоял.

№ 32

Вернув Маргарите подарок Воланда, Азазелло распрощался с нею, спросил, удобно ли ей сидеть. Гелла сочно расцеловалась с Маргаритой, кот приложился к её руке, и провожатые тотчас растаяли в воздухе, не считая нужным утруждать себя подъёмом по лестнице. Грач, включив фары, выкатил в ворота мимо мёртвого спящего человека в подворотне, и огни большой чёрной машины пропали среди других огней на бессонной и шумной Садовой.

Через час в одном из арбатских переулков, в подвале маленького домика, в первой комнате, где всё было так же, как было

до страшной осенней ночи прошлого года, за столом, накрытым бархатной скатертью, под лампой с абажуром, возле которой стояла вазочка с ландышами, сидела Маргарита и тихо плакала от пережитого потрясения и счастья. Перед ней лежала исковерканная огнём тетрадь и возвышалась стопка нетронутых тетрадей. Домик молчал. В соседней маленькой комнате спал мастер, и его ровное дыхание было беззвучно.

Наплакавшись, Маргарита взялась за не тронутую огнём тетрадь и поняла: именно её она перечитывала перед свиданием с Азazelло под Кремлёвской стеной. Не пытаясь уснуть, Маргарита рассматривала рукопись, гладила её, как гладят любимую кошку, и, поворачивая тетрадь в руках, оглядывала со всех сторон, то останавливаясь на титульном листе, то открывая конец. На неё накатила вдруг ужасная мысль, что всё это колдовство, что тетради исчезнут из глаз и что, если она, проснувшись, сейчас окажется в своей спальне в особняке, ей придётся идти топиться.

Но эта страшная мысль, как отзвук долгих страданий, переживаемых ею, была последней. Ничто не исчезало: всеильный Воланд был действительно всеилен. Маргарита могла сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, шелестеть листами тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Да, тьма...»

№ 33

Сумерки, может быть, и были причиной того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась прозрачная ночь, вечерние тени играли свою игру, и, вероятно, усталому прокуратору помешалось, что кто-то сидит в пустом кресле. Допустив малодушие, пошевелив брошенный плащ, прокуратор, оставив его, забегал по балкону, то подбегая к столу и хватаясь за чашу, то останавливаясь и начиная бессмысленно глядеть в мозаику пола.

В течение сегодняшнего дня уже второй раз на него пала тоска. Потирая висок, в котором от утренней боли осталось только ноющее воспоминание, прокуратор всё силился понять, в чём

причина его душевных мучений, и, поняв это, он постарался обмануть себя. Ему ясно было, что, безвозвратно упустив что-то сегодня утром, он теперь хочет исправить упущенное какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Но это очень плохо удавалось прокуратору. На одном из поворотов, круто остановившись, прокуратор свистнул, и из сада выскочил на балкон гигантский остроухий пёс в ошейнике с золочёными бляшками.

Прокуратор сел в кресло; Банга, высунув язык и часто дыша, уселся у ног хозяина, причём радость в глазах пса означала, что кончилась гроза и что он опять тут, рядом с человеком, которого любил, считал самым могучим в мире, повелителем всех людей, благодаря которому и самого себя пёс считал привилегированным существом, высшим и особенным. Но, улёгшись у ног хозяина и даже не глядя на него, пёс сразу понял, что хозяина его постигла беда, и поэтому Банга, поднявшись и зайдя сбоку, положил лапы и голову на колени прокуратору, что должно было означать: он утешает своего хозяина и несчастье готов встретить вместе с ним. Это он пытался выразить и в глазах, скашиваемых к хозяину, и в насторожившихся, наострѐнных ушах. Так оба они, пёс и человек, любящие друг друга, встретили праздничную ночь.

№ 34

Я проснулся ранним утром. Комната была залита ровным жёлтым светом, будто от керосиновой лампы. Свет шёл снизу, из окна, и ярче всего освещал бревенчатый потолок. Станный свет — неяркий и неподвижный — был вовсе не похож на солнечный. Это светили осенние листья.

За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую листву. Она лежала разноцветными грудями на земле и распространяла тусклое сияние, и от этого сияния лица людей казались загорелыми. Осень смешала все чистые краски, какие существуют на свете, и нанесла их, как на холст, на далёкие пространства земли и неба.

Я видел сухую листву, не только золотую и пурпурную, но и фиолетовую, и серую, и почти серебряную. Краски, казалось, смягчились из-за осенней мглы, неподвижно висели в воздухе. А когда беспрерывно шли дожди, мягкость красок сменялась блеском: небо, покрытое облаками, всё же давало достаточно

света, чтобы мокрые леса могли загораться вдали, как величественные багряные и золотые пожары. Теперь конец сентября, и в небе какое-то странное сочетание наивной голубизны и тёмно-махровых туч. Временами проглядывает ясное солнце, и тогда ещё чернее делаются тучи, ещё голубее чистые участки неба, ещё чернее неширокая проезжая дорога, ещё белее проглядывает сквозь полуопавшие липы старинная колокольня.

Если с этой колокольни, забравшись по деревянным расшатанным лестницам, поглядеть на северо-запад, то сразу расширится кругозор. Отсюда особенно хорошо видна речонка, обвивающая подножие холма, на котором раскинулась деревня. А вдали виднеется лес, подковкой охвативший весь горизонт.

Стало смеркаться, с востока наносило то ли низкие тучи, то ли дым гигантского пожара, и я вернулся домой. Уже поздним вечером вышел в сад, к колодцу. Поставив на сруб толстый фонарь, достал воды. В ведре плавали жёлтые листья. Никуда от них не спрятаться — они были повсюду. Стало трудно ходить по дорожкам сада: приходилось идти по листьям, как по настоящему ковру. Мы находили их и в доме: на полу, на застеленной кровати, на печке — всюду. Они были насквозь пропитаны их винным ароматом.

№ 35

После полудня стало так жарко, что пассажиры перебрались на верхнюю палубу. Несмотря на безветрие, вся поверхность реки кипела дрожащей зыбью, в которой нестерпимо ярко дробились солнечные лучи, производя впечатление бесчисленного множества серебряных шариков. Только на отмелях, там, где берег длинным мысом врезался в реку, вода огибала его неподвижной лентой, спокойно синевшей среди этой блестящей ряби.

На небе не было ни тучки, но на горизонте кое-где протянулись тонкие белые облака, отливавшие по краям, как мазки расплавленного металла. Чёрный дым, не подымаясь над трубой, стлался за пароходом длинным грязным хвостом.

Снизу, из машинного отделения, доносилось непрерывное шипение и какие-то глубокие, правильные вздохи, в такт которым вздрагивала деревянная палуба «Ястреба». За кормой, догоняя её, бежали ряды длинных широких волн; белые курчавые волны неожиданно бешено вскипали на их мутно-зелёной вершине и,

плавно опустившись вниз, вдруг таяли, точно прятались под воду. Волны без устали набегали на берег и, разбившись с шумом об откос, бежали назад, обнажая песчаную отмель, всю изъеденную прибоем.

Это однообразие не прискучивало Вере Львовне и не утомляло её: на весь божий мир она глядела сквозь радужную пелену тихого очарования. Ей всё казалось милым и дорогим: и пароход, необыкновенно белый и чистенький, и капитан, здоровенный толстяк в парусиновой паре, с багровым лицом и звериным голосом, охрипшим от непогод, и лоцман, красивый чернобородый мужик, который вертел в своей стеклянной будочке колесо штурвала, в то время как его острые, прищуренные глаза неподвижно глядели вдаль.

Вдали показалась пристань — маленький красный дощатый домик, выстроенный на барке. Капитан, приложив рот к рупору, проведённому в машинное отделение, кричал командные слова, и его голос, казалось, выходил из глубокой бочки: «Самый малый! Задний ход!»

Около станции толпились бабы и девчонки; они предлагали пассажирам сушёную малину, бутылки с кипячёным молоком, солёную рыбу, варёную и печёную баранину.

Жара понемногу спадала. Пассажиры заметили, как солнце садилось в пожаре кроваво-пурпурного пламени и растопленного золота. Когда же яркие краски поутихли, то весь горизонт осветился ровным пыльно-розовым сиянием. Наконец и это сияние померкло, и только невысоко над землёй, в том месте, где закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоска, незаметно переходившая вверху неба в нежно-голубоватый оттенок вечернего неба.

№ 36

Стелется бескрайняя равнина и, простираясь до самого горизонта, лежит свободно, просторно, открытая настежь всем ветрам. Издавна она славилась сенокосными лугами, пастбищами да вольным житьём овечьих стад. Весной тут наливались соком такие некошеные травы, полыхало такое разноцветие, что когда проходила косилка, то следом за ней расстилалась будто не трава, а ковёр из цветов. Давно не стало в этих местах ни трав, ни цветов:

вдоль и поперёк погуляли плуги, и теперь стояла, покачивая золотыми колосьями, пшеница. Только кое-где на пригорке ранним июньским утром поднимался, как необыкновенное чудо, полевой мак, тёмно-красный, похожий на затерявшийся в пшеничном царстве одинокий огонёк, или на древнем кургане подставляла в ветреную погоду свои развевающиеся кудри ковыль-трава. Цепко держалась также полынь, не умирала, сизым дымком причудливо курилась то близ дороги, то на выгоне, примыкавшем к хутору.

У моей бабушки с полынью связана древняя дружба. «Полынь — растение полезное», — говорила она. Земляной, мазанный глиной пол в своей хате бабушка устилала полынью, словно зелёным пахучим ковром. Идёшь по такому ковру, а он зыблется, потрескивает под ногами и издаёт ни с чем не сравнимый аромат. Бабушке были известны и целебные свойства полыни. При каких только болезнях не применяла она её, и одним из бабушкиных пациентов был не кто иной, как я сам.

Когда я учился в пятом классе, у меня заболело горло и бабушка перво-наперво приготовила отвар цветков полыни — это была такая горечь, какой я никогда не пробовал, однако горло вскоре прошло. Прополощешь горло отваром, положишь на нос веточки с цветочками, хорошенько подышишь ими — и хвори как не бывало.

Впоследствии в течение многих лет, особенно в те минуты, когда вспоминаю о бабушке и о хуторе, я чувствую такой приятный для меня запах полыни, и он, этот запах, словно невидимым магнитом, каждую весну тянет туда, на приволье, где я вырос.

№ 37

Старик с мальчиком и собакой обошли весь дачный посёлок и уже собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась ещё одна, последняя дача. Её не было видно из-за высокой каменной стены, над которой возвышались запылённые кипарисы, похожие на длинные чёрно-серые веретёна. Только сквозь чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно ярко-зелёного шёлка, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею. Посередине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава-шланга розы. Он прикрывал пальцем от-

верстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался пройти мимо, но, заглянув в ворота, остановился в недоумении: на клумбах возвышались диковинные яркие цветы; в водоёмах плескалась прозрачная вода; перед домом стояли два блестящих зеркальных шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами.

Перед балконом была утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил, как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми. Он был в лёгком матросском костюмчике, с обнажёнными руками. Белокурые волосы растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало ещё шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей с длинными седыми бакенбардами; сухопарая рыжая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте и, наконец, толстый лысый господин в золотых очках. Все они были сильно встревожены.

Женщины в фартуках, всплескивая руками, щебетали скоро-скоро подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился на каменный пол и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил удивлённый Сергей шёпотом. — Никак, драть его будут?

— Начинай, Сергей! Я знаю! — распорядился дедушка и с решительным видом завертел ручку шарманки.

№ 38

Миновав дремучие заросли, мы перешли вброд речонку, на берегу которой заметили следы углежога. К полудню мы по-

дошли к ступенчатому склону, сложенному, по-видимому, искусным каменщиком, и скоро увидели домишко с крышей из оцинкованного железа. А вот и ветхий дощатый заборишко, за которым видны молодые яблоньки, вишенки и черешенки. Тут же находится и немудрёное хозяйство: десяток кур и воинственный петушок, взлетевший зачем-то на крыльцо. Робко и не надеясь, что кто-то захочет призреть незваных и неожиданных гостей, мы постучали в дверь, обитую циновкой, но хозяева приняли нас радушно, по-свойски.

Хозяйка Мария Саввична потчевала нас то топлёным молоком, то печённой в золе картошкой и всё не уставала нянчиться с нами. Хозяин Филипп Кузьмич охотно рассказывал о своём хозяйстве, где он знал, казалось, каждое из своих бессчётных деревьев. Скоро пришёл его сын — застенчивый парень-стажёр (так называл его отец), который хочет быть преемником отца. У Фёдора (так звали лесника) оказалось много граммофонных пластинок, и мы с удовольствием слушали музыку в грамзаписи. Это было не что иное, как встреча с давно прошедшим временем, и что-то неожиданное-негаданное нахлынуло на нас: ушедшая молодость, радость первых встреч, первая любовь...

У отворённого окна лежали аккуратно сложенные свежестроганые топоры, и от них в течение ночи шёл сильный пряный запах.

Наутро мы изъявили сердечную благодарность любезным хозяевам и отправились в путь, рассчитывая к вечеру быть на месте, но расчёт наш не оправдался. Вовсе не лёгким оказался наш дальнейший путь, неожиданные препятствия встали перед нами.

№ 39

Полёт

Невидима и свободна!.. По тому, как внизу два ряда редких огней слились в две непрерывные огненные черты, по тому, как быстро они пропали сзади, Маргарита догадалась, что летит с чудовищной скоростью, и поразились тому, что ей легко дышится.

По прошествии нескольких секунд далеко внизу, в зелёной черноте, вспыхнуло новое озеро света. Прошло ещё несколько секунд — такое же точно явление.

— Города! Города! — прокричала Маргарита.

Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несётся под нею как сумасшедшая обратно в Москву и в то же время как будто стоит на месте. Тут Маргаритой овладела мысль, что она зря, столь иступлённо гоня щётку, лишает себя возможности что-либо как следует рассмотреть. Ей что-то подсказывало, что там, куда летит, её подождут и что незачем ей скучать от такой бешеной быстроты и высоты.

Маргарита наклонила щётку щетиной вперёд, так что хвост её поднялся кверху, и, очень замедлив ход, пошла к самой земле. И это скольжение, как на воздушных салазках, вниз принесло ей наибольшее наслаждение. Земля поднялась к ней, и в чёрной гуще её, до этого бесформенной, обозначились тайны и прелести земли во время лунной ночи. Маргарита летела над стелющимся туманом росистого луга, потом над прудом. Под Маргаритой хором пели лягушки и, почему-то очень волнуя сердце, шумел поезд. Маргарита вскоре увидела, как он медленно, словно гусеница, полз внизу. Обогнав его, Маргарита прошла над водным зеркалом, в котором проплыла под ногами вторая луна, и, ещё более снизившись, полетела, чуть-чуть не задевая ногами верхушки громадных сосен.

№ 40

У лавочки

Нигде не останавливалось столько народа, как перед картинною лавочкой на Шукином дворе. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собрание диковинок: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты тёмно-зелёным лаком, в тёмно-жёлтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкой и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека, — вот их обыкновенные сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах, с кривыми носами. Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. Покупателей этих

произведений обыкновенно немного, но зато зрителей — куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, верно, зевает перед ними, держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина, который, без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ним уже, верно, стоит в шинели солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинных ножа; торговка-охтенка с коробкою, наполненною башмаками.

Всякий восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают серьёзно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи во фризowych шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чём калякает народ, и посмотреть, на что он смотрит.

№ 41

Немного времени спустя я распрощался с офицерами и вышел из палатки. Вечерело; люди одевались в шинели, приготавливаясь к зоре. Роты выстроились в линейках, так что каждый батальон образовал замкнутый квадрат. Барабаны проббили зорю, откуда-то издалека послышались слова команды: «Полки, на молитву, шапки долой!» И двенадцать тысяч человек обнажили головы. «Отче наш, иже еси на небеси», — начала наша рота. Семьдесят хоров, по двести человек в каждом, пели каждый сам по себе; выходили диссонансы, но молитва всё-таки звучала трогательно и торжественно.

Понемногу начали затихать хоры. Солдаты укладывались спать. В нашей палатке, где, как и в других, помещалось шестеро на пространстве двух квадратных сажень, моё место было с краю. Я долго лежал, смотря на звёзды. Семь звёзд Большой Медведицы блестели низко над горизонтом, гораздо ниже, чем у нас на Севере. Смотря на Полярную звезду, я думал, что именно в этом направлении должен быть Петербург, где я оставил мать, друзей и всё самое дорогое. Над головой блестели знакомые созвездия; Млечный Путь не тускло светился, а сиял ясною, торжественно спокойной полосой света. На юге какие-то большие звёзды незнакомого, не видимого у нас созвездия горели, одна красным, другая зеленоватым огнём.

Спать не хотелось; я встал и начал бродить по сырой траве между нашим батальоном и артиллерией. Тёмная фигура поравнялась со мной, гремя саблею; по её звуку я догадался, что это офицер, и вытянулся во фронт. Офицер подошёл ко мне и оказался Венцелем.

— Не спится, Владимир Михайлович? — спросил он мягким и тихим голосом, почти шёпотом.

Мы разговорились. Венцель, видимо, очень много читал и, как сказал один офицер, знал и языки. Замечание капитана о том, что он «стихи долбит», тоже оказалось верным: мы заговорили о французах, и Венцель, обругав натуралистов, перешёл к сентименталистам и импрессионистам и даже с чувством продекламировал «Декабрьскую ночь» Мюссе. Он читал хорошо: просто, и выразительно, и с хорошим французским выговором. Кончив, он помолчал и прибавил: «Да, это хорошо; но все французы вместе не стоят десяти строк Шиллера, Гёте и Шекспира».

№ 42

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения, с целью занять её, она смотрела равнодушно своими большими потемневшими глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне. У неё была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил мне дать её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о кукле. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг ожила. Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, вода за собою свою белокурую дочку, по временам даже бегала, по-прежнему шлепая по полу босыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с ней на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня

глазами. Потом дня через два старушка-няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только вызвала недоумение служанок и возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа.

Отец ничего ещё не знал, однако в тот же день остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже: лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскинулись по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

№ 43

Ветер, не затихавший в течение долгих, томительных часов, упал. Приумолкшие волны несли изломанные остатки ледяных полей, словно искалеченные обломки гигантского корабля. Тучи поспешно сбегали с небесного свода, униженного ярко мерцавшими звёздами, и северная ночь, прозрачная и холодная, как синие льды, раскинулась над глухо рокотавшим бескрайним морем, ещё не улегшимся после недавней бури.

Понемногу море очищалось ото льда, и только одинокие глыбы покачивались на волнах. Вокруг не было ни души, и лишь на одной из льдин неясно выделялся силуэт высокой фигуры. Это был не кто иной, как Сорока. Одетый в некрашенный дублёный полушубок, он искусно работает багром, и гибкий шест бурлит и пенит воду. Кругом простирается необъятная белая равнина, над которой низко стелются дымчато-серые облака.

Сорока поднял голову: вверху сквозь тонкий пар мороза блеснула золотая Медведица. Сорока толкает вперёд тяжёлую льдину, а в голове теснятся невесёлые думы: далеко в море вынесло, вторые сутки ни разу не ел. Из последних сил бьётся охотник, понимает, что нельзя шутить с морозом. Старик помор знает, что, если останешься без движения, морозище обоймёт, повеет и проникнет насквозь холодным дыханием. Каких только ужасных

историй не рассказывают на побережье! Сон постепенно овладевает человеком...

Неожиданно раздался протяжный удар ледяных громад. На мгновение Сорока как бы очнулся, но, к удивлению, никак не мог открыть глаз, точно слипшихся с мороза. Как далёкая зарница в глухую ночь, мелькнуло смутное сознание опасности. Сорока поднялся, встряхнулся и пошёл наугад, руководствуясь какими-то неуловимыми для незнакомого с морем человека приметам...

Сияя величавой красотой, тихо дремлет над спокойным морем ночь, затканная морозным туманом.

№ 44

Солнце невыносимо печёт. Зной, разлитый в переполненном блеском воздухе, неподвижно стоит над морем, в котором на недостижимой глубине синее опрокинутое небо.

Андрейка, не разгибаясь, вместе с дедом выбирает из тянущейся вдоль лодки сети добычу, которой набилось туда множество.

Жара, усталость мало-помалу смиряют Андрейку, и негодование на деда у него улегается. А дед, и не подозревая Андрейкиных каверз, преспокойно посасывая трубку, выбирает рыбу на корме. Он доволен сегодняшним уловом, и его нависшие, лохматые брови несколько приподнялись. К вечеру он надеялся осмотреть все сети и ночью вернуться домой.

Вдруг Андрейка услышал голос:

— Андрейка, спускай сеть да ставь парус!

Андрейка уставился на деда: что с ним случилось? Ведь ещё и половину сетей не досмотрели — видно, прошёл косяк и рыбы набилось множество, да никогда они раньше ночи и не возвращались домой...

Но старик не любил повторять приказаний, и Андрейка, торопливо опустив в воду сеть, выполнил приказание, не смея спрашивать деда. Парус обыкновенно подворачивали вниз и приспускали только во время сильной бури, чтоб уменьшить площадь парусности, когда ветер чересчур уже рвал. Между тем кругом стоял всё тот же неподвижный зной, — нечем было дышать, и всё так же на недостижимой высоте и в бездонной глубине, друг против друга, синели тонкой синевой два небесных свода, и вода между ними пропадала из глаз.

— Садись на вёсла, — приказал дед.

Андрейка беспрекословно взялся за вёсла и стал грести, обливаясь потом.

Вверху, не особенно высоко, над морем, несло белое, ослепительно блестящее облачко с разорванными краями. Дед всё поглядывал то на облачко, то на горизонт, в синеве которого терялись и вода, и небо: оттуда, теснясь, густо лезли круглые барашки. Они торопливо выбирались с особенной и необъяснимой при полном затишьи поспешностью.

Андрейка, измученный, задыхающийся от зноя и напряжения, стал испытывать глухое беспокойство. Дед, всё подгонявший Андрейку, сам сел на вёсла, и тяжело нагружённая лодка пошла скорее по направлению, где должен был открыться берег.

№ 45

Когда я вошёл в Притынный кабачок, в нём уже собралось довольно многочисленное общество. Посередине комнаты стоял Яшка Турок, худой и стройный человек лет двадцати трёх, одетый в долгополый кафтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щёки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатый лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — всё его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Когда же наконец Яков открыл своё лицо — оно было бледно, как у мёртвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Ивановича так и выпрямилась... За этим

первым звуком последовал другой, более твёрдый и протяжный, но всё ещё, видимо, дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня: «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нём была неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладело упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более... Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием.

№ 46

Суходол

Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и оглушительно быстрыми, огненными змеями молний, когда мы под вечер подъезжали к Суходолу. Чёрно-лиловая туча тяжело свалилась к северо-западу, величаво заступила полнеба напротив. В стороне от дороги, у самого поворота в Суходол, увидали мы высокую и престранную фигуру не то старика, не то старухи. Затемно приехали в усадьбу, где от дедовского дубового дома, не раз горевшего, остался вот этот, невзрачный, полусгнивший. Запахло самоваром, посыпались расспросы. Мы пошли бродить по темнеющим горницам, ища балкона, выхода на галерею и сад. В углу прихожей чернел большой образ, толсто окованный серебром и хранивший на оборотной стороне родословную господ, писанную давным-давно. Доски пола в зале были непомерно широки, темны и скользки. Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Сгнивший серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве. Только сад был, конечно, чудесный: широкая аллея в семьдесят

раскидистых берёз, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть ли не целая роща серебристых тополей.

А в полдень по-прежнему озарён был сумрачный зал солнцем, светившим из сада. Цыплёнок, неизвестно зачем попавший в дом, сиротливо пищал, бродил по гостинной. Уже исчезали те немногие вещественные следы прошлого, что заставляли мы в Суходоле. Дом ветшал, оседал всё более.

Долги, тяжки были зимы. Холодно было в разрушающемся доме. По вечерам еле-еле светила единственная жестяная лампочка. Старая няня сидела в странном полусвете, доходившем из дома во внутренность её ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загромождённой рухнувшим набок старым фортепиано.

№ 47

Семи лет Андрейка уже во всём помогал деду. Вставали они рано — часа в три утра. Андрейка торопливо плескал себе в лицо холодной водой, вытирался подолом рубашки, торопливо крестился на ту часть неба, где горела утренняя заря, и, перевирая, читал «Отче наш» и «Свят, свят» — две молитвы, которые он только и знал.

И на море и дома дед заставлял Андрейку делать всё наравне с собою: править парусами, грести, чинить, собирать, тянуть, спускать сети, обирать рыбу. И Андрейка всё делал, надрываясь от непосильной работы. За малейший промах, недосмотр дед жестоко наказывал Андрейку. Стоило мальчику на море неверно положить руль или не вовремя подобрать парус, как дед подымался и тут же, не говоря ни слова, беспощадно сёк мальчика просмолённой верёвкой, от которой никогда не заживали рубцы. У Андрейки было худенькое загорелое личико, и сам он весь был маленький и худенький.

Жизнь у него проходила однообразно, кругом было только море, небо, степь да берег. Берег был голый, обнажённый, с размытыми устьями оврагов, с песчаными косами и отмелями. Но всё это однообразное пустынное пространство для Андрейки было населено и оживлено.

По степи, посвистывая, бегали или, как столбики, стояли у своих нор суслики; в воздухе, мелькая по иссохшей траве, плавали

коршуны, ястребы; по курганам угрюмо чернели степные орлы. Над песчаным берегом носились крикливые белые чайки, подбирая выброшенную из сетей рыбу, иногда чуть не выхватывая её из рук рыбаков; весною и осенью стоял несмолкаемый гам и шум от бесчисленной перелётной птицы.

Но более всего было населено море. Тут стадами ходили стерляди, осетры; в песке кишели мириады водяных вшей, ползали крабы. В конце июля море начинало цвести и по ночам светиться. Этот странный колеблющийся, то вспыхивающий, то угасающий голубовато-зелёный свет казался Андреijke таинственно связанным со всеми покойниками и утопленниками, которые нашли могилу в море.

Дед Агафон был молчалив и угрюм, но когда речь заходила об обитателях моря, морщины у него разглаживались, серые глаза добродушно смотрели из-под нависших бровей, и он был готов рассказывать по целым суткам.

№ 48

Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожиданно! Но не стыдно ли радоваться смерти бедной тётки только потому, что она оставила наследство, дающее мне возможность бросить службу и вполне отдаться моему любимому занятию. Теперь я свободен, я художник!

Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше от людей и от Петербурга; я взял краски и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающий вдали на солнце город, синие леса, окаймляющие берега залива, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетавших мимо меня пароходов и кораблей — всё показалось мне в новом свете. Всё это моё, всё это я могу схватить, и бросить на полотно, и поставить перед изумлённою силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру ещё не убитого медведя; ведь пока я — ещё не бог знает какой великий художник...

Лодка быстро разрезала гладь воды. Лодочник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубахе, без усталости работал вёслами, то нагибаясь вперёд, то откидываясь назад. Солнце закатывалось и так эффектно играло на его загорелом лице, что мне захотелось набросать его.

— Перестань грести, посиди минутку смирно, я тебя напишу, — сказал я.

Он бросил вёсла.

— Ты сядь так, будто вёсла занозишь.

Он взялся за вёсла, взмахнул ими, как птица крыльями, и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур. С каким-то особенным радостным чувством я смешивал краски.

Лодочник скоро начал уставать: его удалое выражение лица сменилось скучным, он стал зевать, складки рубахи совсем пропали.

Конечно, я не стал читать ему лекции о значении искусства, а только сказал, что за эти картины платят хорошие деньги. Лодочник был совершенно удовлетворён и больше не разговаривал. Эту работу вышло прекрасной (очень красивы эти горячие тона освещенного заходящим солнцем кумача), и я возвратился домой совершенно счастливым.

№ 49

Перед охотой

Покамест дорога шла близ болот, в виду соснового леса, всё время отклоняясь вбок, мы зачастую вспыхивали целые выводки уток, приютившихся здесь.

Мой спутник провожал глазами каждую птицу и втайне обдумывал план нашей будущей охоты. Заметив где-нибудь утиные стаи, он просил шофёра остановиться, и мы подолгу и вволю любовались не в меру беспечными утками, плавающими посередине тростников.

Приятно было видеть такое обилие дичи, и мы вовсе не обращали внимания на мошек и комаров, которые вперемешку летали вокруг и облепляли нас, лишь только мы останавливались.

Движение вперемежку с остановками развлекало нас, несмотря на громадную потерю времени. Мой спутник признался, что нигде и никогда не видел такого множества дичи, и добавил, что эти места, знакомые ему до сих пор только понаслышке, поистине великолепны для охоты и по праву могут рассчитывать на широкую известность.

Наконец, миновав болота, мы пересекли небольшую, но глубокую речонку, которую без риска не перейдёшь вброд, и поехали в сторону. Мало-помалу дорога стала подниматься, и мы въехали

в лес, который предстояло пересечь поперёк. Нам хотелось поскорее выбраться из лесу.

А вокруг царила тишина. Сначала лес был не однородный, а смешанный, потом сплошь пошла одна сосна, да такая высокая, что впору корабельной мачте. Вплотную сомкнувшись своими вершинами, гигантские сосны непрерывно тянулись вдоль дороги, которую пересекали вылезавшие наружу корни. Сторона, по видимому, была глухая: везде виднелся лес, а полей по-прежнему не было.

Но вот сосна стала понемногу редеть, и сквозь стволы кое-где проглядывала невдалеке равнина. По-осеннему пахло сыростью. Вдали что-то блеснуло, но настолько неясно, что никак нельзя было рассмотреть, что это такое. Понапрасну всматривались мы вдаль: навстречу нам поднимался туман.

Тотчас после одного крутого поворота мы увидели мельничную плотину, из которой вкривь и вкось торчали пучки хвороста. Сама мельница была закрыта старыми ветками, усыпанными вороньими гнёздами, издали похожими на наросты.

При нашем приближении десятки ворон с резким криком разлетелись врассыпную, неожиданно залаяли собаки, и впервые за весь день мы остановились у человеческого жилья.

№ 50

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду — большая стеклянная оранжерея. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались лёгкие узорчатые арки, переплетённые между собою паутиной железных рам, в которые были вставлены стёкла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало её золотисто-красным огнём. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стёкла виднелись заключённые в ней растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплетались между собой; садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но и это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода: они были

уроженцы жарких стран, нежные роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали по ней.

Как ни прозрачна была стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда зимой стёкла замерзали и в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, рамы обындевели, крыша покрывалась наметённым снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, тёплый, влажный. В оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стёкла вставляли очень скоро: ботаническим садом управлял отличный учёный директор, не допускавший никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл её по-латыни. Но это имя не было её родным именем: его придумали ботаники. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили её: они завидовали ей. Этот рост доставлял ей только одно горе, потому что она лучше всех помнила своё родное небо и больше всех тосковала о нём, потому что ближе всех была к тому, что заменяло другим его: к гадкой стеклянной крыше.

№ 51

Между тем наступил вечер. Засветили лампы, которая, как луна, сквозила в трельяже с плющом. Сумрак скрыл очертания лиц и фигуры Ольги и набросил на неё как будто покрывало; лицо было в тени: слышался только мягкий, но сильный голос, с нервной дрожью чувства.

Она пела много арий и романсов, по указанию Штольца; в одних выражалось страдание, в других — радость, но в звуках уже таился зародыш грусти.

Ольга в строгом смысле была не красавица, то есть не было ни белизны в ней, ни яркого колорита щёк и губ, и глаза не горели лучами внутреннего огня; ни кораллов на губах, ни жемчуга во рту не было, ни миниатюрных рук, как у пятилетнего ребёнка.

Но если б её обратить в статую, она была бы статуя грации и гармонии. Несколько высокому росту отвечала величина головы, величине головы — овал и размеры лица. Кто ни встречал её, даже рассеянный, и тот на мгновенье останавливался перед этим так строго и обдуманно, артистически созданным существом.

Нос образовывал чуть заметно выпуклую, грациозную линию; губы тонкие и большею частию сжатые: признак непрерывно устремлённой на что-нибудь мысли. То же присутствие говорящей мысли светилось в зорком, всегда бодром, ничего не пропускающем взгляде тёмных, серо-голубых глаз. Брови придавали особенную красоту глазам: они не были дугообразны, не округляли глаз двумя тоненькими ниточками — нет, это были две русые, пушистые, почти прямые полоски, которые лежали симметрично.

Обломов вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слёзы, и ещё труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик. Давно не чувствовал он такой бодрости, такой силы, которая, казалось, вся поднялась со дна души, готовая на подвиг.

Он в эту минуту уехал бы даже за границу, если б ему оставалось только сесть и уехать. В заключение она запела «Каста дива»; все восторги, молнией несущиеся мысли в голове, трепет, как иглы, пробегающий по телу, — всё это уничтожило Обломова: он изнемог.

Он не спал всю ночь: грустный, задумчивый проходил он взад и вперёд по комнате; на заре ушёл из дома, ходил по Неве, по улицам, бог знает что чувствуя, о чём думая...

№ 52

В лесу стояла та особенная тишина, которая бывает только осенью. Неподвижно висели мохнатые ветви, не качалась ни одна вершина, не слышалось ничьих шагов, лес стоял молча, задумчиво, прислушиваясь к своей собственной вековой думе.

И когда, отломившись от родного дерева, мёртвая сухая веточка падала, переворачиваясь и цепляясь пожелтевшими иглами за живые, чуть вздрагивающие ветви, было далеко слышно.

Вверху не было видно печального северного неба, хмуρο закрывала его густая хвоя, и, как колонны, могуче вздымались вверх красные стволы гигантских сосен. Царил покой безлюдья, точно под огромным тёмным сводом молчаливых колонн.

Между стволами, которые сливались воедино, мелькало что-то живое. Кто-то беззвучно шёл, и прошлогодняя хвоя, толсто застлавшая землю, мягко поглощала шаги. Сосны расступились и опять смыкались в сплошную красную стену.

Мальчик лет двенадцати, туго подпоясанный кожаным ремнём, за которым торчал топор, в огромных, должно быть отцовских, сапогах, наклонялся, приседал на корточки, что-то цеплял за ветки и стволы, и, когда шёл дальше, позади на земле оставался целый ряд волосяных петель, и в них краснели прицепленные ягоды.

Мальчик ставил силки, внимательно запоминая местность в лесной чащобе.

Молчаливый лесной сумрак посветлел в одной стороне, и меж деревьев блеснул водный простор. С крутого песчаного берега открылось озеро. Необозримо уходило оно, отодвинув леса до синего горизонта, и изумрудно-зелёные острова бесчисленными стаями покрывали светлое лицо его. Узкими протоками оно тянулось в другие соседние озера, на сотни вёрст растянувшиеся по бескрайнему, молчаливому, суровому краю, с одной стороны которого катило тяжёлые холодные волны Белое море, с другой — морозной мглой дышали ледяные поля Северного океана.

Бесчисленные стада уток, гусей и всякой пролётной водяной и болотной птицы с криком и шумом возились на воде, заслоняя и воду, и далеко виднеющийся лес, и изумрудно-зелёные острова.

Мальчик с минутой постоял и пронзительно два раза свистнул. Озеро ожило. Как будто множество людей засвистало и отозвалось со всех сторон, и над водой, всё ослабевая, понеслись замирающие тонкие звуки. Птица рванулась, взрывая воду, шумом заглушая умирающее эхо.

№ 53

Четыре часа пополудни; день жаркий, но воздух чист и ароматен. Солнце усердно нагревает тёмно-серые стены большого, неуклюжего дома, стоящего вдали от прочих деревенских изб. Об архитектуре можно сказать одно: вероятно, он был недостроен, когда его покрыли крышей. Окна, маленькие и редкие, наглухо заперты. У дома есть и сад, но он несколько не защищает его от солнца; кроме кустов сирени да акаций, не видно в нём никаких деревьев. Впрочем, в нём найдётся всё для деревенского

сада: крытая аллея из акаций, несколько скамеек, расставленных на дурно выметенных дорожках, в стороны — гряды с клубникой. Полусгнившая терраса с колоннами и деревянными перилами, выкрашенными белой краской, выходит в сад, и от неё тянется дорожка к небольшой речонке, через которую перекинут дощатый мостик, сгнивший местами.

Вступив в дом, мы увидим одну из главных комнат, необыкновенно широкую и низкую, с полом, выкрашенным густо-коричневой краской, с закопчённым потолком. Высокие стулья, выкрашенные белой краской, с соломенными подушками, привязанными к сиденью, жались плотно друг возле друга, окаймляя стены. Посредине комнаты — обеденный круглый стол с бесчисленными тоненькими ножками. В углу против окон — массивный флигель; на жёлтой закопчённой стене — барометр, оправленный в чёрное дерево.

Под монотонный стук маятника по комнате ходила женщина пожилых лет, с лицом бледным и суровым. Закинув руки назад, она прохаживалась тяжёлой поступью, погружённая в раздумье. Её полутраурный туалет гармонировал с мрачностью комнаты: он состоял из тёмного ситцевого капота и бархатной пелеринки с бахромой.

У окна сидела девушка. Ситцевое полинялое светленькое платье с короткими рукавами оттеняло красивые руки. Коса её, очень густая, спускалась на затылок. Черты лица были небольшие, исключая глаза — ясные и смелые; в очертании красивых губ, несмотря на детское ещё выражение всего лица, чувствовалось уже столько энергии, что вы невольно догадались о силе характера. Гармония господствовала во всей фигуре девушки, начиная с огненных её глаз до красивых пальцев, которыми она работала бисером на бумаге, — занятие, придуманное для потери зрения.

№ 54

Мохнатые сизые тучи, словно разбитая стая испуганных птиц, низко несутся над морем. Пронзительный, резкий ветер с океана то сбивает их в тёмную сплошную массу, то, словно играя, разрывает и мечет, громоздя в причудливые очертания.

Побелело море, зашумело непогодой. Тяжко встают свинцовые воды и, клубясь клокочущей пеной, с глухим рокотом катятся в

мглистую даль. Ветер злобно роется по их косматой поверхности, далеко разнося солёные брызги. Вдаль излучистого берега колоссальным хребтом массивно поднимаются белые зубчатые груды нагромождённого на отмелях льда. Точно титаны в тяжёлой схватке накидали эти гигантские обломки.

Ветер гудит между стволами вековых сосен, наклоняет стройные ели, качая их острыми верхушками и осыпая пушистый снег с печально поникших зелёных ветвей. Сдержанная угроза угрюмо слышится в этом ровном глухом шуме, и мёртвой тоской веет от этого дикого безлюдья. Бесследно проходят седые века над этой молчаливой страной, а дремучий лес стоит, точно в глубокой думе, качает тёмными вершинами. Ещё ни один его могучий ствол не упал под дерзким топором лесопромышленника: топи да непроходимые болота залегли в его тёмной чашобе. А там, где столетние сосны перешли в мелкий кустарник, мёртвым простором потянулась безжизненная тундра и потерялась бесконечной границей в холодной мгле низко нависшего тумана.

На сотни вёрст ни дымка, ни человеческого следа. Только ветер крутит порошу да мёртвая мгла низко-низко стелется над снеговой пустыней.

Раз в год и сюда заходит беспокойный человек, нарушая угрюмое безлюдье дикого побережья. Каждый раз, как ударит лютый мороз и проложат крепкие дороги через топи, а на море в мглистой дали обрисуются беспорядочные очертания полярных льдов, — с далёких берегов речки Мезени и из прибрежных селений, скрипя железными полозьями по насквозь промерзшему снегу, тянутся оригинальные обозы: низкие ветвисторогие северные олени, запряжённые в длинные чёрные лодки на полозьях, рядом с которыми широко шагают косматые белые фигуры.

И с угрюмой досадой видит старый лес, как раскидываются станом на несколько вёрст незванные гости.

№ 55

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из московских литературных ассоциаций, которая сокращённо именовалась МАССОЛИТ, и редактор толстого

журнала, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Поньрёв, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Писатели, попав в тень чуть зеленеющих лип, первым делом бросились к пёстро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды».

Да, следует отметить первую странность этого страшного вечера. Нигде: ни у будочки, ни во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, — не оказалось ни одного человека. В этот час, когда, кажется, и сил не было дышать и когда солнце, раскалив Москву, валилось куда-то за Садовое кольцо, никто не пришёл под липы — аллея была пуста. Литераторы, напившись тёплой абрикосовой и немедленно начав икать, уселись на скамейке.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, и сердце его, стукнув, на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нём. Берлиоза, кроме того, охватил необоснованный страх, столь сильный, что ему захотелось тотчас же, не оглядываясь, бежать с Патриарших.

И тут из знойного воздуха, сгустившегося перед ним, возник прозрачный гражданин престранного вида. Не привыкший к необыкновенным явлениям, Берлиоз побледнел и, вытаращив глаза, в смятении подумал: «Этого не может быть!» Но это, увы, было, и длинный гражданин, сквозь которого видно, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо. Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза, а когда открыл их, увидел, что всё кончилось: марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

№ 56

Внезапно всё смолкло, и головы повернулись в одну сторону.

По степи, стелясь к самому жнивью, вытягиваясь в нитку, скакал вороной, а на нём седок в красно-пёстрой рубахе навалился грудью и головой на лошадиную гриву, опустив по обеим сторонам руки. Ближе. Ближе. Видно, как изо всех сил рвётся обезумевшая лошадь. Бешено отстаёт пыль. Хлопьями пены белоснежно занесена грудь. Потные бока взмылились. А седок, всё так же уронив голову, шатается в такт лошади.

В степи опять зачернело. По толпе пробежало: «Второй скачет!»

Вороной доскакал, храпя и роняя белые клочья, и сразу перед толпой осел, покотившись на задние ноги; всадник в полосато-красной рубахе, как куль, перевернулся через лошадиную голову и глухо плюхнулся о землю, раскинув руки и неестественно подогнув голову.

Одни кинулись к упавшему, другие к вздыбившейся лошади, чёрные бока которой были липко-красные. «Да это Охрим!» — закричали подбежавшие, бережно расправляя стынувшего. На плече и груди кроваво зияла сечёная рана, а на спине чёрное закипевшееся пятнышко.

Подскакал второй. Лицо, потная рубаха, руки, босые ноги — всё было в пятнах крови. Он спрыгнул с шатающейся лошади и бросился к лежащему, по лицу которого неотвратимо потекла прозрачно-восковая желтизна. Потом быстро стал на четвереньки, приложил ухо к залитой кровью груди, и сейчас же поднялся, и стоял над ним, опустив голову: «Сын! Мой сын!»

Он постоял над мертвецом уронив голову. А в неподвижной тишине все глаза смотрели на него.

Он пошатнулся, впустую хватаясь руками, потом схватил узды лошади и стал садиться на всё так же вздрагивавшую потными боками лошадь, судорожно выворачивавшую в торопливом дыхании кровавые ноздри.

И вот уже топот пошёл по степи, удаляясь. Он во всё плечо ударил плетью, и лошадь, покорно вытянув мокрую шею, прижав уши, пошла карьером. Тени ветряных мельниц косо и длинно погнались за ним через всю степь.

№ 57

Волшебные чёрные кони, утомившись, несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая её сзади, притих даже неугомонный Бегемот и, вцепившись крепко-накрепко в седло когтями, летел молчаливый и серьёзный, распустив свой хвост. Ночь, закрыв иссиня-чёрным платком леса и луга, зажгла где-то далеко внизу печальные огонёчки, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, — чужие огоньки. Ночь то, обгоняя кавалькаду, сеялась на неё сверху

и выбрасывала в загрузившем небе белые пятнышки звёзд, то летела рядом и, хватая скачущих за плащи, сдирала их с плеч, разоблачая обманы. И, когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели.

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозваного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом. На месте того, кто в драной одежде покинул Воробьёвы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золочёной цепью повода, тёмно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом.

Ночь оторвала пушистый хвост у Бегемота и, содрав с кота шерсть, расшвыряла её клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он, летел беззвучно, подставив своё молодое лицо под свет, льющийся от луны. Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо: исчез бесследно нелепый безобразный клык, и криволазие оказалось фальшивым. У Азazelло оба глаза, пустые и чёрные, были одинаковые и лицо белое и холодное. Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер. Его волосы, белеющие при луне, сзади собрались в косу, и она летела по ветру. Подобно юноше демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то бормотал сам себе по привычке, приобретённой в комнате № 118.

И наконец, Воланд летел тоже в своём настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что самый конь — только глыба мрака, грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звёзд. Так летели они в молчании долго...

№ 58

Василий Петрович, встав со стула, чувствовал себя в полном порядке. Однако ноги не совсем повиновались ему, и он не мог держать подсвечник так, чтобы стеарин не капал на ковёр. Но, несколько справившись с непослушными членами, он пошёл за

Кудряшовым. Они прошли несколько комнат, коридор, узкий и тёмный, и очутились в каком-то сыром помещении. Шаги глухо стучали по каменному полу. Шум падающей где-то струи воды звучал бесконечным аккордом. С потолка висели сталактиты из туфа; целые искусственные скалы возвышались здесь и там. Масса тропической зелени прикрывала их, а в некоторых местах блестели тёмные зеркала.

— Что это такое? — спросил Василий Петрович.

— Аквариум, которому я посвятил два года, — ответил Кудряшов.

Он скрылся за зелень, и Василий Петрович подошёл к зеркальному стеклу и стал рассматривать, что было за ним. Вдруг поток ослепительного света заставил его закрыть глаза, и когда он открыл их, то не узнал аквариума. Кудряшов в двух местах зажёл электрические фонари: свет их проходил сквозь массу голубоватой воды, кишашую рыбами, наполненную растениями, резко выделявшимися на неопределённом фоне своими кроваво-красными и грязно-зелёными силуэтами. Скалы и тропические растения, сделавшиеся ещё темнее, красиво обрамляли толстые золочёные стёкла, сквозь которые была видна внутренность аквариума. В нём всё закопошилось, бешено заметалось, испуганное ослепительным светом: стая большеголовых бычков носилась туда и сюда, поворачиваясь точно по команде; стерляди извивались, прильнув мордой к стеклу, точно хотели пройти через стеклянную преграду; смешная каракатица отцепилась от скалы, на которой сидела, и плыла задом-наперёд, волоча за собой длинные причудливые щупальца.

Маленькая рыбка порывисто металась вверх и вниз и в стороны, спасаясь от какого-то длинного хищника. В смертельном страхе она выбрасывалась из воды, непрерывно пряталась под выступы скалы, а острые зубы везде её нагоняли. Хищная рыба уже была готова схватить её, как вдруг другая, подскочив сбоку, перехватила добычу: рыбка исчезла в её пасти. Преследовательница остановилась в недоумении, а похитительница скрылась восвояси.

— Это моя гордость и утешение, — промолвил Кудряшов. — Придёшь сюда, сядешь и смотришь. Я люблю всю эту тварь за то, что она откровенна, не так, как наш брат — человек.

№ 59

Четвёртого мая 1887 года я приехал в Кишинёв и через полчаса узнал, что через город проходит пехотная дивизия. Так как я приехал с целью поступить в какой-нибудь полк и побывать на войне, это надо было рассматривать как не что иное, как удачно представившийся случай. Седьмого мая, в 4 часа утра, я уже стоял на улице в серых рядах, выстроившихся перед квартирой полковника.

Музыка грянула: от полковника выносили развевающиеся знамёна. Раздалась команда, полк выровнялся и беззвучно сделал на караул. Потом поднялся ужасный крик: скомандовал полковник, за ним батальонные и ротные командиры. Следствием всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движение серых шинелей, кончившееся тем, что полк вытянулся в длинную колонну и мерно зашагал. Шагал и я, стараясь попасть в ногу и идти наравне с соседом. Ранец тянул назад, тяжёлые сумки — вперёд. Но, несмотря на все эти неприятности, музыка, стройное, тяжёлое движение колонны, раннее свежее утро, вид штыков и лиц, загорелых и суровых, — всё настраивало душу твёрдо и спокойно.

Нас влекла неведомая тайная сила: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушёл бы домой, но вся масса шла, повинувшись не дисциплине, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго ещё будет водить человечество на кровавую бойню — самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий.

За кладбищем открылась глубокая долина, уходившая в даль туманную. Дождь пошёл сильнее; кое-где, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный луч, тогда косые и прямые полосы дождя казались серебряными. Иногда тучи сдвигались: становилось темнее; дождь шёл чаще. Через час после выступления я почувствовал, как будто струйка холодной воды побежала у меня по спине.

Первый переход был невелик: всего восемнадцать вёрст от Кишинёва. Однако, с непривычки нести на себе такой груз, я, добравшись до отведённой нам хаты, сначала даже сесть не мог: прислонился ранцем к стене, да так и стоял минут десять не шевелясь, а потом уснул как убитый, проспав до четырёх часов утра.

Давно наступили длинные весенние сумерки, тёмные от дождевых туч, тяжёлый вагон грохотал в прохладном поле, — в полях весна была ещё ранняя, — шли кондуктора по коридору вагона, спрашивая билеты, а Митя всё ещё стоял возле дребезжащего окна, чувствуя запах Катинной перчатки.

Утром был Орёл, пересадка и провинциальный поезд возле дальней платформы. И Митя почувствовал: какой это простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, уже отошедшим куда-то в тридцатое царство. Поезд из Орла шёл не спеша. Митя не спеша ел тульский пряник, сидя в почти пустом вагоне.

Проснулся он только в Верховье. Поезд стоял, было довольно многолюдно, но тоже как-то захолустно. Приятно пахло чадом станционной кухни. Митя с удовольствием съел тарелку щей, потом опять задремал, — глубокая усталость напала на него. А когда он опять очнулся, поезд мчался по весеннему берёзовому лесу, в открытое окно пахло дождём и как будто грибами, а вдали уже мелькали по-весеннему печальные огоньки станции. Всё тонуло в необыкновенных мягких сумерках, и опять Митя дивился и радовался: как спокойна, проста, убога деревня. Тарантас нырял по ухабам, дубы за двором богатого мужика высились ещё совсем нагие, неприветливые, чернели грачиными гнёздами. У избы стоял странный, как будто из древности, мужик: босые ноги, рваный армяк, баранья шапка на длинных прямых волосах.

Когда Митя, на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всём чистом, вышел из своей солнечной комнаты, — она была окнами в сад, на восток, — и прошёл по всем другим, то живо испытал чувство их родственности и мирной, успокаивающей и душу и тело простоты. Везде всё стояло на своих прежних местах, как и много лет тому назад, и так же знакомо и приятно пахло; везде к его приезду всё было прибрано. Веснушчатая девка домывала только гостиную, примыкавшую к лакейской, как её называли ещё до сих пор.

Горничная Параша, босая, белоногая, шла по залитому полу и сказала дружественно-развязной скороговоркой, вытирая пот с разгоревшегося лица: «Идите кушайте чай, мамаша ещё до свету уехала на станцию со старостой, вы, наверное, и не слышали...»

№ 61

Десятого марта с вечера пал над Гремячим Логом туман, до утра с крыш куреней журчала талая вода, с юга, со степного гребня, шёл тёплый и мокрый ветер. Первая ночь, принявшая весну, стала над Гремячим, окутанная чёрными шелками наплывавших туманов, тишины, оваянная вешними ветрами. Поздно утром взмыли порозовевшие туманы, оголив небо и солнце, с юга уже мощной лавой ринулся ветер; стекая влагой, с шорохом и гулом стал оседать крупнозёрный снег, побурели крыши, чёрными пятнами покрылась дорога; а к полудню яростно всклокоталась светлая, как слёзы, нагорная вода и бесчисленными потоками устремилась в низины, в сады, омывая горькие корневища вишенника, топя прибрежные камыши.

Дня через три уже оголились доступные всем ветрам бугры, промытые до земли склоны засияли влажной глиной, нагорная вода помутилась и понесла на своих вскипающих волнах жёлтые шапки пышно взбитой пены, вымытые хлебные корневища, сухие выволочки с пашен.

В Гремячем Логу вышла из берегов речка. Откуда-то с верховьев её плыли источённые солнцем голубые льдины. На поворотах они выбивались из русла, кружились и тёрлись, как огромные рыбы на нересте. Иногда струя вымётывала их на берег, а иногда льдина, влекомая впадавшим в речку потоком, относилась в сады и плыла между деревьями, со скрежетом налезая на стволы, круша садовый молодняк, рая яблони, пригибая густейшую поросль вишенника.

За хутором призывно чернела освобождённая от снега зябь. Взороченные лемехами пласты тучного чернозёма курились на солнце паром. Великая благостная тишина стояла в полуденные часы над степью. Над пашнями — солнце, молочно-белый пар, волнующий выщелк раннего жаворонка да манящий клич журавлиной стаи, вонзающейся грудью построенного треугольника в густую синеву безоблачных небес. Над курганами, рождённое теплом, дрожит, струится марево; острое зелёное жало травяного листка, отталкивая прошлогодний отживший стебелёк, стремится к солнцу. Высушенное ветром озимое жито словно на цыпочках поднимается, протягивая листки навстречу солнечным лучам. Но ещё мало живого в степи, не проснулись от зимней спячки сурки

и суслики, в леса подался зверь, изредка пробежит по старику бурьяну полевая мышь да пролетят разбившиеся на брачные пары куропатки.

№ 62

Стоит Сорока на льдине, в руках длинный багор держит и пристально смотрит в холодную даль. Рыбак застыл в напряжённом ожидании. Все приметы к тому, что быть промыслу: птица кричит, с моря низко по ветру летит и ветер-глубник встал. И зорко всматривается он в холодную даль, старается разглядеть, нет ли добычи.

Отовсюду ползли безжизненные серые зимние сумерки, заволакивая пустынный берег. Там и сям из-за массивных ледяных глыб виднелись фигуры, напряжённо всматривающиеся вдаль.

Ветер зашумел, разорвал туман и колеблющейся пеленой отнёс безжизненную мглу к самому горизонту. Тяжело надвигались ледяные поля, и смешанный гул висел над ними, непохожий на морской прибор.

Огляделся Сорока, видит: день совсем кончается. Сквозь разорванную мглу скользнул последний безжизненный луч, заиграл мириадами искорок, отразился во льду и на мгновение бледно осветил и глухо рокочущее льдистое море, и этот бесприютный, одетый печальным саваном берег, и сотни разбросанных вдоль него человеческих фигур.

Первые воды прилива добежали до берега. Смолкли шумевшие до того волны. И как придвинулись ледяные поля к самому берегу — гул пошёл окрест. Послышалось могучее шипение, шорох, треск ломающихся глыб, словно надвигалось стоногое чудовище. Передовые льдины, сжатые тяжело напиравшей массой, рассыпая белую пыль, ползли на вершину, громоздились в причудливые горы. Движение ледяной массы, встретив преграду, превратилось в колоссальную энергию разрушения: в несколько минут вдоль всего берега ломаными очертаниями тяжело поднялись новые громады.

Сорока спустился на лёд одним из первых. Прыгая со льдины на льдину, скользя, проваливаясь по пояс в наметённый ветром снег и лёд, он бежал вперёд. Ледяные обломки с грохотом валились по его следам. Всем его существом овладела одна мысль,

неотступная, напряжённая, как дрожащая струна, отдававшаяся в груди: «Кабы напасть, поспеть... Царь небесный!» Осколки льда брызгами летели из-под ног. Ветер свистел в ушах и бил в лицо ледяными иглами, одевая бороду и усы пушистым инеем. А он ничего не замечал и бежал бешено вперёд.

№ 63

Мы возвращались с охоты с далеко не заурядной добычей — восемьюдесятью четырьмя дикими утками, настрелянными в течение нескольких часов. Обессилев от охоты и совершённого пути, мы разместились для отдыха под старым вязом и товарищески стали угощать друг друга съестными припасами, взятыми из дому.

Солнце, почти невидимое сквозь свинцово-чёрные тучи, обложившие небо, стоит высоко над горизонтом. Дальше серебристые горы, обвешанные мглой, кажутся диковинными. Лёгонький ветерок колышет травы, не успевшие засохнуть. Сквозь ветви деревьев виднеется тёмно-синее небо, а на сучочках кое-где висят золочёные листья. В мягком воздухе разлит пряный запах, напоминающий запах вина.

Неожиданно низкие, чёрные тучи с необыкновенной быстротой поплыли по небу. Нужно не медля убираться из лесу, чтобы в пору укрыться и не вымокнуть под ливнем. К счастью, недалеко избушка лесного объездчика, в которой приходится задержаться на добрых полчаса.

Но вот отблестали молнии, отгрохотал гром. Яростный ливень вначале приостановил, а затем и вовсе прекратил свою трескотню. Стихии больше не спорят, не ссорятся, не борются. Расстроенные полчища туч уносятся куда-то вдаль.

На очищающемся небе резко вырисовывается чуть-чуть колышущаяся верхушка старой берёзы. Из-за облачка вот-вот выглянет солнышко. Осматриваешься вокруг и поражаешься, как мгновенно после дождя преобразается всё окружающее.

Освежённая рожь благодарно трепещет. Всё живое суетится и мечется. Над камышом ручья кружатся тёмно-синие стрекозы. Шмель что-то жужжит не слушающим его насекомым, уже не чувствующим опасности. Из ближних рош, с пашен и пастбищ — отовсюду доносится радостная птичья разноголосица.

Любезно простившись с уже не молодой хозяйкой, женой объездчика, мы отправляемся в путь. В какой-нибудь полусотне метров от избушки узенький, но быстрый ручей, вытекающий из лесной чащобы. Его не перепрыгнешь и вброд не перейдёшь. Ищем перехода. Наконец находим шаткий дощатый мостик, по которому можно пройти только поодиночке. Неукатанной дорогой идём по лесоразработке, простирающейся на несколько километров. На пути попадаются вперемежку то ещё не сложенные в ряд дрова, то не распиленные восьмиметровые сосновые брёвна.

Выйдя из леса, мы сначала следуем по уже езженному просёлку, а затем по асфальтированному шоссе, заменившему старую немощёную дорогу. Ещё один километр, и мы дома.

№ 64

Месторождение бокситов

Все участники экспедиции были налицо, и наш руководитель объявил: «В субботу мы летим в Свердловск. Ознакомьтесь по карте с периферией области и приготовьтесь к дороге. Самолёт поведёт небезызвестный лётчик Птицын».

Геннадий Кузьмич Птицын — авиатор-энтузиаст, не раз проявлявший удивительное бесстрашие во время трансевропейских и трансатлантических полётов, беспристрастный водитель, влюблённый в свою профессию. По внешности Птицын — типичный уралец: блондин, низкого роста, коренастый, с обветренным и загорелым лицом. Он с лёгким презрением относится к людям, которые не восторгаются достижениями современной авиации.

У нашей экспедиции немало задач, но основное задание — исследовать месторождение бокситов на Северном Урале для вновь строящегося алюминиевого завода у города Каменск-Уральского.

По прибытии на место назначения мы, разбившись на небольшие группки, отправляемся к бокситам. В течение нескольких часов приходится пробираться дремучим, густым лесом. По обеим сторонам извилистой дорожки растёт кудреватый папоротник, в глубине разрослись какие-то диковинные, причудливые травы. Разговоры замирают, а мы, очарованные, молча идём в глубь чащобы. Слышен только шорох и шёпот листвы, жужжание насекомых и птичьи голоса.

В пол-одиннадцатого мы находимся в полумиле от месторождения, но кто-то предлагает отдохнуть, с чем нельзя не согласиться. Быстро собираем валежник, разжигаем костёр. Пахнет жжёной хвоей, едкий дымок синеватыми струйками поднимается вверх. Через полчаса, в продолжение которых никому не хочется двинуться с места, мы получаем кипячённую в нашем неизменном спутнике-чайнике воду для чая, варённый на пару и печённый в золе картофель.

На огонёк откуда-то прибежали деревенские мальчишки и девчонки, а с ними молоденький щенок, похожий на волчонка. Мы предлагаем ребятам присоединиться к нашей компании, расположиться у костра. Рыжий веснушчатый мальчонка задумал достать из пепла самую большую печёную картофелину и ожёг себе руку. Зоенька и Олечка, члены нашей экспедиции, быстро и по-хозяйски смазали ожог вазелином.

— Пора двигаться, товарищи! Если удастся, а наше намерение не может не удалиться, сегодня мы обследуем месторождение бокситов, — сказал наш руководитель.

Вскоре мы убедились, что он рассчитал верно, правильными оказались и расчёты наших профессоров и преподавателей.

№ 65

На охоте

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо было ясно; утренняя заря не пылала жаром, а разливалась кротким румянцем. Солнце, ещё не раскалённое, как во время знойной засухи, но тускло-багровое, как перед бурей, светлое и приветливо-лучезарное, всплывало над длинной тучкой, освежая её. Тучка блистала, и блеск её был подобен блеску кованого серебра. В такие дни около полудня обыкновенно появляются высокие облака; они почти не трогаются с места, но далее, к небосклону, они сдвигаются, и кое-где между ними пробиваются сверху вниз сверкающие солнечные лучи.

Точь-в-точь в такой день я охотился за тетеревами. В течение дня я настрелял довольно много дичи; наполненный рюкзак немилосердно резал мне плечо. Вечерняя заря погасла, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами восходящего

солнца, начали густеть и разливаться холодные тени. Быстрыми шагами прошёл я кусты, взобрался на небольшой холм и вместо ожидаемой знакомой равнины с белой церковью в отдалении увидел совершенно другие, незнакомые мне места. У ног моих тянулась узкая долина, а справа возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении и оглянулся. «Да, — подумал я, — куда же это я попал? Видимо, я чересчур забрёл влево». Я поскорее выбрался на другую сторону холма и пошёл, забирая вправо. Я добрался до леса, но там не было никакой дороги: какие-то нескошенные низкие кусты широко расстилались передо мной, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле.

Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча. Всё кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали. Небольшая птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я уже с трудом различал отдалённые предметы, только одно поле белело вокруг. Я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной ложине. Я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл прямо, по звукам, наугад.

Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги.казалось, что отроду не бывал я в таких пустынных местах: нигде не было видно ни огонька, не слышно ни звука. Бесконечно тянулись поля, кусты, словно из-под земли вставали перед самым моим носом. Я уже собирался прилечь где-нибудь до утра, как неожиданно узнал, куда я зашёл. Эта местность была известна у нас под названием Бежин Луг.

№ 66

Над портом стоит потемневшее от пыли, мутно-голубое небо. Жаркое солнце смотрит в зеленоватое море, точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти не отражается в воде, рассекаемой ударами вёсел, парходных винтов, острыми киями судов, борющихся с высокими морскими волнами. Они, закованные в гранит, бьются о борта судов и ропщут, вспененные, загрязнённые разным хламом. Звон якорных цепей, грохот сцепленных вагонов,

металлический вопль железных листов, падающих откуда-то на немощёную мостовую, крики тружеников-грузчиков, юных матросов и таможенных солдат — все эти звуки сливаются в оглушительную музыку рабочего дня. Но голоса людей еле-еле слышны в нём, слабы и смешны. И сами люди, первоначально родившие этот шум, работающие на износ и живущие впроголодь, смешны и жалки. Потные, оборванные, согнутые под тяжестью товаров, они суетливо бегают в тучах пыли. Люди ничтожны по сравнению с окружающими их колоссами, грудами товаров, гремящими вовсю вагонами. Созданное ими поработило и обезличило их.

Стоя под парами, тяжёлые пароходы-гиганты свистят, шипят, и в звуке, рождённом ими, чудится насмешливая нота презрения к серым, пыльным фигурам людей. Длинные вереницы грузчиков, несущих на своих плечах тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка. Вот так бок о бок и уживаются друг с другом рваные, потные, отупевшие от усталости, шума и зноя люди и могучие, блестящие на солнце машины, созданные этими людьми.

Раздалось одиннадцать ударов в колокол. Когда последний звук замирал, страстная музыка труда звучала уже тише. Наступало обеденное время. Грузчики, бросив работать, рассыпались по гавани шумными группами. Вдруг появился Гришка Челкаш, старый травленный волк, несомненно хорошо знакомый всем в этой местности. Он был бос, в старых, поношенных штанах, в грязной ситцевой рубахе с разорванным воротом. Длинный, немного сутулый, он медленно шагал по дощатому тротуару и, поводя своим горбатым хищным носом, кидал вокруг себя острые взгляды. Он как будто высматривал кого-то. Его густые и длинные усы то и дело вздрагивали, как у кота, а заложенные за спину руки потирали одна другую. Даже здесь, среди сотен таких же, как и он, босяцких фигур, он сразу обращал на себя внимание своим сходством с ястребом. В этой бешеной суতোлке порта Челкаш чувствовал себя прекрасно. Впереди ему улыбался солидный заработок, требующий немного труда и много ловкости. Он мечтал о том, как загуляет завтра поутру, когда в его кармане появятся кредитные бумажки.

Содержание

Предисловие.....	3
I. Словарные диктанты.....	4
Безударные гласные в корне слова.....	4
Чередующиеся гласные в корне.....	8
Гласные после шипящих и <i>Ц</i>	10
Употребление букв <i>Э, Е</i>	12
Звонкие и глухие согласные.....	13
Непроизносимые согласные.....	14
Двойные согласные.....	15
Употребление <i>Б</i> во всех частях речи и формах слов.....	17
Гласные <i>Ы, И</i> в корне после приставок.....	20
Правописание приставок.....	21
Правописание слов с <i>ПОЛ-</i> , <i>ПОЛУ-</i>	25
Правописание <i>Н</i> и <i>НН</i> в словах различных частей речи.....	26
Правописание имен числительных.....	31
Правописание сложных слов.....	32
Правописание наречий.....	34
Правописание <i>НЕ</i> и <i>НИ</i>	39
Правописание предлогов, союзов, частиц.....	43
II. Орфографические диктанты.....	45
III. Пунктуационные диктанты.....	79
IV. Комплексные диктанты.....	156
Ключи.....	223
I. Словарные диктанты.....	223
II. Орфографические диктанты.....	239
III. Пунктуационные диктанты.....	272
IV. Комплексные диктанты.....	349

По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс: (495) 785-15-30, e-mail: trade@airis.ru
Адрес: Москва, пр. Мира, 104

Наш сайт: www.airis.ru

Книги издательства «АЙРИС-пресс» можно приобрести в магазине
ДОМ КНИГИ НА ЛАДОЖСКОЙ
по адресу: г. Москва, ул. Ладужская, д. 8 (м. «Бауманская»).

Тел. (499) 221-77-33

Интернет-магазин: www.dom-knigi.ru

доставка по почте во все уголки России и зарубежья.

Режим работы: понедельник – суббота с 9 до 21 часа,
воскресенье с 10 до 20 часов, без перерыва

Издательство «АЙРИС-пресс» приглашает к сотрудничеству
авторов образовательной и развивающей литературы.

По всем вопросам обращаться
по тел.: (495) 785-15-33, e-mail: editor@airis.ru

Адрес редакции: 129626, Москва, а/я 66

Учебное издание

Ткаченко Наталья Григорьевна

**300 ДИКТАНТОВ
ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ**

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Художественный редактор *А. М. Драговой*
Оформление обложки *О. А. Сторожевских*
Технический редактор *В. А. Артемов*
Компьютерная вёрстка *Г. В. Доронина*
Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 23.06.11. Бумага офсетная. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 7000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
129626, г. Москва, проспект Мира, д. 104.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт»

170546, Тверская обл., Калининский р-н,
торгово-промышленная зона Боровлево-1, № 3 «А»
www.pareto-print.ru